

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

10-й год издания

№ 4-5

Апрель — Май 1940 г.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПО ВОПРОСАМ ГРАЖДАНСКОЙ ИСТОРИИ

Шестая сессия Верховного Совета СССР 1-го созыва

Доклад о внешней политике Правительства Председателя Совета Народных Комиссаров и Народного Комиссара Иностранных Дел тов. В. М. Молотова на заседании Верховного Совета Союза ССР 29 марта 1940 года.

Товарищи депутаты!

Со времени последней сессии Верховного Совета прошло пять месяцев. За этот небольшой период произошли события, имеющие первостепенное значение в развитии международных отношений. В связи с этим необходимо рассмотреть на настоящей сессии Верховного Совета вопросы, относящиеся к нашей внешней политике.

Последние события в международной жизни необходимо рассматривать, прежде всего, в свете войны, начавшейся в Центральной Европе осенью прошлого года. В войне между англо-французским блоком и Германией до сих пор не было крупных сражений, и дело ограничивалось отдельными столкновениями, главным образом на море, а также в воздухе. Известно, однако, что выраженное еще в конце прошлого года стремление Германии к миру было отклонено правительствами Англии и Франции, ввиду чего, с обеих сторон, подготовка к развертыванию войны еще больше усилилась.

Германия, объединившая за последний период до 80 миллионов немцев, поставившая под свое господство некоторые соседние государства, и во многом усилившаяся в военном отношении, стала, как видно, опасным конкурентом главных империалистических держав в Европе — Англии и Франции. Поэтому, под предлогом выполнения своих обязательств перед Польшей, они объявили войну Германии. Теперь особенно ясно видно, как далеки действительные цели правительств этих держав от

интересов защиты распавшейся Польши или Чехо-Словакии. Это видно уже из того, что правительства Англии и Франции провозгласили своими целями в этой войне разгром и расчленение Германии, хотя эти цели перед народными массами все еще прикрываются лозунгами защиты «демократических» стран и «прав» малых народов.

Поскольку Советский Союз не захотел стать пособником Англии и Франции в проведении этой империалистической политики против Германии, враждебность их позиций в отношении Советского Союза еще больше усилилась, наглядно свидетельствуя, насколько глубоки классовые корни враждебной политики империалистов против социалистического государства. Начавшуюся же в Финляндии войну англо-французские империалисты готовы были сделать отправным пунктом для войны против СССР, с использованием в этих целях не только самой Финляндии, но и скандинавских стран — Швеции и Норвегии.

Отношение Советского Союза к развертывающейся в Европе войне известно. Проникнутая миролюбием внешняя политика СССР и здесь была продемонстрирована с полной определенностью. Советский Союз сразу же заявил, что он стоит на позиции нейтралитета и неуклонно проводил эту политику в течение всего истекшего периода.

Крутой поворот к лучшему в отношениях между Советским Союзом и Германией нашел свое выражение в договоре о ненападении, подписанном в августе прошлого года. Эти новые, хорошие советско-германские отношения были проверены на опыте в связи с событиями в бывшей Польше и достаточно показали свою прочность. Предусмотренное еще тогда, осенью прошлого года, развитие экономических отношений получило свое конкретное выражение еще в августовском (1939 г.), а затем в февральском (1940 г.) торговых соглашениях. Товарооборот между Германией и СССР начал увеличиваться на основе взаимной хозяйственной выгоды, и имеются основания для дальнейшего его развития.

Наши отношения с Англией и Францией сложились несколько по-другому. Поскольку Советский Союз не пожелал стать орудием англо-французских империалистов в их борьбе за мировую гегемонию против Германии, нам на каждом шагу приходилось наткаться на глубокую враждебность их политики в отношении нашей страны. Наиболее далеко дело зашло в финляндском вопросе, на чем я остановлюсь позже. Но и других фактов враждебности французской и английской политики в отношении СССР за последние месяцы было не мало.

Достаточно указать, что французские власти не нашли ничего лучшего, как устроить два месяца тому назад полицейский налет на наше торгпредство в Париже. Произведенный в торгпредстве обыск, несмотря на все придирки, не дал никаких результатов. Он лишь оскандалил инициаторов этого безобразного дела и показал, что никаких реальных поводов для этого враждебного в отношении нашей страны акта не имелось. Как мы видим из обстоятельств дела, связанных с отзывом нашего полномочного представителя во Франции тов. Сурица, французское правительство ищет искусственных поводов, чтобы подчеркнуть свою недружелюбность в отношении Советского Союза. Чтобы было ясно, что Советский Союз не больше заинтересован в отношениях между обеими странами, чем Франция, мы отозвали тов. Сурица с поста полпреда во Франции.

Или возьмите такие примеры враждебных по отношению к СССР актов, как захват английскими военными судами на Дальнем Востоке двух наших пароходов, шедших во Владивосток с товарами, закупленными нами в Америке и Китае. Если добавить к этому такие факты, как отказ от выполнения наших старых заказов на промышленное оборудование в Англии, наложение ареста на денежные суммы торгпредства во Франции и многие другие, то враждебность действий английских и французских властей в отношении Советского Союза будет видна еще больше.

Были попытки оправдать эти враждебные в отношении нашей внешней торговли акты тем, что нашей торговлей с Германией мы помогаем последней в войне против Англии и Франции. Не трудно убедиться, что эти аргументы не стоят ломаного гроша. Для этого нужно сравнить СССР хотя бы с Румынией. Известно, что половину всего внешнего товарооборота Румынии составляет торговля с Германией, причем доля национальной продукции Румынии в экспорте в Германию, например, по таким основным товарам, как нефтепродукты и зерно, намного превышает долю национальной продукции СССР в нашем экспорте в Германию. Тем не менее, в отношении Румынии правительства Англии и Франции не прибегают к враждебным актам и не считают возможным требовать от Румынии прекращения торговли с Германией. Совсем другое отношение к Советскому Союзу. Следовательно, враждебные акты в отношении Советского Союза со стороны Англии и Франции объясняются не торговлей СССР с Германией, а тем, что у англо-французских правящих кругов сорвались расчеты насчет использования нашей страны в войне против Германии и они, ввиду этого, проводят политику мести в отношении Советского Союза.

Необходимо добавить, что все эти враждебные действия со стороны Англии и Франции проводились, несмотря на то, что Советский Союз не предпринимал до сих пор никаких недружелюбных действий в отношении этих стран. Приписываемые же Советскому Союзу фантастические планы каких-то походов Красной Армии «на Индию», «на Восток» и т. п. — такая очевидная дикость, что подобной нелепой брехне могут верить только люди, совсем выжившие из ума. (С м е х). Дело, конечно, не в этом. Дело, очевидно, в том, что политика нейтралитета, проводимая Советским Союзом, пришлась не по вкусу англо-французским правящим кругам. К тому же нервы у них, видимо, не совсем в порядке. (С м е х). Они хотят навязать нам другую политику — политику вражды и войны с Германией, политику, которая дала бы им возможность использовать СССР в империалистических целях. Пора бы этим господам понять, что Советский Союз не был и никогда не будет орудием чужой политики, что СССР всегда проводил и будет проводить свою собственную политику, не считаясь с тем, нравится это господам из других стран или не нравится. (Б у р н ы е, п р о д о л ж и т е л ь н ы е а п л о д и с м е н т ы).

Перехожу к финляндскому вопросу.

В чем смысл войны, развернувшейся в Финляндии на протяжении последних трех с лишним месяцев? Вы знаете, что смысл этих событий заключался в обеспечении безопасности северо-западных границ Советского Союза и, прежде всего, в обеспечении безопасности Ленинграда.

На протяжении октября и ноября месяцев прошлого года советским правительством велись переговоры с финляндским правительством о предложениях, осуществление которых в современной, все более накаляющейся международной обстановке, мы считали совершенно необходимым и неотложным для обеспечения безопасности страны и, особенно, для безопасности Ленинграда. Из этих переговоров ничего не вышло, ввиду занятой финляндскими представителями недружелюбной позиции. Решение вопроса перешло на поля войны. Можно с уверенностью сказать, что если бы в отношении Финляндии не было внешних влияний, если бы в отношении Финляндии было меньше подстрекательств к враждебной Советскому Союзу политике со стороны некоторых третьих государств, то Советский Союз и Финляндия уже осенью прошлого года мирно договорились бы между собою и дело обошлось бы без войны. Но, несмотря на то, что свои пожелания советское правительство свело к минимуму, дело не удалось кончить дипломатическим путем.

Теперь, когда военные действия в Финляндии окончились и подписан Мирный Договор между СССР и Финляндской Республикой, надо и можно судить о значении войны в Финляндии на основании неоспоримых

фактов. А эти факты говорят сами за себя. Эти факты говорят о том, что поблизости от Ленинграда, на всем Карельском перешейке, углубляясь на 50—60 километров, финляндские власти соорудили многочисленные и мощные железобетонные и гранитноземляные военные укрепления с артиллерией и пулеметами. Число этих укреплений исчисляется многими сотнями. Эти военные укрепления, особенно железобетонные сооружения, достигшие значительной военной мощи, имевшие подземные соединения, окруженные специальными противотанковыми рвами и надолбами из гранита и поддерживаемые устройством многочисленных минных полей, в совокупности составляли так называемую «линию Маннергейма», построенную под руководством соответствующих иностранных специалистов по типу «линии Мажино» и «линии Зигфрида». Следует отметить, что эти укрепления считались до наших дней неприступными, т. е. такими укреплениями, которые до сих пор еще ни одной армией не были сокрушены. Следует также отметить, что каждую деревушку в этих районах финские военные власти заранее старались превратить в укрепленный пункт, снабженный оружием, радиоантеннами, колонками для горючего и т. п. Во многих местах в южной и восточной Финляндии вплотную к нашей границе были проведены стратегические железнодорожные пути и шоссейные дороги, не имеющие никакого хозяйственного значения.

Коротко говоря, военные действия в Финляндии показали, что Финляндия и, прежде всего, Карельский перешеек, была уже к 1939 году превращена в готовый военный плацдарм для третьих держав для нападения на Советский Союз, для нападения на Ленинград.

Неоспоримые факты показали, что враждебность финляндской политики, с которой мы столкнулись осенью прошлого года, была не случайна. Враждебные Советскому Союзу силы подготовили против нашей страны и, прежде всего, против Ленинграда такой военный плацдарм в Финляндии, который при определенных, неблагоприятных для СССР внешних обстоятельствах должен был сыграть свою роль в планах антисоветских сил империалистов и их союзников в Финляндии.

Красная Армия не только сокрушила «линию Маннергейма» и тем покрыла себя славой, как первая армия, в труднейших условиях проложившая путь через большую мощную полосу вполне современных военных укреплений,— Красная Армия вместе с Красным Флотом не только сокрушила финляндский военный плацдарм, подготовленный для нападения на Ленинград, но и ликвидировала кое-какие антисоветские планы, взлелеянные на протяжении последних лет некоторыми третьими странами. (Продолжительные аплодисменты).

Насколько далеко зашла враждебность к нашей стране в правящих и военных кругах Финляндии, подготовлявших военный плацдарм против СССР, видно также из многочисленных фактов исключительного варварства и зверства со стороны белофиннов в отношении раненых и попавших в плен красноармейцев. Так, когда в одном из районов севернее Ладожского озера финны окружили наши санитарные землянки, где находилось 120 тяжело раненых, все они были уничтожены белофиннами, часть их сожжена, часть найдена с разбитыми головами, остальные заколоты или пристрелены. Несмотря на наличие смертельных ран, значительная часть погибших здесь, как и в других местах, имела следы пристрелов в голову и добивания прикладами, а часть убитых огнестрельным оружием имела ножевые раны, нанесенные финками в лицо. Некоторые трупы были найдены с отрубленными головами и головы не были обнаружены. В отношении попавших в руки белофиннов женщин-санитарок применялись специальные издевательства и невероятные зверства. В некоторых случаях трупы убитых приставлялись к деревьям вверх ногами. Все это варварство и бесчисленные зверства — плоды политики финляндской белогвардейщины, стремившейся раздуть в своем народе ненависть к нашей стране.

Так выглядит лицо финских защитников «западной цивилизации».

Не трудно видеть, что война в Финляндии была не просто столкновением с финскими войсками. Нет, здесь дело обстояло посложнее. Здесь произошло столкновение наших войск не просто с финскими войсками, а с соединенными силами империалистов ряда стран, включая английских, французских и других, которые помогали финляндской буржуазии всеми видами оружия и, особенно, артиллерией и самолетами, а также своими людьми под видом «добровольцев», своим золотом и всяким снабжением, своей бешеной агитацией во всем мире за всяческое раздувание войны против Советского Союза. К этому надо добавить, что в яростном вое врагов Советского Союза все время выделялись визгливые голоса всех этих протитуированных «социалистов» из II Интернационала (в е с е л о е о ж и в л е н и е в з а л е), всех этих Эттли и Блюмов, Ситриных и Жуо, Транмелей и Хеглундов — лакеев капитала, вконец продавших себя поджигателям войны.

Английский премьер Чемберлен, выступая 19 марта в палате общин, не только выразил злое сожаление в связи с тем, что не удалось помешать окончанию войны в Финляндии, перед всем миром вывернув, тем самым, наизнанку свою «миролюбивую» империалистическую душу (с м е х), но и дал что-то вроде отчета в том, как и чем именно английские империалисты стремились помочь разжиганию войны в Финляндии против Советского Союза. Чемберлен огласил список военных материалов, которые были обещаны и отправлены в Финляндию: было обещано 152 самолета, послано — 101 самолет; было обещано орудий — 223, послано — 114; было обещано снарядов — 297 тысяч, послано — 185 тысяч; пушек Виккерса было обещано — 100, послано — 100; было обещано авиационных бомб — 20.700, было послано — 15.700; было обещано противотанковых мин — 20.000, было послано — 10.000 и т. д. Не стесняясь, Чемберлен рассказывал и о том, что «подготовка к отправке экспедиционных частей велась с максимальной быстротой, и экспедиционная армия в количестве 100 тысяч человек была готова к отправке в начале марта — за два месяца до того срока, который назначил Маннергейм для их прибытия в Финляндию... Эти войска не должны были быть последними».

Вот как выглядит на деле «миролюбивый» английский империалист по своим же собственным признаниям.

Что касается Франции, то, по сообщениям французской печати, от туда было отправлено в Финляндию 179 самолетов, 472 орудия, 795.000 снарядов, 5.100 пулеметов, 200.000 ручных гранат и т. д. 11 марта тогдашний французский премьер Даладье заявил в палате депутатов, что «Франция выступила во главе стран, которые согласились поставлять военные материалы Финляндии и, в частности Франция, по просьбе Гельсинки, только что послала в Финляндию ультрасовременные бомбардировщики». Даладье заявлял, что «с 26 февраля экспедиционный корпус французских войск снаряжен и подготовлен. Значительное количество судов готово отправиться из двух крупных портов Ламанша и Атлантического побережья». Даладье заявлял также, что союзники «придут на помощь Финляндии всеми обещанными силами».

Эти враждебные Советскому Союзу заявления Даладье говорят сами за себя. Однако, нет нужды останавливаться на этих враждебных заявлениях, поскольку в них, видимо, уже нет в полной мере трезвого хода мыслей. (В е с е л о е о ж и в л е н и е в з а л е).

Следует еще упомянуть об участии в финляндской войне Швеции. По сообщениям, обошедшим все шведские газеты, Швеция предоставила в распоряжение Финляндии во время войны против Советского Союза «известное количество самолетов, которые составляли, примерно, одну пятую часть всех тогдашних шведских военно-воздушных сил». По заяв-

лению шведского военного министра финны получили из Швеции 84.000 винтовок, 575 пулеметов, свыше 300 артиллерийских орудий, 300 тысяч гранат, 50 миллионов патронов. Весь этот материал, по заявлению министра, был самого новейшего образца.

Не отстала в раздувании войны в Финляндии также и Италия. Она, например, послала в Финляндию 50 военных самолетов.

Военная помощь Финляндии шла также из столь преданных «миролюбиво» Соединенных Штатов Америки. (Об щ и й с м е х).

Общее количество всякого вооружения, посланного Финляндии из других стран только за время войны, достигло, по неполным сведениям: самолетов — не менее 350, артиллерийских орудий до 1.500, свыше 6.000 пулеметов, до 100 тысяч винтовок, 650.000 ручных гранат, 2.500.000 снарядов, 160.000.000 патронов и еще многое другое.

Нет нужды приводить другие факты, подтверждающие, что в Финляндии дело шло не просто о нашем столкновении с финскими войсками, а о столкновении с соединенными силами ряда наиболее враждебных Советскому Союзу империалистических стран. Сломив эти соединенные силы врагов, Красная Армия и Красный Флот вписали новую славную страницу в свою историю и показали, что в нашем народе источник отваги, самоотверженности и героизма неисчерпаем. (Б у р н ы е а п л о д и с м е н т ы).

Война в Финляндии потребовала, как от нас, так и от финнов больших жертв. По подсчетам нашего Генерального Штаба на нашей стороне количество убитых и умерших от ран составляет 48.745 человек, то-есть немного меньше 49 тысяч человек, количество раненых — 158.863 человека. С финской стороны делаются попытки преуменьшить их жертвы, но жертвы финнов значительно больше наших. По минимальным подсчетам нашего Генерального Штаба у финнов количество убитых достигает не менее 60 тысяч, не считая умерших от ран, а количество раненых не менее 250.000 человек. Таким образом, исходя из того, что численность финской армии составляла не менее 600 тысяч человек, нужно признать, что финская армия потеряла убитыми и ранеными более половины своего состава.

Таковы факты.

Остается вопрос, почему все же правящие круги Англии и Франции, а также некоторых других стран так активно участвовали в этой войне на стороне Финляндии, против Советского Союза. Известно, что правительства Англии и Франции предпринимали отчаянные усилия, чтобы помешать окончанию войны и восстановлению мира в Финляндии, хотя они не связаны никакими обязательствами по отношению к Финляндии. Известно также, что в свое время даже при наличии пакта взаимопомощи между Францией и Чехо-Словакией, Франция не пришла на помощь Чехо-Словакии. А Финляндии прямо навязывали свою военную помощь как Франция, так и Англия, чтобы только помешать окончанию войны и восстановлению мира между Финляндией и Советским Союзом. Наемные разбойники пера — из числа всяких писателей, специализировавшихся на газетном жульничестве и надувательстве, пытаются об'яснить подобное поведение англо-французских кругов особой заботой о «малых народах». Но об'яснить эту политику Англии и Франции особой заботой об интересах малого государства просто смешно. Об'яснять ее обязательствами перед Лигой Наций, которая потребовала, де, защиты ее члена, также совершенно неостроумно.

В самом деле, не прошло еще и года, как Италия захватила и уничтожила независимую Албанию, состоявшую членом Лиги Наций. И что же? Выступили ли Англия и Франция в защиту Албании, подняли ли они хотя бы слабый голос против захватнических действий Италии, насильно подчинившей себе Албанию, не считаясь с ее населением, составляющим

свыше миллиона человек, и не обращая внимания на то, что Албания—член Лиги Наций? Нет, ни английское, ни французское правительство, ни Соединенные Штаты Америки, ни Лига Наций, потерявшая всякий авторитет из-за хозяйничания здесь все тех же англо-французских империалистов, даже не пошевелили пальцем по этому случаю. Эти «защитники» малых народов, эти «поборники» прав членов Лиги Наций на протяжении целых 12 месяцев так и не решились поставить на обсуждение Лиги Наций вопрос о захвате Албании Италией, произведенном еще в апреле прошлого года. Больше того, они фактически санкционировали этот захват. Следовательно, совсем не защитой малых народов и не защитой прав членов Лиги Наций объясняется поддержка Финляндии против Советского Союза со стороны английских и французских правящих кругов. Эта поддержка объясняется тем, что в Финляндии у них был готовый военный плацдарм на случай нападения на СССР, а Албания не занимала такого места в их планах. На самом деле, права и интересы малых народов представляют разменную монету в руках империалистов.

Руководящая газета английских империалистов «Таймс», как и руководящая газета французских империалистов «Тан», не говоря уже о других английских и французских буржуазных газетах, в последние месяцы откровенно призывали к интервенции против Советского Союза, ничуть не считаясь с тем, что между Англией и Францией, с одной стороны, и Советским Союзом, с другой стороны, существуют, так называемые, нормальные дипломатические отношения. В тон этим руководящим буржуазным газетам, и даже забегая вперед, выступают с речами люди из лакейской, устроенной теперь в каждом «порядочном» буржуазном государстве, для «социалистов» типа Эттли в Англии, типа Блюма во Франции, которые так усердствуют насчет раздувания и дальнейшего расширения войны. В выступлениях англо-французской империалистической прессы и этих «социалистических» ее подголосков слышится голос того же озверелого империализма, ненавидящего социалистическое государство, который нам знаком с первых дней существования Советского Союза. Еще 17 апреля 1919 года английский «Таймс» писал:

«Если мы посмотрим на карту, то мы найдем, что лучшим подступом к Петрограду является Балтика и что кратчайший и наиболее легкий путь к нему лежит через Финляндию, границы которой находятся всего в каких-нибудь 30 милях от столицы России. Финляндия — это ключ к Петрограду, а Петроград — это ключ к Москве».

Если нужны были какие-либо доказательства того, что английские и французские империалисты не расстались до сих пор с такого рода сумасбродными планами, то после последних событий в Финляндии всякие неясности на этот счет устранены. Соответствующие планы вновь сорвались не по недостатку усердия антисоветских сил в Англии и Франции и не просто потому, что в последний момент руководящие круги Финляндии, а также Швеции и Норвегии, проявили, наконец, известное благоразумие. Эти планы сорвались благодаря блестящим успехам Красной Армии, особенно, на Карельском перешейке. (А п л о д и с м е н т ы). Но мы не забудем, что последние события снова напомнили всем нам о необходимости дальнейшего неуклонного укрепления мощи нашей Красной Армии и всей обороны нашей страны. (Ш у м н ы е и п р о д о л ж и т е л ь н ы е а п л о д и с м е н т ы).

В начале февраля финнами был практически поставлен вопрос об окончании войны в Финляндии. Через шведское правительство мы узнали, что финляндское правительство хотело бы знать о наших условиях, на которых можно кончить войну. Раньше чем решить этот вопрос, мы обратились к Народному Правительству Финляндии, чтобы узнать его мнение по этому вопросу. Народное Правительство высказалось за то, чтобы, в целях прекращения кровопролития и облегчения положения финляндского народа, следовало бы пойти навстречу предложению об окон-

чании войны. Тогда нами были выдвинуты условия, которые вскоре были приняты финляндским правительством. Я должен добавить, что через неделю после начала переговоров с финнами со стороны английского правительства было также выражено желание выяснить возможность посредничества будто бы в целях окончания войны в Финляндии (с м е х), но когда наш полпред в Англии т. Майский информировал Лондон о соответствующих наших предложениях, впоследствии целиком принятых Финляндией, то английское правительство не захотело содействовать окончанию войны и восстановлению мира между СССР и Финляндией. Тем не менее, соглашение между СССР и Финляндией вскоре состоялось. Результаты соглашения о прекращении военных действий и об установлении мира даны в Мирном Договоре, подписанном 12 марта. В связи с этим встал вопрос о самороспуске Народного Правительства, что им и было осуществлено.

Вы знаете условия, установленные Мирным Договором. Согласно этому Договору произведено изменение южной и частично восточной границ Финляндии. Весь Карельский перешеек, вместе с Выборгом и Выборгским заливом, все западное и северное побережье Ладожского озера, вместе с Кексгольмом и Сортавала, перешли к Советскому Союзу. В районе Кандавакши, где граница Финляндии особенно близко подходила к Мурманской железной дороге, произведена отодвижка границы. К Советскому Союзу отошли принадлежавшие Финляндии небольшие части полуостровов Средний и Рыбачий—на севере, а в Финском заливе известная группа островов, вместе с островом Гогланд. Кроме того, сроком на 30 лет к Советскому Союзу, в порядке аренды, с ежегодной уплатой Советским Союзом 8 миллионов финских марок, перешел полуостров Ханко с прилегающими к нему островами, где будет сооружена наша военно-морская база для обороны от агрессии входа в Финский залив. Договор, кроме того, облегчает возможность транзита товаров для Швеции, Норвегии и Советского Союза. Вместе с тем, Мирный Договор предусматривает взаимное воздержание от всякого нападения друг на друга и неучастие во враждебных друг другу коалициях.

В англо-французской прессе делались попытки изобразить советско-финляндский договор и, в частности, переход Карельского перешейка к Советскому Союзу, как «уничтожение» независимости Финляндии. Это, конечно, дикость и пустая брехня! Финляндия представляет и теперь территорию почти в четыре раза большую, чем Венгрия, в восемь с лишком раз большую, чем Швейцария. Если никто не сомневается в том, что Венгрия и Швейцария являются независимыми государствами, как можно сомневаться в том, что Финляндия является независимой и суверенной?

В той же англо-французской прессе писали, что Советский Союз будто бы хочет превратить Финляндию только лишь в балтийское государство. Разумеется, и это глупость. Достаточно указать на то, что СССР, заняв во время войны прилегающий к Ледовитому океану район Петсамо, добровольно вновь вернул этот район Финляндии, так как считал необходимым предоставить Финляндии незамерзающий океанский порт. Из этого следует, что мы считаем Финляндию не только балтийской, но и северной страной.

Правда заключается не в этих выдумках англо-французских газет, набивших руку на всяких фальшивках антисоветской пропаганды. Правда заключается в другом, а именно в том, что Советский Союз, разбивший финскую армию и имевший полную возможность занять всю Финляндию, не пошел на это и не потребовал никакой контрибуции в возмещение своих военных расходов, как это сделала бы всякая другая держава, а ограничил свои пожелания минимумом, проявив великодушие в отношении Финляндии.

В чем основной смысл Мирного Договора? В том, что он должным образом обеспечивает безопасность Ленинграда, а также Мурманска и

Мурманской дороги. На этот раз мы не могли ограничиться только теми пожеланиями, которые нами были выдвинуты осенью прошлого года и принятие которых Финляндией означало бы избежание войны. После того, как пролилась — не по нашей вине — кровь наших бойцов и мы убедились, насколько далеко зашла враждебность политики финляндского правительства в отношении Советского Союза, мы должны были вопрос о безопасности Ленинграда поставить на более надежную основу и, кроме того, должны были поставить вопрос о безопасности Мурманской железной дороги и Мурманска, являющегося единственным нашим незамерзающим океанским портом на Западе и потому имеющего исключительно большое значение для нашей внешней торговли и вообще для связи Советского Союза с другими странами. Никаких других целей, кроме обеспечения безопасности Ленинграда, Мурманска и Мурманской железной дороги, мы не ставили в Мирном Договоре. Но зато эту задачу мы считали необходимым решить надежным, прочным образом. Мирный Договор исходит из признания принципа государственной независимости Финляндии, из признания самостоятельности ее внешней и внутренней политики и, вместе с тем, из необходимости обеспечения безопасности Ленинграда и северо-западных границ Советского Союза.

Таким образом, цель, поставленная нами, достигнута, и мы можем выразить полное удовлетворение договором с Финляндией. (А п л о д и с м е н т ы).

Отныне политические и хозяйственные отношения с Финляндией полностью восстанавливаются. Правительство выражает уверенность, что между Советским Союзом и Финляндией будут развиваться нормальные добрососедские отношения.

Надо, однако, предупредить против попыток нарушения только что заключенного Мирного Договора, которые уже делаются со стороны некоторых кругов Финляндии, а также Швеции и Норвегии под предлогом создания военно-оборонительного союза между ними. В свете недавней речи председателя норвежского стортинга г. Хамбро, призывавшего Финляндию, со ссылками на исторические примеры, «к отвоевыванию границ страны», и заявлявшего, что такой мир, какой заключен Финляндией с СССР, «не может существовать долго», — в свете этого и подобных выступлений не трудно понять, что попытки создания так называемого «оборонительного союза» Финляндии, Швеции и Норвегии направлены против СССР и безрассудно подогреваются идеологией военного реванша. Создание такого военного союза с участием Финляндии не только противоречило бы статье 3-ей Мирного Договора, исключаяющей участие договаривающихся сторон во враждебных друг другу коалициях (союзах), но противоречило бы всему Мирному Договору, прочно определившему советско-финляндскую границу. Верность этому Договору несовместима с участием Финляндии в каком-либо военно-реваншистском союзе против СССР. Участие же Швеции и Норвегии в таком союзе означало бы отказ этих стран от проводимой ими политики нейтралитета и переход их к новой внешней политике, из чего Советский Союз не мог бы не сделать своих соответствующих выводов.

В свою очередь, правительство считает, что у Советского Союза нет спорных вопросов со Швецией и Норвегией и что советско-шведские и советско-норвежские отношения должны развиваться на основе дружбы. Распространявшиеся же в антисоветских целях слухи о том, что Советский Союз будто бы требует портов на западном побережье Скандинавии, что он претендует на Нарвик и т. п., — такая дикость, что это не нуждается и в опровержении. Старания же господ «социалистов», вроде Хеглунда в Швеции и Транмеля в Норвегии, портить отношения этих стран с Советским Союзом надо клеймить как дело злейших врагов рабочего класса, купленных иностранными капиталистами и предающих интересы своего народа.

Заключение Мирного Договора с Финляндией завершает выполнение задачи, поставленной в прошлом году, по обеспечению безопасности Советского Союза со стороны Балтийского моря. Этот Договор является необходимым дополнением к трем договорам о взаимопомощи, заключенным с Эстонией, Латвией и Литвой. На основании полугодичного опыта, прошедшего со времени заключения этих договоров о взаимопомощи, можно сделать вполне определенные положительные выводы о договорах с Прибалтикой. Следует признать, что договоры Советского Союза с Эстонией, Латвией и Литвой способствовали упрочению международных позиций как Советского Союза, так и Эстонии, Латвии и Литвы. Вопреки запугиваниям, которыми занимались враждебные Советскому Союзу империалистические круги, государственная независимость и самостоятельность политики Эстонии, Латвии и Литвы ни в чем не пострадали, а хозяйственные отношения этих стран с Советским Союзом стали заметно расширяться. Исполнение договоров с Эстонией, Латвией и Литвой проходит удовлетворительно и создает предпосылки для дальнейшего улучшения отношений между Советским Союзом и этими государствами.

В последнее время в иностранной печати исключительно большое внимание уделялось вопросу о взаимоотношениях Советского Союза с его соседями по южной границе, в частности по Закавказью, а также с Румынией. Надо ли доказывать, что правительство не видит никаких оснований к ухудшению отношений с нашими соседями и на юге. Правда, сейчас в Сирии и вообще на Ближнем Востоке идет большая подозрительная возня с созданием англо-французских, по преимуществу колониальных армий во главе с генералом Вейганом. Мы должны быть бдительны в отношении попыток использования этих колониальных и неколониальных войск во враждебных Советскому Союзу целях. Всякие попытки такого рода вызвали бы с нашей стороны ответные меры против агрессоров, причем опасность такой игры с огнем должна быть совершенно очевидна для враждебных СССР держав и для тех из наших соседей, кто окажется орудием этой агрессивной политики против СССР. (А п л о д с м е н т ы). Что же касается наших отношений с Турцией и Ираном, то они определяются существующими между нами договорами о ненападении и неуклонным стремлением Советского Союза к выполнению вытекающих из этого взаимных обязательств. Наши отношения с Ираном в хозяйственной области урегулированы только что заключенным Советско-Иранским торговым договором.

Из упомянутых мною южных соседних государств у нас нет пакта ненападения с Румынией. Это объясняется наличием нерешенного спорного вопроса, вопроса о Бессарабии, захват которой Румынией Советский Союз никогда не признавал, хотя и никогда не ставил вопроса о возвращении Бессарабии военным путем. Поэтому нет никаких оснований к какому-либо ухудшению и Советско-Румынских отношений. Правда, у нас в течение длительного времени нет полномочного представителя в Румынии и его обязанности выполняет поверенный в делах. Но это вызвано специфическими обстоятельствами недавнего прошлого. Если касаться этого вопроса, то приходится напомнить на-счет неблагоприятной роли румынских властей в 1938 г. в отношении исполнявшего в то время обязанности советского полпреда в Румынии — Бутенко. Как известно, этот последний каким то образом таинственно тогда исчез не только из полпредства, но и из Румынии, и советскому правительству так и не удалось ничего достоверного установить об этом исчезновении, причем мы будто бы должны поверить, что никакие румынские власти не имели отношения к этому скандально-преступному делу. Нечего говорить, что в цивилизованном государстве, и вообще в сколько-нибудь благоустроенной стране, таким вещам не должно быть места. После этого понятна происшедшая задержка с назначением советского полпреда в Румынию. Надо, однако, думать, что Румыния поймет, что подобные вещи нетерпимы.

В наших отношениях с Японией мы не без известных трудностей, но все же разрешили некоторые вопросы. Об этом говорит заключенное 31 декабря прошлого года советско-японское соглашение по рыболовному вопросу на текущий год, а также согласие Японии на уплату последнего, долго задерживавшегося ею, денежного взноса за КВЖД. Тем не менее, нельзя выразить большого удовлетворения нашими отношениями с Японией. Так, до сих пор, несмотря на происходившие длительные переговоры советско-монгольских и японо-манчжурских делегатов, остался нерешенным важный вопрос об установлении границы на части территории в районе бывшего в прошлом году военного конфликта. Японскими властями продолжают чиниться препятствия к нормальному использованию внесенного Японией последнего денежного взноса за КВЖД. Совершенно ненормальны во многих случаях отношения японских властей к сотрудникам советских органов в Японии и Манчжурии. В Японии должны, наконец, понять, что Советский Союз ни в каком случае не допустит нарушения его интересов. (Продолжительные аплодисменты). Только при таком понимании советско-японских отношений они могут развиваться удовлетворительно.

В связи с Японией, скажу два слова по одному, так сказать, не деловому вопросу (веселое оживление в зале). На днях один из депутатов японского парламента задал своему правительству такой вопрос: «Не следует ли обдумать, как коренным образом покончить с конфликтами между СССР и Японией, например, посредством покупки Приморья и других территорий». (Взрыв смеха). Задавший этот вопрос японский депутат, интересующийся покупкой советских территорий, которые не продаются (смех), по меньшей мере, веселый человек. (Смех, аплодисменты). Но своими глупыми вопросами он, по-моему, не поднимает авторитета своего парламента. (Смех). Однако, если в японском парламенте так сильно увлекаются торговлей, не заняться ли депутатам этого парламента продажей южного Сахалина. (Смех, продолжительные аплодисменты). Я не сомневаюсь, что в СССР нашлись бы покупатели. (Смех, аплодисменты).

Что касается наших отношений с Соединенными Штатами Америки, то они за последнее время не улучшились и, пожалуй, не ухудшились, если не считать так называемого «морального эмбарго» против СССР, лишенного какого-либо смысла особенно после заключения мира между СССР и Финляндией. Наш импорт из США увеличился в сравнении с прошлым годом. Он мог бы еще больше увеличиться, если бы американские власти не чинили препятствий.

Такова в целом международная обстановка в связи с событиями за период последних пяти месяцев.

Из всего сказанного выше видно, в чем мы видим главные задачи нашей внешней политики в данной международной обстановке.

Коротко говоря, задачи нашей внешней политики заключаются в том, чтобы обеспечить мир между народами и безопасность нашей страны. Выводом из этого является — позиция нейтралитета и неучастие в войне между крупнейшими державами Европы. Эта позиция основана на заключенных нами договорах и она полностью соответствует интересам Советского Союза. Эта позиция оказывает, вместе с тем, сдерживающее влияние на расширение и разжигание войны в Европе и потому она в интересах всех народов, стремящихся к миру и стонущих уже от новых громадных лишений, вызванных войной.

Подводя итоги последнего периода, мы видим, что в деле обеспечения безопасности нашей страны мы сделали за это время немалые успехи. Это-то и бесит наших врагов. Мы же, веря в свое дело и в свои силы, со всей последовательностью будем продолжать нашу внешнюю политику неуклонно и дальше. (Бурные, продолжительные аплодисменты всего зала. Депутаты встают).

О преобразовании Карельской Автономной Советской Социалистической Республики в Союзную Карело-Финскую Советскую Социалистическую Республику.

Доклад депутата Жданова А. А.

Товарищи депутаты Верховного Совета!

Согласно Мирному Договору, заключенному между СССР и Финляндской Республикой, к Союзу Советских Социалистических Республик от Финляндии отошли новые территории и в том числе весь Карельский перешеек с гор. Выборгом (Вилпури) и Выборгским заливом с островами, западное и северное побережье Ладожского озера с городами Кексгольмом, Сортавала, Суоярви, территория восточнее Меркярви с городом Куолаярви. Как известно, эти территории и особенно Карельский перешеек, представляли из себя до недавнего времени оборудованный по последнему слову военной техники плацдарм для военных нападений на Союз Советских Социалистических Республик и, в первую очередь, на Ленинград. Теперь, когда в результате героических побед нашей Красной армии, разгромившей в войне с Финляндией финскую армию, а вместе с ней соединенные силы ряда наиболее враждебных Советскому Союзу империалистических стран, ликвидирован опаснейший источник войны на наших северо-западных границах, сами эти территории приобретают совсем иное назначение, чем доньше. Из очага войны они превращены теперь в оплот мира и безопасности, прежде всего, Ленинграда, а также Мурманска и Мурманской железной дороги.

Отход к Союзу Советских Социалистических Республик новых территорий, естественно, ставит вопрос о наиболее целесообразном их государственном устройстве и о путях их хозяйственного и культурного развития.

Эти территории, за малым исключением, примыкают к Карельской Автономной Советской Социалистической Республике и тяготеют к ней как по характеру естественных и исторических условий, так и по направлению своей народно-хозяйственной деятельности.

Поэтому, обсуждая вопрос о государственном устройстве новых территорий, перешедших к СССР от Финляндии, Совет Народных Комиссаров в полной мере учел законные и справедливые пожелания трудящихся Карельской Республики о том, чтобы территории, отошедшие от Финляндии к Союзу Советских Социалистических Республик, за исключением незначительной полосы, примыкающей непосредственно к Ленинграду, передать в состав Карельской Автономной Советской Социалистической Республики, в том числе передать города: Выборг, Антреа, Кексгольм, Сортавала, Суоярви, Куолаярви. Совнарком Союза ССР вносит соответствующее предложение на рассмотрение Верховного Совета. Из этого предложения, если оно будет принято Верховным Советом, вытекает и другое предложение, также основанное на пожеланиях трудящихся Карельской Автономной Советской Социалистической Республики — о преобразовании Карельской Автономной Советской Социалистической Республики в Союзную Карело-Финскую Советскую Социалистическую Республику. (А п л о д и с м е н т ы).

Товарищи депутаты! Карельская Автономная Советская Социалистическая Республика вступила в 20-й год своего существования. В 1920 году карельский народ положил начало своей национальной автономии. В боях с белофиннами в 1921 и 1922 годах карельский народ, с помощью русского народа, отстаивал свое право на самостоятельное государственное развитие под знаменем Советской власти.

За годы своего существования Карельская АССР превратилась в цветущую советскую страну. На основе неуклонного проведения ленинско-сталинской национальной политики, под руководством большевистской партии и вождя народов и трудящихся всего мира товарища Сталина, карельский народ при братской помощи русского народа добился больших успехов во всех областях социалистического строительства и создания своей национальной культуры. (А п л о д и с м е н т ы). Из когда-то отсталой окраины бывшей царской России, представлявшей собою колонию царского империализма, Карелия превратилась в страну с быстро развивающейся промышленностью и лесным хозяйством, далеко шагнула вперед в развитии сельского хозяйства, в росте культуры и подьема благосостояния народных масс.

Советская автономия, по определению товарища Сталина, не есть нечто застывшее и раз навсегда данное, она допускает самые разнообразные формы и степени своего развития.

Включение в состав Карелии новых территорий поднимает на новую ступень ее удельный вес и значение и ставит перед Карелией новые крупные задачи в деле ее национального народно-хозяйственного и культурного развития. Совнарком Союза ССР, как и трудящиеся Карелии, считает, что эти новые задачи будут успешно разрешены в новых формах национально-государственного существования Карелии — в Карело-Финской Союзной Республике.

Советская власть уже приняла меры к тому, чтобы связать отошедшие к СССР районы с коренными карельскими районами. Уже проведена железная дорога Петрозаводск — Суоярви, которая связывает столицу Карелии г. Петрозаводск и Мурманскую железную дорогу с железнодорожной магистралью Сортавала — Выборг. Далее, проводится и скоро будет окончена железно-дорожная линия от Каңдалакши до Куолаярви, что свяжет коренную Карелию с отошедшей к СССР территорией в районе Куолаярви.

Промышленные предприятия, расположенные на территории, включаемой в состав Карелии, за исключением небольшого количества предприятий, имеющих общесоюзное значение, будут переданы в распоряжение Карело-Финской ССР.

Несколько слов о необходимости изменения названия Карельской Республики, в связи с преобразованием ее в Союзную Республику. Районы, отходящие к Карелии, являются не только карельскими, но отчасти и чисто финскими районами. Финский и карельский народы связаны между собою кровными расово-национальными узами. Преобразование Карельской Автономной Республики в Союзную Карело-Финскую Республику будет способствовать дальнейшему хозяйственному и культурному развитию этих двух родственных народов и укреплению их братского содружества. Оно положит конец культивировавшейся на протяжении многих лет врагами финского и карельского народов вражде и розни между обоими народами.

Исходя из вышеизложенного, Совет Народных Комиссаров поручил мне внести на рассмотрение Верховного Совета следующий проект закона о преобразовании Карельской Автономной Советской Социалистической Республики в Союзную Карело-Финскую Советскую Социалистическую Республику.

Оглашаю проект закона:

«О преобразовании Карельской Автономной Советской Социалистической Республики в Союзную Карело-Финскую Советскую Социалистическую Республику.»

Идя навстречу пожеланиям трудящихся Карельской Автономной Советской Социалистической Республики и руководствуясь принципом свободного развития национальностей, Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик п о с т а н о в л я е т:

1. Территорию, отошедшую от Финляндии к СССР, на основании Мирного Договора между СССР и Финляндией от 12 марта 1940 года, за исключением небольшой полосы, примыкающей непосредственно к Ленинграду, передать в состав Карельской Автономной Советской Социалистической Республики, в том числе передать города: Выборг, Антреа, Кексгольм, Сортавала, Суоярви, Куолаярви.

2. Преобразовать Карельскую Автономную Советскую Социалистическую Республику в Союзную Карело-Финскую Советскую Социалистическую Республику.

3. Передать в распоряжение Карело-Финской Советской Социалистической Республики промышленные предприятия, расположенные на территории, включаемой в состав Карелии, согласно пункта первого настоящего Закона, за исключением небольшого количества предприятий, имеющих общесоюзное значение.

4. Просить Верховный Совет Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и Верховный Совет Карело-Финской Советской Социалистической Республики представить на рассмотрение Верховного Совета СССР проект установления точной границы между РСФСР и Карело-Финской ССР.

5. Провести в соответствии со статьями 34 и 35 Конституции (Основного Закона) СССР выборы депутатов в Верховный Совет СССР от Карело-Финской Советской Социалистической Республики.

6. Поручить Президиуму Верховного Совета СССР назначить день выборов.

7. В соответствии с настоящим Законом внести дополнение в статью 13 Конституции (Основного Закона) СССР, изложив ее следующим образом:

«С т а т ь я 13. Союз Советских Социалистических Республик есть союзное государство, образованное на основе добровольного объединения равноправных Советских Социалистических Республик:

Российской Советской Федеративной Социалистической Республики,
Украинской Советской Социалистической Республики,
Белорусской Советской Социалистической Республики,
Азербайджанской Советской Социалистической Республики,
Грузинской Советской Социалистической Республики,
Армянской Советской Социалистической Республики,
Туркменской Советской Социалистической Республики,
Узбекской Советской Социалистической Республики,
Таджикской Советской Социалистической Республики,
Казахской Советской Социалистической Республики,
Киргизской Советской Социалистической Республики,
Карело-Финской Советской Социалистической Республики».

Товарищи депутаты! Совет Народных Комиссаров уверен, что этот Закон будет единодушно одобрен обеими палатами. (Продолжительные аплодисменты).

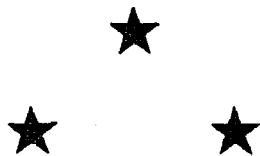
Товарищи депутаты! Преобразование Карельской Автономной Советской Социалистической Республики в Союзную Советскую Социалистическую Республику будет означать новую крупную победу ленинско-сталинской национальной политики, обеспечивающей равенство национальностей, мирное сожительство и братское содружество всех народов.

В новых формах своего национально-государственного существования карело-финский народ еще более развернет все богатство заложенных в нем творческих способностей, еще быстрее, с еще большими успехами пойдет вперед под знаменем Сталинской Конституции. (А п л о д и с м е н т ы).

В семье братских союзных республик появится новая союзная республика. Это означает новый шаг в деле укрепления нашего многонационального Советского государства.

В эпоху империалистического рабства, национального и колониального угнетения, достигшего крайнего обострения в связи с империалистической войной, в период, когда права и интересы малых государств являются лишь разменной монетой в руках империалистов, создание новой Союзной Республики с особой силой подчеркивает коренные преимущества советского строя, обеспечивающего малым народам полную возможность свободного национального развития.

Позвольте выразить уверенность в том, что Карело-Финская Союзная Республика будет не только прочным оплотом мира и безопасности Союза Советских Социалистических Республик на его северо-западных границах, но и одной из передовых Союзных Республик. (П р о д о л ж и т е л ь н ы е а п л о д и с м е н т ы).

Б. Волин

В. И. Ленин в революционном движении студентов в Казани (1887 год)

Ленин семнадцати лет окончил с золотой медалью симбирскую гимназию и в том же, 1887 году поступил в Казанский университет на юридический факультет. Но скоро, в декабре 1887 года, за участие в революционном движении студентов он был арестован, исключен из университета и выслан из Казани в деревню Кокушкино, Казанской губернии.

О году 1887 сам Владимир Ильич в мае 1917 года в своей краткой автобиографической заметке писал следующее: «Весной 1887 г. мой старший брат Александр казен Александром III за покушение (1 марта 1887 г.) на его жизнь. В декабре 1887 г. я был первый раз арестован и исключен из Казанского университета за студенческие волнения; затем выслан из Казани» (Ленинский сборник XXI, стр. 57).

Таковы общезвестные факты из короткого периода первого пребывания Владимира Ильича в Казани, где он впервые принял боевое революционное крещение на заре своей революционной деятельности.

Что сопутствовало этим событиям, что представляло собой революционное движение казанского студенчества, в котором такое активное участие принял семнадцатилетний студент В. И. Ульянов?

1

Студенческое движение, широко развернувшееся в Казанском университете в 1887 году, является одним из крупнейших явлений общерусского движения студенчества, которое неизменно сопутствовало революционной борьбе рабочих и крестьян.

В книге, напечатанной «по распоряжению г. Министра Народного Просвещения» в 1890 году в Петербурге с наклейкой «совершенно конфиденциально», под названием «Краткий исторический очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков», приведены весьма интересные материалы, относящиеся «до студенческих беспорядков» начиная с конца пятидесятых годов и кончая восьми-

десятыми годами. «Начиная с 1858 г. и по сию пору,—говорится в этой книге,—от времени до времени с небольшими перерывами, в университетах и других высших учебных заведениях происходят так называемые студенческие беспорядки, сходки в зданиях, садах и на дворах учебных заведений, иногда на городских улицах и площадях, сопровождаемые... иногда публичными процессиями, и соединенные с явным неповиновением своему, а иногда и общему гражданскому начальству, и даже с оскорблением чинов того и другого словами, а иногда и действием, а также с заявлением различных, в большинстве случаев совсем неисполнимых требований»¹.

Эта полицейская характеристика внешних форм и проявлений студенческих волнений не могла скрыть того, что студенческие «беспорядки» носили массовый политический характер, были направлены против представителей самодержавного режима из университетской администрации, что студенты выступали под такими лозунгами, выполнение которых было явно несовместимо с самим существованием самодержавно-полицейского строя.

Таков был в общем характер студенческого движения и в Казанском университете в конце 1887 года.

Казань этого периода замечательна тем, что именно в ней уже в 1888 году был образован Н. Е. Федосеевым, исключенным в декабре 1887 года из гимназии «за политическую неблагонадежность, вредное направление мыслей и чтение неподобающих книг», один из первых марксистских, социал-демократических кружков в России.

¹ А. Георгневский «Краткий исторический очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков», стр. 1. С.-Петербург, 1890.

В дальнейшем все ссылки, кроме особо оговоренных, относятся к этой книге.

Документы, относящиеся непосредственно к биографии В. И. Ленина, цитируются по копиям, хранящимся в фонде Музея Ленина.

«Н. Е. Федосеев,—писал Ленин в своей статье о нем,—был одним из первых, начавших провозглашать свою принадлежность к марксистскому направлению» (т. XXVII, стр. 376).

Уровень студенческого движения в 1887 году был по ряду причин значительно выше чем в предыдущие годы. Всего за два года до того, в 1885 году, разразилась историческая морозовская стачка, оказавшая огромное влияние на все последующее революционное движение. Уже четыре года, как развивала свою деятельность плехановская заграничная группа «Освобождение труда», которая с 1883 года энергично распространяла марксистские идеи среди передовых рабочих и студенческой молодежи России. Непосредственным толчком к прокатившимся по всем университетским городам студенческим волнениям было введение нового, сугубо полицейского, так называемого «университетского устава 1884 г.». Вместе с бесчисленными инструкциями он был закончен разработкой в чиновничьих комиссиях царского режима в 1887 году. В связи с покушением на царя Александра III в 1887 году, царское правительство, воспользовавшись тем, что участниками покушения были преимущественно студенты (Петр Горкун, Василий Генералов, Михаил Кончер, Василий Осипанов, Пахомий Андреюшкин, Александр Ильич Ульянов, Петр Шевырев, Пископ Луканевич и другие, всего одиннадцать студентов Петербургского университета), начало проводить в жизнь ряд жестких ограничительных мер по отношению к студенчеству и в известной степени к либеральной профессуре.

Из чего исходили авторы университетского устава, «высочайше утвержденного 23 авг. 1884 г.», видно по тому, что один из активных деятелей «университетской реформы», член совета министерства народного просвещения, тайный советник Георгиевский (автор упомянутой выше книги «о студенческих беспорядках»), в своей докладной записке о поездке за границу просил министра «признать полезным теперь же предложить гг. попечителям учебных округов озаботиться устройством карьер в наших университетах», по особому образцу.

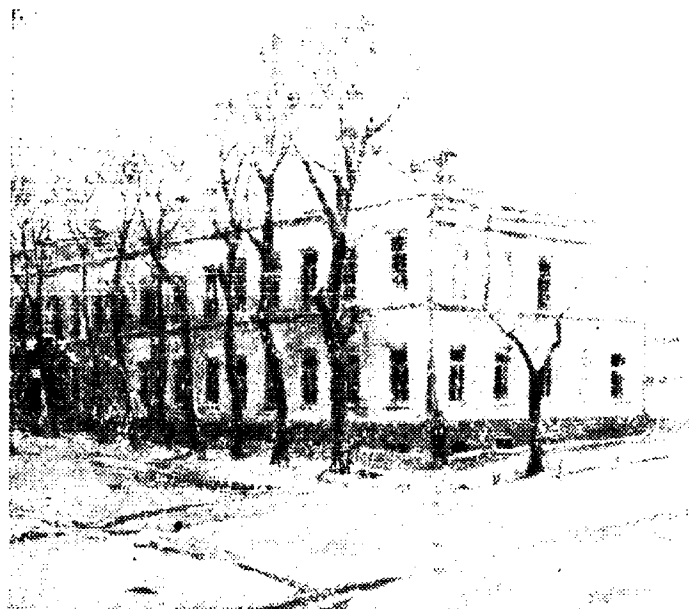
В одной из студенческих нелегальных листовок того времени режим, установленный уставом 1884 года, был назван «режимом, лишившим русское студенчество всяких прав, всякой самостоятельности, приведшим его в положение бесправных инколынок, скованных по рукам и ногам даже в самом невинном и законном стремлении нашем — стремлении к приобретению знаний».

В. И. Ленин — в год окончания гимназии и поступления в Казанский университет (1887).
Центральный музей В. И. Ленина.

В самом деле: университетские и полицейские власти на основе положений устава 1884 года и последующих инструкций установили чисто полицейский надзор за студентами и стали арестовывать массами сколько-нибудь замеченных в «неблагонадежности» студентов. Царское самодержавие поставило себе задачей заполнить университеты только профессорами-реакционерами, монархистами, «благонадежными, нераздельно преданными Престолу и отечеству», как выражались тогдашние министерские циркуляры. Предписания требовали, чтобы к профессуре допускались только такие преподаватели, которые надежны в монархическом, «религиозно-нравственном» отношении.

Специальный циркуляр министра народного просвещения от 7 июня 1887 года требовал через попечителей учебных округов от директоров гимназий и реальных училищ «сообщать университетам и другим высшим учебным заведениям, по принадлежности, полную и обстоятельную сведения об образе мыслей и наклонностях желающих поступить в них молодых людей, об их склонностях, условиях материального быта и общественной среды, к коей принадлежат родители». 26 июня 1887 года плата за учение в пользу университета, независимо от гонора за пользу профессоров, была увеличена с 10 до 50 рублей в год. Именная студенческой формы являлась обязательным.

Симбирская гимназия, в которой учился В. И. Ленин, 1879—1887 годы.

О картины П. С. Добрынина.

Центральный музей В. И. Ленина.

Эти как и другие «мероприятия» были в первую очередь направлены против демократических масс студенчества, выходцев из неимущих слоев населения. Царское правительство исходило из того, что не следует привлекать в университет «лиц, которую по бедности своей должны перебиваться изо дня в день копейными уроками или перепискою, учиться под страхом голодной смерти».

Царизм стремился сделать из студентов «фельдфебелей от науки». Об этом свидетельствует следующее предписание попечителя Казанского учебного округа ректору Казанского университета от 15 января 1886 года: «Признавая необходимым установить на будущее время точный порядок отдания чести студентами университета, министр просвещения просит меня предложить начальству университета объявить студентам, что они обязаны отдавать честь, прикладывая руку к козырьку фуражки: 1) становясь во фронт: императору, императрице, наследнику, великим князьям, великим княгиням и великим княжнам; 2) не становясь во фронт: министру просвещения, товарищу министра, попечителю, помощнику попечителя, генерал-губернатору, губернатору, градоначальнику, местному архиерею и всем своим начальникам и профессорам».

Были введены всяческие ограничения для поступления в университеты евреев (для Казанского университета была установлена 5-процентная норма), причем министерская инструкция 1886 года предписывала установить строгий надзор за евреями-студентами, чтобы «в случае малейшего с их стороны нарушения установленных для студентов правил, увольнять их из числа студентов и доносить об этом министерству».

Из всех «нововведений» устава 1884 года следует особо отметить усиление чисто полицейских, охранных функций, возложенных на университетскую инспекцию. Инспектора имели право ареста студентов, в чем-либо провинившихся перед начальством. Университетские инспектора являлись непосредственными агентами и открытыми сотрудниками полицейских и жандармских учреждений и наиболее всего были ненавистны студенчеству.

Великий ученый нашего времени К. А. Тимирязев, с негодованием характеризуя в 1904 году университетский устав 1884 года, особо бичевал институт университетской полиции—инспектуру:

«Университетская и внеуниверситетская, тайная и явная, в форме педеля или старшего дворника, субинспектора или околоточного, жандарма или таинственной безмундирной личности,—полиция, бесконечно переплетающаяся в своем воздействии, то взаимно поддерживая и прикрывая, то расходясь в оценке того же поступка, но всегда безответственная, без тени какого-либо суда и защиты, могущая разбить молодую жизнь, навсегда прервать ее мирное течение, оказать свое злое влияние даже долго по окончании университета и негласно закрыть молодому человеку пути к разумной, полезной для общества деятельности, на которую дают ему право годы добросовестного труда, засвидетельствованные официально дипломами. Неудивительно, что при этой безнадежной обстановке учащаяся молодежь привыкает видеть и в университетских властях не законных своих защитников, а более выдающихся представителей той же со всех сторон охватывающей ее полиции» (К. Тимирязев «Наука и демократия», стр. 6, 1926).

Золотая медаль, которой был награжден В. И. Ленин по окончании Симбирской гимназии.

Центральный музей В. И. Ленина.

Педагогический Совет постановил наградить его, Ульямова, ЗОЛОТОЮ МЕДАЛЬЮ и выдать ему аттестат, предоставляющий все права, означенные в §§ 129-132 Высочайше утвержденного 30-го июля 1887 года Указа, а при отбытии воинской повинности в прогимназии 2-й и 3-й ст. Высочайше утвержденного 2-го июля 1887 года Указа, Государственной Думы, Сибирского округа.

АТТЕСТАТЪ ЗРЕЛОСТИ

Данъ сей *Владимиру Ульямову*, православнаго исповѣданія, сыну чина, родившемуся въ г. Сибирскѣ, 1870 года Апрѣля 10 числа, обучающемуся восемь лѣтъ въ Сибирской гимназій, въ томъ,

Во *первую*, что, на основаніи наблюденій за все время обученія въ Сибирской гимназій, поведение его вообще было **отличное**, исправность въ посещеніи и приготовленіи уроковъ, а также въ исполненіи письменныхъ работъ **отличная**, принадлежаніе **отличное** и любознательность ко всемъ предметамъ бо, бѣшая, особенно съ **глубокими** знаниями, а во *вторую*, что онъ обнаружилъ одареніи для высшаго образованія.

№ 468

Имя Фамилия
Дата рождения
Дата окончания
Дата аттестации

Сл. Законъ Божій	5	5
Русскомъ языкѣ и Исторіи	5	5
Логикѣ	4	—
Латинскомъ языкѣ	5	5
Греческомъ	5	5
Математикѣ	5	5
Исторіи	5	5
Географіи	5	5
Физикѣ и Математической географіи	5	—
Нѣмецкомъ языкѣ	5	—
Французскомъ языкѣ	5	—

Во вниманіе съ отличнымъ поведеніемъ и принадлежаніемъ съ отличными успѣхами въ наукѣ въ особенности въ **глубокими** знаниями.

В. Чернышев

В. Ульямовъ

Аттестат зрелости В. И. Ленина, полученный 22 (10) июня 1887 года.

Центральный музей В. И. Ленина.

Так в Казани действовал ненавидный студенчеству инспектор университета Потапов с его помощниками-педелями, который, установив тщательное наблюдение за студентами, со всей жандармской беспощадностью проводил университетский устав в жизнь. «Не бездействовал также и карцер», — эпически спокойно сообщает член совета министерства просвещения Георгиевский, отмечая, что «инспекция в Казани была поставлена в правильные отношения к общей полиции и жандармскому управлению».

Семнадцатилетний Ленин 10 июня 1887 года окончил Сибирскую гимназию с золотой медалью. Его старший брат Александр Ильич и старшая сестра Анна Ильинична в свое время, по окончании гимназии, направились учиться в столицу — в Петербург. Туда же должен был поехать Владимир Ильич. Но перед самыми выпускными экзаменами, 1 мая 1887 года, Александр Ильич был арестован, судим скорым царским судом, приговорен к

Ваше письмо от 29 июля 1887 года
17 июля 1887 года

Его Преосвященству
Священному Синоду
Казанский Университет

Окончившая курс
в Сандарской гимназии,
своим кандидатом, Владимир
Ильича Ульянова

Прошение

Прошу для продолжения образования
принять в Казанский Университет,
на юридический факультет, Владимира
Ильича Ульянова, окончившего курс
в Сандарской гимназии, с тем, чтобы
на основании его аттестата зрелости,
составленного в Сандарской гимназии,
и сведений о службе отца,
предоставленных в прошении к приемному
испытанию, на основании Высочайше
данного на основании 8100 Высочайше

указанного устава Университета
Российской Империи, принимать
его во все время пребывания
в Университете, и не считать
предела и не считать
предела.

Воспитанный курс в Сандарской гимназии Владимира Ульянова

29 июля 1887 года

В. И. Ленин

Прошение В. И. Ленина ректору Казанского университета о принятии на юридический факультет. 29 июля 1887 года.

Центральный музей В. И. Ленина.

смертной казни и 8 мая 1887 года повешен. Это не только стало решающей помехой в поступлении Владимира Ильича в Петербургский университет, но создало угрозу вообще для его дальнейшего образования. Поэтому решено было попытаться поступить в Казанский университет. Симбирск входил в Казанский учебный округ. В Казань, где жили родные Ульяновых — Веретенниковы, — и отправился для подачи прошения абитуриент Владимир Ильич Ульянов.

29 июля 1887 года Владимир Ильич подал прошение ректору Казанского университета о приеме его студентом на юридический факультет. Но университетское начальство отказалось удовлетворить эту просьбу. Впредь до представления молчаливым Ульяновым отзыва о нем от бывшего гимназического начальства.

Директор гимназии Ф. Керенский дал о Владимире Ильиче следующий отзыв:

«Весьма талантливый, постоянно усердный и аккуратный, Ульянов во всех клас-

сах был первым учеником и при окончании награжден золотой медалью, как самый достойный по успехам, развитию и поведению. Ни в гимназии, ни вне ее не было замечено за Ульяновым ни одного случая, когда бы он словом или делом вызвал в начальствующих и преподавателях гимназии непохвальное о себе мнение. За обучением и нравственным развитием Ульянова всегда тщательно наблюдали родители, а с 1886 г., после смерти отца, — одна мать сосредоточивала все заботы свои на воспитании детей. В основе воспитания лежала религия и разумная дисциплина. Добрые плоды домашнего воспитания были очевидны в отличном поведении Ульянова. Присматриваясь ближе к образу домашней жизни и характеру Ульянова, я не мог не заметить в нем излюбленной замкнутости, чуждаемости от общения даже со знакомыми людьми, а вне гимназии и с товарищами и вообще — нелюдимости». Эту свою характеристику директор закончил словами: «Мать Ульянова не намерена оставлять сы-

на без себя во время обучения его в университете».

Анна Ильинична Ульянова-Елизарова в своих «Воспоминаниях об Ильиче» по этому поводу рассказывает, что «тогдашний директор симбирской гимназии Ф. Керенский очень ценил Владимира Ильича, относился очень хорошо к умершему за год перед тем отцу его, Илью Николаевичу, и желал помочь талантливому ученику обойти эти препятствия. Этим объясняется та в высшей степени «доброправная» характеристика ему, которая была направлена Керенским в Казанский университет и подписана другими членами педагогического совета» (А. И. Ульянова-Елизарова «Воспоминания об Ильиче», Партиздат, 1934 г., стр. 24).

Владимир Ильич был, наконец, 13 августа 1887 года принят в студенты юридического факультета «императорского Казанского университета». Хотя уже в про-

шении от 29 июля о поступлении «окончивший курс в симбирской гимназии Владимир Ульянов» обязался на основании § 100 устава во все время пребывания в университете «подчиняться правилам и постановлениям университетским», — он снова 2 сентября должен был подписать новое особое обязательство: «Не состоять членом и не принимать участия в каких-либо обществах, как например, землячествах и т. п., а равно не вступать членом даже в дозволенные законом общества без разрешения на то в каждом отдельном случае ближайшего начальства».

Оформляя свое пребывание на юридическом факультете, Владимир Ильич, уплатив 6 октября 16 рублей за право посещения лекций (за пребывание в университете студент уплачивал кроме того каждый семестр отдельно), писал в заявлении «господину инспектору студентов Императорского Казанского университета» «

Ульянов Владимир

Давша талантливый, постоянно усердный и аккуратный, Ульянов во всех классах был первым учеником и, при окончании курса, награжден золотой медалью, как самый достойнейший по успеваемости, развитию и поведению. Ни в гимназии, ни вне ее не было замечено за Ульяновым ни одного случая, когда бы он словом или делом вызвал в начальствующий и преподавательский гимназии недовольство. С собой имел

Директор Симбирской гимназии
г. г. Д. Керенский

том, что он записался на следующие курсы: проф. Миловидов — богословие — 4 лекции; проф. Загоскин — история русского права — 6 лекций; проф. Дормидонтов — история римского права — 5 лекций; проф. Загоскин — энциклопедия права — 2 лекции; английский язык — 3 лекции.

Вслед за Владимиром Ильичем в Казань переехала его мать — Мария Александровна — с младшими детьми.

Владимир Ильич Ульянов с первых же недель окунулся в самую гущу студенческой жизни Казани. Что собой представляла Казань этого периода? В ней был крайне слаб пролетариат и той задавала радикальная, разночинная интеллигенция. Это была еще Казань до фелосеевских марксистских кружков. Вспоминая Казань конца 80-х и начала 90-х годов, Ив. Лалаянц, один из членов фелосеевского кружка, участник самарского марксистского кружка («тройки»), идейным руководителем которого был Ленин, писал в 1929 году в журнале «Пролетарская революция» № 1:

«В то время Казань считалась гнездом народничества, и идеология народничества господствовала в умах толпашней передовой интеллигенции (радикально настроенного студенчества, курсисток и пр.), марксистские и с.-д. идеи с некоторым успехом пробивали уже себе дорогу, но пока еще довольно слабо».

В лето приезда Владимира Ильича в Казань и поступления его в университет дело обстояло еще хуже: марксистских, социал-демократических кружков еще не было: были нелегальные, преследовавшиеся полицией и университетским начальством кружки «самообразования» и землячества, где формировались политические идеи студенчества.

В студенческой среде Ильич выделялся во всех отношениях. Он был революционно настроен, начитан, энергичен, убежденно отстаивал свои взгляды. Революционное студенчество относилось к нему с особенным уважением в связи с казнью его брата. Естественно, что со стороны жандармерии и университетского начальства Ильич подвергся специальному наблюдению.

Еще в середине января 1887 года попечитель округа сообщал секретно ректору университета «для подлежащего распоряжения», что, по сведениям министерства, среди студентов обращаются в гектографированных листах записки, приписываемые графу Л. Толстому, в которых, между прочим, заключается «призыв к всеобщему перевороту, направленному к разрушению основ существующего государствен-

ного и общественного порядка» («Казанск. Унив. за 125 лет», стр. 173).

В связи с этими сведениями, а особенно в связи со студенческими волнениями в Москве и движением среди казанских студентов в предыдущем, 1886 году полиция организовала тщательное наблюдение за наиболее «неблагонадежными» студентами, за их сходками и встречами, а также из кожи лезла вон в поисках землячеств, среди которых особенно активным было землячество сибирско-самарское (Владимир Ильич, став студентом, вступил в члены этого землячества). В донесениях жандармского управления отмечается, что в «ночь с 29 на 30 ноября было замечено полицией большое собрание студентов в доме на улице Георгиевской, но что там происходило, осталось невыясненным».

В землячествах шла лихорадочная подготовка к выступлению студенчества. Уже с начала октября стали собираться депутатские собрания всех землячеств. По воспоминаниям участника движения, одно из таких собраний, 1 декабря 1887 года пометило выступление на 4 декабря в виде общестуденческой сходки в стенах университета. На этом же заседании был выработан текст студенческой «петиции». Жандармерия начала производить обыски у студентов, причем у одного из студентов старшего курса были найдены гектограф и листы одного из студенческих постановлений. Эти студенты были арестованы и, по докладу попечителя Казанского учебного округа Масленникова и последовавшему затем распоряжению министра внутренних дел, после «беспорядков» 4 декабря высланы из Казани.

Эти события крайне взбудоражили студентов. Еще за месяц до исторических событий 4 декабря было одно, весьма знаменательное выступление студенчества. Обычно в середине первого семестра происходил официальный торжественный университетский акт с богослужением, речами и пр. 5 ноября — день университетского акта — студенчество решило бойкотировать. И действительно, актовый зал, обычно переполненный в предшествующие годы, на этот раз пустовал. Присутствовала только небольшая кучка «белолокладчиков».

Письмо из Москвы о событиях в Московском университете, видимо, явилось последней каплей, переполнившей чашу студенческого возмущения. «Гектографированная копия с одного такого письма, — сообщается в одном из жандармских донесений, — была найдена помощником инспектора Виноградовым в среду 2 декабря, в 6 часов вечера, в одном из столов 12-й аудитории, где около 7 часов вечера должны были собраться некоторые из студентов юридического факультета для практи-

Казанский университет, в котором учился В. И. Ленин в 1887 году.
Центральный музей В. И. Ленина.

ческих занятий. Письмо это читалось 3 декабря на так называемом общем студенческом суде, и там решено было произвести одновременно беспорядки 4 декабря и в ветеринарном институте, и в университете, и были установлены все подробности дела».

По воспоминаниям, написанным в 1935 году для Музея Ленина одним из участников событий, бывшим студентом Казанского университета Н. Алексеевым, Владимир Ильич принимал живейшее участие в подготовке студенческих выступлений. «Помню его, — пишет Алексеев, — на Студенческой улице, кажется, в д. Комлева, было это не задолго до беспорядков. В тесном кружке за стаканом чая шли споры. И вот тут Владимир Ильич скромно, но убедительно говорил об учении Маркса и зачитывал некоторые места из ходовой тогда брошюры с девизом Некрасова: «В мире есть царь, этот царь беспощаден — голод название ему» (Имеется, видимо, в виду нелегальная тогда брошюра «Царь-Голод», автором которой являлся народо-волец, ныне академик, Н. А. Бах — Б. В.). Уж тогда Владимир Ильич был увлечен политической экономией и с увлечением реферировал эту брошюру. Между прочим, тут же он спросил, нет ли у кого гектографа, чтобы можно было размножить эту брошюру. Гектограф был у меня, и мы дали обещание напечатать экз. 20—25, из них должны были мы 15 дать Владимиру Ильичу, он хотел роздать их в рабочих кружках, кажется, на заводе Крестовникова» (Музей Ленина. Архив).

События начались с выступления студентов Казанского ветеринарного института. 4 декабря в институте происходила защита одной диссертации. Директор «из предосторожности» не допустил на эту защиту студентов и посторонних. Тогда значительная группа студентов при открытии заседания совета института ворвалась в зал и, подав директору лист с требованиями, добивалась, чтобы он их зачитал. Директор закрыл заседание совета, поехал к попечителю учебного округа, а затем, по его предложению, в 1-ю полицейскую часть — за помощью. В это же время студенты-ветеринары направились к Казанскому университету, где уже студенческие волнения были в полном разгаре.

По существу, университетское начальство, а вместе с ним полиция и жандармы были предупреждены некоторыми монархически настроенными студентами — папскими сынками — о предстоящем выступлении студенчества. Так, рано утром 4 декабря через университетского инспектора Потапова было передано от студента-юриста Ферлюдина предупреждающее шпионское письмо, в котором этот студент писал ректору: «Желаю предотвратить зло, могущее произойти от предполагающегося восстания студентов университета и ветеринарного института, я решился известить вас, что сегодня, или завтра, или вообще на этих днях студенты сговорились устроить общую сходку в университете, по

очень миролюбивого характера... Будьте осторожны».

4 декабря, от 12 до 1 часу дня, ректор университета, профессор Кремлев, должен был читать на юридическом факультете лекцию по римскому праву. К этому времени собралась большая возбужденная толпа студентов. Один из студентов, как об этом сообщает инспектор, воскликнул: «Скоро ждем грозной бури!» Собравшиеся студенты направились к ректорскому кабинету с возгласами: «Долой инспектора!», «К чорту инспектора!», «На сходку! На сходку!» Человек 150—200 студентов, преимущественно юристов, двинулось к актовому залу. Встретив ненавистного инспектора Потапова с его швейками-помощницами, студенты стали на него наступать, махая гектографированными листками.

Уже после того как Владимир Ильич и многие другие студенты были арестованы, матери Ленина, Мария Александровна, хлопившей хлопотать об его освобождении, было заявлено, как пишет в своих воспоминаниях сестра Ильича Анна Ильинична, «что инспектор отметил Володю, как одного из активных участников сходки, которого он видел в первых рядах, очень возбужденного, чуть ли не со сжатыми кулаками» (А. И. Ульянова-Елизарова «Воспоминания об Ильиче», стр. 28).

В руках у студентов были два гектографированных заявления. Одно из них являлось воззванием «Ко всем казанским студентам». Оно гласило следующее:

«Товарищи, тяжким бременем лег новый университетский устав. Вас, питомцев дорогой *alma mater*, вас, представителей молодой интеллигентской мысли, он отдал во власть шпионствующей инспекции, он сузил и низвел на «нет» значение профессорской коллегии, сделал из них учителей-чиновников, он ограничил доступ в университет сыновьям бедных отцов, увеличив взнос за право слушания лекций, установил тяжелые условия при получении стипендий и т. д. Но это еще не все: циркуляр министра Народного просвещения от 18 июня 1887 года лишил наших юных братьев возможности даже получить гимназическое образование. Наконец, в событиях Московских 23-го, 24-го, 25-го ноября текущего года, когда лилась кровь наших товарищей (2 студента было убито), когда нагайки свистали над головами их, в этих событиях нанесено было позорное оскорбление всей русской интеллигентной молодежи. Казанские студенты! Неужели мы не встанем на защиту поправных прав наших университетов, неужели мы не выразим нашего протеста перед разыгравшейся во всю ширь реакцией? Мы верим в

казанское студенчество и мы зовем его па открытый протест в стенах университета».

Уже в этом воззвании к казанским студентам, выработанном передовыми представителями студенчества, среди которых наиболее активным был Владимир Ильич, прорываются довольно резкие ноты политического протеста против «разыгравшейся во всю ширь реакции». С особенной же силой революционные настроения передовых элементов студенчества выражены во втором документе, выработанном казанскими студентами, где сформулированы основные конкретные требования к правительству. Назывался этот документ «Петиция, поданная казанскими студентами ректору университета на сходке 4 декабря 1887 г.». Обоснование студенческих требований дано в следующих выражениях «петиции»:

«Собрало нас сюда не что иное, как сознание невозможности всех условий, в которые поставлена русская жизнь вообще и студенческая в частности». Вопреки некоторым элементам студенчества, желавшим остаться на почве чистой «корпоративности», «академичности», в «петиции» несомненно под влиянием таких студентов, как Владимир Ильич, подчеркивается связь положения студенчества со всей бесправной жизнью всего русского общества. И студенты, авторы этой «петиции», считают себя выразителями интересов всего народа, когда дальше пишут, что студентов собралось также желание «обратить внимание общества на общеполитические условия в России и на те требования, которые студенты пред'являют правительству».

К чему сводились в тот период эти требования?

В «петиции» были сформулированы четыре основных пункта. В первом пункте говорилось о студенческом уставе, о необходимости решительной его демократизации, о прекращении полицейского надзора и произвола по отношению к студентам, о том, что «для всех российских университетов устав должен быть один и тот же», о праве «сходок», то есть право собраний для обсуждения дел, касающихся студенчества, о праве иметь свои библиотеки, читальни, кухмистерские и прочее, о стипендиях. Во втором разделе выставлялось требование: «Уничтожение сословности и всякого рода препятствий, затрудняющих доступ в учебные заведения (например, высокая плата, обязательная форма и т. п.)». Студенты дальше добивались не только прекращения преследований студентов, но, писали они, «справедливость требует, чтобы наши товарищи—всех университетов,—исключенные за студенческие волнения, были приняты вновь». За-

ПЕТИЦІЯ
ПОДАННАЯ КАЗАНСКИМИ СТУДЕНТАМИ
РЕКТОРУ УНИВЕРСИТЕТА
НА СХОДКѢ 4го ДЕКАБРЯ 1887 ГОДА

Собрали насъ сюда ничто иное какъ сознание невозможности всѣхъ условій, въ которыя поставлена русская жизнь вообще и студенческая въ частности, а также желаніе обратить вниманіе общества на эти условія и презвѣвить правительству даже слѣдующія требованія. Мы пришли къ заключенію, что:

I Реформы невозможна-ближайшаго будущаго по отношенію къ университетамъ должны быть слѣдующія:

- а) для всѣхъ русскихъ университетовъ уставъ долженъ быть одинъ и тотъ же;
- б) университетомъ должна завѣдывать коллегія студентовъ совершенно самостоятельно;
- в) никакого контроля со стороны университета надъ частной жизнью студентовъ не должно быть;
- г) студентамъ должна быть предоставлена право сходами для обсужденія дѣлъ, касающихся студенчества, а также право коллективной подачи петицій;
- д) право имѣть свои библіотеки, читальни, кассы взаимопомощи, кухмистерскія и управлять ими чрезъ своихъ выборныхъ;
- е) долженъ быть гласный студенческой судъ, рѣшенія котораго профессорская коллегія не можетъ ильцитировать;
- ж) студенты получаютъ право распределять стипендіи и пособія по усмотрѣнію создаваемыхъ отъ студенчества лицъ.

II. Уничтоженіе сословности всякаго рода препятствій, затрудняющихъ доступъ въ учебныя заведенія [напримѣръ высокая плата, форма и тому подобное].

III. Справедливость требуетъ чтобы всѣ наши товарищи всѣхъ университетовъ, исключенные за студенческія волненія были приняты вновь.

IV. Для удовлетворенія возмущеннаго нашего и общественнаго мненія необходимо что бы были наказаны тѣ лица, по приказанію или недосмотру которыхъ были совершены въ 20^{хъ} числахъ прошедшаго мѣсяца зверскія насилія надъ нашими товарищами московскими студентами и даже убійства официально скрываемыя.

КАЗАНСКІЕ СТУДЕНТЫ.

Петиція, поданная казанскими студентами ректору университета на сходке 4 декабря 1887 года.

Центральный музей В. И. Ленина.

канчивалась «петиція» пред'явленіемъ правительству слѣдующаго требованія: «Для удовлетворенія возмущеннаго нашего и общественнаго мненія необходимо, чтобы были наказаны те лица, по приказанію или недосмотру которыхъ были совершены в 20-х числахъ прошедшаго мѣсяца зверскіе насилія или даже убійства, официально скрываемыя, надъ нашими товарищами, московскими студентами».

Попечитель Казанскаго учебнаго округа Масленниковъ, препровождая эту «петицію», какъ и «воззваніе», министру на-

роднаго просвѣщенія, указывалъ на «отсутствіе практическаго смысла в дерзкихъ студенческихъ требованіяхъ» и констатировалъ отсутствіе в нихъ какого-либо чисто мѣстнаго оттенка, считая волненія казанскаго студенчества частью общерусскаго студенческаго движенія.

При первой же встречѣ полицейской ищейки, университетскаго инспектора Потапова, со студентами инспекторъ закричалъ: «Требую разойтись, негодяи, или я вынужденъ буду позвать полицію и применить силу». Возмущенные студенты ста-

ли на него наступать, а один из них ударил его по лицу и был тут же задержан. Когда же после настойчивых требований студентов к ним явился ректор университета Кремлев, он объявил студенческую сходку противозаконной и также предупредил собравшихся, что «если студенты не разойдутся, то все они будут переданы во власть полиции и войска». Студенты стали добиваться, чтобы ректор ознакомился со сформулированными ими требованиями и передал их министру. Кремлев ответил, что он не может не сообщить об этом министру, ибо подача требования студентами есть новое нарушение ими установленных правительством правил. Он заявил, что заранее знает, что в «петиции» речь идет о давно известных вещах: о разрешении сходок, депутатий, читален, ссудных касс, кухмистерских, о стипендиях и пособиях, — словом, о вещах, которые были не раз предметом обсуждения при выработке университетского устава. «И если такие учреждения не существуют, — заявил Кремлев, — значит, правительство признало существование их ненужным, и это есть твердое решение правительства».

Во мнении начальства от министерства народного просвещения (или «министерства народного затемнения», как Ленин называл это царское учреждение) этого ректора считали «ужасным либералом» за его недружелюбное отношение к инспектору Потанову. А между тем ректор Кремлев (как он сообщил об этом в записке министру) заявил студентам на сходке «о противозаконности настоящего поведения, устроивших сходку для подачи петиции и о необходимости наказания за такое поведение» и о том, что «самозванное принятие на себя студентами не присвоенной им законом роли есть нарушение прав того самого общества, о котором они якобы принимают на себя заботу». Перед пылавшей негодованием молодежью ректор счел уместным прочесть чуть ли не целую лекцию о государственном праве, лекцию, обосновавшую реакционную политику царского правительства. Правительство-де справедливо: пресекает всякую попытку отдельных людей или групп людей самовольно вмешиваться в такую деятельность, которая по закону им не предоставлена. Такое противозаконное вмешательство наносит вред обществу и потому не может быть терпимо.

Ректор в своем донесении по начальству бахвалился, будто собравшиеся студенты его слушали чуть ли не с затаенным дыханием. Но есть другое, более достоверное свидетельство оценки студенчеством либерально-монархической проповеди ректора — профессора римского права. В прокламации, выпущенной студентами несколькими дня-

ми позже, говорилось: «Навстречу нам пласта «наука для науки», которую так яростно защищали некоторые из гг. профессоров на сходке 4-го декабря, та наука, благодаря которой мы, студенты, могли бы спокойно и бесстрастно смотреть на гнет и страдания дорогой родины. Мы не пошли за нашими учителями».

Эти, полные политического достоинства слова относились не к одному только ректору университета Кремлеву.

В то время как ректор пытался направить мысли и чувства студентов по благонадежному либерально-монархическому руслу, в ректорской собралось 16 профессоров и 5 приват-доцентов университета. Они решили поручить действительному статскому советнику профессору Щербакову, декану медицинского факультета, как указывает сам Щербаков в своей записке на имя ректора, «высказать студентам мнение всех присутствующих моих товарищей о незаконности поступка университетской молодежи и напомнить ей ее прямые обязанности». Этот царский слуга, представитель «науки для науки», доказывал студентам, что в университете, «этом храме чистой науки, нет места беспорядкам, подобным настоящему». Студенты-де пришли в университет «учиться и только учиться». Студентов должны занимать «только чисто научные интересы, решать же вопросы общественные вы не призваны, да и не можете». В подобном верноподданническом духе выступали перед студентами и другие профессора. Но среди профессуры Казанского университета не было полного единодушия. Среди профессоров были и в известной степени оппозиционно настроенные элементы. Из 60 профессоров попечитель учебного округа считал «наименее благонадежными» профессоров Васильева и Преображенского (последний пользовался большим авторитетом среди студентов и был горячо встречен собравшимися, когда сообщил, что его прошение об отставке, наконец, удовлетворено).

Студенческая сходка 4 декабря продолжалась около 4 часов. Она обнаружилла политическую пропасть между студенчеством и профессурой.

Студенты решительно настаивали на принятии университетским начальством их справедливых требований. Попечитель учебного округа в 3 часа 45 минут для дал ректору формальное распоряжение «на основании ст. 8-й устава, немедленно покинуть зал и очистить его от студентов с помощью полиции, а если нужно, то и войска, которого целый батальон, и с боевыми патронами уже наготове».

Когда ректор сообщил студентам об этом приказе попечителя учебного округа, они в знак протеста против разгона собрания,

а также в знак того, что ни ректор, ни профессора не оставили никаких надежд на осуществление их требований, стали возвращать, по предложению выбранного еще в начале сессии президиума («комитета»), свои входные билеты, бросая их на стол перед кафедрой.

Университетская инспекция во время этого собрания негласно отмечала всех наиболее активно действовавших студентов и особенно усердно следила за студентом-юристом Владимиром Ильичем Ульяновым, как братом казненного весной 1887 года Александра Ульянова.

Перед уходом с собрания студенты добились от ректора, чтобы на их пути не было ни полиции, ни университетской инспекции. «Дело и здесь, как в Москве, — замечает официальная министерская записка о движении среди казанского студенчества, — окончилось полным торжеством взбунтовавшихся студентов и поражением университетской инспекции и вообще правительственной власти».

Студенческие волнения продолжались и в последующие дни. Попечитель учебного округа доносил министру, что «бурное брожение между студентами продолжалось как в этот, так и в последующие дни: студенты толпами ходили по городу и по Воскресенской улице, в особенности, где здание университета и 1-я полицейская часть».

Начальник Казанского губернского жандармского управления, 4 декабря сообщая в Департамент полиции о происшедших беспорядках, об оставленных студентами билетах, о ведшемся следствии, заканчивал свою телеграмму словами: «Руководителей полагаю арестовать». Казанский губернатор в ответ на телеграмму жандармов и свою собственную получил от министра внутренних дел телеграфное распоряжение: «Благоволите исключенных студентов немедленно выслать из города».

Попечитель Казанского учебного округа и Казанское губернное жандармское управление выполнили неукоснительно распоряжение петербургского начальства.

5 декабря университет по распоряжению попечителя округа был закрыт до февраля 1888 года; его же решением было исключено из университета 45 студентов, среди которых был Владимир Ильич (свидетельство об исключении из университета выдано 7 декабря 1887 года). Вслед за этим попечитель уволил еще 23 студента. Такая же расправа со студенчеством была организована и в Ветеринарном институте.

В ночь с 4 на 5 декабря на своей квартире был арестован Владимир Ильич. Одновременно был арестован ряд других студентов.

Интересно то место донесения попечителя округа, которое говорит об отношении

«общества» к разыгравшимся событиям. В донесении отмечается, что «публика вообще обнаруживала любопытство к беспорядкам и сочувствие к высылаемым. Еще в самом полицейском поименовании и на дороге их в большом количестве снабжали деньгами». В «Кратком курсе истории ВКП(б)» указывается, что репрессии царского правительства против студентов вызвали «протесты» со стороны их отцов, либеральных помещиков и либеральных буржуа.

4

В официальных документах показаны разные цифровые данные о студентах, исключенных в 1887 году из Казанского университета. Список за подписью попечителя округа Масленникова содержит 39 лиц; в списке полицмейстера с указанием, кто куда выслан, приводятся 46 человек, а в большой таблице за 1887 год по разным университетам, составленной Георгиевским, по Казанскому университету показаны 45 исключенных студентов.

В официальной сводке итогов студенческих беспорядков за 1887 год приводятся следующие цифровые данные: среди 45 исключенных из Казанского университета студентов было: дворян — 3, сыновей чинов гражданских ведомств, сыновей генштаб- и обер-офицеров — 2, сыновей купцов — 2, сыновей лиц духовного звания — 5, сыновей мещан — 12, сыновей крестьян — 6, сыновей нижних воинских чинов — 1, сыновей разночинцев — 2 и сыновей иностранцев — 1; по религии: православных — 38, католиков — 2, лютеран — 1, евреев — 4.

Царские чиновники, делая различные цифровые выкладки и процентные сопоставления, пришли к выводу о том, что студенческое движение было в массе своей «мещанским». «Причисляя к высшим сословиям и званиям — дворян, чиновников, генералов и офицеров, лиц духовного звания и почетных граждан, всех же прочих к низшим сословиям и званиям, усматриваем, — пишет Георгиевский, — что все это беспорядочное движение было преимущественно мещанским, особенно в университетах». Исходя из этой номенклатуры министерские чиновники сделали по Казанскому университету вывод, что «на долю одних мещан падает 26,6%, а на долю мещан вместе с прочими низшими классами — 53,3%».

То, что царские бюрократы характеризовали как «мещанское» движение, было на самом деле, как это видно из студенческих требований, сформулированных ими в документах, явно демократическим движе-

нием, направленным против царского самодержавия.

В эту пору, как и в последующие годы, участниками студенческого движения являлись люди, дальнейшие пути которых оказались диаметрально-противоположными. Так, в революционном движении казанских студентов в 1887 году активно участвовал В. П. Ленин, и вместе с тем тогда же был исключен за участие в студенческом движении будущий либерально-монархический писатель, впоследствии белоэмигрант Е. Чириков.

Владимир Ильич Ленин был одним из наиболее революционных представителей студенчества. Рассказ тов. В. Адоратского со слов Ильича о его разговоре с приставом, который арестовал его и отвезил в 1-ю полицейскую часть, свидетельствует о глубоких революционных настроениях молодого Ленина:

«— Что вы бунтуете, молодой человек? Ведь перед вами стена,— сказал пристав.

— Стена, да гнилая, тщи — и развалится,— ответил, но задумываясь, Владимир Ильич» (цит. по кн. А. И. Ульянова и Е. Л. Заровой «Воспоминания об Ильиче», стр. 28).

Анализ списка исключенных и арестованных студентов прежде всего указывает на то, что основную роль в движении казанского студенчества играли студенты старших курсов, что первокурсников из всего большого приема 1887 года было всего трое и среди них В. П. Ульянов, что во всем этом списке нет ни однолеток Ленина, ни людей моложе его; из активных участников студенческих волнений конца 1887 года только один Владимир Ильич родился в 1870 году, остальные студенты были более ранних годов рождения, вплоть до 1859 года.

Один из студентов, арестованных вместе с Владимиром Ильичем, Е. П. Фосс, рассказывает:

«В ночь с 4-го на 5-е декабря арестовано было более 100 казанских студентов (из 800), среди них, конечно, и студент Ульянов — за участие в сходке. Сначала некоторых из нас рассадили по одиночкам, затем перед сортировкой и высылкой, — в общую камеру пересыльной тюрьмы, именовавшуюся тогда «крепостью»... здесь же вместе с нами оказался и В. П. Несмотря на арестантские халаты, в которые нас нарядили, на то, что большинство более суток ничего не ел..., на массу паразитов на нарах, среди молодежи царил радостное, веселое возбуждение, сочиняли прозой и стихами воззвания «на волю», пели революционные и просто студенческие песни, рассказывали о всевозможных эпизодах последних дней и пр. и пр. В. П. был все время молчалив, сосредоточен и не прини-

мал никакого участия в общем оживлении. Кому-то пришло в голову произвести «анкетный» опрос товарищей по заключению, кто что думает предпринять по освобождению (подразумевалось выдворение из Казани). Большинство, видимо, оказалось застигнутым врасплох, давались неуверенные, а подчас и по совсем искренние ответы, прикрытые нигде деланной бесшабашностью... Когда очередь дошла до студента Ульянова и ему был задан в полусмугливом тоне вопрос: «Ну, а ты, Ульянов, что думаешь делать потом?» Он, после некоторой паузы, как бы очнувшись от задумчивости, слегка улыбувшись, сказал, что перед ним одна дорога, дорога революционной борьбы».

Этот ответ Владимира Ильича, сообщаемый Е. П. Фоссом, указывает, что Ленин уже тогда выбрал для себя путь революционера. Что касается самого характера этого пути, то в своих воспоминаниях родные Ленина рассказывают о том, какое сильное впечатление на семнадцатилетнего Ленина произвела гибель любимого его брата, как серьезно и глубоко задумался юноша Ленин над путями, которыми впредь должно идти революционное движение. Родные Ильича при этом рассказывают, что он тогда же сказал, что революционеры должны идти не путем террористов-народовольцев. «Нет, мы пойдем не таким путем, — сказал тогда гимназист Ленин, — не таким путем надо идти».

В связи с их исключением из университета и высылкой студенты выпустили гектографированную прокламацию следующего содержания:

«Прощай, Казань! Прощай, университет! Немалое еще то время, когда мы везжали сюда полные веры и любви к университету и его жизни, мы думали, что здесь, в храме науки, мы найдем те знания, опираясь на которые мы могли бы войти в жизнь борцами за счастье и благо нашей измученной родины!.. Но навстречу нам шла та «наука для науки», которую так яростно защищали некоторые из гг. профессоров на сходке 4 дек., та наука, благодаря которой, говорили они, мы, студенты, могли бы спокойно и бесстрастно смотреть на гнет и страдания дорогой родины. Вместе с тем нас охватило и деморализующее влияние инспекции и ее клочки шиповников-клеветников... Мы не пошли за нашими учителями. Мы сгруппировались в землячества, твердо веруя, что здесь в товарищеском кругу мы поддержим друг друга, здесь мы найдем также и выход нашим страстным стремлениям к развитию в нас убеждений и взглядов, творческих и частных, читая и беседуя друг с другом... Но нам запретили организовываться в землячества, грозя исключением!.. С каждым днем гнет нового

Деревня Кокушкино, Казанской губернии. — место первой ссылки В. И. Ленина.

С акварели Порывкина,
Центральный музей В. И. Ленина.

устава чувствовался все жестче и жестче... На весь этот гнет мы сдержанно отвечали мирными протестами в дни нашего университетского акта; кроме того мы письменно обращались ко всем профессорам, приглашая прийти к нам на помощь в борьбе с гнетом нового университетского устава. В ответ — ни слова. Наконец, вышел в свет известный циркуляр, закрывший доступ в гимназии, а тем самым и в университет, немущей молодежи, детям труженников, бедняков, детям крестьян, мещан и т. д. Все это страшно возмутило нас». Далее в прокламации говорится о «нахальной и зверской расправе со студентами Московского университета», и заканчивается прокламация следующими словами: «Мы уезжаем из Казани с глубокой верой в правду нашего дела». P. S. «Некреннее спасибо за сочувствие и материальную поддержку многих членов Казанского общества!!!»

Всех арестованных студентов царское самодержавие выслало из Казани на «родину». Так как в Симбирске никого из родных семьи Ульяновых не осталось, ибо семья Владимира Ильича жила вместе с ним в Казани, Лени был выслан 7 декабря в принадлежавший Ульяновым и Веретенниковым хутор Кокушкино, Черемышевской волости, Лаишевского уезда, в 40 верстах от Казани. Здесь в тот период под глазным надзором полиции жила старшая сестра Владимира Ильича Анна Ильична. Туда же вскоре переехала мать Владимира Ильича вместе с младшими детьми.

5

Царское правительство не только не прекратило своих репрессий по отношению к Владимиру Ильичу, но вслед за его высылкой в Кокушкино организовало систематическое за ним полицейское наблюдение. Начальник Казанского губернского жан-

дарского управления обратился 25 января 1888 года к «Господину Казанскому Губернатору» со следующим «секретным», «весьма нужным» отношением:

«В виду сведений, изложенных в полученном мною предписании Департамента Полиции от 16-го сего января за № 171/531 и указывающих, что состоявший студентом Юридического факультета Императорского Казанского университета Владимир Ильич Ульянов — брат казенного по делу 1-го марта 1887 года государственного преступника Ульянова — исключенный из университета за участие в студенческих беспорядках, происшедших 4-го декабря прошлого года и 7 числа того же декабря месяца высланный, по распоряжению Вашего Превосходительства, в деревню Кокушкино Лаишевского уезда и, может быть, продолжает принимать деятельное участие в организации революционных кружков среди казанской учащейся молодежи, вследствие чего Департамент Полиции признает необходимым учреждению подлежащего негласного наблюдения за вышеупомянутым Владимиром Ульяновым, я, не располагая средствами для достижения этого без огласки, особенно при нахождении Ульянова в деревне, имею честь покорнейше просить распоряжения Вашего Превосходительства о немедленном же со стороны чинов местной Уездной Полиции учреждении строжайшего секретного наблюдения за вышеозначенным Ульяновым, причем необходимо иметь в виду не только его самого, но и лиц, его посещающих, а равно необходимо всегда иметь точные и подробные сведения — с кем он ведет и будет вести переписку при этом покорнейше прошу, чтобы о всем замеченном Лаишевский уездный исправник немедленно сообщал мне непосредственно».

Получив это жандармское «отношение», казанский губернатор Андрусовский 27 ян-

варя 1888 года обратился с соответствующим предписанием к даншевскому исправнику об установлении «строжайшего секретного наблюдения за упомянутым Ульяновым».

Владимир Ильич получил в первые месяцы, оказавшиеся вместе с тем и последними месяцами его пребывания в Казанском университете, свое первое боевое революционное крещение. Это было его первое столкновение с царским самодержавием.

Уже с самого появления Владимира Ильича в Казани летом 1887 года за ним была учреждена систематическая слежка. О результатах своих наблюдений царские охранники сообщали после событий 4 декабря в Департамент полиции следующее: «В конце минувшего года в г. Казани образовался кружок крайне вредного направления, к которому принадлежал брат Патана Богораза, исключенный из таганрогской гимназии Лазарь Богораз, брат казенного Александра Ульянова — студент Казанского Университета Владимир Ульянов, студент Казанского Ветеринарного Института Константин Виготницкий (близкий знакомый казенного Андреюшкина), Александр Скворцов, Иван Воскресенский и другие. Кружок этот поддерживал сношения с петербургскими кружками противоположительственного направления».

По этому поводу упоминаемый в жандармском донесении А. Скворцов, исключенный также в тот период из института, сообщает в своих воспоминаниях, написанных для Истпарта Татобкома ВКП(б), о том, что в Ветеринарном институте учился Лазарь Богораз (брат известного впоследствии писателя-народника «Тана» — Богораза). Он был руководителем «кружка самообразования», участниками которого были студенты. В этот же кружок вступил в сентябре 1887 года и Владимир Ильич. В кружке читали Бокля, Маркса, Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Шапова, Писарева. Членом кружка был также и автор воспоминаний. У него на хранении было полученное в Казани письмо казенного вместе с Александром Ильичем Ульяновым Андреюшкина, написанное им накануне его ареста 1 мая 1887 года. Владимир Ильич, узнав об этом, захотел прочитать это письмо и взял его у Скворцова на несколько дней.

Молодой Ленин, принявший такое активное участие в революционном движении студентов, был не только участником студенческих кружков во второй половине 1887 года. В жандармском отношении губернатору высказывается предположение, что высланный в Кокушкино Владимир Ильич продолжает принимать деятельное участие в организации революционных кружков среди казанской молодежи. Несом-

ненно, что Ильич активно участвовал в организации революционных молодежных кружков, хотя прямых данных об этом не сохранилось.

Сообщение А. Скворцова, как и рассказ П. Алексеева, а особенно воспоминания тов. В. Адоратского свидетельствуют о том, что семнадцатилетний студент-юрист Владимир Ильич Ульянов, воспитывавшийся в самой передовой семье Симбирска, был политически подготовлен к сознательному активному участию в революционном движении студентов 1887 года.

О том, как глубоко переживал Владимир Ильич в Кокушкине казанские события ноября—декабря 1887 года, рассказывает Анна Ильинична Ульянова-Елизарова в цитированных уже ею «Воспоминаниях об Ильиче». «Мне брешлось в глаза,—пишет она в своих воспоминаниях,— что Володя, обычно почти не писавший писем, строчит что-то большое и вообще находится в возбужденном состоянии. Я спросила его, кому он писал. Оказалось—товарищу по гимназии, поступившему в другой—помнится, в один из южных—университет. Описал в нем, конечно, с большим задором студенческие беспорядки в Казани и спрашивал о том, что было в их университете». Владимир Ильич—«в повышенном настроении, прохаживаясь по комнате и с видимым удовольствием передавал мне те резкие эпитеты, которыми он награждал инспектора и других властей преследующих».

В Кокушкине Владимир Ильич много читал: там оказался шкаф с книгами его покойного дяди и старыми журналами, в которых было много ценных статей.

Во время пребывания Владимира Ильича в Кокушкине Казанское губернское жандармское управление в своем донесении от 8 февраля 1888 года составило на Ленина, как состоящего под негласным надзором полиции, следующую анкету:

«1. Имя, отчество, фамилия, сословие и лета от роду: Владимир Ильич Ульянов, дворянин, 18 лет. **2. Семейное положение:** отец умер, мать Марья Александровна Ульянова 50 лет. Дочери Анна, девица 22 лет, Ольга — 16 лет, Марья — 9; сыновья: Владимир 18 л., Дмитрий — 13 л. **3. Имущественное обеспечение:** пенсия отца в 1300 руб. **4. Место постоянного жительства:** Деревня Кокушкино, Черемшевской волости, Лаишевского уезда. **5. Обстоятельства прошедшей жизни поднадзорного и настоящее его занятие.** До сих пор учился дома и в гимназии в г. Симбирске. Пребыл 3 мес. в Казанском Университете, откуда исключен за участие в студенческих беспорядках 4 дек. 1887 г. В настоящее время занимается продолжением своего образования. **6. Год, число и №**

распоряжения Деп. Полиции, по которому учрежден надзор: негласный надзор учрежден на основании П. 3. Министра Внутренних Дел от 9 апр. 1882 г.» («Красный архив» 1934 г. № 1).

6

С осени 1888 года Ильичу было разрешено переселиться вновь в Казань, куда снова переехала и его мать с младшими детьми. Но поступить в университет ему не удалось. 9 мая 1888 года «бывший студент» Владимир Ильич Ульянов, «желая получить возможность продолжать свое образование», направил из Кокушкина ходатайство министру просвещения об обратном приеме его в университет. В этом ему было отказано Департаментом полиции на основании сообщения попечителя округа от 14 июня 1888 года, давшего о нем отрицательный отзыв. Отзыв же попечителя в Департамент народного просвещения был основан на следующем донесении инспектора Потапова:

«Ульянов Владимир. Скрытный, невнимательный и даже невежливый, что очень порождало ввиду того, что он при окончании курса в гимназии получил золотую медаль. Еще дня за два до ссодки подал повод подозревать его в подготовке чего-то нехорошего: проводил время в курильной, беседуя с Зегрждой, Ладыгинным и другими, уходил домой и снова возвращался, принося по просьбе других что-то с собой и вообще о чем-то шушукаясь; 4-го же декабря бросался в актовй зал в первой партии, и вместе с Полянским первыми неслись по коридору 2-го этажа, махая руками, как бы этим желая воодушевить других; уходя со ссодки отдал свой входной билет. В виду исключительных обстоятельств, в которых находится семья Ульяновых, такое отношение его на ссодке дало повод инспекции считать его вполне способным к различного рода противозаконным и даже преступным демонстрациям».

На этой докладной записке попечителя Казанского округа Масленникова директор Департамента народного просвещения написал карандашом: «Уж этот не брат-ли того Ульянова, вель тоже из Симбирской гимназии?.. Отнюдь не следует принимать». На этом же отношении попечителя округа рукой директора записано: «По докладу Г-ну министру 22 июля Его Высочайшее Превосходительство изволил приказать отклонить ходатайство просителя».

«Господи министр» был не кто иной, как знаменитый царский мракобес министр просвещения Делянов.

В ответ на новое ходатайство матери Ленина от 31 августа 1888 года о приеме Владимира Ильича в один из университетов Департамент полиции министерства внутренних дел писал казанскому губернатору:

«Проживающая в г. Казани (Профессорский пер. дом Завьяловой) вдова действительного Статского Советника Марья Александровна Ульянова обратилась в Департамент Полиции с ходатайством о дозволении сыну ее Владимиру, исключенному из Казанского университета за участие в последних беспорядках, прибыть в Казань для поступления вновь в число студентов названного университета.

Сообщая об изложенном, Департамент Полиции имеет честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать распоряжение об объявлении просительнице, что принятие сына ее Владимира Ильича Ульянова обратно в Казанский университет представляется, по мнению Департамента, преждевременным».

16 августа губернатор предписал полицеймейстеру сообщить Марии Александровне об отказе Департамента полиции.

Владимир Ильич после этого, 6 сентября 1888 года, обратился из Казани к «его сиятельству господину министру» с просьбой разрешить ему выезд за границу. Свою просьбу «бывший студент — Владимир Ульянов» мотивировал следующим образом:

«Для добывания средств к существованию и для поддержки своей семьи я имею настоятельную надобность в получении высшего образования, а потому, не имея возможности получить его в России, имею честь просить Ваше сиятельство разрешить мне отезд за границу для поступления в университет».

Но и в этом ему отказало царское правительство. Департамент полиции 23 сентября 1888 года в «отношении» к казанскому губернатору Андреевскому предписывал: «Заграничного паспорта ему не выдавать» и «приказать ему объявить, что Департамент Полиции находит выезд его за границу преждевременным».

Царизм удержал молодого Ленина в России, боясь выпустить за границу «государственного преступника». Исторически вышло так, что оставленный в Казани Ленин стал формироваться здесь как революционный марксист. Казань явилась колыбелью революционно-марксистского мировоззрения Владимира Ильича, началом всемирноисторического, славного в веках пути великого Ленина.

О работе В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма»

1

Книга «Империализм, как высшая стадия капитализма» написана В. И. Лениным в январе—июле 1916 года в городе Цюрихе (Швейцария), где Ленин жил в эмиграции. В этой книге, написанной в самый разгар первой мировой империалистической войны, дан глубочайший анализ экономических основ, экономической сущности капитализма на той ступени его развития, которой он достиг к концу XIX— началу XX века.

«Заслуга Ленина и, стало быть, новое у Ленина состоит здесь в том, что он, опираясь на основные положения «Капитала», дал обоснованный марксистский анализ империализма, как последней фазы капитализма, вскрыв его язвы и условия его неизбежной гибели» (Н. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 170. 10-е изд.).

В этой книге дано гениальное обоснование ленинской теории социалистической революции, той новой теории о возможности победы социализма в отдельных странах, которая подняла марксизм на новую, высшую ступень и легла в основу борьбы современного нам мирового коммунистического движения.

Работа Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» является дальнейшим развитием, продолжением «Капитала» — величайшего экономического труда, созданного основоположником научного коммунизма Марксом. В «Капитале», над которым Маркс работал больше двух десятков лет, раскрыты законы развития капитализма, его противоречия, показано, как возник и развивается капиталистический строй и почему неизбежна его гибель. Маркс дал всесторонний анализ законов, управляющих развитием капитализма. Он

установил, что по мере развития буржуазного строя растет и крепнет рабочий класс — могильщик капитализма. Маркс доказал в «Капитале», что пролетариат на известной ступени развития буржуазного общества свергает капитализм и устанавливает свою власть для того, чтобы навсегда уничтожить эксплуатацию человека человеком и построить коммунизм.

Маркс жил и работал в эпоху промышленного капитализма, то есть тогда, когда капитализм еще шел в гору и содействовал развитию производительных сил. Ленин жил и работал в эпоху империализма, когда капитализм созрел и перерел, когда дальнейшее его существование стало величайшим препятствием развитию производительных сил, когда наступил канун пролетарской революции.

Ленин в своей книге показал, как при империализме обостряются все основные противоречия капитализма и как возникают новые противоречия. Ленин исследовал новую ступень развития капитализма — империалистическую — так же всесторонне, как Маркс в «Капитале» — капитализм доимпериалистический.

Так же, как и Маркс во время работы над «Капиталом», Ленин, работая над своей книгой, использовал целые горы фактического материала и огромную литературу. Институт Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б) опубликовал подготовительные работы Ленина к «Империализму» (Ленинские сборники XXII, XXVII, XXVIII, XXIX). Это 20 тетрадей с записями, конспектами и выписками, сделанными Лениным из работ буржуазных и мелкобуржуазных экономистов об империализме. Ленин, излекаясь над ограниченностью, глубиной, лицемерием буржуазных экономистов, в то же время тщательно соби-

раст, сопоставляет, критически проверяет и использует приводимые ими данные.

Но далеко не полному предварительному подсчету, в своих 20 подготовительных трудах к «Империализму» Ленин использовал 603 книги. Из них он дал в своих выписках оценку 149 книгам. Кроме книг Ленин использовал 97 названий журналов, газет и различных ежегодников. Плодом этого сверхчеловеческого труда явилась книга, осветившая, как светом гигантского прожектора, сущность последней ступени капитализма—империалистической. Труд Ленина—научное произведение исключительной глубины и силы — создал такой же поворот в познании черт и особенностей империализма, какой создал «Капитал» Маркса в изучении капитализма доимпериалистического.

Проблемами империализма Ленин занимался задолго до первой мировой империалистической войны. Летом 1904 года Ленин начал переводить на русский язык книгу английского экономиста Гобсона «Империализм». Еще раньше, в статье «Национальный вопрос в нашей программе», Ленин писал о наступлении новой эпохи — кануна пролетарской революции (см. Ленин. Т. V, стр. 340).

В 1907 году Ленин в ряде статей осветил роль крупных капиталистических объединений, картелей и трестов, господство которых является одной из характерных черт империализма.

В статье «Марксизм и ревизионизм» Ленин писал: «Картели и тресты, объединяя производство, в то же время усиливали на глазах у всех анархию производства, необеспеченность пролетариата и гнет капитала, обостряя таким образом в невиданной еще степени классовые противоречия. Что капитализм идет к краху — и в смысле отдельных политических и экономических кризисов, и в смысле полного крушения всего капиталистического строя, — это с особенной наглядностью и в особенно широких размерах показали как раз новейшие гигантские тресты» (Ленин. Т. XII, стр. 186).

В статье «Исторические судьбы учения Карла Маркса», опубликованной в «Правде» в марте 1913 года, Ленин писал о том, что приближается новая эпоха революционных битв рабочего класса против буржуазии. Он указывал, что наступлению этой новой эпохи связано с господством крупнокапиталистических объединений.

Мы видим, таким образом, что проблемы империализма Ленин ставил задолго до возникновения первой мировой империалистической войны. Начало этой войны побудило Ленина заняться вплотную всесто-

ронным изучением империализма. Ленин задолго до войны проявлял предательство открытых и скрытых оппортунистов, их прямой переход на сторону буржуазии в случае войны. В годы войны Ленин вел ожесточенную борьбу как против открытых предателей рабочего класса, прямых защитников буржуазии — социал-шовинистов Шейдемана, Плеханова, Ледина, — так и против скрытых оппортунистов, центристов—Каутского, Троцкого, Мартова. Против предательских лозунгов «гражданского мира» и «войны до победного конца» Ленин выдвинул лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую, поражения в войне «своего» империалистического правительства, революционного свержения власти буржуазии.

Когда II Интернационал в первые же дни войны 1914—1918 годов позорно изменил делу международного пролетариата, Ленин выдвинул лозунг созидания III Интернационала, очищенного от социал-шовинистов и вообще от оппортунистов всех мастей, — Интернационала революционной борьбы за диктатуру пролетариата и коммунизм.

При чтении «Империализма» следует иметь в виду, что эту свою работу Ленин написал для легального издания (она была закончена печатанием до февральской революции и вышла в издательстве «Нарус» в апреле 1917 года) и что Ленин поэтому был еще вынужден излагать свои революционные выводы «эзоповским языком», приспособленным к царской цензуре.

В апреле 1917 года Ленин об этом писал: «Брошюра писана для царской цензуры. Поэтому я не только был вынужден строжайше ограничить себя исключительно теоретическим — экономическим в особенности — анализом, но и формулировать необходимые немногочисленные замечания относительно политики с громадной осторожностью, намеками, тем эзоповским — проклятым эзоповским — языком, к которому царизм заставлял прибегать всех революционеров, когда они брали в руки перо для «легального» произведения.

Тяжело переживать теперь, в дни свободы, эти искаженные мыслью о царской цензуре, сдавленные, сжатые в железные тиски места брошюры» (Ленин. Т. XIX, стр. 71).

Но и «цензурный» текст рукописи Ленина подвергся искажениям. Засевшие в издательстве редакторы-меньшевики выбросили из работы Ленина целые страницы, посвященные критике Каутского и Мартова, и «смягчили» ряд ленинских формулировок. В своем первоначальном, не изуродованном меньшевистскими «цензорами» виде труд Ленина появился толь-

Империализм, как высшая
стадия капитализма.
(Популярный очерк).

За последние 15-20 лет, особенно после испано-американской (1898) и англо-бурской (1899-1902) войн, экономическая, а также политическая, литература старого и нового света все чаще и чаще останавливается на понятии "империализм" как характеристике переживаемой нами эпохи. В 1902 году в Лондоне и Нью-Йорке вышло в свет сочинение английского экономиста Др. А. Гобсона. "Империализм". Автор, отходя от точки зрения буржуазного социаль-реформизма и пацифизма — односторонней, в сущности, с теоретической позицией бывшего марксиста К. Каутского, — дает очень хорошее и обстоятельное описание основных экономических и политических особенностей империализма. В 1910 году в Вienne вышло в свет сочинение австрийского марксиста Рудольфа Гильфердинга: "Финансовый капитализм" (рус. с

Первая страница рукописи В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма». 1916 год.

Центральный музей В. И. Ленина.

ко в 1926 году и сейчас включен в XIX том сочинений В. И. Ленина.

* * *

Ленин видел задачу своей работы в том, чтобы «изложить... связь и взаимоотношение основных экономических особенностей империализма» (Ленин. Т. XIX, стр. 78).

Ленин начинает свою работу с анализа процесса концентрации производства и образования промышленных монополий в результате этой концентрации.

Ленин доказал, что империализм необходимо возникает на определенной ступени развития капитализма и что основным процессом, приведшим к возникновению новой стадии капиталистического развития, является концентрация капитала и образование монополий.

Свои выводы о концентрации производства Ленин подтвердил данными по Германии и США. Почти половина всего производства в США была сосредоточена накануне войны в 3 тысячах предприятий, охватывавших 268 отраслей промышлен-

ности. Эти 3 тысячи предприятий-гигантов составляли всего сотую долю всех предприятий.

Все послевоенное развитие капитализма доказало правильность ленинского анализа.

В послевоенный период процесс концентрации производства в США значительно усилился. По статистике 1929 года, количество крупнейших предприятий с производством на сумму свыше 1 миллиона долларов в год выросло в 3 с лишним раза по сравнению с 1909 годом. Удельный вес крупнейших предприятий в общем промышленном производстве стал значительно более высоким чем до первой мировой империалистической войны. О росте концентрации производства в послевоенный период свидетельствуют данные по всем крупнейшим капиталистическим странам. В крупнейших промышленных предприятиях Англии, Германии, Японии, Италии и других капиталистических стран сконцентрирована огромная (а в некоторых странах подавляющая) масса продукции и значительная часть рабочих.

Ленин на основе анализа основных данных о концентрации производства установил далее, что «...концентрация, на известной степени ее развития, сама собою подводит, можно сказать, вильную к монополии» (Ленин. Т. XIX, стр. 82). На смену старому промышленному капитализму, основанному на свободной конкуренции, пришел новый капитализм, для которого характерно господство монополий, — монополистический капитализм.

Формы монополий различны. Картели, синдикаты, тресты—это различные формы концентрации промышленности. Высшей ее формой является трест. Наступление эпохи империализма датируется концом XIX — началом XX века, когда «картели становятся одной из основ всей хозяйственной жизни» (Ленин. Т. XIX, стр. 86). При этом господствующую роль начинают играть монополистические организации тяжелой промышленности. Они вынуждают предприятия легкой промышленности покупать уголь, нефть, машины, металл, электроэнергию по вздутым монопольным ценам, наживая на этом огромные сверхприбыли. Монополии концентрируют в своих руках технические усовершенствования и изобретения, создают собственные лаборатории, скупают патенты на изобретения, имеющие более или менее существенное значение для соответствующих отраслей производства.

Господство монополий означает, что производительные силы, созданные капитализмом, уже не уместаются в рамках капиталистического способа производства, что дальнейшее развитие производительных сил требует смены капитализма новым общественным строем. Резкое обострение противоречий между общественным характером производства и частным способом присвоения приводит к тому, что кризисы при монополистическом капитализме становятся особенно резкими и глубокими и, в свою очередь, усиливают концентрацию производства и мощь монополий.

Буржуазные и социал-демократические экономисты вроде Гильфердинга, изменника Бухарина и др. утверждали, что господство монополий означает наступление «организованного капитализма», не знающего анархии производства, кризисов. Ленин показал в «Империализме», что монополии не отменяют анархии производства, присущей капитализму, а, наоборот, крайне ее усиливают. Монополии не устраняют, а, наоборот, обостряют кризисы. «Устранение кризисов картелями есть сказка буржуазных экономистов, прикрашивающих капитализм во что бы то ни стало» (Ленин. Т. XIX, стр. 92).

Кризисы усиливали концентрацию производства и тем самым содействовали в огромной мере наступлению новой стадии в развитии капитализма. Кризисы в эпоху империализма приводят к увеличению мощи монополий.

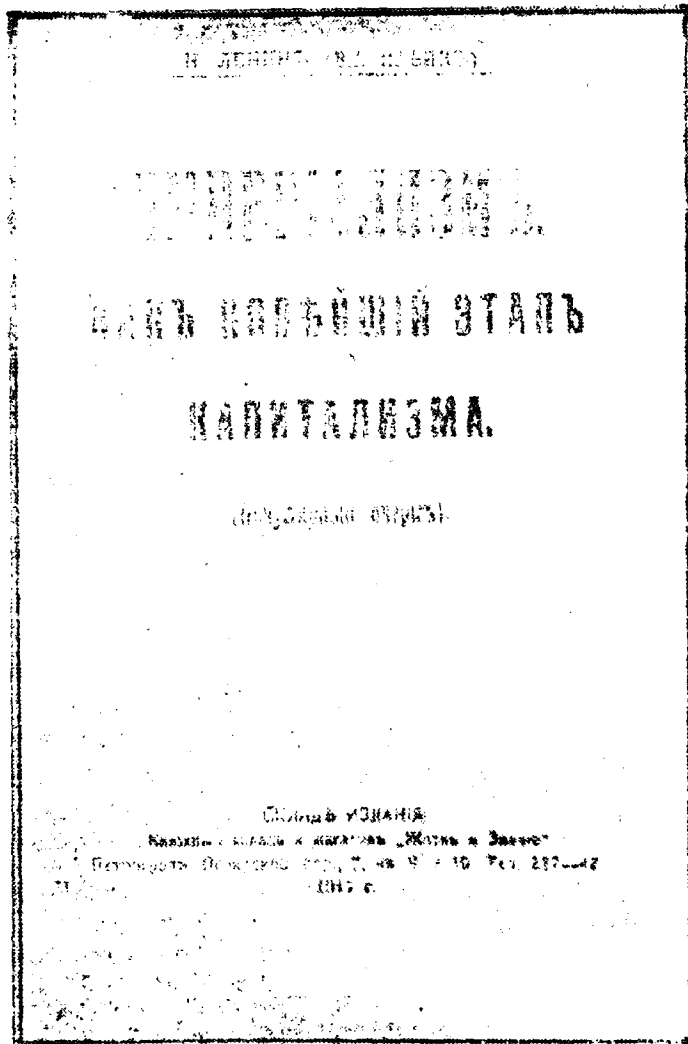
Послевоенные годы целиком и полностью подтверждают положение Ленина об обострении экономических кризисов в эпоху империализма. Экономические кризисы 1920—1921, 1929—1933 и 1937—1939 годов содействовали росту монополий и поглощению ими новых предприятий. Кризис 1929—1933 годов привел к распаду отдельных монополий (например концерн Крейгера в Швеции, концерн Инсулла в США и др.), но наряду с этим выросли монополии, устоявшие в годы кризиса, и возникли новые монополистические объединения.

Усилению экономической власти монополий содействуют и империалистические войны. Во время первой мировой империалистической войны буржуазные государства регулировали хозяйство, чтобы мобилизовать все ресурсы своих стран для войны. Эксплуатация трудящихся масс усилилась в небывалой степени. Монополисты беснуло наживались на военных поставках. Ленин указывал, что война удесятерила роль и значение монополий. Во время первой мировой империалистической войны и после нее капиталистические государства встали на путь принудительного включения мелких и средних предприятий в монополистические объединения.

В период подготовки второй империалистической войны резко усилился нажим монополий на «диких» капиталистов. Уже во время экономического кризиса 1929—1933 годов буржуазные государства провели ряд законов, имевших целью подчинение мелких и средних предприятий крупным монополиям. В период, непосредственно предшествовавший второй империалистической войне, принудительное картелирование и включение в монополии становится всеобщим явлением в странах капитала.

В США подчинению мелких и средних предприятий крупным монополиям содействовал рузвельтовский «Кодекс честной конкуренции». Закон о принудительном картелировании был проведен в Румынии и Англии. В Англии государство финансировало принудительное картелирование хлопчатобумажной промышленности и организацию международного каучукового картеля. В Германии было осуществлено почти полное картелирование промышленности.

Монополии господствуют при империализме. Они грабят и разоряют мелких

Обложка брошюры В. И. Ленина «Империализм, как новейший этап капитализма». 1917 год.

Центральный музей В. И. Ленина.

производителей — крестьян и ремесленников. «...развитие капитализма, — писал Ленин, — дошло до того, что, хотя товарное производство попрежнему «царит» и считается основой всего хозяйства, но на деле оно уже подорвано, и главные прибыли достаются «гениям» финансовых предделок». (Ленин. Т. XIX, стр. 90).

Но господство монополий, как показал Ленин, не означает уничтожения конкуренции. Наоборот, как раз в период монополистического капитализма конкуренция становится особенно острой. Обострение конкуренции капиталистов друг с другом, конкуренция между монополистами и «дикими» предпринимателями — все это усиливает анархию, хаотичность, приеущую капиталистическому производству. «...монополия, — писал Ленин, — ...усиливает и обостряет хаотичность, свойственную в целом капиталистическому производству в целом» (Ленин. Т. XIX, стр. 92).

Развитие капитализма в послевоенные годы привело к огромному росту монополий. Этому особенно содействовали экономические кризисы и подготовка ко второй империалистической войне. Для новых отраслей промышленности, особенно развившихся в послевоенный период, — промышленности искусственного шёлка, автомо-

бильной, химической промышленности, радио, производства алюминия и других — характерен особенно высокий уровень механизации.

Таким образом, два с лишним десятилетия, прошедшие после выхода книги Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма», ярчайшим образом подтвердили выводы Ленина о концентрации производства и о роли монополий в современном капитализме.

Все послевоенное развитие показало, что теория «организованного капитализма» — буржуазная и социал-демократическая ложь, ничего общего с действительностью и с марксизмом не имеющая, прикрашивающая капитализм и ставящая своей целью примирить рабочий класс с капиталистическим строем, заставить его отказаться от социалистической революции.

2

Свой анализ промышленности и образования промышленных монополий Ленин дополняет анализом концентрации банков и образования банковских монополий. В период промышленного капитализма банки были простыми посредниками. Они были звеном между теми капиталистами, которые давали деньги в ссуду, и промышленниками и торговцами, которые эти ссуды получали. С развитием банковского дела происходит концентрация банков, уменьшается количество самостоятельных банковских учреждений.

В начале XX века решающую роль в крупных капиталистических странах приобретает несколько крупнейших банков, которые распоряжаются всеми свободными денежными капиталами крупных предпринимателей и мелких хозяйчиков. Эти несколько крупнейших банков становятся могущественными монополистами в области финансирования промышленности. «Это превращение многочисленных скромных посредников в горстку монополистов составляет один из основных процессов перерастания капитализма в капиталистический империализм...» (Ленин. Т. XIX, стр. 93—94).

На примерах Германии, Франции, Англии, США Ленин показывает, как произошел этот процесс образования банковских монополий, в чем заключается их сила и могущество. Концентрируя в своих руках гигантские массы денежного капитала, крупнейшие банки создают свои отделения, свои филиалы по всей стране. В конце 1909 года 9 крупных берлинских банков распоряжались 83% всей суммы капиталов, которыми распоряжались все банки страны. В Англии 5 самых крупных бан-

ков в начале XX века сосредоточивали в своих руках почти треть всех вкладов.

В послевоенный период произошла дальнейшая огромная концентрация всего банковского дела в Германии, Франции, Англии, США и других странах. В Германии 3 банка распоряжаются подавляющей частью денежного капитала страны. Пять самых крупных английских банков концентрировали в своих руках в 1924 году 72% всех вкладов. В июле 1924 года общее число банков США составляло 29 824. В июне 1937 года осталось всего 14 963 банка. Количество банков сократилось втрое. Среди уцелевших банков главную роль играют две крупнейшие банковские монополии: Рокфеллера и Моргана.

Банковские монополии вращают миллиардными капиталами. Их могущество и сила колоссально выросли в послевоенные годы.

За последние два десятилетия увеличилось количество отделений банков, усовершенствовался сам банковский аппарат, усовершенствовались способы привлечения свободных средств мелкобуржуазных слоев населения. Крупные монополистические банки являются как бы гигантскими сврутами, щупальца которых охватывают всю страну и высасывают все свободные капиталы.

3

Как показал Ленин в «Империализме», концентрация банковского дела и образование банковских монополий сопровождаются объединением, слиянием монополистического промышленного и монополистического банковского капитала. Создается финансовый капитал. Акционерные общества грабят публику путем всякого рода биржевых махинаций и спекуляций. Акционерная форма предприятий обеспечивает финансовой олигархии — кучке капиталистов, сосредоточивших в своих руках финансовый капитал, — господство над банками и промышленностью, контроль над капиталами, во много раз превышающими их личное состояние.

При выпуске акций банки — учредители акционерного общества — присваивают огромные суммы в виде комиссионных и учредительского барыша. Большинство владельцев акций получает лишь доход с них. Никакого отношения к управлению и руководству предприятием мелкие акционеры не имеют. Акционерные предприятия — яркий пример отделения собственности на капитал от приложения капитала к производству. Монополистическая стадия развития капитализма доводит это отделение до грандиозных размеров. Система акционерных обществ, образование слоя рантье, как показывает Ленин, дают возможность фи-

нансовой олигархии мобилизовать в свое распоряжение огромные массы капитала, весь денежный капитал буржуазии.

«Концентрация производства; монополии, вырастающие из нее; слияние или сращивание банков с промышленностью — вот история возникновения финансового капитала и содержания этого понятия» (Ленин, Т. XIX, стр. 107).

Соединение, слияние монополистического банковского и монополистического промышленного капитала находит свое выражение в «личной унии». Ленин приводит данные немецкого буржуазного экономиста Ейцельса, согласно которым 6 крупнейших берлинских банков были представлены через своих директоров и своих членов правления в 751 промышленном обществе. В то же время крупнейшие промышленные монополии в количестве 51 человека были членами наблюдательных советов тех же 6 банков.

В послевоенный период «личная уния» приняла еще большие размеры. Так, в США, в предприятиях общественного пользования (электростанции, газовые заводы, трамвай и т. д.) и финансирующих их обществах 14 человек занимают посты в 75—100 и более обществах; 71 человек состоит членами правлений и наблюдательных советов 50—75 обществ каждый. Во Франции директора и администраторы Парижского нидерландского банка являются одновременно директорами и администраторами 8 железных дорог, Суэцкого канала, 18 предприятий электрической и электротехнической промышленности, 4 предприятий металлургической промышленности, калийного общества и общества добычи цинка, 3 водопроводных и газовых предприятий, 3 нефтяных компаний, 14 страховых обществ, 25 банков и других кредитных учреждений и т. д. Директора Парижского объединенного банка одновременно являются директорами 5 железных дорог, парижского метрополитена, 12 предприятий металлургической, горной промышленности и т. д. Таким образом, кучка финансовых олигархов, вращающих миллиардными капиталами, контролирует и владеет десятками и сотнями предприятий. Во Франции сейчас 200 семейств крупнейших руководителей банков и промышленности распоряжаются большей частью всего промышленного и банковского капитала страны. В их числе Ротшильды, Шнейтеры, де Ванделей, маркизы де Вогюэ, Лораны, Финали и др. В США 64 миллиардера контролируют все капиталы страны. Из 200 крупнейших трестов США 100 самых мощных находятся в руках 10 семейств: Морганов, Меллонов, Дюпонов, Вандербильтов, Гарманов, Рокфеллеров и др. В Японии круп-

нейшими финансовыми магнатами являются владельцы концернов Мицуи, Мицубиси, Сумитомо, Ясуда и Окура. Концерны Мицуи и Мицубиси контролируют 96% всей добычи угля, половину производства чугуна и стали, 100% производства искусственного шёлка, 97% производства бумаги и т. д.

Послевоенное развитие капитализма, таким образом, целиком и полностью подтвердило выводы Ленина об уменьшении числа магнатов капитала и неизбежности роста их экономической и политической мощи.

Как показывает Ленин, финансовая олигархия укрепляет свое господство с помощью выпуска ценных бумаг (акций, облигаций, займов). На выпуске ценных бумаг финансовая олигархия зарабатывает миллиарды за счет обирания мелких и средних акционеров. В послевоенный период выпуск бумаг принял громадные размеры. Если за десятилетие с 1901 по 1910 год, по данным Ленина, общая сумма эмиссий во всем капиталистическом мире составила 197,8 миллиарда золотых франков, то за десятилетие с 1921 по 1930 год общая сумма эмиссий в странах капитала выросла до 447,4 миллиарда золотых франков. При этом произошло перемещение главных эмиссионных центров. Если до первой мировой империалистической войны главную роль в эмиссии ценных бумаг играли Франция и Англия, то в послевоенный период на первый план выступают США. За десятилетие с 1921 по 1930 год эмиссия США составила 328,4 миллиарда довоенных золотых франков, Англии — 80,3 миллиарда франков, Франции — 12 миллиардов франков.

Сращивание монополистического банковского и монополистического промышленного капитала и образование финансового капитала приводят к сращению крупнейших монополий с государственным аппаратом. Обычным является переход государственных чиновников на службу в банки, синдикаты, тресты. Крупнейшие представители финансового капитала являются депутатами парламента и министрами. Государственный аппарат становится просто служанкой, исполнительницей воли и распоряжений крупнейших монополистов.

«Монополия, раз она сложилась и вращается миллиардами, с абсолютной неизбежностью пронизывает все стороны общественной жизни, независимо от политического устройства и от каких бы то ни было других «частностей» (Ленин. Т. XIX, стр. 116).

4

Ленин показал в «Империализме», что «Для старого капитализма, с полным господством свободной конкуренции, типичен

был вывоз товаров. Для новейшего капитализма, с господством монополий, типичным стал вывоз капитала» (Ленин. Т. XIX, стр. 119).

Конечно, вывоз товаров в огромной степени увеличился, но он происходит на основе вывоза капитала, который принимает разные формы займов, вложения капитала в промышленность, транспорт, коммунальные и другие предприятия за границей.

По подсчетам Ленина, в 1914 году размер английского капитала, помещенного за границей, составил 75—100 миллиардов золотых франков, французского — 60 миллиардов золотых франков, германского — 44 миллиарда золотых франков.

После войны в общей картине вывоза капитала из империалистических стран произошли громадные изменения. Для того чтобы финансировать первую мировую империалистическую войну, Англия продала около 25% всех своих заграничных капиталовложений. Великая Октябрьская социалистическая революция ликвидировала иностранные капиталовложения в России. После войны первое место среди стран, вывозящих капитал, заняли США. Англия значительно увеличила вывоз капитала, но по сравнению с США перешла на второе место. Германия совершенно вышла из числа стран, вывозящих капитал.

«Вывоз капитала в тех странах, куда он направляется, оказывает влияние на развитие капитализма, чрезвычайно ускоряя его. Если поэтому, до известной степени, этот вывоз способен приводить к некоторому застою развития в странах вывозящих, то это может происходить лишь ценою расширения и углубления дальнейшего развития капитализма во всем мире» (Ленин. Т. XIX, стр. 122).

Военный и послевоенный периоды подтвердили правильность и этого ленинского положения. За время первой мировой империалистической войны в колониальных и зависимых странах выросла собственная промышленность (в Китае, Индии, Австралии, Южной Америке и т. д.). В этих странах появился пролетариат, возглавляющий борьбу народа против империалистического угнетения.

Однако появление промышленности в колониальных и зависимых странах не означает их «деколониализации». Допуская в известных пределах рост промышленности в колониях и полуколониях, империалистические страны всемерно препятствуют развитию в них тяжелой индустрии. Они обеспечивают этим кабальную зависимость угнетенных стран от стран империалистических, так как колониальные и зависимые страны должны ввозить машины и прочее оборудование из метрополии.

Крупные империалистические страны, вывозящие капиталы, делят между собою мир. Каждая такая страна имеет преобладающее влияние в определенной группе государств.

Создаются союзы монополистов, которые не только захватывают в свои руки производство в своей стране, но и создают международные монополии, подчиняющие себе соответствующие отрасли промышленности в других странах. Это, по выражению Ленина, «сверхмонополии», которые поделили между собою мир. Таких международных монополий с участием Германии в 1897 году, по данным Ленина, было 40, в 1910 году — 100. Количество монополий резко увеличилось в послевоенный период и составило в 1931 году 320. В горной промышленности в 1931 году было 12 международных картелей, в черной металлургии — 50, в цветной металлургии — 10, в химической промышленности — 51, в текстильной — 27 и т. д.

«Страны, вывозящие капитал, поделили мир между собою, в переносном смысле слова. По финансовый капитал привел и к прямому разделу мира». (Ленин. Т. XIX, стр. 124).

Монополии вступают между собой в соглашения о разделе мира. Соглашения нефтяных, электротехнических картелей, химических картелей и т. д. неотделимы от острой борьбы монополистов между собой за усиление экономического влияния, за повышение прибылей, за захват все новых и новых рынков.

Международные монополии осуществляют экономический раздел мира. Но в связи с экономическим разделом мира империалистические страны вступают между собой в борьбу и за территориальный раздел мира. В результате борьбы за колонии, за «хозяйственную территорию», как показал Ленин, весь мир был поделен между крупнейшими капиталистическими странами к началу XX века, и незахваченных колониальных территорий почти не осталось.

Неизбежна стала борьба за передел поделенного мира, которая при монополистическом капитализме не могла не принять самые острые формы — формы военных столкновений.

Неравномерность развития капиталистических стран при империализме привела к тому, что молодые страны, очень быстро развивавшиеся, начали догонять и обгонять старые промышленные страны. Германия и США, вступившие на арену капиталистического развития позднее Англии, стали быстро ее догонять и обгонять.

Стремление к захвату колоний являет-

ся следствием экономических отношений последней стадии капитализма. «Владение колонией одно дает полную гарантию успеха монополии против всех случайностей борьбы с соперником — вплоть до такой случайности, когда противник пожелал бы защититься законом о государственной монополии. Чем выше развитие капитализма, чем сильнее чувствуется недостаток сырья, чем острее конкуренция и погоня за источниками сырья во всем мире, тем острее борьба за приобретение колоний» (Ленин. Т. XIX, стр. 137).

Борьба между империалистическими державами ведется для захвата как уже известных источников сырья, так и возможных его источников.

Наряду с погоней за источниками сырья в основе колониальной политики лежат интересы вывоза капитала. Империалисты стремятся к захвату территорий, куда можно вывозить капитал, где можно, не опасаясь конкуренции со стороны других государств, строить железные дороги, порты, предприятия и т. д.

Стремлению к захвату подчинена политика и идеология финансового капитала. Пропаганду колониальных завоеваний служат газеты, журналы, книги, все средства пропаганды, которыми располагает империалистическое государство.

Война 1914—1918 годов была первой мировой войной за передел уже поделенного мира. Ее прямым результатом было поражение германо-австрийского военного блока. Этим были достигнуты военные цели Антанты. Однако версальский договор, лишивший Германию части ее территории и увеличивший колониальные владения победителей, еще больше обострил все империалистические противоречия. Крах Версаля, неоднократно предсказанный Лениным и Сталиным, иллюстрирует лишь раз неразрешимость противоречий современного мирового развития в рамках капитализма, тем более, что поражение Германии было не единственным и не самым главным итогом войны 1914—1918 годов.

Война привела к самому глубокому в истории мировому революционному кризису, результатами которого были крушение трех могущественных монархий в Европе и победа социалистической революции на одной шестой части земли.

Ленин неопровержимо установил, что империализм не есть только определенная политика капиталистических стран (как это пытался доказать Каутский), а особая стадия, ступень в развитии капитализма.

Накопление количественных изменений в пределах монополистического капитализма — концентрация промышленного и банковского капитала — привело к образованию нового качества, к переходу капитализма на новую, более высокую ступень развития — к империализму. Это капитализм, но капитализм, приобретший новые свойства и особенности, капитализм империалистический.

Монополия, являющаяся самой глубокой экономической основой империализма, «порождает неизбежно стремление к застою и загниванию. Поскольку устанавливаются, хотя бы на время, монопольные цены, постольку исчезают до известной степени побудительные причины к техническому, а следовательно и ко всякому другому прогрессу, движению вперед; постольку является, далее, экономическая возможность искусственно задерживать технический прогресс» (Ленин и Т. XIX, стр. 151).

Благодаря монопольным ценам картели, синдикаты, тресты сравнительно мало заинтересованы во введении технических улучшений, новых машин и т. д., требующих дополнительных затрат капитала, притом нередко очень крупных. Таким образом, монополии вызывают задержку в развитии производительных сил, ослабляют стимулы к осуществлению и применению изобретений, к улучшению качества продукции.

Для того чтобы техническими изобретениями не воспользовались конкуренты, монополисты скрывают изобретательские патенты и прячут их под сукно. После войны случаи искусственной задержки технического прогресса умножились. Так, всячески тормозились производство искусственного бензина, синтетического каучука, бездомашнее производство железа, электрификация железных дорог, подземная газификация угля и т. д.

Торможение технического прогресса является одним из признаков загнивания капитализма. Однако в условиях острой конкурентной борьбы не может быть и речи об абсолютном застое техники, постольку конкуренция заставляет предпринимателей вносить технические изменения в производство. Таким образом, монополистический капитализм означает не абсолютный застой в производстве, не абсолютное загнивание, а тенденцию к застою и загниванию. Эта тенденция не исключает, как показал Ленин, роста техники, который подчас бывает довольно быстрым.

Тенденция к загниванию и застою в империалистических странах в послевоенный период крайне усилилась. Она выра-

жается прежде всего в огромном замедлении темпов производства. В то время как империализм до войны рос неизмеримо быстрее чем капитализм старый, монополистический, империализм послевоенный вследствие общего кризиса капиталистической системы резко снизил темпы развития производства. Во время экономических кризисов значительная часть производственного оборудования — целые предприятия, цеха, суда и т. д. — уничтожается, превращается в груды железа и дерева (для этого созданы даже специальные машины), истребляются горы готовой продукции. Во время кризиса 1929—1933 годов были случаи перехода от передовой техники к ручному труду и применению примитивных орудий производства.

Ленин показал в своей работе, что тенденция к загниванию и застою, присущая империализму, идет рука об руку с паразитизмом. Паразитизм при империализме выражается прежде всего в огромном росте слоя рантье — буржуа, никакого отношения к производству не имеющих и живущих за счет «стрижки купонов», за счет доходов от акций, облигаций, вывоза капитала. В роли рантье выступают целые государства, получающие доходы от эксплуатации сотен миллионов людей во всем мире. Государства-должники платят государствам-рантье огромную дань в виде доходов от предприятий, процентов от государственных и частных займов. Государство-рантье — государство паразитического, загнивающего капитализма.

Послевоенный период характеризуется гигантским ростом паразитизма. В 1931 году сумма процентов и дивидендов, выплаченных в США, составила 8,1 миллиарда долларов и в 3 раза превысила валовой доход от урожая сельскохозяйственных продуктов. Во Франции 40% бюджетных расходов составляют платежи процентов по государственному долгу, в Англии — около половины, в США — 35%.

Особенно возросли в послевоенный период доходы рантье от иностранных вложений капиталов. В 1929 году доходы Англии от иностранных вложений капитала составили 250 миллионов фунтов стерлингов. Вместе с доходами от краткосрочных вложений за границей, комиссионными доходами и т. д. они составили сумму в 378 миллионов фунтов стерлингов. Доходы от внешней торговли в том же 1929 году составили 52 миллиона фунтов стерлингов. До войны доходы от иностранных вложений Англии в 5 раз превышали доходы от внешней торговли, в 1929 году — в 7 раз. Доходы от иностранных вложений в 1929 году (включая доходы

от краткосрочных займов, комиссионных и т. п.) в $3\frac{1}{2}$ —4 раза превышали доходы от заграничных вложений в 1889 году. Английские рантье собирают дань со всех континентов. Огромные барыши от своих заграничных вложений получают Франция и США.

Рост паразитизма выражается не только в росте доходов рантье, но и в увеличении количества лиц, занятых в обслуживании, обслуживающих личные потребности класса капиталистов, в падении удельного веса работников, занятых в промышленности и сельском хозяйстве. В 1910 году в США общее количество лиц, занятых в торговле, банках, государственном аппарате и находящихся в личном услужении, составило 24,9% всего самостоятельного населения. В 1930 году количество лиц, занятых непродовольственным трудом, поднялось до 32,6% всего самостоятельного населения. В Англии в 1933 году количество лиц, занятых в торговле, банках, в личном услужении у капиталистов, составило 30,8% самостоятельного населения против 22,4% в 1923 году. Это — явление, общее для всех империалистических стран.

Эти данные ярко подтверждают положение Ленина о том, что империализм есть паразитический, гнивающий капитализм, который огромное количество прибавочной стоимости не употребляет на расширение производства, а превращает в доход группы паразитов-рантье и тем самым препятствует развитию производства.

7

Ленинская теория империализма раскрывает экономические корни оппортунизма. Гнивание капитализма нашло свое выражение в образовании рабочей аристократии — группы наилучше оплачиваемых квалифицированных рабочих. Эту привилегированную верхушку пролетариата подкармливает буржуазия за счет своих гигантских империалистических сверхприбылей. Кадры вождей партий II Интернационала и реформистских профсоюзов рекрутировались именно из этой среды. Опортунизм с его отказом от революционной борьбы, прикрытой и подчас открытой защитой интересов империалистической буржуазии выполняет роль агентуры буржуазии в рабочем классе.

«Этот слой обуржуазившихся рабочих или «рабочей аристократии», внешне мещанских по образу жизни, по размерам заработков, по своему мировоззрению, есть главная опора II Интернационала, а в наши дни главная социальная опора буржуазии. Ибо это настоящие агенты буржуазии в рабо-

чем движении, рабочие приказчики класса капиталистов..., настоящие проводники реформизма и шовинизма» (Ленин, Т. XIX, стр. 77).

Весенний и послевоенный период с исключительной яркостью подтвердил правильность ленинско-сталинского анализа роли рабочей аристократии и бюрократии как главной социальной опоры буржуазии в рабочем движении. Достаточно вспомнить политику вождей социал-демократических партий и реформистских профсоюзов как в крупнейших классовых боях (годы 1917—1920, 1923, 1926, 1929—1934, 1936—1939), так и в повседневной борьбе рабочего класса за последние два десятилетия.

Оппортунисты всех стран раскололи рабочее движение, они политикой классового сотрудничества помогают буржуазии даже в самые критические для нее моменты удержать свое классовое господство. Свержение капитализма невозможно без разгрома оппортунизма всех видов и мастей, без изгнания социал-предателей из рядов рабочего движения.

Предательство социал-демократических партий в первую мировую империалистическую войну дало возможность буржуазии погнать рабочих на бойню во имя империалистических целей. Предательство социал-демократов дало возможность буржуазии удержаться у власти в бурных классовых столкновениях послевоенного периода. Предательская политика партий II Интернационала, всех этих Блюмов, Жуо, Ситринов, дала возможность буржуазии вернуть мир в новую империалистическую войну.

Исходя из того, что единство с оппортунизмом есть союз с буржуазией и раскол рабочего движения, Ленин и Сталин указали, что полный разрыв с оппортунистами есть единственный путь к подлинному единству рабочего класса, к его единству на основе революционной классовой борьбы.

Мировой экономический кризис 1929—1933 годов и период, наступивший после него, привели к сильному сокращению численности рабочей аристократии и ухудшили ее положение. Наступление капитала во всех странах привело к значительному снижению заработной платы не только всей массы пролетариата, а и высокооплачиваемой верхушки рабочих. Это сузило и сужает во все большей мере базу реформизма в рабочем движении.

8

«Изучая империализм, особенно в период войны, Ленин пришел к закону о неравномерности, скачкообразности экономического и политического развития капиталистических стран. По смыслу этого закона, развитие предприятий, трестов, отраслей про-

мышленности и отдельных стран происходят не равномерно, не в порядке установленной очереди, не так, чтобы одни тресты, одна отрасль промышленности или одна страна шли все время вперед, а другие тресты или страны отставали последовательно одна за другой, — а скачкообразно, с перерывами в развитии одних стран и со скачками вперед в развитии других стран» (И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 85. 11-е изд.).

При империализме закон неравномерности капиталистического развития приобретает целый ряд новых черт, особенностей, свойств, которые превращают его в закон неравномерности экономического и политического развития при империализме.

Ленин показал, что в силу закона неравномерности развития и обострения этой неравномерности возможен прорыв империалистического фронта в одном или нескольких его слабейших звеньях, что победа социализма возможна сначала в нескольких или даже в одной стране и что невозможна одновременная победа социализма во всех странах.

В ряде произведений, выпавших в годы войны, Ленин сформулировал свой гениальный вывод. Одна из этих формулировок гласит:

«Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприровав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран...» (Ленин. Т. XVIII, стр. 232—233).

Через год с лишним победа Великой Октябрьской социалистической революции в России подтвердила это гениальное научное предвидение Ленина.

Победа Октябрьской социалистической революции вырвала из империалистической цепи такое крупное звено, как военно-феодалную Российскую империю, и противопоставила силам мирового империализма могущественное социалистическое государство рабочих и крестьян. Эта победа изменила коренным образом весь ход мирового развития и стала оказывать на него из года в год все более заметное влияние.

Ленинская теория обострения неравномерности капиталистического развития при империализме подтверждается всей совокупностью фактов экономического и политического развития буржуазных стран в послевоенный период.

В послевоенный период неравномерность развития, присущая империализму, еще более обострилась. При общем замедлении темпов промышленного развития всех капиталистических стран промышленность в Англии вплоть до кризиса 1929 года не достигла довоенного уровня (в 1929 году—99,1% от уровня 1913 года), индекс промышленной продукции Японии в 1929 году составил 297 (1913 год—100), США—171 (1913 год—100), Германия несколько превысила довоенный уровень (на 13%), Франция его превзошла на 39%. Выросла промышленность в колониальных и зависимых странах. В пятилетие 1924—1929 годов на США пала половина всей мировой выплавки стали, доля Англии в мировой выплавке стали составила всего 8,2% (в 1901—1910 годах — 12,9%), Германии — 14,1% (в 1911—1913 годах — 23%), Франции— 8,8%.

На фоне общего замедления темпов промышленного развития крайне обострилась неравномерность развития отдельных отраслей промышленности.

Мировой экономической кризис 1929—1933 годов развивался крайне неравномерно. Наибольшей глубины кризис достиг в Германии и США. Объем промышленной продукции в США в 1932 году упал на 46,2% по сравнению с 1929 годом, в Германии—на 40,1%. Во Франции объем промышленной продукции упал за тот же период времени на 30,9%, в Англии — всего на 16,2%. Крайнее обострение неравномерности — характерная черта депрессии особого рода, наступившей в 1933 году, и последовавшего за ней кратковременного подъема, продолжавшегося с конца 1935 года до второго квартала 1937 года.

Мировой экономической кризис, начавшийся в 1937 году, развивался неравномерно. Кризис начался в США во второй четверти 1937 года и быстро превзошел по темпам падения промышленной продукции предыдущий экономический кризис (1929—1933 годы). С мая 1937 года по июнь 1938 года физический объем промышленной продукции США упал на 35%.

Кризис в Англии начался лишь с января 1938 года. Объем промышленной продукции Англии упал с января 1938 года до середины 1938 года на 8—9%. В ряде других стран (за исключением Бельгии, Канады, Франции) кризис начался лишь в первую половину 1938 года.

Общий кризис капитализма привел к обострению всех противоречий внутри капиталистической системы.

Послевоенная история характеризуется рядом классовых битв громадного исторического масштаба между пролетариатом и

буржуазией. Усилилась борьба колониальных народов против господства империализмов. В области экономической общий кризис капитализма проявился в хронической недотрузке промышленности капиталистических стран, в крайней остроте и продолжительности кризисов, в образовании постоянных армий безработных.

В послевоенный период неравномерность капиталистического развития резко обострилась. Англия осталась колониальным монополистом, США в результате первой мировой империалистической войны не получили сколько-нибудь значительного приращения своих колоний. Германия была лишена своих колониальных владений. Неравномерность капиталистического развития в годы относительной стабилизации капитализма, мирового экономического кризиса 1929—1933 годов и после него привела к глубокому изменению в соотношении сил, сложившемся после мировой войны. Это изменившееся соотношение сил вызвало вторую империалистическую войну, которая еще больше обостряет общий кризис капиталистической системы.

Империализм характеризуется стремлением к господству, а не к свободе. В своей книге Ленин доказывает, что империализм неизбежно связан с политической реакцией. «...политическими особенностями империализма являются реакция по всей линии и усиление национального гнета в связи с гнетом финансовой олигархии...» (Ленин, Т. XIX, стр. 160).

Послевоенные годы блестяще подтвердили правильность и этого положения Ленина. Из животного страха перед нарастающей революцией пролетариата буржуазия в одних империалистических странах открыто уничтожает парламентаризм и буржуазную демократию, а в других, не отказываясь от нее формально, использует ее как орудие контрреволюции и войны. Во всех империалистических странах фактическая власть все больше и больше сосредоточивается в руках наиболее шовинистических, наиболее империалистических, наиболее контрреволюционных буржуазных партий.

Товарищ Сталин, обобщая черты послевоенного развития общего кризиса капитализма, продолжил разработку ленинского учения об империализме и, в частности, развил дальше закон неравномерного развития капитализма.

Товарищ Сталин, развивая положения Ленина, показал, что разницу уровней экономического развития капиталистических стран нельзя смешивать с неравномерностью развития. Нивелировка уровней развития разных стран при империализме — несомненный факт. Но именно эта нивели-

ровка дает прежде отсталым странам возможность догнать и перегнать более передовые страны в сравнительно короткие сроки. «...нивелировка есть тот фон и та база, на основе которой и возможно усиление действия неравномерности развития при империализме» (И. Сталин «Об оппозиции», стр. 514).

Подводя итоги анализу закона неравномерности капиталистического развития при империализме, товарищ Сталин в заключительном слове по докладу на VII пленуме ЦК ВКП (декабрь 1926 года) указал на следующие три основных элемента этого закона: «Во-первых... мир уже поделен между империалистическими группами, «свободных», незанятых территорий нет больше в мире, и для того, чтобы занять новые рынки и источники сырья, для того, чтобы расширяться, — надо взять у других эту территорию силой.

Во-вторых... небывалое развитие техники и усиливающаяся нивелировка в уровне развития капиталистических стран создали возможность и облегчили дело скачкообразного опережения одних стран другими, дело вытеснения более могучих стран менее могучими, но быстро развивающимися странами.

В-третьих... старое распределение сфер влияния между отдельными империалистическими группами приходит каждый раз в столкновение с новым соотношением сил на мировом рынке, ... для установления «равновесия» между старым распределением сфер влияния и между новым соотношением сил необходимы периодические переделы мира путем империалистических войн» (И. Сталин «Об оппозиции», стр. 515—516).

Исходя из ленинского учения об империализме, товарищ Сталин обобщил опыт послевоенных экономических кризисов, вскрыл связь и взаимодействие их и общего кризиса капиталистической системы. Товарищ Сталин разгромил буржуазные и социал-демократические теории о «вечном процветании» и «организованном капитализме», раскрыл те изменения, которые послевоенное развитие общего кризиса капитализма внесло в политическую конструкцию капитализма, указал на органическую связь роста крайних реакционных элементов с общим кризисом капиталистической системы.

* * *

Монополистический капитализм создал гигантские по своим размерам предприятия, он обобществил производство в небывалых до него размерах. Общественное производство стало несовместимым с частным характером присвоения продуктов

производства. Огромные производительные силы, созданные капитализмом, требуют новых, социалистических отношений, планомерной организации всего производства в интересах трудящихся. «...частно-хозяйственные и частно-собственнические отношения составляют оболочку... которая неизбежно должна загнить, если искусственно оттягивать ее устаревание,—которая может оставаться в гипотетическом состоянии сравнительно долгое (на худой конец, если излечение от оппортунистического нарыва затянется) время, но которая все же неизбежно будет устранена» (Ленин. Т. XIX, стр. 174).

Уничтожение капиталистической собственности и замена ее общественной, социалистической собственностью не может произойти само собой. Оно может быть осуществлено только революцией пролетариата. Империализм—канун социальной революционной революции, последняя стадия капитализма. «История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)», давая оценку значения работы Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма», говорит: «Ленин показал в этой книге, что империализм—это высшая стадия капитализма, когда он успел уже из «прогрессивного» капитализма превратиться в капитализм паразитический, в капитализм загнивающий, что империализм—есть умирающий капитализм. Это, конечно, не означает, что капитализм сам отомрет, без революции пролетариата, что он сам сгниет на корню. Ленин всегда учил, что без революции рабочего класса невозможно свергнуть капитализм. Поэтому, определив империализм, как умирающий капитализм, Ленин вместе с тем показал в этой книге, что «империализм есть канун социальной революции пролетариата» (История ВКП(б), стр. 161—162).

Определив историческое место империализма как кануна социалистической революции, Ленин показал, что империализм обостряет все внутренние и внешние свои противоречия и приводит вплотную к пролетарской революции.

«Ленин показал, что капиталистический гнет в эпоху империализма все больше усиливается, что в условиях империализма растет возмущение пролетариата против основ капитализма, нарастают элементы революционного взрыва внутри капиталистических стран.

Ленин показал, что в эпоху империализма обостряется революционный кризис в колониальных и зависимых странах... нарастают элементы освободительной войны против империализма.

Ленин показал, что в условиях империализма неравномерность развития и противоречия капитализма особенно обострились, что борьба за рынки сбыта товаров и вывоза капитала, борьба за колонии, за источники сырья делает неизбежными периодически империалистические войны за новый передел мира.

Ленин показал, что именно вследствие этой неравномерности развития капитализма происходят империалистические войны, которые ослабляют силы империализма и делают возможным прорыв фронта империализма там, где он окажется всего слабее» (История ВКП(б), стр. 162).

Победа Великой Октябрьской социалистической революции в нашей стране, открывшая новую эру в мировой истории, и ряд революционных взрывов в странах Европы и в колониальных и полуколониальных странах, блестяще оправдали гениальное предвидение Ленина.

С победой Великой Октябрьской социалистической революции общий кризис капитализма вошел в новый период. Победа пролетарской революции в нашей стране расколола мир на две системы. Борьба двух систем—социалистической и капиталистической—образует новое и притом основное противоречие всего мирового развития после октября 1917 года.

Ленинская работа вооружила рабочий класс знанием закономерностей империализма и дала ему в руки оружие огромной силы для революционного свержения капитализма.

ВСТРЕЧИ С ИЛЬИЧЕМ

(ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ)

К о н е ц 1895 года. В Варшаве, принадлежавшей тогда России, среди революционной молодежи, заключенной сюда из центральных губерний и из Западного края, идут большие споры: дискутируют марксисты с народниками о грядущих судьбах русской революции. В привилегированном положении находятся народники, побивающие нас, марксистов, обширными цитатами из книг и из статей толстого журнала «Русское богатство», в которых их авторитеты так «убедительно» доказывают неприменимость марксизма к отсталой, «мужицкой» России, где удельный вес рабочего класса столь незначителен. Мы, марксисты, очень страдаем от недостатка у нас своей, марксистской литературы, которая бы лучше вооружила нас в борьбе нашей с народниками. Но вот большая радость, огромное подкрепление: получаем экземпляр марксистского сборника, уцелевший от сожжения царскими цензорами, и в этом сборнике такая замечательная статья некоего неизвестного нам Тулина — «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве».

* * *

Л е т о 1896 года. Встречаю в глухом родном моем городе Велиже, Витебской губернии, приехавшую на побывку курящую из Петербурга. Под большим секретом сообщает она мне, что ею привезена пачка прокламаций, и тут же она вытаскивает из чулка гектографированное сокровище, за которое я ухватываюсь обеими руками. О происхождении и авторе этих прокламаций она меня еще более доверительно информирует, что писались они в тюрьме неким, которого называют «Старик», но на самом деле он молодой и, сидя в тюрьме, руководит стачками рабочих Тортона и других; что им же написаны замечательные «тетради» («Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»), которые читаются товарищами нарахват, потому что в этих «тетрадах» народники подвергнуты самой уничтожающей критике.

Очень ей хотелось привезти и «тетради», но достать их, чтобы взять с собой, ей не удалось.

* * *

В е с н а 1900 года. Работаю в харьковской организации РСДРП как организатор и пропагандист. Ведем отчаянную борьбу с «экономистами», как с местными, так и с парочкой приехавших из Петербурга последователей «Рабочей мысли», причем последние — противники довольно опасные, ибо, хорошо владея словом, они свой неприятный экономизм умело облачают в красивую форму и в таком прикрашенном виде несут в рабочую среду.

Именно в этот момент особенно радостно было воспринято нами сообщение о наличии плана создания за границей большой, общероссийской партийной газеты ярко политического направления, которая возглавит борьбу со всякого рода экономистами-ревизионистами. Нам было сообщено, что выдвинул такой план некий, имени которого нам знать не дано, что этот инициатор всего дела недавно закончил срок своей ссылки в Сибири и очень скоро должен направиться за границу для практического проведения в жизнь задуманного им замечательного предприятия.

* * *

З и м а 1901 года. Сажу в одиночной камере харьковской губернской тюрьмы. Удастся довольно много читать. Товарищи «с воли» доставляют книги аккуратно, даже не считаясь с трудностью возвращения книг: тюремщики задерживают прочитанные книги в тюремной конторе, не без основания опасаясь переписки заключенного «с волей» через возвращаемые книги.

Однажды получаю совершенно замечательную книгу, над которой можно работать и работать: ведь один только статистический таблицы чего стоят! Автор — некто Вл. Ильин. Называлась книга: «Развитие капитализма в России».

* * *

К о н е ц л е т а т о г о ж е , 1901 года. Выхожу из тюрьмы, «впрямь до суда» высылкаюсь на родину, делаю остановку в Витебске, чтобы повидаться с товарищами, от которых узнаю, что план создания общепартийной газеты за границей давно осуществлен, что называется эта газета

«Искра». Вот и первый номер этой «Искры», в котором волнующие и ободряющие строки: «Перед нами стоит во всей своей силе неприятельская крепость, из которой оседают нас тучи ядер и пуль, уносящие лучших борцов. Мы должны взять эту крепость, и мы возьмем ее, если все силы пробуждающегося пролетариата соединим со всеми силами русских революционеров в одну партию, к которой потянется все, что есть в России живого и честного».

Кто автор таких великолепных строк, ни товарищам, снабдившим меня номером «Искры», ни мне неизвестно, ибо статья «Пасущие задачи нашего движения» без подписи.

* * *

Лето 1902 года. Нахожусь в кратковременной эмиграции в Швейцарии, живу в Цюрихе, в доме члена группы «Освобождению труда» Аксельрода. В подвале под его квартирой идет упаковка «Искры» в небольшие пакеты для рассылки их по различным городам, где из русских учащих образованы «группы содействия «Искре». Эти группы в свою очередь помогают переправлять разными способами газету в Россию. Работаю с детьми Аксельрода над упаковкой пакетов. От дочери Аксельрода, студентки, слышу, что в «Искре», редакция которой находится в Лондоне, не все идет гладко: «большую власть» забрал член редакции Петров, которым недоволен не только Аксельрод, но и Шеханов; что этот Петров — хотя очень умный человек, но у него «дурной характер, он спорит даже с Георгием Валентиновичем».

«Тулин», «Старик», «некий», выдвинувший грандиозный план создания заграницей общероссийской партийной газеты и блестяще его осуществивший, «Вл. Ильин», «Петров» — под этими именами, и не воображая, что это — одно и то же лицо, встречала я на своем пути Ленина задолго до того, как имела счастье по его указанию в том же, 1902 году отправиться в Россию в качестве агента «Искры» в район «Северного союза» — областной парт-организации текстильного района (Иваново-Вознесенск, Кострома, Шуя и т. д.), — а позднее и лично узнать Ленина.

* * *

Осень 1903 года. До тверской партийной организации, где работаю, доходит тревожная весть о расколе партии на II съезде, но подробности мне еще не известны, а тут у нас полуса обысков и арестов. Из Твери приходится уходить, и после ряда мытарств я в Женеве. Тяжелые, кризисные дни жизни партии — разгар партийного раскола, — «самая драчка»,

как выражался Ленин. Между тем для нас, партийцев-практиков, до этого момента так ясен был путь, по которому идти, особенно с тех пор, как в наши руки попало ленинское руководство к нашим действиям — «Что делать?», — которое учило, как в минимальные сроки добиваться в нашей борьбе максимальных результатов. А тут раскол, и надо решить, по какому из двух путей идти.

Незабываемая первая личная встреча с Лениным. Еще полностью не «определившись», лишь только склоняясь к большевикам, отправляюсь на собрание большевиков, куда должен был прийти Ленин, чтобы прочитать реферат по аграрному вопросу, а если останется время, то и побеседовать о создавшемся в партии положении. Такие беседы тогда назывались неоформленными свиданиями большевиков.

Бюровая комната какой-то невзрачной, прокуренной пивнушки-кафе, не больше двух десятков товарищей, радостно жмущих руки вновь пришедшим — небольшого роста товарищу и молодой женщине, более чем скромно одетой. Это Ленин и Крусская.

Быстрыми шагами проходит Ленин в глубину комнаты, где подобие трибуны, и, перекинувшись парой предварительных веселых замечаний со своей многочисленной аудиторией, приступает к реферату, который он посвящает разбору недавно тогда появившихся в заграничном органе русских либералов «Освобождение» и в эсеровской «Революционной России» статей по аграрному вопросу. Необычайная четкость, ясность, блеск реферата, дальнейшая короткая беседа с товарищами по вопросам борьбы с меньшевиками, выявившаяся тут же готовность товарищей пойти за своим Ильичем в огонь и в воду — все это немедленно рассеяло оставшиеся у меня еще до этого вечера сомнения и колебания. Я почувствовала себя также вполне готовой идти за Лениным, хотя бы идти пришлось на край света.

В ту пору, когда нас было так мало, каждый партиец-активист был известен партийному центру, был известен Ленину. Вот почему Владимир Ильич встретил меня в тот вечер как старую знакомую, хотя до тех пор знал меня только по переписке моей через Надежду Константиновну с «Искрой». Владимиру Ильичу было тогда 33 года, был он коренаст, дышал здоровьем, бодростью, веселым юмором, часто раздавался его громкий радостный смех. Посмеялся Владимир Ильич тут же и надо мной по поводу моего первого прихода на большевистское собрание: не странно ли, мол, мне здесь, среди большевиков: «ведь большевики — узурпаторы, спросите Мартова, и он Вам это докажет».

В этот запечатлевшийся в моей памяти на всю жизнь прекрасный вечер получила я приглашение от Владимира Ильича и Надежды Константиновны заходить к ним запросто «чайку попить», чем, конечно, не замедлила воспользоваться.

Небольшая дачка на краю города. Низ — большая просторная кухня, верх — две небольшие комнаты, по стенам которых простые белые полки, с пола до потолка заполненные книгами. Большой некрашенный стол, заваленный вырезками из русских и иностранных газет, рукописями, заметками, статистическими сборниками, большие «русские» счеты, на которых Ильич, одетый в синюю ластиковую косоворотку навыпуск, щелкает, высчитывает свои бесконечные таблицы.

В комнатке рядом, столь же беспритязательно обставленной, сидит над своими тетралями Надежда Константиновна, зашифровывает, расшифровывает: ведь отовсюду, из всех пролетарских центров России, идут письма, — запрашивают о положении дел в партии. Работы у Надежды Константиновны по горло.

В первый момент совестно, что своим приходом помешала им работать, но когда я встретила веселый, приниженный взгляд Ильича, ощутила крепкое его рукопожатие, а также мягкое пожатие ласковой руки Надежды Константиновны, мне стало легко и свободно, завязался разговор о меньшевиках, причем, когда речь зашла о несостоятельности предложенной Мартовым и принятой II съездом формулировки первого пункта устава, Владимир Ильич заметил: «С тех пор, как я убедился, что меньшевикам не понять необходимости отделения работающих от болтающих, мы с Мартовым ходим по разным тротуарам Женевы». Негодуя по поводу предательства Плеханова, вернувшегося во время съезда «заграничной Лиги Русской Революционной Социал-Демократии» к своим меньшевикам, Владимир Ильич с большой горечью как-то сострил: «Теперь, если придется мне писать Плеханову, я буду подписываться не «преданный Вам Ленин», а «преданный Вами Ленин» — маленькое и прибавлю».

В дальнейшем приходилось много раз встречаться с Владимиром Ильичем и на квартире его и на собраниях и войти в тесный круг большевиков, временно застрявших в Женеве. Группа большевиков, окружавшая тогда Ленина, была очень невелика, но народ этот уже был достаточно опытен в революционной борьбе. Подавляющее большинство его рвалось на работу в Россию, но ленинский центр не имел тогда средств для переправы хотя бы пары десятков товарищей, и приходилось терпеливо ждать очереди. Среди этого ленинского окружения особо выделялась жиз-

нерадостная фигура Николая Баумана, бывшего делегатом на II съезде от Москвы (под именем Сорочкина). «Грач» — такую конспиративную кличку носил Бауман. Это был великолепный большевик, отличавшийся исключительным умением благодаря своему обаянию группировать вокруг себя товарищей. Владимир Ильич очень высоко расценивал эти качества «Грача» в связи с назревшей тогда необходимостью сколотить основное крепкое ядро большевиков, которые помогли бы вывести партию из тупика, в какой попала она после II съезда.

В томительном ожидании очереди своей отправки на работу в Россию каждый из нас при встречах с Ильичем, естественно, затрагивал самые жгучие вопросы партийной жизни, стремясь услышать, что скажет он по этим вопросам. Лично мне однажды повезло иметь разговор с Лениным, касавшийся проблемы партийных кадров, как эта проблема мыслилась в то время. Ленин поднимал на очень большую высоту фигуру профессионального революционера.

«...Дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию!» — говорил Ленин. Я решилась рассказать Владимиру Ильичу о мучивших меня сомнениях насчет своей пригодности для этого высокого звания. Владимир Ильич очень внимательно выслушал меня и горячо стал доказывать, что партии нужны беззаветно преданные ей и рабочему классу люди, у которых их собственная жизнь сливалась бы с жизнью партии, люди, которые были бы непосредственно связаны с массами, и в заключение сказал: «Нало немножко больше верить в свои силы, это для дела не вредно».

Живо интересовался Владимир Ильич всеми деталями нашей партийной работы на месте, степенью ее конспиративности, а главное, люди, кадры интересовали его. Интересуясь партийными товарищами, Ильич никогда не забывал спросить, как и что они читают, не только когда они на воле, но и в тюрьме: достаточно ли они используют тюремный «досуг» для пополнения своего умственного багажа.

Как-то в разговоре с Ильичем, увлекшись тюремными воспоминаниями, я рассказала ему, как обрадовала меня в харьковской тюрьме книга Ильина «Развитие капитализма в России». На это Ильич шутливо воскликнул: «Это Вы, сия в одиночке, копались там в моих бесконечных цифрах, в скучнейших этих моих таблицах! Бедная, бедная, как мне вас жаль!»

* * *

Март 1906 года. Работаю в Москве, где в это время особенно остро чувствуется мучительный поворот к постепенному

отступлению революции после того, как царское самодержавие нанесло декабрьскому восстанию поражение. Для восстановления единства сил партии идет подготовка к объединительному съезду, на который Ленин, однако, зовет большевиков идти со своей четкой платформой, не смазывая разногласий с меньшевиками по основным вопросам революции.

Мы, московские большевики, с нетерпением ждем приезда к нам Ленина, который должен был выступить с проектом этой тактической платформы перед Московским комитетом и активными работниками. На беду заболела чуть ли не накануне приезда Ильича и собрания актива. Лежу, жду не дожусь, чтобы во время перерыва забежал ко мне кто-нибудь из товарищей и сообщил, что и как Ильич, что он говорит, как выглядит, очень ли он удручен и т. д. Какова же была моя радость, когда открылась дверь и я увидела перед собой самого Ильича, смеющегося, бодрого Ильича, увидела его точно таким, каким оставила его два года назад в Женеве!

На мое счастье, вышло так, что квартира, первоначально предназначенная для заседания МК с активом, оказалась не очень надежной в конспиративном отношении и устроители решили перенести собрание в другое, более надежное место. Получился вынужденный перерыв на пару часов, который Владимир Ильич решил использовать, чтобы навестить меня, узнав от товарищей, что я серьезно заболела.

Всем известные исключительное внимание и забота, которые проявлял всегда Ленин к товарищам, сказались и тут.

Торопясь отправиться с пришедшим за ним товарищем на собрание актива, Владимир Ильич горячо пожелал мне скорейшего выздоровления и ушел. Так мне и не довелось слышать его выступления в Москве.

* * *

Осень 1907 года. Работаю в московской окружной партийной организации, от которой еду делегатом на Всероссий-

скую конференцию партии. Значит, предстоит свидание с Владимиром Ильичем, который еще пока остается в «близкой эмиграции» — в Финляндии. Вот и Куоккала и дачка Владимира Ильича. Попрямому они с Надеждой Константиновной живут как бы на бивуаках: весь домашний уклад сколочен на скорую руку. Владимир Ильич по-старому приветливо встречает, но вид у него на сей раз более озабоченный. На предварительном совещании ЦК с нами, делегатами-большевиками, Ленин говорит о позиции, которую партия должна занять по отношению к III Государственной думе. Доклад по этому вопросу предстоит на конференции сделать ему, Ленину.

Глубокое возмущение вызывают в нем меньшевики и особенно Плеханов, приютившиеся в буржуазно-демократической газете «Товарищ», чтобы оттуда поднять травлю против решений Лондонского съезда партии и против избирательной платформы партии. На всей конференции, состоявшейся, как известно, в Гельсингфорсе, лежал какой-то хмурый отпечаток; самое помещение под конференцию, которое отвели нам финские социал-демократы, было какое-то холодное, сырое, вполне гармонизировавшееся с ноябрьскими серыми днями.

Нам, большевикам, уже было известно, что Ленину нельзя дольше оставаться в Финляндии, что издание «Пролетария» и наш большевистский центр приходится убирать в более безопасное место, что Ильичу надо опять уезжать в новую, настоящую эмиграцию, и от всего этого было очень грустно. Лично мне не удалось скрыть от Ильича свое настроение, поэтому он во время одного из перерывов подошел ко мне, стал расспрашивать про здоровье и советовал поехать на отдых за границу. Когда же я от поездки отказалась, то шутливо погрозил мне пальцем. «Погибнешь ты зимою где-нибудь на ветке», — сказал он и сам расхохотался по-настоящему, по-ильичевски, и от этого смеха стало легко и свободно.

То была моя последняя встреча с Лениным во времена царизма.

Бюро комитетов большинства

(Борьба за III съезд РСДРП)

На II съезде РСДРП обнаружилась серьезная организационная разногласия. Партия раскололась на две части: на большевиков и меньшевиков, на революционных социал-демократов-ленинцев и на новых оппортунистов, которые заняли место «экономистов», разбитых Лениным. «Съезд закрепил победу марксизма над «экономизмом», над открытым оппортунизмом», но он «оказался не на высоте своего положения в области организационных вопросов» и «не сумел не только разоблачить оппортунизм меньшевиков в организационных вопросах и изолировать их в партии, но даже поставить перед партией подобную задачу.

Это последнее обстоятельство послужило одной из главных причин того, что борьба между большевиками и меньшевиками не только не утихла после съезда, а, наоборот, еще больше обострилась» (История ВКП(б), стр. 43).

II съезд избрал руководящие органы партии — Центральный Комитет и редакцию Центрального органа. По принятому съездом уставу партии, ЦК и ЦО назначили по два члена Совета партии, который являлся высшим учреждением партии. Пятый член Совета избирался съездом. Функции Совета заключались в том, чтобы «согласовать и объединять деятельность Центрального Комитета и редакции Центрального Органа и представлять партию в отношениях с другими партиями» (см. «Устав Р. С.-Д. Р. II.» в VI томе Сочинений Ленина, стр. 404).

Уже на самом съезде меньшевики объявили бойкот избранному съездом центральным учреждениям партии. Вскоре после съезда (в середине сентября 1903 года) тайком от партии собралась в Женеве конференция 17 меньшевиков. Участники конференции создали антипартийную фракционную организацию меньшинства, выделили фракционный центр во главе с Мартовым, Троцким и Аксельродом и разработали подробный план захвата центральных учреждений партии (Совета партии, Центрального органа и Центрального Комитета). Меньшевики «подняли, как писал Мартов, восстание против ленинизма» (История ВКП(б), стр. 43).

Плеханов, который на II съезде хотя и с известными колебаниями шел вместе с

Лениным, после II съезда перешел на сторону меньшевиков. Он потребовал, чтобы в редакцию «Искры» были включены старые редакторы-меньшевики (Мартов, Засулич, Аксельрод, Потресов), отвергнутые съездом.

Ленин не мог согласиться с этим требованием, противоречившим решению съезда, и «вышел из редакции «Искры», с тем, чтобы укрепиться в ЦК партии и с этой позиции бить оппортунистов» (История ВКП(б), стр. 44). Тогда Плеханов единолично кооптировал бывших редакторов-меньшевиков в редакцию «Искры».

Меньшевики использовали редакцию ЦО для укрепления и расширения своей тайной фракционной организации. Они повернули к «экономизму», превратили «Искру» в орган махрового оппортунизма, во фракционный орган меньшинства. Они захватили в свои руки источники денежных средств партии и организовали издание и транспорт меньшевистской литературы в Россию. Для завоевания местных комитетов партии и для давления на ЦК «снизу» в Россию было переброшено много меньшевистствующих интеллигентов.

Ряд крупных партийных комитетов в России (Петербургский, Московский, Нижегородский, Одесский, Тульский, Северный) резко протестовал против поворота «Искры» к оппортунизму и осуждал антипартийную, дезорганизаторскую деятельность меньшевиков.

В. И. Ленин еще в самом начале раскола, вызванного меньшевиками, видел в созыве нового съезда единственно правильный выход из партийного кризиса, созданного меньшевистскими раскольниками и дезорганизаторами. Через несколько дней после своего выхода из редакции «Искры», 10 ноября 1903 года, Ленин писал в неотосланном письме: «Борьба за Ц. К., за скорый (летом) новый съезд — вот что нам остается» (Ленин. Т. VI, стр. 112).

Борьба против оппортунизма меньшевиков в организационных вопросах быстро перерастала в борьбу против оппортунизма в политике, в борьбу за революционную тактику пролетариата в буржуазно-демократической революции, за революционную теорию и программу партии.

Борьба шла за основные положения марксизма, за гегемонию пролетариата в поднимавшейся народной революции. Большевики считали, что революция «победит лишь в том случае, если ее возглавит пролетариат, если пролетариат, как вождь революции, сумеет обеспечить союз с крестьянством, если либеральная буржуазия будет изолирована, если социал-демократия примет активное участие в деле организации народного восстания против царизма, если будет создано в результате победоносного восстания временное революционное правительство, способное выкорчевать корни контрреволюции и созвать всенародное Учредительное собрание, если социал-демократия не откажется при благоприятных условиях принять участие во временном революционном правительстве, чтобы довести до конца революцию» (История ВКП(б), стр. 61—62).

Точка зрения меньшевиков была диаметрально противоположной. Они считали, что вождем буржуазной революции может быть только буржуазия. Пролетариат, по мнению меньшевиков, должен сблизиться не с крестьянством, а с либеральной буржуазией. Меньшевики предлагали рабочим не опшупывать буржуазию своей революционностью и не давать ей повод отшатнуться от революции, так как это, говорили меньшевики, привело бы к ослаблению революции. Из тех же опасений — как бы не опшупнуть либеральную буржуазию — меньшевики были против организации вооруженного восстания, против участия социал-демократии во временном революционном правительстве. Меньшевики убеждали пролетариат не пытаться стать вождем буржуазной революции, а заниматься своими особыми, чисто рабочими интересами.

Две тактики рабочего класса в буржуазно-демократической революции — вот что переросли разногласия между большевиками и меньшевиками по организационным вопросам. Для успешной борьбы с оппортунизмом меньшевиков и для восстановления единства партии было необходимо как можно скорее созвать III съезд.

Ленин выдвинул лозунг борьбы за новый съезд в январе 1904 года на сессии Совета партии. Но Совет открыто солидаризировался с меньшевиками и стал на защиту их фракционной деятельности. Он отверг предложение Ленина. Прямирепче-ское большинство ЦК по поддержало Ленина. Зато призыв к борьбе с дезорганизаторами и агитация за созыв III съезда были поддержаны многими партийными комитетами: союзным Кавказским, Одесским, Екатеринославским, Тульским, Петербургским, Тверским, Московским, Сибирским союзным и другими. Борьба за созыв

III съезда затруднялась тем, что резолюции, требовавшие съезда, не доходили до многих партийных организаций. Меньшевистская «Искра» их не печатала, а прямирепче-ской ЦК прилагал все усилия, чтобы прекратить начавшуюся кампанию за съезд.

Огромное значение в деле самоопределения партийцев-практиков в сторону большевизма имела ленинская работа «Шаг вперед, два шага назад». Ленин в этой работе разоблачил оппортунизм меньшевиков в организационных вопросах и показал, что борьба большевиков против дезорганизаторов и оппортунистов из новой «Искры» носила принципиальный характер.

«Значение этой книги состоит прежде всего в том, что она отстаивала партийность против кружковщины и партию против дезорганизаторов, разгромила меньшевистский оппортунизм в организационных вопросах и заложила организационные основы большевистской партии... в ней Ленин первый в истории марксизма разработал учение о партии, как руководящей организации пролетариата, как основного оружия в руках пролетариата, без которого невозможно победить в борьбе за пролетарскую диктатуру» (История ВКП(б), стр. 50).

В этот период жившие в эмиграции большевики во главе с Лениным поддерживали связь с местными организациями в России через уполномоченных, об'езжавших комитеты. Поездки на нелегальную работу в Россию требовали денег, а средств у большевиков было очень мало. Но большевики, преодолевая все трудности, распространяли ленинскую брошюру «Шаг вперед, два шага назад» и вели огромную разъяснительную работу в низовых партийных организациях. Большинство партийных комитетов осознало необходимость организационно об'единить большевиков и создать центр для руководства практической работой по созыву III съезда.

По инициативе Ленина было подготовлено совещание большевиков. Оно состоялось в первой половине августа в окрестностях Женева. В нем участвовали В. И. Ленин, Н. К. Крупская, В. Воровский, М. Ольминский, П. Леминский, О. Леминская, С. Гусев, Р. Землячка, М. Лялов, П. Красиков и другие. Участников совещания было 19, но так как к обращению, принятому совещанием, присоединились еще трое, то обращение было вышущено от имени «двадцати двух» и совещание стало известным под названием «совещания 22 большевиков». Оно имело огромное значение в истории большевистской партии. Совещание приняло обращение «К партии», которое стало для большевиков программой борьбы за созыв III съезда. Уже

КЪ ПАРТИИ.

Медведев выступил на частном собрании ЦК в Ленинском Ц. Д. Р. Ц. — единомышленником, который в борьбе с большевизмом 9-го партийного съезда, на конференции обещал бороться о наводни партийного бреша и средствами напады на него и убили обратились ко всем российским социалдемократам с индивидуальным воззванием.

Товарищи! Тяжелый кризис партийной жизни это заринивается, ему не видно конца. Смута, раскол, создавая все новые и новые конфликты, положительная работа партии по всей линии степенно ею до крайности. Силы партии, молодой еще и не успевшей окрепнуть, бесплодно тратятся в угрожающих размерах.

А между тем исторический момент предъявляет къ партии такая громадная требования как никогда раньше. Революционное возбуждение рабочего класса возрастает, усиливается брожение и в других слоях общества, война и кризис, голод и безработица со стихийной неизбежностью подрывают корни самодержавия. Позорный конец позорной войны не так уже далек; а он неминуемо удесятерит революционное возбуждение, неминуемо столкнет рабочий класс лицом къ лицу съ его врагами и потребует от социалдемократии колоссальной работы, страшного напряжения сил, чтобы организовать решительную необходимую борьбу съ самодержавиемъ.

Воззвание «К партии». Постановление совещания 22 большевиков.
Музей революции СССР.

в августе 1904 года обращение было напечатано отдельным листком в типографии Рижского комитета и широко распространено.

На совещании обсуждался вопрос об организации Бюро комитетов большевизма, но окончательное оформление БКБ должно было произойти на местных конференциях, которых намечалось 4: Южная, Кавказская, Северная, Восточная (см. «Воспоминания о II съезде партии», стр. 166. Партиздат. 1934).

Совещанию обсуждало также вопрос о создании большевистского издательства.

Издательство было организовано под руководством В. И. Ленина. Оно выпустило обращение «К партии», принятое на совещании двадцати двух, и ряд других брошюр и документов.

Меньшевики всячески препятствовали большевикам обзавестись собственным из-

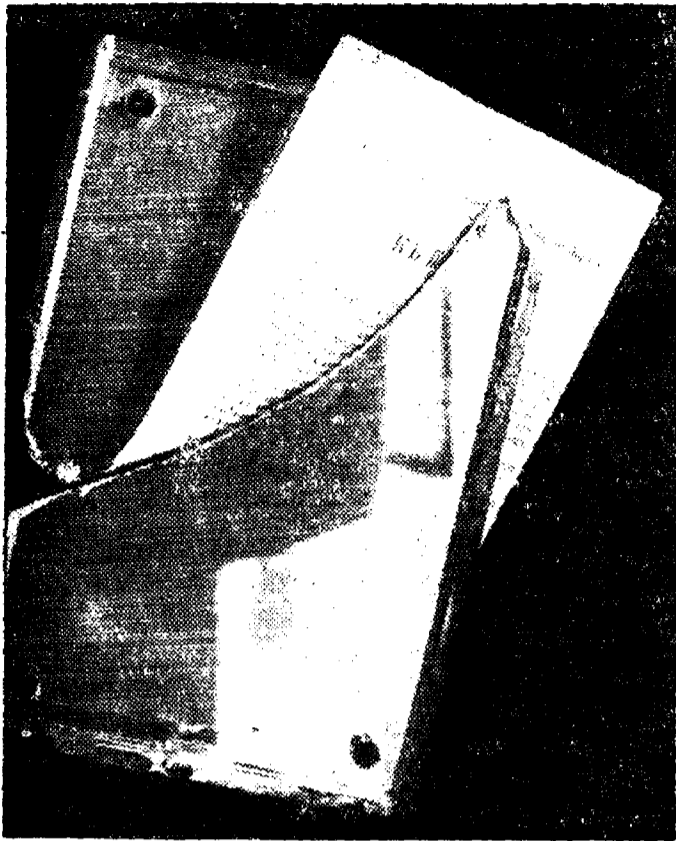
дательством. Меньшевистский Совет партии запретил ставить на большевистских изданиях партийный заголовок РСДРП, а примиренческий ЦК отказался перевозить большевистскую литературу в Россию.

Но большевики организовали свой транспорт литературы и наладили доставку в Россию первой большевистской газеты «Вперед».

* * *

В борьбе за новый съезд большевики имели против себя не только меньшевиков, но и примиренцев, захвативших ЦК РСДРП. Примиренцы использовали ЦК для борьбы против созыва съезда, для борьбы против Ленина и Сталина, против большевиков.

Летом 1904 года из состава ЦК по разным причинам выбыло несколько членов. В ЦК остались Ленин и трое ярых примирен-

Зеркало, в котором тов. Землячка привезла из-за границы резолюцию совещания 22 большевиков.

Музей революции СССР.

ренцев (Носков-Глебов, Красин и Гальперин).

Примиренцы устроили тайное от Ленина заседание ЦК, на котором единогласно приняли резолюцию из 26 пунктов — так называемую июльскую декларацию ЦК. Эта резолюция предлагала в целях «умиротворения» партии созвать вместо съезда конференцию совместно с меньшевиками. Скатившийся к меньшевизму ЦК признавал в своей декларации законность состава редакции «Искры» и предлагал Ленину войти в редакцию меньшевистской фракционной газеты, какой стала «Искра». Ленин был отстранен от обязанностей представителя ЦК за границей, произведения Ленина могли печататься только с визой ЦК. Примиренцы нарушили устав партии, требовавший единогласия при кооптации в ЦК, они, помимо Ленина и тайно от него, кооптировали в ЦК трех своих единомышленников.

Вновь кооптированным членам ЦК было поручено обехать все комитеты, высказавшиеся за съезд, и сорвать кампанию за созыв съезда. Так называемая июльская декларация ЦК с неперывающей ясностью показывала, что примиренческий ЦК целиком скатился на меньшевистские позиции. В важнейшем вопросе о путях выхода из партийного кризиса он окончательно порвал с большевизмом.

Ленин получил июльскую декларацию ЦК через несколько дней после окончания совещания двадцати двух. Этот документ

не застал Ленина врасплох. Ленин давно предупреждал примиренцев из ЦК, что капитуляция перед оппортунистами приведет их к меньшевизму.

Примиренец Носков по приезде за границу повел от имени капитулянтского ЦК переговоры с меньшевиками о созыве конференции.

Примиренцы из ЦК скрывали от партийных организаций капитулянтский характер своих переговоров с меньшевиками. Они ложно информировали комитеты о том, что переговоры с меньшевиками ведутся якобы о возвращении мира в партию, о ликвидации тайной организации меньшеинства. Они обещали не пускать меньшевиков в ЦК и уверяли, что, в случае неудачи переговоров, ЦК созывает съезд. На деле же ЦК сам вошел в тайную организацию меньшеинства и «неофициально» кооптировал в ЦК в октябре 1904 года трех наиболее злобных меньшевиков (В. Крохмалю, В. Розанова, Р. Гольбернштадта).

Декларация ЦК вызвала бурю негодования на местах. Посыпались резолюции протеста, а некоторые комитеты (например Московский, Петербургский, Рижский, Одесский, Кавказский союзный) выразили недоверие ЦК, скатившемуся к меньшевизму.

Агент ЦК, об'езжавший комитеты с польской декларацией ЦК, писал Носкову (Глебову), что все комитеты, кроме 4, на стороне большинства: «По настроению же комитетов ясно видно, что на съезде пройдут постановления в духе 22-х, т. е. смещение редакции и передача в руки большинства, изменение Совета партии и т. д.» (письмо цитируется по статье Ленина «Заявление и документы о разрыве центральных учреждений с партией». См. Ленин. Т. VI, стр. 384).

ЦК, связавший свою судьбу с меньшевиками, ни перед чем не останавливался, чтобы сорвать съезд. Меньшевики создавали свои организации, параллельные большевистским комитетам, и ЦК, не считаясь с партийным уставом, охотно легализовал эти антипартийные выступления меньшевиков. Всех членов партии, борозшихся за съезд, примиренческий ЦК объявлял дезорганизаторами.

По уставу партии, принятому на II съезде, Совет партии был обязан созвать съезд, если этого требовали партийные организации, имеющие вместе право на половину голосов на съезде. Чтобы затруднить большевикам завоевание количества голосов, необходимого для созыва съезда, Совет партии в сентябре 1904 года утвердил несколько новых примиренческих комитетов. Совет партии под разными фантастическими предложениями не признавал дейст-

вительными резолюции комитетов, требовавших нового съезда.

Однако эти ухищрения часто обращивались против Совета. Многие из вновь утвержденных комитетов высказались за съезд (Самарский, Орлов-Брянский и другие).

Партийные организации в России горячо поддержали обращение «К партии», выпущенное совещанием двадцати двух. Комитеты стали резолюции о присоединении к платформе совещания, требовали созыва съезда.

Борьба за съезд вступила в новый этап. Отдельные комитеты стали объединяться и подготавливать организационное оформление Бюро комитетов большинства. По мысли Ленина, это Бюро должно было стать официальным органом комитетов большинства и заменить ЦК на случай раскола.

Первой состоялась в конце сентября конференция южных комитетов. В ней приняли участие представители Одесского, Екатеринославского и Николаевского комитетов.

Конференция высказалась против меньшевистских центров и примиренческого ЦК и потребовала созыва съезда. Она решительно протестовала против постановления Совета партии, которое лишило большевистское издательство, возглавлявшееся Лениным, права ставить на своих изданиях заголовки «РСДРП».

В особой резолюции конференция высказалась за создание организационного комитета (ОК) по созыву съезда и поручила совещанию двадцати двух, то есть фактически большевистскому центру с Лениным во главе, определить персональный состав ОК.

Ленин ответил участникам Южной конференции письмом, в котором советовал именовать ОК «Бюро комитетов большинства» (БКБ). Ленин не считал возможным назначить членов Бюро. Он ограничился лишь рекомендацией некоторых товарищей, которые, как было хорошо известно, «фактически приступили к делу объединения комитетов большинства» (Ленин, т. XXVIII, стр. 368). Ленин назвал в этом письме кандидатуры Землячки, Литвинова, Гусева, Ядова, Красикова, которые и вошли в БКБ.

На Кавказе борьбу против оппортунизма меньшевиков, за единство партии, за созыв III съезда возглавлял товарищ Сталин. О разногласиях между большевиками и меньшевиками он узнал в тюрьме от товарищей, побывавших на II съезде. Он решительно стал на сторону Ленина и большевиков. В ссылке в Восточной Сибири, куда товарищ Сталин был в конце ноября 1903 года сослан на 3 года и откуда бежал 5 января 1904 года, состоялось первое,

заочное знакомство товарища Сталина с Лениным.

Еще в 1903 году, будучи в тюрьме, товарищ Сталин был избран в Кавказский союзный комитет РСДРП, созданный на I съезде социал-демократических организаций Закавказья. Вернувшись в Тифлисе из ссылки, товарищ Сталин организовал борьбу против меньшевиков, за созыв III съезда. Вместе с Миха Цхакая он руководил работой Кавказского союзного комитета, который являлся оплотом большевизма на Кавказе. Кавказский союзный комитет распустил в июне 1904 года бакинский меньшевистский комитет, выступивший против созыва III съезда.

Тифлисский комитет РСДРП 17 января 1905 года принял решение о выходе из Кавказского союза РСДРП. Он был также распушен Кавказским союзным комитетом. Вместо него был организован большевистский комитет. Подпольная типография большевиков выпустила 4 февраля 1905 года обращение к организованным рабочим Тифлиса, написанное товарищем Сталиным. Разоблачая дезорганизаторскую деятельность тифлиских меньшевиков, товарищ Сталин призывал рабочих-партийцев «собраться и сплотиться вокруг законного представителя партии — организованного Союзного Комитета Тифлисского Комитета Рос. С.-Д. Р. Партии» (цитируется по статье А. Нитерского «Жизнь Пяефа Виесарионовича Сталина в материалах музея Революция СССР»: «Исторический журнал» № 1 за 1940 год, стр. 42—43).

Большевистская стойкость и принципиальность Кавказского союзного комитета вызвали ненависть примиренческого ЦК, который поставил вопрос о роспуске Кавказского комитета.

Благодаря большой организационной и агитационной работе, проведенной товарищем Сталиным, был подготовлен созыв Кавказской конференции комитетов большинства. Она состоялась в конце ноября 1904 года. К этому времени раскольническая деятельность ЦК была достаточно разоблачена. В письме от 10 ноября 1904 года в Стоянин (члену Бакинского комитета) Ленин писал: «Теперь ЦК всецело слился с меньшевизмом и фактически вошел в его тайную организацию, целью коей борьба против съезда во что бы то ни стало... И мы были бы ребятами, если бы ограничились верой в съезд, но готовясь сейчас же прогнать оппортунистическую силу силой. Для этого мы должны 1) сейчас же объединить все комитеты большинства и создать Бюро Комитетов Большинство (почти уже сделан Одессой + Николаевым + Екатеринославом) для борьбы с бонапартизмом центральных учреждений;

2) приложить все усилия для всеосторонней поддержки и расширения влияния большинства...» (Ленин, т. XXVIII, стр. 382).

В Кавказской конференции участвовали Кавказский союзный комитет и комитеты Бакинский, Тифлиссский, Батумский, Имеретинно-Мингрельский.

На конференции обсуждались вопросы: 1) об отношении к партийным центрам, 2) о съезде, 3) о Бюро и 4) о литературе большинства. По вопросу об отношении к партийным центрам конференция указала, что «центральные учреждения РСДРП своей глубоко непартийной тактикой и бездеятельностью уронили себя в глазах партии, в частности Кавказского Союза... мы не можем идти рука об руку с такими центральными учреждениями» (Ленинский сборник XV, стр. 249).

В резолюции о созыве III съезда конференция характеризовала деятельность меньшевиков как дезорганизаторскую. Конференция заявила, что правильный выход из партийного кризиса может прийти «только сама же партия путем съезда», что «экстремный съезд крайне нужен и по условиям данного исторического момента, требующего исключительной согласованности и единства в действиях отдельных частей партии, для решительного напора на парское самодержавие» (Ленинский сборник XV, стр. 251).

Для подготовки съезда конференция выбрала Бюро, которому было поручено развернуть агитацию за съезд и установить связь с группой 22-х (там же, стр. 252).

Конференция поручала ЦК доставлять всем комитетам большевистскую литературу, издаваемую Лениным.

Кавказский союзный комитет командировал в конце 1904 года товарища Сталина в Баку для усиления кампании за созыв III съезда. Кавказский союзный комитет, убедившись в том, что примиренцы из ЦК ведут борьбу против созыва III съезда, порвал с капитулянтским ЦК. Товарищ Сталин разоблачил члена ЦК Носкова-Глебова, который с целью помешать созыву съезда обещал кавказским комитетам РСДРП.

Отговаривая рабочие массы на стороне большевиков, товарищ Сталин выступал, как талантливый пропагандист и агитатор, в дискуссиях с меньшевиками в ряде городов и провинциальных районов. Он проводит большую организационную работу по собиранию большевистских сил и их организационному оформлению. В Кутаисе по инициативе товарища Сталина был оформлен большевистский Имеретинно-Мингрельский комитет. После дискуссий с меньшевиками были созданы большевистские комитеты в Чхатурах и в Хопи.

Огромную роль в борьбе за III съезд сы-

грали литературные работы товарища Сталина. В своей брошюре «Векользь о партийных разногласиях» товарищ Сталин решительно выступил на защиту подожженный Ленина, развитых в брошюре «Что делать?» Как известно, эта работа Ленина вызвала ожесточенные нападки меньшевиков и гнусного предателя Тракского. После выхода в свет брошюры товарища Сталина Н. К. Крупская по инициативе Ленина прислала Кавказскому союзному комитету 18 июля 1905 года:

«Дорогие товарищи! Получили записочки Барсова (М. Цхакая) и письмо Отрокова, который сообщает, что Союз выпустил брошюру «Векользь о партийных разногласиях», которая произвела сенсацию. Пришлите ее нам» (цитируется по статье М. Шапчнева «Бюро Комитетов Большевикства и борьба за III съезд», «Пролетарская революция» № 8 за 1937 год, стр. 86).

Решающая роль в деле защиты позиций большевизма на Кавказе, в деле прокатки и развития идей Ленина принадлежала выходящему под редакцией Сталина органу Кавказского союза РСДРП «Борьба пролетариата», лучшей и самой крупной после ленинского «Пролетария» большевистской газете.

В ряде статей, помещенных в «Борьбе пролетариата», товарищ Сталин обосновывал и защищал ленинскую линию на II съезде и в период подготовки к III съезду. Так, в статье «Класс пролетариев и партия пролетариев», посвященной первому параграфу устава партии, товарищ Сталин отстаивал организационные принципы большевизма, изложенные Лениным в его знаменитой работе «Шаг вперед, два шага назад» («Борьба пролетариата» от 1 января 1905 года).

В борьбе за III съезд, как и во всей деятельности товарища Сталина, проявлялась крепкая, неколебимая идейная солидарность его с Лениным, их неизменное идейно-политическое сотрудничество.

«Статьи нашестойчиво проводят директивы Ленина, развивают и отстаивают большевистские идеи перед массами, организуют борьбу за III съезд. Между Лениным и Кавказским союзным комитетом постоянно поддерживалась тесная связь. Сталин стоял во главе всей идейно-политической борьбы кавказских большевиков с меньшевиками, эсерами, националистами, анархистами в годы первой русской революции» (Иосиф Виссарионович Сталин (Краткая биография), стр. 12).

Северная конференция состоялась в Колпино (близ Петербурга) в начале декабря 1904 года. На ней были представлены 6 комитетов: Петербургский, Московский, Рижский, Тверской, Нижегородский и Се-

верный (последний обвинял партийные организации Иванова-Вознесенка, Кострома, Ярославля). Конференция объявила «приветственно ЦК о приглашении его представителя на свои заседания» («Вперед» и «Пролетарий». Вып. 1-й, стр. 33) и выразила «своеверие Центральным учреждениям, как политическим руководителям партии».

Конференция приветствовала литературную деятельность Ленина, выясняющую «принципиальную позицию б-ства второго партийного съезда не только в вопросах организационных, но и программных и тактических...» (там же).

В «Резолюции о съезде» Северная конференция отметила, что «за съезд высказалось большинство старых и наиболее значительных организаций» и что несмотря на это Совет партии и ЦК, нарушая партийный устав, пренебрегают созыву съезда и прибегают к антипартийным приемам борьбы против съезда вплоть до роспуска организаций, высказывающихся за съезд.

Конференция обратилась к ЦК с официальным запросом: «готов ли ЦК взять, наконец, на себя немедленно созыв экстренного съезда...» Конференция просила «дать в двухнедельный срок прямой ответ...» (там же).

На конференции преобладала борьба между последовательными ленинцами и сторонниками ширининских взглядов А. Богданова. Богданов верил в возможность совместной работы с меньшевистскими центральными учреждениями, хотел «сохранить по отношению к ним «лояльность» и был против открытого разрыва с ЦК.

Член БКБ Литвинов присутствовал на конференции в качестве делегата Рижского комитета. В письме к Ленину он сообщал, что главные разногласия на конференции были по вопросу о Бюро, о его задачах и целесообразности его немедленного открытого выступления. Сторонники Ленина выдвигали на первый план как основную задачу Бюро подготовку и организацию съезда. Они настаивали на том, чтобы БКБ немедленно выступило открыто, не боясь нарушить «лояльность», и безотлагательно объединило высказавшиеся за съезд комитеты.

В «Резолюции о бюро» конференция поручила БКБ: 1) немедленно организовать съезд, 2) осуществлять идейное и практическое объединение партии вокруг принципиальной позиции большинства (см. «Вперед» и «Пролетарий». Вып. 1-й, стр. 33).

Конференция предоставляла Бюро право в случае отрицательного ответа ЦК на предъявленный ему запрос объявить себя Организационным комитетом (ОК). Время

открытого выступления в качестве ОК должно было определить само Бюро.

Обращение с запросом к полупленинарскому ЦК означало открытое выступление БКБ, ставя его в зависимость от ответа ЦК. Это было лишь наряду с прощальным созывом съезда. Ленин считал крайне важным и нужным немедленно выступление БКБ как всероссийского большевистского центра и ОК по созыву III съезда. В письме к Землячке от 10 декабря 1904 года, за несколько дней до Северской конференции, Ленин писал:

«Во-1-х, извещение (об организации БКБ.—Р. О.) необходимо, чтобы противопоставить наш открытый способ действия тайной организации меньшинства. Иначе Ц.К. непременно поймает вас, воспользуется ультиматумами Сибиряки (А. А. Богданова.—Р. О.) и заявит о вашей «тайной» организации: это будет позор для большинства, и всецело вынесены будете в этом позоре вы. Во-2-х, печальное извещение необходимо, чтобы известить массу партийных работников о новом центре. Никакими письмами никогда вы не достигнете этого даже приблизительно. В-3-х, заявление о сличении комитетов большинства будет иметь громадное нравственное значение для упрочения и ободрения унывающего (особенно здесь за границей) большинства» (Ленин. Т. XXVIII, стр. 392—393).

На конференции были избраны в БКБ кандидаты, выдвинутые по предложению Ленина Южной конференцией. Были избраны также кандидаты, выдвинутые Омским комитетом. В Бюро вошел один из членов Московского комитета. Окончательно БКБ было конституировано после того, как его состав был согласован с уполномоченными южных и западных комитетов.

Начавшаяся ранее Восточная конференция не была созвана по ряду причин, в том числе из-за отсутствия свободных сил, которые можно было бы бросить на Урал и в Сибирь.

Состоявшиеся три конференции мобилизовали сторонников большинства на борьбу за III съезд и еще больше сплотили их вокруг Ленина. Подготовка съезда велась в среде заграничных организаций партии. В. В. Воровский, Н. А. Краснов и другие организовали заграничные группы содействия РСДРП и организовали ряд новых большевистских групп. Большевистские группы содействия были объединены в едином центре — Комитете заграничных организаций РСДРП, который послал на III съезд делегата с совещательным голосом.

* * *

В подготовке III съезда большую роль сыграла газета «Вперед».

Идея создания большевистского органа печати была выношена Лениным, всесторонне им обдумана, тщательно практически подготовлена. Остановка была из-за денежных средств, которых не было.

Большевистская газета должна была означать окончательный разрыв с меньшевиками, зашедшими в Совете, ЦО и ЦК, и положить начало открытой борьбе с ними. Именно поэтому А. Богданов, стремившийся сохранить меньшевиков в партии, оттягивал под разными предлогами открытое выступление БКБ и ничего не делал для ускорения выхода газеты «Вперед». Ленин писал членам БКБ 3 декабря 1904 года:

«Оттягивать заграничный орган большинства (для которого не достает только денег) еще более непростительно. В этом органе теперь вся суть, без него мы идем к верной, бесславной смерти... я не предлагаю бросить агитацию за съезд... но не в этом гвоздь... О. К. или бюро большинства необходимо, но без органа это будет жалкий нуль, одна комедия... Организационный Комитет или бюро большинства должно дать нам полномочия на орган (поскорее, поскорее) и об'езжать комитеты, но если бы О. К. вздумал сначала поднять «положительную работу» и отложить пока орган, то нас зарезал бы именно такой идиотский Организационный Комитет» (Ленин. Т. XXVIII, стр. 389—390).

Мы видим, что Ленин был несогласен с Богдановым по тем же вопросам, по которым последовательные ленинцы выступали против примиренцев на Северной конференции. Ленин требовал, чтобы БКБ прежде всего обеспечило выход большевистского печатного органа, без которого было не мыслимо идейное и организационное объединение большевиков и успешная борьба за съезд.

Печатный орган был крайне необходим, в особенности в связи с нарастающим революцией в России, с оживлением политической активности масс и с открытым выступлением либеральной буржуазии. Необходимо было раскрикнуть в партийной печати кампультскую, оппортунистическую линию меньшевиков по отношению к либеральной буржуазии. Ленин уже в брошюре «Земская кампания и план «Искры» показал, как оппортунизм меньшевиков в организационных вопросах перерастал в оппортунизм по основным вопросам тактики. Задача органа большевиков заключалась в том, чтобы перед лицом всех классов общества определить отношение рабочего класса к основным вопросам начавшейся в России революции.

По инициативе Ленина 12 декабря 1904 года в Женеве состоялось узкое совещание

большевиков, на котором был окончательно решен вопрос о выпуске большевистской газеты. Газета была по предложению Ленина названа «Вперед». Совещание наметило состав редакции газеты во главе с Лениным.

В тот же день Ленин обратился с письмом к членам партии, в котором сообщил о выходе газеты «Вперед».

«Мы отнюдь не покидаем борьбы за съезд,— писал Ленин,— и, напротив, хотим расширить, обобщить и поддержать эту борьбу, хотим помочь Комитетам решить встающий перед ними новый вопрос с съезде помимо Совета и Ц. К.,— против воли Совета и Ц. К... Мы боремся и будем бороться за выдержанное революционное направление против смуты и шатаний в вопросах и организационных и тактических... Мы обращаемся теперь ко всем товарищам с просьбой о всякой поддержке» (Ленин. Т. VI, стр. 373—374).

Для выхода газеты необходимы были средства. С большим трудом большевикам удалось достать немного денег и заручиться кредитом в типографии. Первый номер газеты «Вперед» вышел 22 декабря 1904 года (4 января 1905 года).

Ленина очень волновала необеспеченность газеты средствами. Он писал Богданову 10 января 1905 года: «Помощь в первые месяцы нужна дьявольски, ибо, если не будет аккуратного выпуска, то вся позиция большинства понесет гигантский, едва поправимый удар. Не забывайте этого и тащите (особенно с Горького)...» (Ленин. Т. XXVIII, стр. 448).

Горький оказывал финансовую помощь большевикам, помогал и газете «Вперед». Он в то время не был еще лично знаком с Лениным, но уже знал его и относился к нему с проматным уважением. Землячка писала Ленину, что Горький предлагал свою непосредственную помощь по организации III съезда, если бы он состоялся в России.

Ленин подробно писал всем членам БКБ, как они должны наладить регулярное поступление в газету корреспонденций от рабочих, требовал непосредственных связей с каждой партийной организацией. По количеству новых связей, присылаемых для газеты, говорил Ленин, он будет судить о работе товарищей на местах.

В об'явлении об издании газеты «Вперед» было сказано, что Совет партии и ЦК отказались созвать съезд, хотя за него высказалось большинство комитетов. Эти комитеты вынуждены были «организовать ряд частных конференций и дать некоторым товарищам полномочие на отстаивание позиции большинства партии в партийной борьбе. Эти товарищи будут заведывать и организационной стороной насто-

В П Е Р Е Д

Газета «Вперед» № 2. 1905 год.

Музей революции СССР.

ящего предприятия» («Вперед» и «Пролетарий». Вып. 1-й, стр. 2).

В статье «Нора кончить» («Вперед» № 1) Ленин изложил ход борьбы с меньшевиками после II съезда. «Мы должны, — писал Ленин, — в отличие от «меньшевиков», которые действуют тайком, прячась от партии, заявить открыто и подтвердить на деле, что партия порывает с этими господами все и всякое отышедшая» (Ленин. Т. VII, стр. 43).

В вышедшей в декабре 1904 года брошюре «Заявление и документы о разрыве центральных учреждений с партией» Ленин обвинял членов ЦК в систематическом обмане партии и опубликовал ряд «тайных» документов, разоблачавших тайные от партии сделки ЦК с меньшевиками, как например «официальную» кооптацию меньшевиков в ЦК (см. Ленин. Т. VI, стр. 379—386).

Разрывая открыто с меньшевиками и примиренческим ЦК, Ленин требовал того же от БКБ. В письме к Богданову от 10 января 1905 года Ленин предлагал поскорее выпустить заявление о Бюро, объявить о солидарности БКБ со статьей «Нора кончить» и о том, что «Вперед» есть орган комитетов большинства, что БКБ вполне солидаризируется с «Вперед».

«Теперь раскол полный, — писал Ленин, — ибо мы все средства исчерпали. Третий съезд против воли Ц. К. и Совета и без них. Полный разрыв с Центральным Комитетом. Прямое заявление, что у нас свое бюро. Полное отстранение меньшевиков и новонесрофцев отовсюду» (Ленин. Т. XXVIII, стр. 450).

* * *

«Извещение о созыве третьего партийного съезда» было опубликовано в № 8 газеты «Вперед» за подписью Бюро комитетов большинства. Приветствуя выступление Бюро, Ленин подчеркивал, что оно «конституировалось теперь, как Организационный Комитет съезда» и созывает съезд «по поручению большинства комитетов против воли бонапартистского Ц. К. и Совета, перенимает все права Ц. К. по созыву съезда» (Ленин. Т. VII, стр. 137).

Ленин готовил съезд для организации войны против всех разновидностей оппортунизма: «...мы сплотим действительно железной организацией тех, кто хочет воевать, и этой маленькой, но крепкой, партией будем громить рыхлое чудовище новонесрофских разношерстных элементов...» (Ленин. Т. VII, стр. 101).

Ленин считал необходимым пригласить на съезд все рабочие организации, считавшие себя принадлежащими к РСДРП. Участие рабочих в заседаниях съезда должно было разоблачить домашнюю меньшевиков, направлявших рабочих на интеллигентов. Ленин призывал большое значение привлечению рабочих к руководящей работе в партийных комитетах.

Ленин был очень озабочен тем, чтобы на съезде были делегаты, выбранные непосредственно рабочими. Он советовал Гусеву повести агитацию среди петербургских рабочих-большевиков «на посылку ими на свой счет одного — двух делегатов на съезд с совещательным голосом» (Ленин. Т. XXVIII, стр. 458).

После опубликования извещения БКБ члены Бюро предприняли обезд комитетов для агитации за съезд. По решению Бюро

они должны были посетить все комитеты, в том числе и меньшевистские и «болотные», и пригласить их на съезд.

БКВ, следуя указаниям Ленина, выступало как партийный центр большевиков. Оно руководило работой большевистских организаций, выпускало агитационные листовки с оценкой политических событий.

* * *

Борьба большевиков за созыв III съезда имела большое международное значение. Выступление Ленина против оппортунистов в РСДРП перерастало в российские рамки, оно было также по оппортунистам из II Интернационала.

В борьбе против большевиков меньшевики встречали всегда поддержку и «понимание» со стороны лидеров германской социал-демократии и II Интернационала. «Открытая пропаганда насильственной революции со стороны русской социал-демократии нарушает всю парламентскую тактику немцев», — писал в 1904 году Август Бобель в письме к Парвусу. Каутский и лидер германских «левых» Роза Люксембург¹ помещали статьи против большевиков в немецкой социал-демократической печати и в меньшевистской «Искре». Каутский и Роза Люксембург поддерживали оппортунизм меньшевиков в организационных вопросах. Большевиков в немецкие социал-демократические газеты не пускали. Каутский отказывался помещать в социал-демократическом журнале «Neue Zeit» статьи Ленина.

Большевики с большими усилиями отстаивали право послать своих представителей на VI Амстердамский конгресс II Интернационала, состоявшийся в 1904 году. Большевистские делегаты распространяли среди членов конгресса подробный доклад на немецком языке, отредактированный

¹ Левые социал-демократы в Германии, одним из лидеров которых была Роза Люксембург, имели революционные заслуги, но имели за собой также и целый ряд серьезных политических и теоретических ошибок.

Товарищ Сталин писал в статье «О некоторых вопросах истории большевизма», что «...левые с.д. во II Интернационале и, прежде всего, в германской социал-демократии представляли слабую и немощную группу, организационно не оформленную, идеологически не подкованную группу, боящуюся даже выговорить слово «разрыв», «раскол...» (И. Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 351—352. 11-е изд.). Ошибочным было также отношение левых социал-демократов к борьбе между революционной и оппортунистической фракциями в российской социал-демократии. Лидеры германских левых Парвус и Роза Люксембург в период подготовки к III съезду высказались против большевиков.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РА-
БОЧАЯ ПАРТИЯ

Прокатать всехъ стрѣль, соединяйтесь!

ИЗВѢЩЕНИЕ о третьемъ съѣздѣ

РОССИЙСКОЙ
СОЦИАЛДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ
РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

съ приложениемъ

УСТАВА ПАРТИИ и главнѣйшихъ резо-
люцій, принятыхъ на съѣздомъ

Издание Центр. Ком. Р. С.-Д. Р. П.

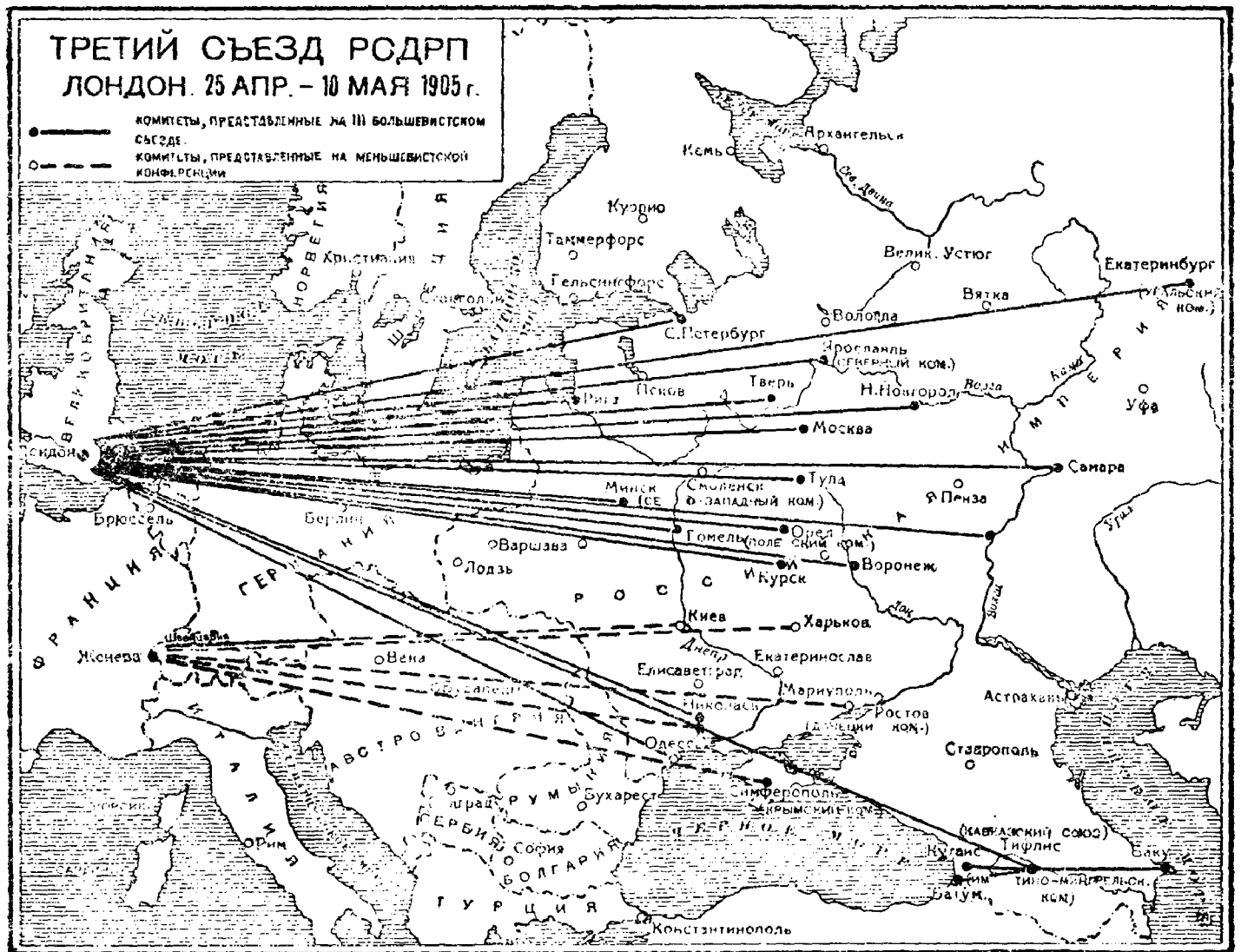
Типография Центрального Комитета
1905

Извещение о III съезде РСДРП с приложением устава партии и главнейших резолюций, принятых съездом. Издание ЦК РСДРП. 1905 год. Музей революции СССР.

Лениным, о положении в РСДРП и об основных принципах большевизма (см. «Воспоминания о II съезде партии», стр. 138—147. Партиздат. 1934).

Рост влияния большевиков в партии и успешная подготовка созыва III съезда сильно обеспокоили меньшевистских лидеров. Меньшевики использовали свои личные связи с вождями II Интернационала для того, чтобы, опираясь на большой тогда авторитет германской социал-демократии, укрепить свое пошатнувшееся положение и разгромить большевиков.

Лидеры II Интернационала не хотели признать, что борьба между большевиками и меньшевиками носит принципиальный характер. Так, Каутский в апреле 1905 года выступил в «Neue Zeit» и в «Искре» со статьей «Разногласия среди русских социал-демократов». К этому времени разногласия между большевиками и меньшевиками из организационных переросли в тактические. Несмотря на это Каутский уверял, что в РСДРП отсутствуют ревизионистские тенденции и что разногласия существуют только по вопросу о лучшей форме кооперативной организации для России. Ленин поручил Г. Д. Лейтейзену, который должен был выступить от имени редакции «Вперед» на съезде французских социалистов, «поправить» в своей речи Каутского, который «принавраля опять о Вперед и Искре!» (Ленинский сборник XVI, стр. 95).

Партийные организации, представленные на III съезде РСДРП и на меньшевистской конференции.

Музей революции СССР.

Оппортунисты из II Интернационала пришли на помощь меньшевикам. 13 января 1905 года в «Форвертсе» (орган германской социал-демократии) и в органе французских социалистов появились статьи, предлагающие вмешаться во внутрипартийную борьбу в российской социал-демократии. 1 февраля 1905 года лидер швейцарской социал-демократии Г. Грейлих обратился с письмом в редакцию газеты «Вперед», в котором выразил сожаление по поводу раскола среди русских социал-демократов и сообщил, что предложил правлению немецкой социал-демократической партии «решить этот вопрос международным путем» (см. Ленин. Т. VII, стр. 91).

В начале февраля 1905 года Ленин получил письмо от вице-президента германской социал-демократии Августа Бебеля. В этом письме Бебель от имени правления германской социал-демократической партии предлагал организовать под его — Бебеля — председательством третейский суд для разрешения спорных вопросов внутри РСДРП. Необходимым условием для третейского суда Бебель считал прекращение всякой полемики между большевиками и меньшевиками.

В письме от 7 февраля 1905 года Ленин сообщил Бебелю, что «раскол в со-

циал-демократической рабочей партии России в настоящее время стал совершившимся фактом» и что в ближайшее время состоится III съезд партии. «Ни я ни никто из известных мне редакторов, сотрудников и приверженцев Вперед, — писал Ленин, — не возьмут на себя в настоящее время ответственности за какие-либо другие важные и связывающие всю партию шаги без решения партийного съезда. Итак, Ваше предложение может быть сообщено только этому партийному съезду» (Ленин. Т. VII, стр. 99).

Такой же ответ дало Бебелю и БКБ. Оно подчеркивало, что внутрипартийная борьба в РСДРП не носит «личного или, в крайнем случае, группового характера», а является «столкновением политических идей». Поэтому Бюро считало, что вопрос о расколе в РСДРП может решить не третейский суд, а только партийный съезд (см. Ленин. Т. VII, стр. 451).

III съезд привнес в решение БКБ по вопросу о третейском суде. В письме в секретариат Международного социалистического бюро от 24 июля 1905 года Ленин писал:

«Бюро комитетов большинства отвергло предложение Бебеля. III съезд не принял никакого решения по поводу этого предло-

жения и тем самым выразил молчаливое присоединение к ответу Б.К.Б.» (Ленин. Т. VIII, стр. 11).

* * *

Разброд и дезорганизация в партийных рядах стали особенно заметными перед лицом начавшейся в России революции. Для разрешения практических вопросов революционной борьбы пролетариата была необходима единая и продуманная марксистская тактика. Но единой тактики у партии в то время не было, так как «благодаря эгоизму и раскольничьим действиям меньшевиков Российская социал-демократия оказалась в это время расколотой на две фракции» (История ВКП(б), стр. 60). Ликвидировать раскол, выработать единую революционную тактику мог только III съезд.

К началу апреля 1905 года уже 21 комитет высказался за съезд. Эти комитеты имели право больше чем на половину голосов на съезде. Поэтому Совет партии, согласно устава партии, обязан был по их требованию созвать съезд.

Выступление БКБ с призывом немедленно созвать III съезд всколыхнуло все партийные организации в России — не только большевистские, но и «болотные» и меньшевистские. Становилось очевидным, что съезд, созываемый БКБ, состоится, что меньшевистские запуганные центры не в силах этому помешать. Примиренческий ЦК был прекрасно осведомлен о том, что меньшевики в России составляли незначительное меньшинство.

Но ЦК, скатившийся к меньшевизму, не сдался. 7(20) февраля 1905 года ЦК обвинил Ленина в попытках дезорганизовать всю партийную работу, в нарушении партийного устава, принятого на II съезде, и вывел Ленина из своего состава.

9(22) февраля почти весь состав ЦК был арестован. Избежали ареста только двое (Красин-Никитич и Любимов-Марк). Эти два члена ЦК вскоре после ареста других членов ЦК начали переговоры с БКБ о совместном созыве съезда. Узнав о согласии ЦК созвать съезд, Ленин послал предостережь секретаря БКБ от каких-либо уступок ЦК, считая, что согласие ЦК было только маневром с целью сорвать съезд.

«Заклинаем бюро всем святым не верить Ц. К. и не отказываться ни за что ни от

единой капли своей полной самостоятельности в созыве съезда, — писал Ленин. — Бюро не вправе уступать Ц. К. ни на йоту. Иначе мы здесь поднимем бунт, и все твердокамешные комитеты будут с нами» (Ленин. Т. XXVIII, стр. 456).

4 марта 1905 года ЦК выпустил воззвание к партии, в котором высказался за созыв III съезда совместно с БКБ. 12 марта 1905 года между ЦК и БКБ было заключено соглашение. В тот же день было опубликовано совместное обращение ЦК к БКБ «К партии», в котором объявлялось о созыве III съезда и о его порядке дня.

Совместное обращение ЦК и БКБ одобрило организационную работу по созыву III съезда, выполненную БКБ. Дальнейшую работу по созыву съезда должен был вести ЦК, образованный БКБ и ЦК.

Эти документы были опубликованы в № 13 «Вперед» от 23 марта (5 апреля), с ленинским послесловием. «В последнюю минуту Ц. К. увидел, — писал Ленин, — что созываемый Б. К. Б. съезд есть действительно партийный съезд, и примкнул к нему» (Ленин. Т. XXX, стр. 128).

Как же реагировал на поворот ЦК Совет партии?

Лидеры меньшевиков, заседавшие в Совете, сами не пошла на съезд и не пустили на него приехавших из России представителей меньшевистских комитетов. Они устроили в Женеве свой меньшевистский съезд, который ввиду его малочисленности именовали «конференцией».

III съезд партии, созданный большевиками в результате упорнейшей борьбы против меньшевиков, открылся 25 апреля 1905 года. Делегаты от 20 большевистских комитетов представляли все крупную пролетарскую организацию партии. Большевистский съезд и конференция меньшевиков заседали одновременно и обсуждали, по сути дела, одни и те же вопросы — о тактике рабочего класса в буржуазно-демократической революции. Решения, принятые на съезде и на конференции, показали, как глубоко было принципиальное расхождение между ними, какая пропасть отделяла пролетарских революционеров — большевиков — от подголосков либеральной буржуазии — меньшевиков.

«Два съезда — две партии», — так определил положение Ленин (История ВКП(б), стр. 61).

Когда в России стали известны Маркс и Энгельс и идеи марксизма*

(По поводу книги А. Л. Реуэля «Капитал» Карла Маркса в России 1870-х годов. Под редакцией члена-корреспондента АН СССР К. В. Осгровитянова. Гос. Соц. Экон. изд-во. 1939).

Автор, судя по заголовку книги, поставил перед собой задачу — ознакомить читателя с откликами в России 70-х годов на книгу Карла Маркса «Капитал». Он приводит ряд выдержек из легальной и нелегальной печати того времени о «Капитале», воспоминания русских ученых об их знакомстве с «Капиталом» еще до перевода этой работы Маркса на русский язык. Автор подробно останавливается на вопросе о том, как шла работа над русским переводом «Капитала», как отнеслась к нему цензура. Реуэль приводит отклики печати на выход перевода и показывает борьбу различных направлений общественной мысли, стремившихся использовать «Капитал» для обоснования своих социально-политических воззрений «во время второго демократического подъема в России (конец 70 гг. XIX века)» (В. И. Ленин. Т. XXX, стр. 192). Автор подробно характеризует позиции Ю. Жуковского, Н. К. Михайловского, В. Чичерина и Н. Зиберы в дискуссии, последовавшей за выходом русского перевода «Капитала».

Содержание книги А. Л. Реуэля и шире и уже того, что обещано в ее заглавии. Оно уже потому, что А. Л. Реуэль не показывает всего многообразия откликов русской печати на «Капитал» в 70-х годах; оно шире потому, что Реуэль не ограничивается 70-ми годами и откликами на «Капитал» К. Маркса. Автор приводит также относящиеся к 40—60-м годам отклики на другие произведения Маркса и Энгельса. Это расширение темы повышает ценность книги. Большой интерес представляют приводимые автором материалы о дискуссии, развернувшейся в 60-х годах в связи с переводом книги Гильдебранда «Политическая экономия настоящего и будущего».

* Давая место статье тов. В. Шульгина, редакция ожидает дальнейших откликов на эту тему. Серьезное изучение материалов, о которых идет речь в книге А. Реуэля и в статье В. Шульгина, может дать много новых фактов для ответа на вопрос, поставленный в заголовке.

Реуэль правильно указывает, что работы Маркса и Энгельса уже в 40-х годах читались в России и что с ними были знакомы члены трех наиболее влиятельных социалистических кружков того времени — кружков Белинского, Герцена и Петрашевского. Но автор упускает такой факт, что Белинский еще до своей поездки за границу и Герцен до эмиграции были знакомы с этими работами, что уже в это время начинают в России писать о Марксе и Энгельсе. В справочном Энциклопедическом словаре Крайя (т. XI, стр. 139), вышедшем в 1848 году, читаем: «Ни Маркс, ни Энгельс, которых кажется можно принять за главные их проповедников (разрядка моя.— В. Ш.) нового германского материализма, ни другие не обнаруживали ничего, кроме частных черт этого учения».

Реуэль приводит некоторые документы 40—70-х годов, характеризующие отношение русских передовых людей того времени к Марксу и Энгельсу. Так например он цитирует часть письма Белинского к Герцену, но делает при этом существенные пропуски. Вот это письмо:

«Кетчер писал тебе о Парижском Ярбюхере, и что будто я от него воскрес и переродился. Вздор! Я не такой человек, которого тетрадка может удовлетворить. Два дня я от нее был бодр и весел, — и все тут. Истину я взял себе, — и в словах БОГ и РЕЛИГИЯ вижу тьму, мрак, цепи и кнут и люблю теперь эти два слова, как следующие за ними четыре» (подчеркнутое нами Реуэль выкидывает.— В. Ш.).

«Все это так, но ведь я попрежнему не могу печально сказать все, что я думаю и как я думаю. А чорт ли в истине, если ее нельзя популяризировать и обнаруживать? — мертвый капитал!» (В. Г. Боллнский. Письма. Т. III, стр. 87).

Напрасно Реуэль ставит здесь точку. Из письма очевидно, что, во-первых, Deutsch-Französische Jahrbücher знал, кроме Белинского, другой член кружка — Кетчер, который первый послал письмо Герцену, — и, во-вторых, что оба письма были посланы Герцену. Новизному, и Герцен читал эту «тетрадь». Наконец, приведенная цитата свидетельствует о том, что

Белинский отрицает только степень влияния «тетради», но самое влияние признает. Есть основания думать, что знакомство Белинского с работами Маркса и Энгельса было и шире и глубже, что оно не ограничилось чтением «тетради» и расказами друзей (Бакунина, Богкина, Герцена, Анненкова и др.) о Марксе и Энгельсе. Белинский, несомненно, знал и письмо Маркса к Анненкову от 28 декабря 1846 года, в котором, как известно, заключается обстоятельная критика прудонизма.

В своих воспоминаниях Анненков пишет: «Признаюсь, я не поверил тогда, как и многие со мною, разоблачающему письму Маркса, будучи увлечен, в месте с большинством (разрядка моя. — В. Ш.) публики пафосом и диалектическими качествами Прудонского творения» (Анненков. Воспоминания и критические очерки. 1881).

Анненков не говорит, кто было то меньшинство, которое соглашалось с Марксом, не говорит и о позиции, занятой Белинским. Но трудно себе представить, чтобы Анненков не ознакомил Белинского с письмом Маркса, тем более что друзья Белинского знали содержание этого письма.

Трудно представить себе, чтобы Белинский не ознакомился с книгой Маркса против Прудона, вышедшей в это время. Во всяком случае известно, что в борьбе с Анненковым Белинский отстаивал мысль о том, что «народ освободит себя».

Увлеченного Прудонем Анненкова Белинский называл «консерватором» и негодовал на него за то, что Анненков относился отрицательно к политическому движению масс.

Белинский считал уязвимой у Герцена абстрактную оценку буржуазии. Он не мог мириться с разговорами «о буржуазии вообще». Ему была чужда такая внешнеисторическая оценка общественных явлений. Белинский понимал диалектику развития буржуазии, историческая роль которой менялась на разных исторических этапах.

Возражая Луи Блану, Белинский писал: «Кроме того, он (Луи Блан. — В. Ш.) выпустил из виду, что буржуазии в борьбе, и буржуазии торжествующая, — не одна и та же, что начало ее движения было непосредственное, что тогда она не отделяла своих интересов от интересов народа. Даже и при *Assemblée Constituante* она думала вовсе не о том, чтобы успокоиться на лаврах победы, а о том, чтобы упрочить победу. Она выхлестывала праха не одной себе, но и народу: ее оценка была сначала в том, что она подумала, что народ с правами может быть сыт и без хлеба; теперь она сознательно ассервировала народ голодом и капиталом, но ведь теперь она —

буржуазии не борющаяся, а торжествующая» (В. Г. Белинский. Письма. Т. III, стр. 328—329). Нет ли здесь «откликна» на высказывания Маркса? О простом совпадении взглядов Белинского со взглядами Маркса и Энгельса не может быть и речи. Но что в этот переломный для Белинского момент на формирование его взглядов имела известное влияние теория Маркса и Энгельса — это бесспорно.

Реуэль подробнее останавливается на знакомстве Герцена с работами Маркса. Он пишет: «В последние годы своей жизни Герцен, очевидно, под влиянием деятельности Интернационала, вступил на путь пересмотра своих взглядов на «марксистов». В частности это нашло свое отражение в его благожелательном отношении к работе Бакунина над переводом I тома «Капитала».

В письме к Огареву от 21 сентября 1869 г. Герцен писал: «Дай бог успеха Бакун. переводу Маркса; я одного не понимаю: почему он держал под сурдинкой свои сношения с ним? Вся вражда моя с марксистами из-за Бакунина» (Реуэль, стр. 45. Разрядка моя. — В. Ш.).

Цитата из Герцена, приведенная Реуэлем, не говорит ни о том, что Герцен пересматривал свои взгляды, ни о том, что пересмотр взглядов Герцена произошел «очевидно, под влиянием деятельности Интернационала». В 1869 году, в том же сентябре, за 17—20 дней до написания письма Герцена, приводимого Реуэлем, состоялся Базельский конгресс I Интернационала (6—12 сентября 1869 года). Именно на нем, по настоянию Маркса (который, правда, сам на конгрессе не присутствовал), была принята резолюция, осуждавшая оппортунистическую позицию Бакунина по вопросу о праве наследования. Именно на этом конгрессе с особенной яркостью обнаружилась пропасть между марксистами и бакунистами по вопросу о государстве и по земельному вопросу. Базельская схватка была «сигналом к открытой и непрерывной войне, которую Альянс вел не только против Генерального Совета, но и против всех секций Интернационала, отвергающих программу этой сектантской лиги», — писал Маркс. («Базельский конгресс Первого Интернационала 1869». ИМЭЛ. 1934, стр. XX).

И если верно, что Герцен в последние годы жизни вступил на путь пересмотра своих взглядов на «марксистов» (а это верно), это могло произойти в обстановке обострения борьбы между Бакуниным и Марксом только в том случае, если Герцен рвал с Бакуниным.

«Духовный крах Герцена, его глубокий скептицизм и пессимизм после 1848 года

был крахом буржуазных иллюзий в социализме. Духовная драма Герцена была порождением и отражением той всемирно-исторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии уже угасала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата еще не созрела» (В. И. Ленин, Т. XV, стр. 465). С тех пор прошло 20 лет. Пролетариат вырос численно и духовно. Он сумел организовать в международном масштабе. Теперь он имел свой революционный штаб, своих вождей, разработанную Марксом и Энгельсом теорию. В миросозерцании Герцена происходил серьезный поворот. «Всеяду опять начинается период борьбы», — говорил Герцен. Он с огромным интересом изучал деятельность рабочих организаций. И когда со страниц «Русского вестника» Герцену крикнули, что у него нет никакого будущего, он ответил: «Вместо того, чтобы бросать в нас грязью и клеветой, почему они не нападают серьезно на наши принципы? Легко сказать с видом школьного учителя: «Времена социализма прошли». И это на другой день после Брюссельского конгресса (Брюссельский конгресс Интернационала состоялся в сентябре 1868 года. — В. Ш.), женевской забастовки, в двух шагах от движения немецких рабочих, среди подъема с удвоенной силой социальных вопросов по всей Европе, не исключая и Англии...» (Герцен, Полн. собр. соч. под редакцией Лемке, Т. XXI, стр. 207).

С большим вниманием Герцен следил за работой Базельского конгресса. Он со всей прямотой писал, что по решающему вопросу — о государстве — у него нет общности взглядов с Бакуниным.

«Герцен рвет с анархистом Бакуниным. Правда, Герцен видит еще в этом разрыве только разногласие в тактике, а не пропасть между миросозерцанием уверенного в победе своего класса пролетария и отчаявшегося в своем спасении мелкого буржуа. Правда, Герцен повторяет опять и здесь старую буржуазно-демократические фразы, будто социализм должен выступать с «проповедью, равно обращенной к работнику и хозяину, земледельцу и мешанину». Но все-же-таки, разрывая с Бакуниным, Герцен обратил свои взоры не к либерализму, а к Интернационалу, к тому Интернационалу, которым руководил Маркс...» (В. И. Ленин, Т. XV, стр. 465). Правильно отмечая, что Герцен в последние годы своей жизни вступил на путь пересмотра своих взглядов на «марксов», Реуэль об этом разрыве с Бакуниным ничего не говорит. Не говорит он и о том, что Герцен обратил свои взоры к Интернационалу Маркса. Тем

самым Реуэль неверно пересказывает текст Ленина.

Реуэль рассказывает о знакомстве кружка петрашевцев с работами Маркса. Известно, что Спешнев читал «Ницету философии» Маркса, которая была в библиотеке кружка. Несколько лет Спешнев жил за границей, где встречался с Вейтлингом до разрыва с последним Маркса. Вряд ли Спешнев мог не знать о других работах Маркса и Энгельса.

Известно, что петрашевцы выписали книгу Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», следовательно, интерес к работам Маркса и Энгельса не был у них мимолетным. Среди разношерстной группы Петрашевского были люди, которые интересовались в первую очередь вопросами политической экономии. Это группа Милютина, Майкова и их близкого друга — Салтыкова-Щедрина. Могло ли быть, чтобы они не читали Маркса? Ряд статей, которые поместил в то время в различных журналах Милютин, доказывает его большую начитанность и недюжинные способности. Недаром Белинский отметил их.

Но если Реуэль говорит о 40-х годах хотя и очень кратко, то 50-е годы он вообще обходит. Значит ли это, что в течение целого десятилетия в России забыли о Марксе и Энгельсе, что даже имена их не встречались в печати? Что это не так, можно показать на одной работе Добролюбова, хотя в ней нет никакого упоминания ни о Марксе, ни об Энгельсе.

В 1859 году Добролюбов написал небольшую рецензию под заглавием «От Москвы до Лейпцига». Поводом к ней послужили письма, помещенные профессором политической экономии Бабетом в «Атенеум» за 1858—1859 годы.

Бабет стоял на позициях необходимости сохранения капитализма, он не шел дальше устранения отдельных «грубых» проявлений его, отдельных недостатков.

Добролюбов показал, что суть не в этих недостатках, а в том, что сохранилась эксплуатация человека человеком и что до тех пор, пока она будет, будут существовать, то в смягченном виде, то в более грубой форме, и «недостатки» капитализма.

Добролюбов начинает с того, в чем он согласен с Бабетом. Здесь он отмечает три пункта: 1) «Европа тоже имеет будущее, и очень светлое», 2) «Нам еще нужно пройти большое пространство, чтобы стать на то место, на котором стоит теперь европейская жизнь», 3) «И мы должны идти по тому же пути развития, только стараясь избегать ошибок, в которые впадали европейские народы вследствие ложного понимания прогресса» (Добролюбов).

Собр. соч. под ред. Лебедева-Полянского. Т. IV, стр. 391—392). Таким образом, Добролюбов отвергает «особый» путь развития России, отвергает утверждение славянофилов о том, что нет будущего у Европы, подчеркивает в то же время огромность расстояния между крепостнической Россией 50-х годов и буржуазной Европой того времени. Этим, собственно, и исчерпывается общность взглядов Добролюбова и Бабста. Дальше начинаются разногласия.

В первом письме Бабст, имея в виду революцию, писал: «...но такие переходные эпохи наступают для народа веками, и, сильно сдается нам, задачи их и значение в истории чуть ли не прошли безвозвратно (разрядка моя.—В. Ш.). Запас сведений и знаний в европейском человечестве стал гораздо богаче, гражданские права расширились, сознание прав усилилось, и, наконец, доверие к насильственным переворотам, вследствие горьких опытов, угасает» («Атеней» за 1858 год. Бабст «Три месяца за границей. Письмо первое»). Вот с этим-то и несогласен Добролюбов.

«Мы очень желаем,—говорит он,—чтобы Европа без всяких жертв и потрясений шла теперь неуклонно и быстро к самому идеальному совершенству; но мы не смеем надеяться, чтобы это совершилось так легко и весело» (Добролюбов. Полн. собр. соч. под редакцией Лебедева-Полянского. Т. IV, стр. 392). Без революции не может быть социализма («светлого будущего»). Вот ясный смысл этого утверждения.

Добролюбов, подчеркивая ту мысль, что буржуазия выигрывает в рабочем классе своего врага и что всюду в Европе она для борьбы с ним делает уступки побежденным ранее феодалам писал:

«И теперь в рабочих классах накапливается новое неудовольствие, глухо готовится новая борьба, в которой могут повториться все явления прежней... Спасут ли Европу от этой борьбы благосостояние, образованность и прочие блага, восхваляемые г. Бабстом,—за это едва ли кто может поручиться» (там же, стр. 392—393). Далее Добролюбов поясняет, почему он считает борьбу между рабочим классом и буржуазией неизбежной.

«Призовите на помощь историю: где и когда существенные улучшения народного быта делались просто вследствие убеждения умных людей, не вынужденные практическими требованиями народа?» (там же, стр. 395), — спрашивает Добролюбов.

Уступок можно добиться только в результате борьбы. Но, оказывается, они недолговечны: «Если капиталисты и лорды

и сделают уступку работникам и фермерам, так или такую, которая им самим ничего не стоит, или такую, которая им даже выгодна... Но как скоро от прав работника и фермера страдают выгоды этих почтенных господ,—все права ставятся ни во что, и будут ставиться до тех пор, пока сила и власть общественная будет в их руках...» (там же, стр. 393).

В чем же выход? Для того чтобы рабочий класс получил права и человеческую жизнь, он должен лишить власти лордов и буржуазию.

«...о роли народных масс в будущей истории Западной Европы почтенный профессор думает очень мало», — пишет Добролюбов. «Он полагает, кажется, что для них достаточно будет отрицательных уступок, уже ассигнованных им в мнении высших классов, то есть если их не будут бить, грабить, морить с голоду и т. п. Но такое мнение, во-первых, не вполне согласуется с желаниями западного пролетария, а во-вторых, и само по себе довольно наивно» (там же, стр. 393).

Добролюбов считал, что требования западного пролетариата сводятся не только к тому, чтобы сытно есть и не быть битым. У него есть свои задачи. И он их начинает осознавать. После многоточия Добролюбов продолжает:

«И пролетарий понимает свое положение гораздо лучше, нежели многие прекрасноразумные ученые, надеющиеся на великодушные старших братьев в отношении к меньшим... Пройдет еще несколько времени, и меньшие братья поймут его еще лучше» (там же, стр. 393). Неоднократно встречающиеся в тексте многоточия говорят о том, что открыто сказать то, что он хотел, Добролюбов не мог.

«По тут уж надо бы привести на помощь историю, которую призывает несколько раз сам г. Бабст. Она покажет, что с развитием просвещения в эксплуатирующихся классах только форма эксплуатации меняется и делается более ловкою и утонченною; но сущность все-таки остается та же, пока остается непрежнемое возмездие эксплуатации» (там же, стр. 394).

Таков вывод, к которому пришел Добролюбов по отношению к Западной Европе.

А по отношению к России? Он и здесь предвидел неизбежность революции.

Эта рецензия Добролюбова наталкивает на мысль о том, не является ли и она «откликом» на работы Маркса и Энгельса.

Но особый интерес представляет собой дискуссия, относящаяся к 60-м годам. Поводом к ней послужил выход в свет перевода книги Гильдебранда «Политическая экономия настоящего и будущего».

Какова была обстановка, в которой происходила эта дискуссия? Шестидесятые годы были годами огромного интереса к вопросам политической экономии. Это доказывается не только изданием ряда книг русских авторов, но и рядом переводов, выходом специальных журналов («Промышленный вестник», «Промышленность», «Экономический указатель») и большим количеством статей в общих журналах. В крупных городах, в первую очередь в столицах, читаются лекции по политической экономии. Газеты печатают подробнейшие отчеты о них, иногда журналы печатают и самые лекции, больше того: издают отзывы их. Среди лекторов есть и иностранцы. Во всем этом не было ничего случайного. Интерес к политической экономии был тесно связан с вопросом об освобождении крестьян.

По этому вопросу между различными течениями общественной мысли шла борьба. Каждая из борющихся сторон старалась обосновать как можно лучше свою позицию. В этих целях участники споров обращались на Запад. В теориях различных экономистов искали они аргументов. Но это не могло не привести к дискуссии по самым основным вопросам политической экономии. Вот в этой борьбе сказался гений Чернышевского. Он сумел понять и объяснить банкротство буржуазной политической экономии. Карл Маркс в предисловии ко второму изданию «Капитала» отметил эту заслугу Чернышевского. «Люди, все еще претендовавшие на научное значение и не довольствовавшиеся ролью простых софистов и сикофантов господствующих классов, старались согласовать политическую экономию капиталистов с притязаниями пролетариата, которых уже нельзя было более игнорировать. Отсюда тот плоский синкретизм, лучшим представителем которого является Джон Стюарт Милль. Это — банкротство «буржуазной» политической экономии, как мастерски выяснил уже в своих «Очерках политической экономии по Миллю» великий русский ученый и критик Н. Чернышевский» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Полное собр. соч. Т. XVII, стр. 13).

Вот в этой обстановке напряженнейшей борьбы выпли почти одновременно два перевала книги Гильдебранда. Содержание ее заключалось в развернутой полемике против Энгельса. Гильдебранд подвергает жесточайшей критике как статью Энгельса, которая была помещена в «Deutsch-Französische Jahrbücher» и о которой, как о гениальной, отзывался Маркс в предисловии к своей работе «К критике политической экономии», так и «Положение рабочего класса в Англии».

«Гильдебранд как ярый враг социализма крикует книгу Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» за то, что будто бы в ней неверны прежде всего общие исторические и статистические положения, от которых отталкивается Энгельс в своем анализе современного общества», — пишет Реуэль (стр. 46). Это не совсем так. Вот что писал в своей книге Гильдебранд: «Совсем другое представляет нам статистическое сочинение Энгельса об Англии. В нем верна, по крайней мере, в гораздо большей степени, чем в сейчас разобранном сочинении, именно специальная, фактическая сторона, которая потому и привлекает читателя. Не верны же в ней только сопоставления сообщаемых фактов и та причинная связь, в которой они приводятся автором. Все частности верны, а общее ложно». Вот в чем прежде всего обвинял Энгельса Гильдебранд (Гильдебранд «Политическая экономия настоящего и будущего», § 37, стр. 140. М. 1860. Разрядка моя. — В. Ш.).

Вокруг этой книги и развернулась дискуссия. В ней принимали участие «Отечественные записки». Они даже пытались обострить ее, упрекая «Современник» в том, что отзыв его — «общее место». «А в книге этой изложены мнения разных политико-экономистов очень отчетливо» («Отечественные записки» № 4 за 1861 год). Но сами «Отечественные записки» не занимали отчетливо сформулированной позиции в этой дискуссии. С большой рецензией выступило «Время», журнал Достоевского. «Время» не было согласно полностью с позицией Гильдебранда. Оно считало, что автор «в разгар полемики увлекается сам некоторыми весьма сомнительными заключениями. Так он доказывает, что положение рабочего класса постоянно улучшалось, а заработная плата английского работника с XVI столетия увеличилась вдвое...» Это вызвало сомнение у рецензента журнала «Время». «Затем Гильдебранд очень много говорит о политической организации Англии и сулит ей блестящее будущее...» В этом «Время» согласно с Гильдебрандом, «но заслонить социальные ее (Англии. — В. Ш.) бедствия великодушным политическим устройством никогда не было и не будет разумным». Но что целиком одобряло «Время» у Гильдебранда, так это его борьбу против Энгельса: «Тут сосредоточивается вся блестящая сторона критического таланта нашего автора. Он прямо берет за существование энгельсовою критики и победоносно отвергает ее основные положения о существовании «абсолютной» экономической ценности. Затем указывает на односторонность и произвольный выбор цифр, приво-

лих Энгельсом, представляет свои собственные статистические вычисления, делает из них совершенно противоположные выводы и доказывает таким образом, что все статистические изображения Энгельса преувеличены, а его положение, что вся история свидетельствовала только о постепенном падении человечества, совершенно несостоятельно» («Время» № 3—4 за 1861 год. «Политическая экономия настоящего и будущего». Соч. Гильдебранда).

В критике работ Энгельса большую заслугу Гильдебранда видел и рецензент «Русского вестника» (№ 3—4 за 1861 год. «Сочинения Бруно Гильдебранда», перевод П. Щепкина. СПб. 1860).

«Мы можем рекомендовать читателям,— говорит автор рецензии,— четвертый отдел книги Гильдебранда, где они найдут сжатое изложение теории социалистов и основательное их опровержение...» «Гильдебранд,— продолжает дальше рецензент,— не только блистательно опровергает Энгельса шаг за шагом, но и доказывает совершенно противоположное, именно, что положение рабочих классов в Англии с каждым годом улучшается и в материальном и в нравственном положении».

Поток отзывов на книгу Гильдебранда на этом не прекратился. Не один раз с поддержкой Гильдебранда в его полемике против Энгельса выступал «Вестник промышленности».

Ту же позицию занимала «Библиотека для чтения». В 1861 году Юрий в рецензии на книгу Вильгельма Рошера «Начала народного хозяйства» писал:

«...Недавно появилось у нас в переводе очень ученое экономическое сочинение Марбургского профессора Бруно Гильдебранда. Оно возбудило оживленные толки во всей мыслящей публике, но потерпело совершенно неожиданное поражение от наших самых читаемых журналов. Один, не имеющий никаких претензий на ученость, весьма остроумно разобрал всю книгу за 2 или 3 действительно плохих страницы, написанные автором под влиянием старых экономических доктрин, от которых он не совсем освободился. Другой, упирающийся особенно на необходимость самой специальной учености, важно засудил ту же самую книгу за то, что она не безусловно согласна с этими старыми, заживо гниющими доктринами. Более умеренные голоса тех, кто пытались указать на действительные достоинства книги, потерялись как бы незамеченными среди таких авторитетов, и превосходная книга осталась разруганной».

Что это за «старые, заживо гниющие доктрины»? Это, с точки зрения «Библио-

теки для чтения», доктрины Энгельса. А журнал, который «засудил» книгу Гильдебранда, — это «Современник». Рецензент открыто не назвал ни Энгельса, ни «Современник». Но это ясно было для всех. К тому же через несколько месяцев в той же «Библиотеке для чтения» другой рецензент назвал прямо Энгельса и «Современник». Реуэль, приводя одну цитату из этой второй рецензии, говорит:

«Позицию арбитра между «Русским Вестником» и «Современником» пытается занять Д. Щеглов из «Библиотеки для чтения» (стр. 49).

«На каком основании «Современник» осудил Гильдебранда, — писал Щеглов, — об этом трудно сказать что-нибудь. Если Гильдебранд не довольно рационально критиковал взгляды Энгельса на современное состояние Англии, так, во-первых, это относится к одной из подробностей, в сущности, весьма незначительной, а во-вторых, в книге было много другого, что было вполне рационально» («Библиотека для чтения» за 1862 год, март, стр. 130. Д. Щеглов «Об отношении русской экономической литературы к науке»).

Читатель вправе спросить, что это за «подробность, в сущности, весьма незначительная», которая рассорила «Современник» с Гильдебрандом.

На это ясно отвечал Щеглов:

«Гильдебранд, между прочим, делает защиту собственности против тех нападений, которым она подверглась». Вот, оказывается, в чем дело! Против Энгельса Гильдебранд выступил с защитой частной собственности — против Гильдебранда выступил «Современник» в защиту позиции Энгельса. Вот что называл «весьма незначительной подробностью» Щеглов.

Где же у этого открытого врага социализма попытка занять позицию арбитра между «Русским вестником» и «Современником»?

Эта дискуссия, захватившая почти все толстые журналы 60-х годов, показывает, с какой энергией и жадностью искали «правильной революционной теории» передовые люди того времени. В поисках этой теории передовая общественная мысль России вновь и вновь подходила к марксизму. Вопрос стоял во время дискуссии именно так: за или против Энгельса. И нашелся журнал — это был «Современник», — который высказался за Энгельса. Сначала очень осторожно, скрыто в рецензии и статьях, затем открыто в статьях Шелгунова.

«В числе писателей, на которых нападает Гильдебрант, есть и Энгельс, один из лучших и благороднейших немцев. Имя это у нас совсем неизвестно, хотя европейская

экономическая литература обязана ему лучшим сочинением об экономическом быте английского рабочего. Разница между Гильдебрантом и Энгельсом в том, что Энгельс называет худое худым, и не хочет этого худого; а Гильдебрант, напротив, находит, что дурное не только не дурно, но что оно так и должно быть» («Современник» за 1861 год. Т. LXXXIX, стр. 137). Такова позиция «Современника» в этом споре. Реуэль правильно указывает, что статьи Шелгунова были написаны под сильным влиянием книги Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» и иногда дословно излагали соответствующие страницы этого произведения. Мы можем даже сказать больше: работа Шелгунова приближается к переводу книги Энгельса.

В самом деле, у Шелгунова мы читаем: «Нужда учит и думать, и действовать. Английский рабочий, едва умеющий читать и писать, знает очень хорошо, что составляет его личный интерес и интерес его страны. Он знает более, — он понимает, в чем заключается интерес буржуазии и чего он в состоянии ждать от нее. Если он не умеет писать, зато он умеет говорить публично, составлять сходы; если он не умеет считать, зато он в политико-экономических вопросах умеет столько сообразить, сколько ему нужно; если, несмотря на все усилия своих духовных учителей, ему не совсем ясны небесные вопросы, зато он умеет понимать вопросы земные».

Раскроем теперь «Положение рабочего класса в Англии»:

«Нужда учит молиться и — что гораздо важнее (подчеркиваем слова, выпущенные в переводе Шелгунова. — В. Ш.) — мыслить и действовать. Английский рабочий, едва умеющий читать и еще менее умеющий писать, тем не менее прекрасно знает, в чем заключаются его собственные интересы и в чем — интересы всей нации; он знает также, каковы специальные интересы буржуазии и чего он от последней может ожидать. Если он не умеет писать, то умеет говорить и говорить открыто в общественных местах; если он не знает арифметики, то все же настолько умеет оперировать политико-экономическими понятиями, сколько это необходимо, чтобы увидеть насквозь буржуа, хлопчущего об отмене пошлин на хлеб, и опровергнуть его; если, несмотря на все старания попов, вопросы небесного характера остаются для него совершенно неясными, зато он тем лучше разбирается в вопросах земных, политических и социальных» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. III, стр. 405. Разрядка моя. — В. Ш.).

Сравнение всей первой части статьи Шелгунова «Рабочий пролетариат в Англии и во Франции» с «Положением рабочего класса в Англии» Энгельса убеждает нас в том, что мы имеем перед собой изложение книги Энгельса, приближающееся к точному переводу.

В предисловии к статье Шелгунова «Современник» писал:

«Мы говорим о Гильдебранте совсем не потому, чтобы стоило особенно говорить о нем, но потому, что нам выдают его за одного из пророков политической экономии, что нас сбивают с толку, наконец, потому, что предлагая нам возмозловые рассуждения людей одной партии и их нападки на людей другого взгляда на вещи, людей во всех отношениях далеко выше их, в то же время скрывают намеренно, что говорят эти последние». И вот в ответ на нападки против Энгельса «Современник» фактически излагает содержание его работы в статье Шелгунова.

Таким образом, если в 40-е годы дело ограничивалось знакомством с работами Маркса и Энгельса и статьями о них в цензурной печати, очень малочисленными и небольшими, то теперь, в 60-е годы, речь шла уже о популяризации основных мыслей работы Энгельса «Положение рабочего класса в Англии».

«Вообще в 60-х годах, — пишет Реуэль, — имя Карла Маркса было известно лишь отдельным, самым передовым и образованным представителям русской интеллигенции. Лишь с выходом в свет I тома «Капитала» и в особенности после перевода его на русский язык имя Карла Маркса становится популярным в России» (Реуэль, стр. 58).

Для доказательства этого утверждения Реуэль не приводит никаких фактов. А факты, опровергающие это утверждение, имеются. Так например в той самой книге Гильдебранда, о которой шел спор, захвативший большое количество русских журналов, было имя Маркса, а эту книгу прочли не только отдельные передовые и образованные представители русской интеллигенции: она вышла, как известно, в двух переводах.

В том же, 1865 году, когда в «Русском слове» печаталась статья Ткачева, в которой он ссылаясь на Маркса и приводил цитату из его работы «К критике политической экономии», в «Современнике» (№ 5—6) печаталась статья «Стачки рабочих во Франции и в Англии». В ней мы читаем: «Не подлежит сомнению, говорит живущий в Англии немецкий политико-эконом Карл Маркс, что повсюду положение рабочих масс ухудшается по мере того, как скопляется богатство в руках немногих индивидуумов из владетельных

классов» (стр. 472). Автор не был согласен с Марксом и верно понимал его теорию. Это бесспорно. Но, очевидно, что Маркс был известен широким читательским кругам в России в 60-е годы. Приведенные факты свидетельствуют, что о нем могли знать читатели двух журналов. Назовем третий.

В 1868 году в журнале «Дело» (№ 9—10) была напечатана статья Реклю «Международный конгресс в Брюсселе», в которой автор приводил часть речи немецкого социалиста Гесса. Там мы читаем: «Много кричат об уничтожении капитала и процентов, думая их уничтожить в 24 часа, много также кричат об учреждении народного банка, который, уверяют нас, должен спасти мир. Но ни один рабочий не хочет даже слышать об этом: что же касается нас, то мы знаем, что еще до 1848 года эта идея была опровергнута нашим другом Карлом Марксом в его брошюре «Misère de la Philosophie» («Бедность философии»), направленной в ответ Прудону на его «Philosophie de la misère» («Философия бедности»).

Шефле в своей статье «Капитализм и социализм», помещенной в нескольких томах «Всемирного труда» за 1871 год, неоднократно ссылается на Маркса. Шефле писал: «Частная жизнь и характер Карла Маркса мне не известны. Его сочинения свидетельствуют только о серьезном изучении, а также о самостоятельности и непоколебимости принципов» («Всемирный труд» за 1871 год. Т. I, стр. 17).

В журналах и газетах того времени можно найти много статей (автору настоящей работы известно больше сотни), посвященных Интернационалу, и в них не один раз встречается имя Маркса.

В обзорной передовой статье газеты «Московские ведомости» об Интернационале Катков не раз упоминал о Карле Марксе, «председателе Центрального Комитета». Особенно возмущало Каткова то, что Маркса избрали представителем русской секции. «Что за человек этот Карл Маркс? Нам это тем интереснее знать, что, по последним известиям, которую мы нашли в сегодняшних английских газетах, Карл Маркс избран заведывать вместе и Германией и Россией. Это, значит, наш благодетель», — шипел черносотенец Катков («Московские ведомости» № 220 за 1871 год. Передовая).

В другом номере Катков изложил «историю» Интернационала и вновь назвал Карла Маркса («Московские ведомости» за 1871 год № 235, Москва, 26 октября).

«Русский вестник», всюду видевший «руку Интернационала» и его руководителя Маркса, переселил Карла Маркса во время Коммуны в Париж.

«Русский мир» в марте 1872 года в корреспонденции сообщал: «Во всех странах рабочие вздумали праздновать этот день (день 18 марта, т. е. день Коммуны.— В. Ш.). В Лондоне, хотя и не удалось устроить значительную манифестацию, все же были сходки, в которых Карл Маркс, Дюпон Лиссагаре и tutti quanti восхваляли подвиги героев международной революции».

В связи с деятельностью Интернационала о Марксе упоминали в № 195 за 1871 год и «Санкт-Петербургские ведомости». «Руководство для сельских пастырей» в 1871 году, сообщая в статье «Нечто о международном обществе рабочих», что «Интернационал проповедует отрицание бога», «отрицание отечества и нации», «отрицание личной собственности», говорит и о руководителе Интернационала — Марксе.

Все эти статьи появились до выхода в свет «Капитала» на русском языке, а они ни в какой степени не исчерпывают всех упоминаний о Марксе. Кроме того уже в это время в России читали книги Маркса в подлиннике.

«Мое сочинение против Прудона (1847) и то, что писал Дункер (1859), нигде не нашли такого сбыта, как в России», — писал Маркс в 1868 году (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXV, стр. 534). Этого забывать нельзя.

Таким образом, имя Маркса в 60-е годы было известно не только одиночкам, а довольно широким кругам интеллигенции. Этим и объясняется, что выхода из печати русского издания «Капитала» ждали.

В 1872 году вышел перевод «Капитала». Об этом в толстых журналах во всю страницу печатались извещения. Объявления были и в газетах. В первые 50 дней разошлось больше 900 экземпляров. Для 70-х годов это было необычайным успехом.

Цензор, дававший разрешение на печатание «Капитала», исходил из предположения, что его «немногие прочтут в России, а еще менее поймут».

Цензор просчитался. Печать обратила на «Капитал» большое внимание. Ряд толстых журналов поместил обширные рецензии, газеты отводили ему много столбцов и даже посвящали «Капиталу» передовые статьи. «Новое время» в передовой статье писала: «Такою массою неотразимых фактов, взятых из жизни, такими неопровержимыми доводами в пользу правого дела, каким обладает Маркс, едва ли мог бы похвалиться хотя один из его предшественников. Если присоединить к тому беспристрастно и хладнокровно, с которыми автор «Капитала» производил все свои разносторонние исследования над общественною язвою, еще не закрывшеюся и рас-

травляемого паллиативами, то без всякого приувеличения можно считать Маркса первым ученым, давшим строго научную основу экономистам, ведущим борьбу с капиталистическим производством» («Новое время» № 106 от 5 мая 1872 года).

В том же месяце была помещена рецензия в «Вестнике Европы» (майский номер за 1872 год. П. К. «Точка зрения политико-экономической критики у К. Маркса»).

В статье «Значение труда в индустриальной жизни», помещенной в журнале «Знание» за 1872 год, автор неоднократно ссылается на «Капитал» Маркса.

Реуэль подробно рассказывает о подготовке к переводу «Капитала» и работе над переводом. Он приводит довольно большой материал об «оржливках», появившихся не только в печати, но и в частных письмах.

Популярность Маркса в России росла не только в связи с выходом «Капитала»: огромный интерес привлекал к себе I Интернационал.

Реуэль, к сожалению, не касается откликов в России на деятельность I Интернационала, а между тем они находятся в прямой связи с откликами на «Капитал».

Количество статей, посвященных Интернационалу, особенно сильно увеличилось в России именно в 1872 году. С напряженным вниманием большое число газет и журналов следило за борьбой, развернувшейся как в самом Интернационале, так и вокруг него. Подготовка Гаагского конгресса и работа его прослеживались по дням. И имя Маркса, как организатора и руководителя Интернационала, встречается в тогдашней печати не раз. С тревогой следит за жизнью Интернационала Катков — этот беснующий черносотенец по определению Ленина. Катков интересуется не только деятельностью Интернационала, но подготовленные рядом правительств меры по его удушению. В каждом революционном акте, совершаемом в России: в студенческом движении, в стачках рабочих и даже в Печаевском процессе, — Катков склонен был видеть руку Интернационала. Как и год назад, он возмущался тем, что Маркс является представителем русской социал-демократии: «Карл Маркс прочтет доклад о различных работах, совершенных отделениями французскими, английскими, русскими» («Московские ведомости» № 297 за 1872 год). «Представителем Италии называют какого-то Энгельса, повидимому, столь же основательно, как представителем России объявляют Карла Маркса» («Московские ведомости» № 217; см. также

№№ 75, 122, 135, 138, 184А, 217, 219, 201, 220, 284, 197В за 1872 год).

Газета «Русский мир» подробнейшим образом рассказывает о Гаагском конгрессе (№№ 75, 210, 218, 219, 221, 222, 223, 224, 225 и др. за 1872 год).

«Русские ведомости», сообщая о «раздвоении в Интернационале», упоминают о Карле Марксе («Русские ведомости» № 202 за 1872 год).

О работе Интернационала сообщает «Русская летопись» и ряд других газет и журналов.

Реуэль подробно рассказывает о той дискуссии, которая возникла в конце 70-х годов в связи с переводом «Капитала». Он прослеживает позиции как комментаторов «Капитала», так и диспутантов. Это наиболее сильная часть его книги. Он сообщает много данных об отношении цензуры к «Капиталу» и цитирует заключения цензора. Но он не дает картины той борьбы, которую вел царизм против распространения сочинений Маркса и Энгельса. Вель за распространение книг основоположников научного социализма сажали в тюрьму, за этими книгами охотились царские ищейки, судебные палаты выносили решения не только о наложении ареста на книги, но и о сожжении их. Таких фактов известно немало. Следовало бы о них рассказать подробнее.

Если цензура, давая согласие на выпуск «Капитала», рассчитывала на то, что его «немногие прочтут в России, а еще менее поймут», то другого мнения она была о книге Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Именно потому, что эта работа была доступна массовому читателю, цензура 11 августа 1871 года запретила ее издание.

29 марта 1872 года был запрещен «Коммунистический манифест». В 1878 году, в год выхода «Анти-Дюринга» за границей, его русское издание под названием «Переворот в науке, произведенный Ев. Дюрингом» было запрещено в России.

* * *

Книга Реуэля — одна из первых книг, посвященных откликам на «Капитал» Маркса в России в 70-х годах. Она представляет большой интерес и является значительным шагом по пути более глубокого, чем это имело место до сих пор, изучения вопроса о времени проникновения марксистских идей в Россию. За этим первым шагом должна последовать дальнейшая работа над богатыми, еще не разработанными материалами по этому важнейшему разделу истории марксизма в России.

Л. Бычков

Гениальный сын великого русского народа М. В. ЛОМОНОСОВ

(К 175-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ЕГО СМЕРТИ)

Михаил Васильевич Ломоносов, первый великий русский ученый и писатель, родился 8 ноября 1711 года. Его родная деревня Денисовка расположена близ города Холмогоры, на одном из островов дельты Северной Двины—Кур-Острове. Отец М. В. Ломоносова, Василий Доросеевич Ломоносов (или Ломоносов), был зажиточным крестьянином-помором. Василий Ломоносов занимался рыбным промыслом и перевозил товары из Архангельска в Пустозерск, Соловецкий монастырь, Жолу, на реку Мезень, по Лапландскому побережью. Мать Михаила Васильевича, Елена Ивановна Сивкова, была дочерью цыка села Нико-

лаевские Матигоры. Она умела читать и писать; умерла она, когда Ломоносов был еще ребенком. Лет до 10 Михаил Ломоносов жил в деревне, а потом отец стал брать его с собой в море на рыбный промысел. Молодой Ломоносов хорошо познакомился с жизнью поморов, с судостроением, с соляным промыслом, с морем и с северной природой. С малых лет М. В. Ломоносов выучился грамоте. Учил его односельчанин Иван Шубный, а затем дьячок приходской церкви С. Н. Сабельников. Зимой в свободное время Ломоносов усердно читал книги, которые были под руками: церковные и духовные. Так, он

прочел сочинения Симеона Полоцкого: Псалтырь, Вертоград многоцветный и Рифмоуловия. Около 1724 года Ломоносов с большим трудом достал у своих земляков Дудиных первые светские книги — славянскую грамматику Остроумова и арифметику Магницкого.

Старик Христофор Дудин, у которого Ломоносов просил книги, ему отказал. И только после смерти Христофора Ломоносову удалось получить книги от сыновей старика. Чтением Ломоносову приходилось заниматься с опаской: мачеха не любила мальчика и не одобряла его книжных занятий.

Впоследствии Ломоносов вспоминал: «имелочи отца хотя по натуре доброго человека, однако в крайнем невежестве воспитанного и злую и завистливую мачеху, которая всячески старалась произвести гнев в отце моем, представляя, что я всегда сижу по пустому за книгами: для того многократно я принужден был читать и учиться, чему возможно было, в уединенных и пустых местах и терпеть стужу и голод».

В славяно-латинскую школу, открытую в 1723 году в Холмогорах, Ломоносов как сын крестьянина не мог попасть. Но он решил во что бы то ни стало пробить себе дорогу к знанию, к науке. В конце 1730 года он с позволения отца, но тайком от мачехи, выпросив у соседей тулуп и полукафтаны, с тремя рублями денег в кармане вместе с зимним обозом поморов ушел ночью в Москву. В волостной книге Кур-Острова имеется следующая запись:

«1730 г., декабря 7 дня, отпущен Михайло Васильев Ломоносов к Москве и к морю до сентября месяца предбудущего 1731 года, а порукою по нем в платеже подушных денег Иван Банев расписался».

Ломоносов остановился на несколько дней в Антониево-Сийском монастыре, а затем вместе с обозом отправился по сапному пути в Москву. В Москве Ломоносов остановился у знакомого подьячего сыскного приказа Ивана Дуликовского и стал добиваться поступления в какую-либо московскую школу. Сначала он хотел поступить в цифирную или навигацкую школу, но потом подал прошение о принятии его в находящуюся при Заиконоспасском монастыре Московскую Славяно-греко-латинскую академию. Чтобы попасть в нее, Ломоносову пришлось скрыть свое крестьянское происхождение и выдать себя за сына холмогорского дворянина, так как Указ Синода от 7 июня 1723 года предписывал «помещиковых людей и крестьянских детей... отрешить и впредь таковых не принимать».

Славяно-греко-латинская академия была основана в 1684 году. Она состояла из 8 классов. В 4 низших (фара, инфима, грамматика, синтактика) изучались языки: церковно-славянский, греческий и латинский; в 2 средних (пнэтика и реторика) — поэзия и красноречие; в 2 высших — философия и богословие. Академия выпускала ученых-богословов.

Учился Ломоносов, испытывая всяческие лишения.

«Обучаясь в спасских школах, — писал Ломоносов в одном из своих писем, — имел

Архангельск. Конец XVII — начало XVIII века.

Со старинной гравюры.
Государственный исторический музей.

со всех сторон отвращающие от наук реальные стремления, которые в тог-ниче лета почти непреодоленную силу ели. С одной стороны, отец, никогда мне меня детей не имел, говорил, что я, дучи один, его оставил, оставил все до-льство (по тамошнему состоянию), ко-рое он для меня кровавым потом нажил, которое после смерти чужие расхилят. С другой стороны, неслыханная бедность: имея один алтын (три копейки. — Л. В.) в день жалования, нельзя было иметь на пропитание в день больше, как на денеж-ку хлеба и на дешелку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другие нужды. Та-ким образом жила я пять лет и наук не оставил. С одной стороны пишут, что, зная отца моего достатки, хорошие тамошние люди дочерей своих за меня выдают, ко-торую и в мою там бытность предлагали; с другой стороны школьники, малые ребя-та, кричат и перстами указывают: смотри-те, какой богатырь лет в двадцать пришел латинно учиться».

Неутомимая жажда знаний позволила Ломоносову преодолеть все трудности. Пер-вые три класса он прошел в течение од-ного года. Однако академия его не удовле-творяла: он не имел желания изучать ехо-ластические и богословские науки. Сво-бодное от занятий время он проводил в монастырской библиотеке, где ему удалось найти несколько философских, физических и математических книг. В Славяно-греко-латинской академии он научился писать латинские стихи, а главное — ознакомил-ся с логикой и философией.

В 1734 году, когда архимандриту Зая-коноспасского монастыря предлагали по-

слать кого-либо из учеников классов Академии с экспедицией в Башки-рию, Ломоносов вызвался поехать. Уча-ствовать в экспедиции надо было в каче-ство священника, и в связи с этим Ломо-носову снова был учинен подробный допрос о его происхождении. Сначала, в акаде-мии, Ломоносов назвал себя сыном попа; но затем, в Камер-коллегии, он решил от-крыть всю правду о своем происхождении и показал:

«рождением-де он, Михайло, Архангело-городской губернии, Двинского уезду, двор-цовой Куростровской волости, крестьянина Василия Дорофеева сын и тот-де его отец и поныне в той деревне обретается с прочими крестьянами и положен в полушной оклад. А в прошлом 1730-м году, декабря в 9-м числе, с позволения оного отца его, отбыл он, Ломоносов, в Москву, о чем дан был ему и паспорт (который утратил он своим небрежением), из холмогорской воеводской канцелярии за рукою бывшего тогда воеводы Григория Воробьева; и с тем-де паспортом пришел он в Москву и жил сыскного приказу у польячего Ивана Дутикова генваря до последних чисел 731-го году, а до которого именно числа — не упоминает. И в тех-де числах подал он прошению Занконоспасского монастыря архимандриту (что ныне преосвященный архиепископ архангелогородский и холмогор-ский) Герману, дабы принят он был, Ломо-носов, в школу. По которому его проше-нию он, архимандрит, его, Михайла, при-няв, приказал допросить, и допрашиван; а тем допросом в академии показал, что он, Ломоносов, города Холмогор дворянской сын. И по тому допросу он, архимандрит,

Деревня Денисовка — родина М. В. Ломоносова.

Со старинной гравюры.

Школа в Москве в начале XVIII века.

Со старинной гравюры.

определил его, Михайла, в школы и дошел он до риторики. А в экспедицию с статским советником Иваном Кириловым пожелал он, Михайло, ехать самохотно. А что он в ставленническом столе оказался поповичем, и то учинил с простоты своей, не надеясь в том быть причины и препятствия к произведению во священство; а никак его, Ломоносова, чтобы сказаться поповичем, не научил. А ныне он желает попрежнему учиться в оной же академии. И в сем допросе сказал он сущую правду без всякой лжи и утайки; а ежели что утаил, и за то учинено б было ему, Ломоносову, что московская синодального правления канцелярия определит».

После этого признания о посвящении Ломоносова в священники и об участии в Оренбургской экспедиции не могло быть и речи. Ему угрожало увольнение из академии. Однако этого не произошло, так как Ломоносов зарекомендовал себя как способнейший, талантливый ученик.

В декабре 1734 года Ломоносов перешел в класс философии и был командирован для завершения образования в Киевскую духовную академию. В Киеве он оставался недолго и вскоре возвратился в Москву. В 1735 году в жизни Ломоносова произошло событие, определившее весь его дальнейший путь.

Еще в 1725 году по указу Петра I была основана в Петербурге Академия наук и при ней университет и гимназия. После смерти Петра I Академия наук и находившиеся при ней университет и гимназия пришли в упадок. Преемники Петра I на российском престоле почти не интересовались академическими делами. При Елизавете Петровне Академия наук была пре-

вращена, по существу, в придворное заведение, обслуживавшее царский двор одами, устройством иллюминаций и т. п.

В 1735 году тогдашний президент Академии наук, барон Корф, решил улучшить работу университета. Он обратился в Московскую Славяно-греко-латинскую академию с предложением прислать наиболее способных слушателей академии для учебы в университете. Из Славяно-греко-латинской академии было отобрано 12 учеников; в их числе был и Ломоносов.

В начале 1736 года приехавшие из Москвы в Петербург Ломоносов и его товарищи были зачислены студентами университета при Академии наук. Перед Ломоносовым открылась возможность изучения точных наук.

Вскоре для академической экспедиции, работавшей в Сибири, понадобился химик, знакомый с металлургией и горным делом. Найти заграничного химика не удалось. Тогда «главный командир Академии» барон Корф решил послать в Германию для обучения химии и металлургии трех студентов академического университета: Ломоносова, Виноградова и сына горного советника Рейзера. Их отъезд за границу состоялся в сентябре 1736 года.

16 октября 1736 года корабль «Фербот» после бурного плавания пришел в Травемюнде. Студенты, отдохнув несколько дней в Любеке, поехали на почтовых через Гамбург, Минден и Кассель в Марбург к профессору Хр. Вольфу. У него они должны были изучать математику, механику, физику, философию и химию. В Марбург Ломоносов приехал 3 ноября 1736 года. Он вскоре освоился с немецким языком и стал прилежно изучать науки. Как и дру-

Къ свѣдоу пресе (савенна Трехлѣтней Москоу)
 Академии Училищ Михайло Ломоносовъ рече
 Приложилъ

Подпись М. В. Ломоносова под протоколом допроса 4 сентября 1734 года.

но студенты, он вел веселый, непринужденный образ жизни.

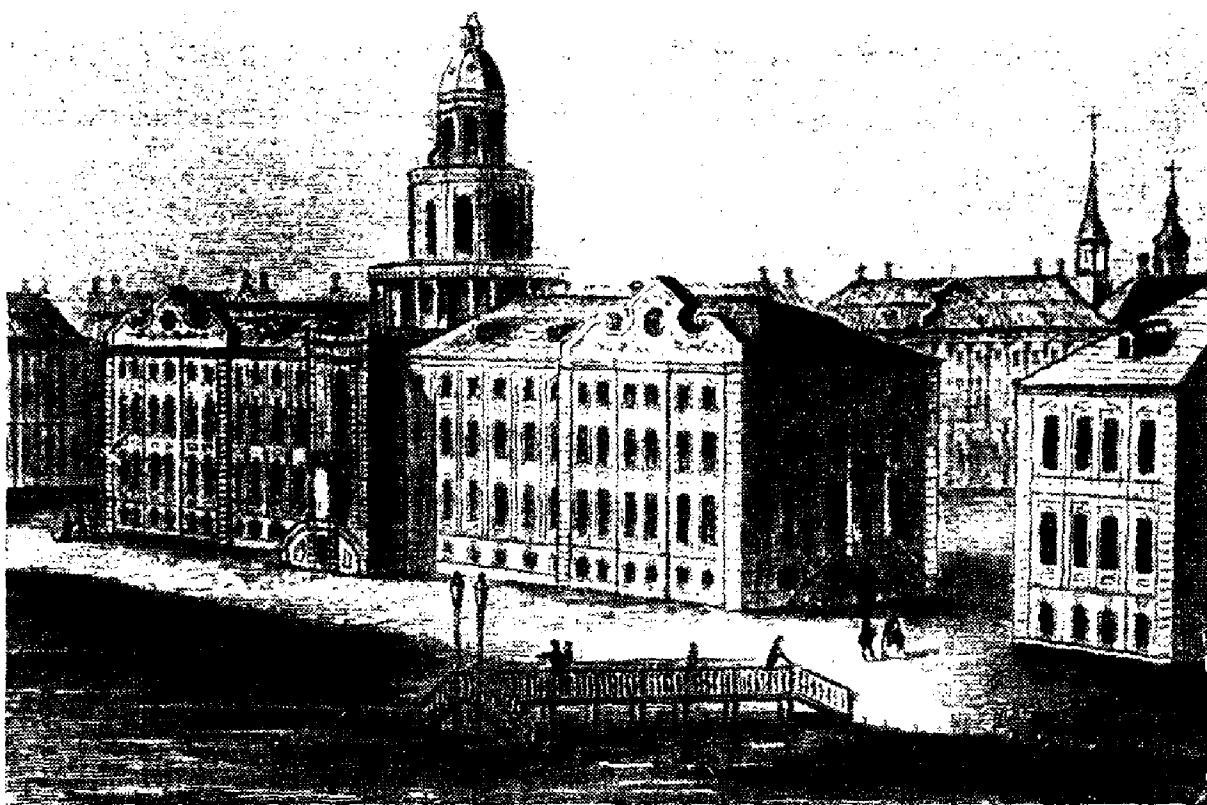
У Хр. Вольфа Ломоносов учился философии, физике и механике, у проф. Дуйзинга — математике и химии. Лекции и практические занятия у Хр. Вольфа оказали огромное влияние на формирование научных взглядов Ломоносова. Под руководством Хр. Вольфа Ломоносов изучил сочинения наиболее выдающихся философов, физиков и химиков XVII и начала XVIII века: Г. Бургава, Р. Бойля и других. В это же время Ломоносов написал свое первое стихотворение; занимался он также изучением французского языка и рисованием. Когда Ломоносов окончил трехлетний курс, Хр. Вольф дал следующий отзыв о его успехах:

«Молодой человек преимущественного остроумия, Михайло Ломоносов, с того времени, как для учения в Марбург приехал, часто мои математические и философские,

а особенно физические лекции слушал и безмерно любил основательное учение. Ежели впредь с таким же рачением приставаться будет; то не сомневаюсь, чтобы возвратясь в отечество, не принесе пользы, чего от сердца желаю».

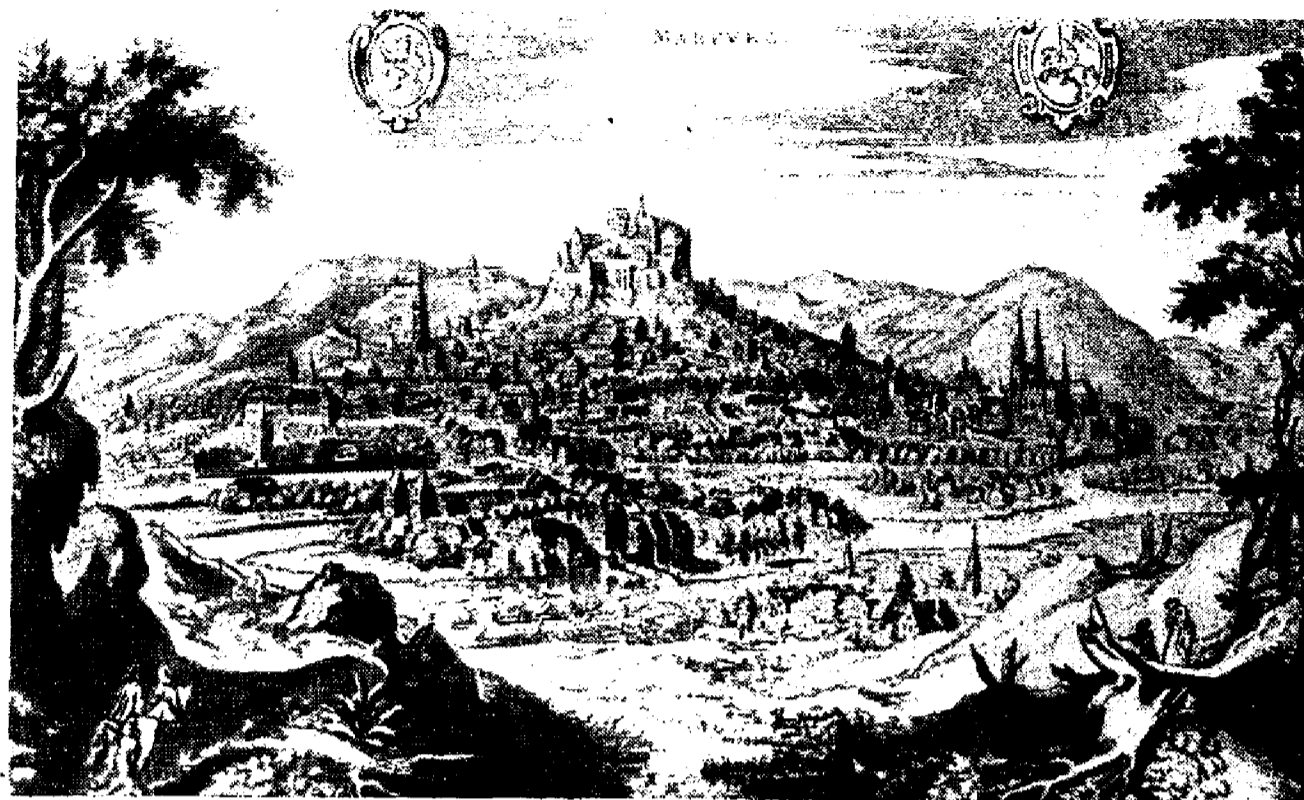
Проф. Ю. Дуйзинг сообщал, что Ломоносов с глубочайшим прилежаньем слушал лекции по химии.

20 июля 1739 года Ломоносов с товарищами выехал из Марбурга в Фрейберг, к металлургу Н. Гензлею. В Фрейберге Ломоносов усердно занимался металлургией и горным делом; в это же время он написал диссертацию по физике, а также оду на победу русской армии над турками при Ставучанах и на взятие крепости Хотина. К оде Ломоносов приложил «письмо о правилах Российского стихотворства», в котором он вступил в полемику с известным поэтом того времени В. К. Третьяковским. Ода Ломоносова произвела в Россий-

Здание Академии наук при М. В. Ломоносове.

Со старинной гравюры.

Город Марбург.

С гравюры 1741 года.

ской академии наук большое впечатление своей музыкальностью и новым стихотворным размером. Ломоносов стал известен как поэт.

Вскоре отношения между Ломоносовым и Гешкелем испортились, главным образом из-за того, что этот ученый не желал передавать свои знания русским ученикам. В мае 1740 года Ломоносов уехал из Фрейберга.

У Ломоносова совершенно не было денег. Голодный, без средств, он отправился в Марбург, чтобы занять у своих старых друзей денег на дорогу (он решил ехать через Голландию в Петербург). Во время пребывания в Марбурге Ломоносов женился на дочери тамошнего церковного старшины Елизавете Цильх. Этот брак в течение нескольких лет Ломоносов вынужден был держать в тайне от начальства.

Из Марбурга Ломоносов поехал во Франкфурт, а затем в Роттердам и Гаагу. Русский посланник в Голландии граф Головкин отказал ему в помощи, и Ломоносов отправился в Амстердам, где нашел знакомых купцов, посоветовавших ему снова возвратиться в Германию. По возвращении в Германию с Ломоносовым произошло следующее любопытное происшествие.

Перейдя голландскую границу, Ломоносов вечером зашел переночевать в одно из местечек. В гостинице находился прусский офицер, собиравший новобранцев. Физически крепкий, рослый и сильный, Ломоносов обратил на себя его внимание; офицер пригласил Ломоносова отужинать вместе,

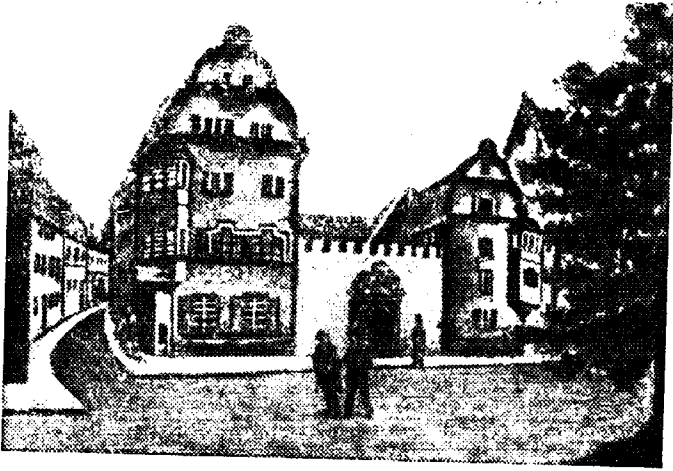
подпил и уговорил поступить на военную службу.

Проснувшись на следующее утро, Ломоносов с ужасом увидел у себя на шее особый галстук — знак того, что он отныне прусский королевский гусар. Через два дня Ломоносова вместе с другими рекрутами отправили в крепость Везель. В крепости его поместили в караульне. Ломоносов решил во что бы то ни стало бежать. Однажды ночью, заметив, что все солдаты спят, он дополз в темноте до вала, окружавшего крепость, переплыл ров, наполненный водой, вскарабкался на второй вал, переплыл второй ров, преодолел частокол и выбрался в открытое поле. Вскоре с крепости послышался пушечный выстрел: бегство Ломоносова было замечено, за ним устремились конные гусары.

Напрягая все силы, Ломоносов добежал до вестфальской границы. Отсюда он отправился в дальнейший путь, выдавая себя за бедного студента, и снова пришел в Марбург.

Все эти странствия не прошли для Ломоносова бесследно: он жадно изучал жизнь, впитывал в себя новые знания.

«Колоссальную опасность и нужду претерпел я в пути, мне самому страшно даже и вспомнить... — писал Ломоносов. — В настоящее время я живу инкогнито в Марбурге у своих приятелей (Ломоносов скрывал, что жил у родственников жены. — Л. Б.) и упражняюсь в алгебре, намереваясь опую к теоретической химии и физике применить. Утешаю себя пока тем, что мне удалось в знаменитых городах по-

Старое здание университета в Марбурге.

бывать, поговорить с некоторыми искусными химиками, осмотреть их лаборатории и взглянуть на рудники в Гисселе и Зигене».

В Марбурге Ломоносов получил из Академии наук распоряжение немедленно вернуться в Петербург.

Весной 1741 года Ломоносов снова отправился в Голландию. Он побывал в Утрехте, Амстердаме и Гааге. Русский посланник граф Головкин, встретивший его в Гааге на этот раз более приветливо, дал ему денег на дорогу в Россию.

8 июня 1741 года Ломоносов возвратился в Петербург. Ко времени появления Ломоносова в Российской академии наук там подвизались почти исключительно выпущенные из-за границы ученые. Большинство из этих заграничных ученых с презрением относилось ко всему русскому и не желало делиться своими знаниями с русскими учеными. Талантливейшие рус-

ские самородки, ученые изобретатели: П. П. Ползунов, П. П. Кулибин и др. — не привлекались к научной работе. Президенты или начальники Академии назначались царским правительством не за научные заслуги, а по карьерным соображениям.

В 1728 году, после переезда царского двора в Москву, Академия, оставшаяся в Петербурге, оказалась в еще более тяжелом положении. Ассигнования резко сократились. Наиболее крупные иностранные ученые один за другим покидали Академию. В 1733 году уехали братья Бернулли, в 1740 году — Дювернуа, в 1741 году — Эйлер и т. д.

Таково было плачевное положение Академии наук ко времени возвращения Ломоносова из-за границы. Первое время Ломоносов выполнял разные поручения: составлял каталог минералов, делал переводы для «С.-Петербургских ведомостей» и (по тогдашней обязанности академиков) сочинял оды.

8 января 1742 года, после рассмотрения представленных им диссертаций, Ломоносов был назначен адъюнктом Академии наук по физическому классу. В Академии наук в то время царил гнетущая, мертвящая подлинную научную мысль, косная атмосфера. Академию заполняли иностранные ученые. Большинство их с презрением относилось к молодому способному русскому ученому — выходцу из народа.

Ломоносов со свойственной ему резкостью протестовал против порядков, сложившихся в Академии. Дело кончилось домашним арестом Ломоносова. Арест продолжался с 28 мая 1743 года по 18 ян-

Город Фрейберг в середине XVIII века.

Со старинной гравюры.

варя 1744 года, в течение полугода жалованье уплачивалось Ломоносову в половинном размере. Несмотря на все препятствия Ломоносов продолжал свои ученые занятия: обучал одного из студентов химии, минералогии и «стихотворству». В это же время он написал несколько замечательных поэтических произведений, посвященных описанию природы; составил книгу по металлургии и подготовил несколько научных диссертаций.

После защиты диссертации по металлургии Ломоносов был, наконец, 25 июля 1745 года произведен в профессора и стал действительным членом Академии. К нему получила возможность приехать из Марбурга его жена.

В эти годы он главным образом занимался физикой. В 1746 году он издал со своим предисловием переведенную им «Экспериментальную физику» Хр. Вольфа и первый из русских профессоров начал читать публичные лекции по физике.

Несмотря на чрезвычайные трудности и препятствия Ломоносову все же удалось добиться в 1748 году постройки — по его проекту — первой в России химической лаборатории. С этого момента и до 1757 года Ломоносов занимался главным образом химией, а затем, примерно с 1757 года и до самой смерти, — самыми разнообразными естественно-прикладными науками: теорией мореплавания, географией, метеорологией, астрономией, краеведением, металлургией, геологией и др. Ломоносов продолжал творить и как поэт, он занимался теорией литературы и языка, русской историей и т. п.

В условиях крепостнического строя Ломоносову как крестьянскому сыну нелегко было завоевать право на научную деятельность. Окружавшие его вельможи то и дело старались унижить Ломоносова его плебейским происхождением.

В одном из писем своему покровителю Шувалову Ломоносов писал: «...хочу искать способа и места, где бы чем реже, тем лучше, видеть мог персон высочайших, которые меня низкой моею природою попрекают».

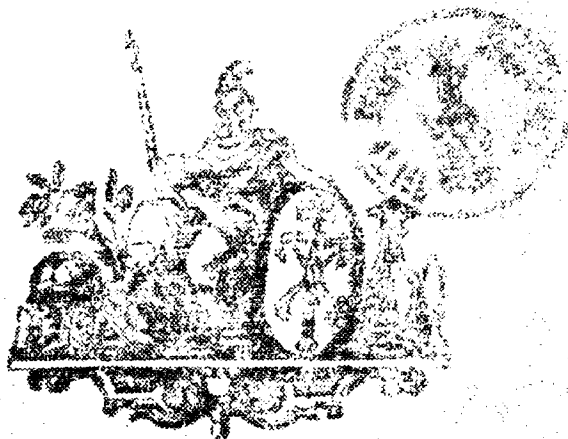
Вплоть до 1747 года за числившегося в «бегах» Михайлу Ломоносова уплачивали подушную подать — сначала его отец, а после смерти последнего — местные крестьяне.

Ломоносов был уже профессором химии, его ученые труды получили известность за границей, а его односельчане все еще были вынуждены платить за него семьдесят копеек «с души».

Вопреки всем унижениям Ломоносов гордо защищал свое человеческое достоинство. «Не токмо у стола знатных господ, или у каких земных владетелей дураком

МЕТАЛЛУРГИЯ

РУДНИКЪ ДВАДЦАТИ

ВЪ САНКТЪ ПЕТЕРБУРГѢ

печатаны при Императорской Академии
Наукъ 1763 года.

ИЗЪ ИМѢНІЯ А. ШУВАЛОВА

Титульный лист книги М. В. Ломоносова
«Первые основания металлургии, или рудных
дел». 1763 год.

Гос. исторический музей.

быть не хочу, — писал он однажды Шувалову, — но ниже у самого господа бога, который дал мне смысл, пока разве отнимет...»

В Академии наук он настойчиво и страстно боролся против чиновников от науки, особенно против тех ученых-иностранцев, которые презрительно и скептически относились к русской науке.

Особенно резкие и частые столкновения были у Ломоносова с бездарным царским бюрократом — «правителем» Академии наук Шумахером. В то же время Ломоносов с огромным уважением относился к целому ряду иностранных ученых: к знаменитому немецкому ученому Эйлеру, к американцу Франклину, к французцу Делилю.

Ломоносов был страстным ученым-исследователем. Его гений ученого проявился в самых разнообразных отраслях человеческого знания. Исключительно яркую и правильную оценку Ломоносова как ученого дал А. С. Пушкин:

«Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенною силою понятия, Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшею страстию сей

Милостивый Государь Иванъ Кононовичъ

Полученное отъ Васша Преосвященнаго мнѣ
ваше писмо въ радости прочитавъ и удивляя
искреннѣйшаго ваше стараніе о прославленіи
бессмертныхъ дѣлъ блаженнаго Памятеи Государя
Императора ПЕТРА ВЕЛИКАГО на иностранныхъ
языкахъ въ сему дѣлу съравно Гуну Волтеран-
ни въ немощахъ вѣта способнѣе; только одну
обстоятельство мнѣ нѣсколько поумножить должно.
Первое это оныя гелоквіи описаны, и каковыя въ
рассужденіи вышесказаннаго Гуну примѣры своего
характера второе хотѣ доказано можетъ оныя
получить отъ насъ гелоквіи; однако первое
яко на единѣ ему знаменитъ великого труда и

Письмо М. В. Ломоносова И. И. Шувалову. 1757 год.

души, исполненной страстей. Историк, риттор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец, он все испытал и все проник...»

Ломоносов был поистине гениальным ученым. Его научные открытия и гипотезы предвосхитили дальнейшие достижения науки более чем на столетие. Ломоносов первый из химиков, еще в 1756 году, за много лет до Лавуазье, открыл и экспериментально доказал закон сохранения вещества. Вот как в своем «Рассуждении о твердости и жидкости тел» (1760 год) Ломоносов сформулировал этот закон:

«Все перемены в Nature случающияся такого суть состоянія, что сколько чего у одного тела отнимется, столько присо-вокупится к другому. Так, ежели где убудет несколько материи, то умножится в другом месте... Сей всеобщей естественной закон простирается и в самыя правила движения: ибо тело, движущее своею силою другое, столько же оныя у себя теряет, сколько сообщает другому, которое от него движение получает».

Ломоносов был очень близок к установлению и другого важнейшего закона — закона сохранения энергии. Механическая теория теплоты, сформулированная Ломоносовым, отвергала господствовавшую в его время теорию так называемого «теплорода». Ломоносов по праву считается основателем физического направления в изучении химии, отцом физической химии. Он придавал химии огромное значение в деле познания мира. Химия, по его словам, должна служить «философскому познанию тайн природы». Дальнейшее развитие науки полностью подтвердило эту мысль Ломоносова. Наши знания о строении материи нам дала главным образом химия.

Ломоносов являлся и первым русским физиком. Он смело отстаивал волнообразную теорию света против господствовавшей в его время теории знаменитого Ньютона об истечении света. Взгляды Ломоносова на природу света прочно утвердились в науке в XIX веке. Еще при жизни Ломоносова его физико-химические теории получили мировую известность.

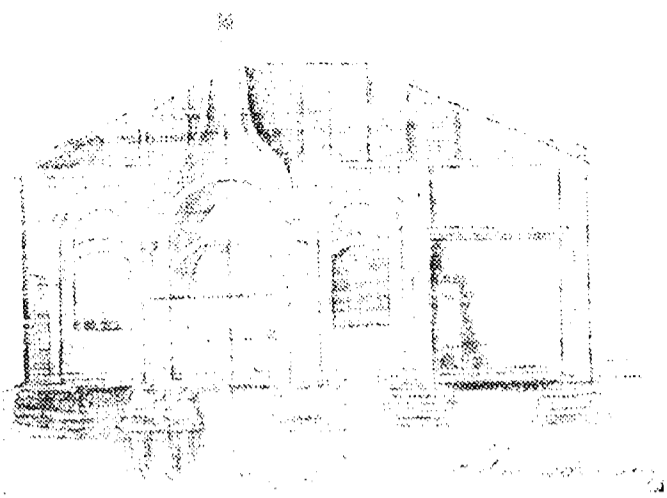

Рисунок М. В. Ломоносова. Разрез физической лаборатории.

Великий немецкий математик Эйлер в письме к президенту русской Академии наук К. Г. Разумовскому писал о работах Ломоносова:

«Сочинения эти не только хорошие, но превосходны; в них рассмотрены неразъясненные и неизвестные для величайших гениев вопросы химии и физики с такой основательностью, что я совершенно убежден в справедливости его объяснений; по этому поводу я должен отдать справедливость Ломоносову в том, что он обладает самым замечательным талантом для разъяснения физических и химических явлений, и было бы желательно, чтобы все Академии были в состоянии производить открытия, подобные тем, которые сделал Ломоносов».

Ломоносов был замечательным астрономом. Наблюдая 26 мая 1761 года редкое астрономическое явление — прохождение планеты Венеры по солнечному диску, — Ломоносов первый сделал открытие, что планета Венера имеет свою атмосферу. В его статье «Явление Венеры на солнце, наблюдаемое в Санктпетербургской Академии Наук мая 26 дня 1761 года» прямо указывается, что «по сим примечаниям господина советника Ломоносов рассуждает, что планета Венера окружена знатною воздушною атмосферою, таковою (лишь бы не большею), какова обливается около нашего шара земного». Ломоносов первый объяснил солнечные пятна как вихревые явления на солнце. Он с изумительной силой и красотой описал солнечные вихри в одном из своих стихотворений:

Там огненные валы стремятся
И не находят берегов.
Там вихри пламенные крутятся
Борющиеся множество веков;
Там камни, как вода, кипят,
Горящи там дожди шумят.

Будучи превосходным минералогом и краеведом, Ломоносов проявлял жи-

вейший интерес к разработке естественных богатств Урала и родного ему Севера. Пламенный трибун пролетарской революции С. М. Киров в своем докладе на IV ленинградской областной и городской конференции ВКП(б) 23 января 1932 года напомнил всем советским ученым замечательные высказывания Ломоносова об изучении и разработке природных богатств Севера:

«Еще Ломоносов в свое время звал на Север посмотреть, что там делается. Этот проницательный человек, который жил 200 лет тому назад, сокрушался: «По многим доказательствам заключаю, что и в северных земных недрах пространно и богато царствует натура, а искать оных сокровищ некому!» «А металлы и минералы, — добавлял Ломоносов, — сами на двор не придут. Они требуют глаз и рук в своих поисках». Я думаю, что все наши просвещенные организации, начиная с Академии наук, и все практические работники должны последовать совету Ломоносова и действительно глазами и руками прощупать все, что имеется в этом богатом и обширном крае».

Ныне мечта Ломоносова осуществилась и природные богатства Севера поставлены на службу нашему социалистическому хозяйству.

ВОЛФИАНСКАЯ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ФИЗИКА

съ немецкаго подлинника
на латинскомъ языкѣ
СОКРАЩЕННАЯ.

съ котораго
НА РОССИЙСКИЙ ЯЗЫКЪ

перевелъ
МИХАИЛО ЛОМОНОСОВЪ
Императорской Академии Наукъ Членъ
и Москвитинъ Профессоръ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

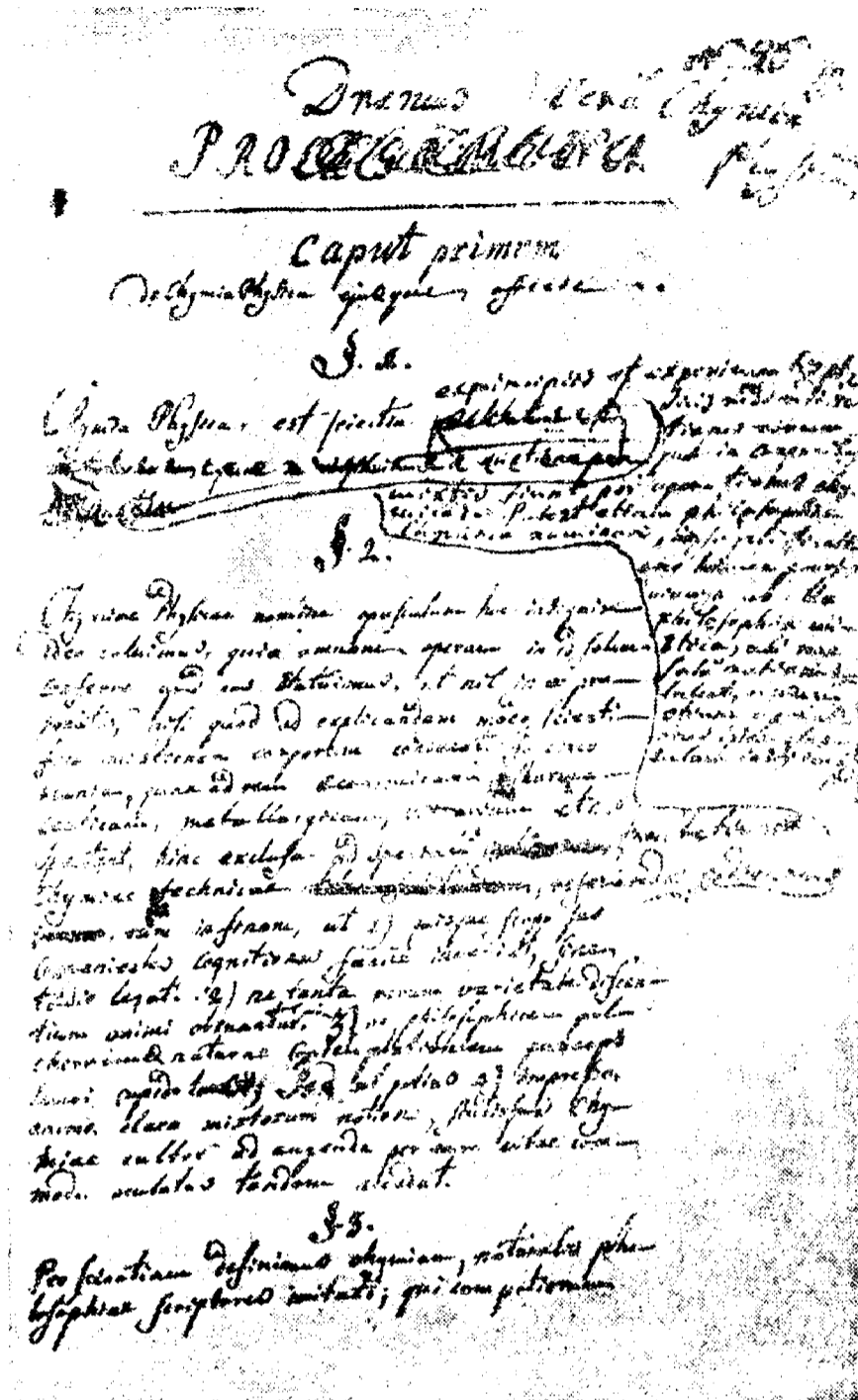
при Императорской Академии Наукъ
1746.

М. В. Ломоносов

Принято в печать 1746 г.

Титульный лист книги «Волфианская экспериментальная физика...», переведенной М. В. Ломоносовым на русский язык. 1746 год.

Гос. исторический музей.

Первая страница рукописи М. В. Ломоносова «Курс истинной физической химии» (на латинском языке). 1752 год.

В работе Ломоносова «Краткое описание разных путешествий по Северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию» пророчески намечен Великий Северный морской путь.

Ломоносов считал, что в Полярном бассейне существует поверхностное течение, идущее с востока на запад. Существование этого течения было подтверждено на практике 130 лет спустя Фритиофом Нансеном во время его экспедиции на «Фраме».

Ломоносов первый выдвинул идею высокоширотных экспедиций в Арктику. По его совету была снаряжена первая экспедиция в Арктику под начальством Чичагова.

Но экспедиция, посланная к Шпицбергену, а оттуда к берегам Гренландии, окончилась неудачей.

Лишь в наши дни гениальная идея Ломоносова о Великом Северном морском пу-

ти получила свое блестящее осуществление в рядах экспедиций наших славных советских героев — покорителей Арктики. С какой силой теперь звучат пророческие строки оды Ломоносова, написанной в 1752 году:

Напрасно строга я природа
От нас скрывает место входа
С берегов вечерних на восток.
Я вижу умными очами:
Колумб Российский между льдами
Спешит и презирает рок.

Мечтая об освоении Севера, «о северном ходу в Ост-Индию Сибирским океаном», Ломоносов в своей «героической поэме» «Петр Великий» писал:

Сам лед, что кажется толь грозен и ужасен,
От оных лютых бел даст хол нам
безопасен.

Волумбы Росские презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на
восток,
И наша досягнет в Америку держава.

Ломоносов был замечательным поэтом, основателем и теоретиком русской литературы. Он занимал первое место в литературе XVIII века вплоть до появления Державина; он подготовил путь для Карамзина и Пушкина. Значение Ломоносова в истории русской литературы показал великий критик В. Г. Белинский в статье «Литературные мечтания» (1834 год).

Белинский писал: «...вдруг, по прекрасному выражению одного нашего соотечественника, на берегах Ледовитого моря, подобно северному сиянию, блеснул Ломоносов. Ослепительно и прекрасно было это явление! Оно доказывало собой, что человек есть человек во всяком состоянии и во всяком климате, что гений умеет торжествовать над всеми препятствиями, какие ни противопоставляет ему враждебная судьба, что, наконец, русский способен ко всему великому и прекрасному не менее всякого европейца... С Ломоносова начинается наша литература; он был ее отцом и пестуном; он был ее Петром Великим. Нужно ли говорить, что это был человек великий и ознаменованный печатью гения? Все это истина несомненная. Нужно ли доказывать, что он дал направление, хотя и временное, нашему языку и нашей литературе? Это еще несомненнее».

Ломоносов создал первую научную грамматику русского языка. Вслед за его «Риторикой», изданной в 1748 году, появилась его знаменитая «Грамматика» (в 1755 году), выдержавшая затем 14 изданий. Ломоносов любил родной русский язык: он многое сделал для того, чтобы реформировать язык, очистить его, сделать печальное слово доступным для народа.

В историю русской литературы навсегда вошла замечательная характеристика русского языка, данная Ломоносовым в посвященной к его «Российской грамматике»:

«Карт пятый, Римский император, говаривал, что Испанским языком с богом, Французским с друзьями, Немецким с неприятельми, Итальянским с женским полом говорить прилично. Но Гестыли бы он Российскому языку был искусен; то конечно к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно. Ибо нашел бы в нем великолепие Испанского, живость Французского, крепость Немецкого, нежность Итальянского, сверх того богатство и спльзую в изображениях краткость Греческого и Латинского языка...»

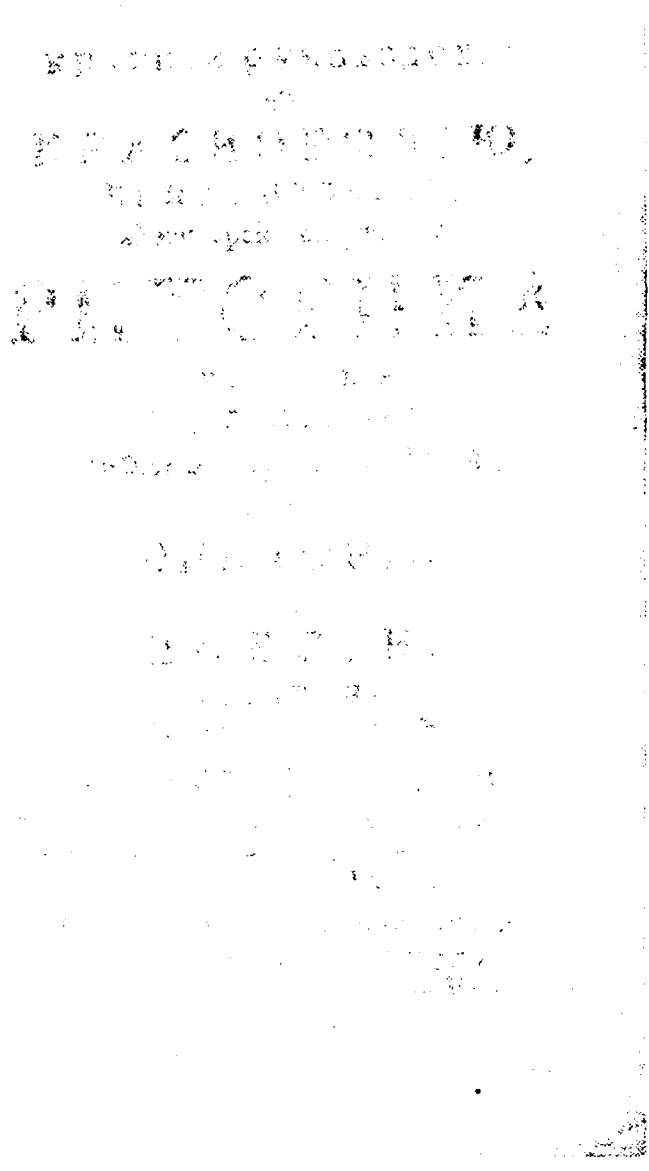
Страстный патриот своей родины, Ломоносов с любовью и вниманием изучал ее историческое прошлое.

Достаточно посмотреть рапорт Ломоносова, поданный им Шувалову о своих трудах с 1751 по 1757 год, чтобы увидеть, какую обширную работу по истории предпринял в эти годы Ломоносов. В 1751 году Ломоносов «Читал книги для собрания материй к сочинению российской истории: Пестора, законы Ярославля, большой летописец, Татищева первый том, Бромера, Вейселя, Гемолда, Арнолда и другие, из которых брал нужные экзерциты или выписки и примечания, всех числом 653 статьи, на 15 листах».

В следующем году Ломоносов с этой же целью читал «Кранца, Преторля, Муратория, Пурнацца, Прокопия, Павла дьякона, Зопапа, Феофана Пеповедника, Леона Грамматика и иных...»

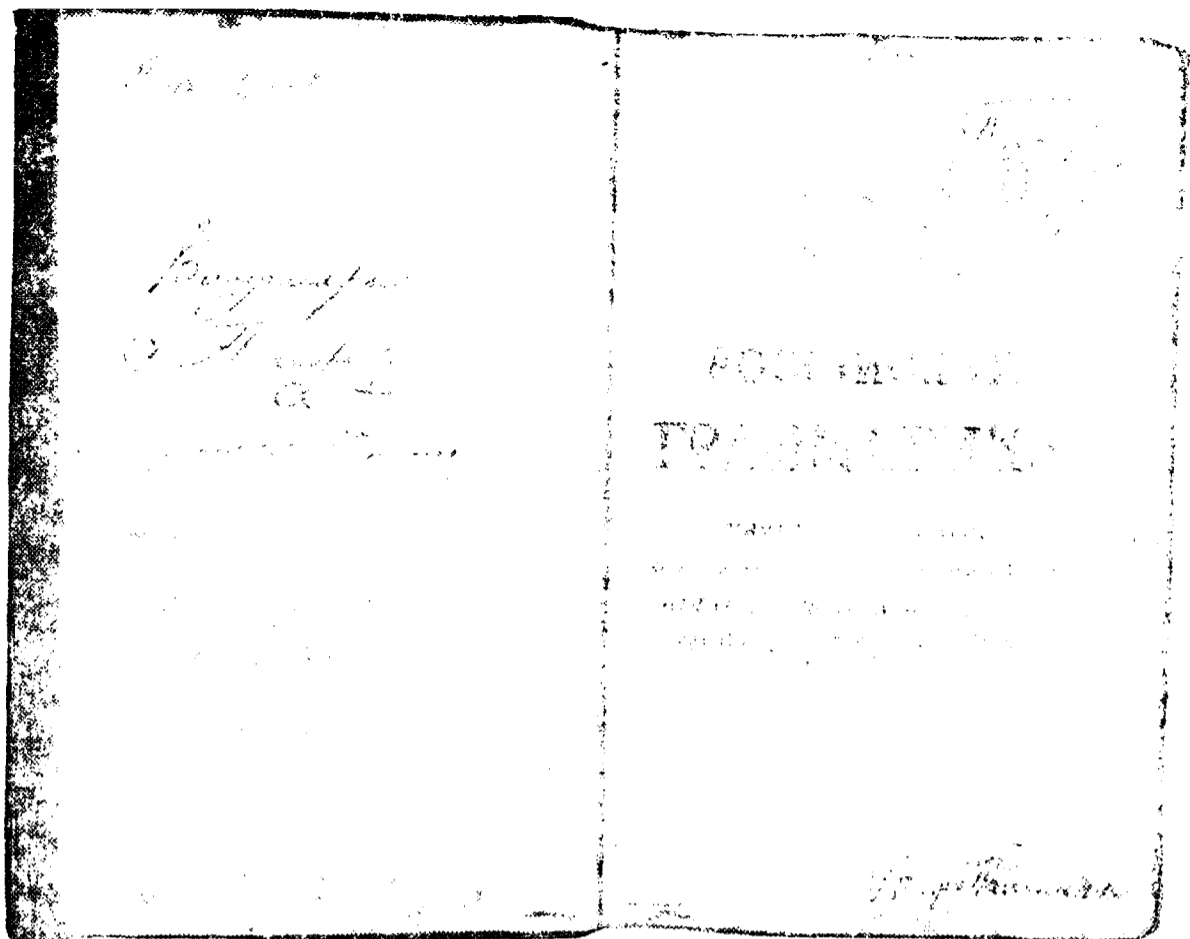
В 1753 году он приводил свои записки в порядок и одновременно читал «Российские Академические Летописцы без записок, чтобы общее понятие иметь пространно о деяниях российских».

На основе этой большой подготовительной работы Ломоносов написал в 1754 го-

Титульный лист книги М. В. Ломоносова «Краткое руководство к красноречию...» 1748 год.

Гос. исторический музей.

Титульный лист книги М. В. Ломоносова «Российская грамматика». 1755 год.
Государственный исторический музей.

ду свой первый «Опыт истории славянского народа до Рюрика». Этот «Опыт» содержал главы «о старобытных жителях в России», «о величестве и поколениях славянского народа», «о древности славянского народа». Ломоносов продолжил свою историю «описанием владения первых великих князей российских: Рюрика, Олега, Игоря».

В 1756 году он собирал российские исторические манускрипты и сравнивал их друг с другом «для наблюдения сходств в деяниях российских».

Ломоносов заботился о сохранении исторических памятников. Он хотел послать художника, чтобы снять копии с фресок в старинных русских церквях, но осуществить это намерение ему не удалось.

Работы Ломоносова над русской историей продолжались и в дальнейшем.

В 1760 году появилось первое его историческое сочинение — «Краткой российской летописец с родословием», — охватывающее период до Петра I включительно.

Ломоносов подготовил к печати первую часть своей большой работы по русской истории. Она была напечатана Академией наук уже после его смерти, в 1766 году, под названием «Древняя Российская история об начале Российского народа до кончины великого князя Ярослава первого или до 1054 года». Исторические труды Ломоносова ждут своего исследователя.

Ломоносов был непоколебимым, страстным борцом за передовую науку, за права и достоинство науки. Ему были присущи исключительная жажда научного познания жизни, стремление к преобразованию своей родины. Он призывал:

Везде исследуйте всечасно,
Что есть велико и прекрасно...

Во всей деятельности Ломоносова наука была непосредственно связана с практикой. В своих научных изысканиях он всегда исходил из запросов жизни — промышленной разработки естественных богатств нашей страны, развития производительных сил и культуры.

Связь науки с практикой человеческой жизни Ломоносов воспел в замечательных поэтических строках:

Из гор иссечены колоссы
Механика, ты в честь возвысь...
Наполни воды кораблями,
Моря соедини реками,
И рвами блага посуши...
В земное недра ты Химия,
Проникни взора остротой,
И что содержит в нем Россия
Драги сокровища открой...
Наука легких метеоров
Премены неба предвещай,
И бурный шум воздушных споров
Чрез верны знаки пред'являй:
Чтоб ратай мог избрать время,
Когда земли поверять семя,
И дать когда покой браздам...

Ломоносов страстно желал с помощью науки способствовать увеличению богатств нашей родины, улучшению жизни народных масс. Он был борцом за просвещение народа.

В 1757 году Ломоносов был назначен советником Академической канцелярии. Он заведывал историческим и географическим собраниями и кроме того университетом и гимназией при Академии наук. Он настойчиво добивался улучшения работы академических гимназии и университета; устроил студенческое общежитие, следил за тем, чтобы студентам своевременно выдавалась положенная стипендия, стремился к тому, чтобы гимназия была всегда укомплектована положенным количеством слушателей (40 человек).

Наконец, Ломоносов явился подлинным основателем Московского университета, торжественное открытие которого состоялось 12 января 1755 года.

Ломоносов, как истинный муж науки, вел неустанную борьбу против мракобесия и поповщины. Он требовал, чтобы «Духовенству к учениям правду физическую для пользы и просвещения показующим не привязываться, а особливо не ругать наук в проповедях».

В начале 1757 года в Петербурге стали распространяться списки поэмы под названием «Гимн бороде», в которой высмеивалось духовенство. Вскоре обнаружилось, что автором этого «гимна» был Ломоносов. Мракобесы заволновались. 6 марта 1757 года Синод сделал императрице Елизавете Петровне доклад, в котором Ломо-

носов обвинялся в «ухулении таинства св. крещения... и учения св. отцов». В заключение доклада Синод просил:

«Высочайшим своим указом таковыя соблазнительные ругательные напквилли истребить и публично жечь, и впредь то чинить запретить, и означенного Ломоносова для надлежащего в том увещевания и исправления в Синод отослать». Правда, Елизавета оставила этот доклад без последствий, но скоро появились письма, исходящие, повидимому, из среды духовенства, наполненные нападками на Ломоносова.

Просветительное значение научной деятельности Ломоносова было для своего времени огромно. «Ломоносов,— писал Пушкин,— был великий человек... Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом».

Ломоносов горячо любил свой народ и глубоко верил в творческие силы народных масс. Призыв к просвещению народа, глубокая вера в то, что русский народ вывигнет из своей среды немало гениальных людей, особенно ярко выражены в следующих поэтических строках:

О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих,
И видеть таковых желает
Каких зовет от стран чужих,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

Красная площадь в Москве в 1762 году. В глубине здание Земского прихода, где помещался Московский университет.

Гос. исторический музей.

жу, что я должен умереть, и спокойно и равнодушно смотрю на смерть, жалею только о том, что не мог я свершить всего того, что предпринял я для пользы отечества и для славы Академии. И теперь, при конце жизни моей, должен я видеть, что все мои полезные намерения исчезнут вместе со мною».

И действительно, долгое время гениальные труды Ломоносова в царской, крепостнической России были забыты. Рукописи трудов Ломоносова по физике были извлечены из архива Академии наук только в 1904 году. Лишь спустя много лет после смерти Ломоносова выдающиеся ученые, ознакомившись с его научными работами, пришли к заключению, что целый ряд его открытий и гипотез предвосхитил то, к чему пришла значительно позже западноевропейская научная мысль.

Гениальный ученый Михаил Васильевич Ломоносов — национальная гордость великого русского народа.

После Великой Октябрьской социалистической революции, в эпоху строительства социализма воплотились в жизнь лучшие мечты замечательного ученого. В эпоху могучего развития производительных сил социалистического общества, величайшего расцвета культуры и науки, распространения просвещения среди миллионов масс народов Советского Союза, победоносно строящих коммунизм под руководством партии Ленина — Сталина, советские люди с благоговением чтят память великого сына русского народа — Михаила Васильевича Ломоносова.

Титульный лист первой части полного собрания сочинений М. В. Ломоносова. 1784 год. Гос. исторический музей.

Ломоносов умер 4 апреля (старого стиля) 1765 года. За несколько дней до своей смерти, больной, он говорил своему другу академику Штелину: «Друг, я ви-

У истоков русской исторической науки

(К 175-летию со дня смерти
М. В. Ломоносова)

Начало исторической науки в России, как и большинства других наук, связано с эпохой Петра I, сделавшего «очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев» (С т а л и н). Петр хорошо понимал значение истории для воспитания у русского народа национального самосознания. История России была нужна Петру и потому, что «через нее неприятелей наших, яко польских и других басни и сушны лжи к поношению наших предков вымышленные» должны были «обличаться и опровергнуться». К тому же и сам Петр, по свидетельству Татищева, «великое желание к знанию древностей имел» (Н. В. Т а т и щ е в «История Российская», т. I, стр. VII, 1768). Предшественники Петра оставляли ему только одну печатную книгу по русской истории — «Киевский синодис, или краткое собрание от различных летописцев».

«Синодис» появился в трудные годы, когда Россия, еще не сросшаяся со вновь присоединенной Украиной, напрягала все силы для защиты ее от турецко-татарских нашествий. Книга вышла при царе Алексее в 1674 году и была перепздана с дополнениями при Федоре в 1678 и 1680 годах. Задачей «Синодиса» было показать историческую связь двух ветвей славянского племени и их героическую борьбу с «басурманами».

«Синодис» составили киевские монахи, считавшиеся ученейшими людьми того времени в России. От польских хронистов и компиляторов эти южнорусские книжники переняли все приемы европейской средневековой схоластики, которые удержались в исторической науке вплоть до XVIII века. Содержание исторических сочинений в то время состояло из незначительных фактов, принятых без всякой критики и разукрашенных по произволу досужей фантазии историка.

Хронология велась от сотворения мира. Связь между различными историческими эпохами устанавливалась на основе богословской идеи о чередовании четырех монархий: ассиро-вавилонской, мило-персидской, греко-македонской и римской.

История Рима прилавалась наибольшее значение. Чтобы сделать достойными вли-

вания славян, германцев и другие варяги, их древнейшую историю искусственно связывали с библейей и античным миром. Для целых народов сочинялись подложные генеалогии. До конца XVII века английские короли считались потомками «основателя» Британии — троянца Брута.

Составители «Синодиса» положили в его основу написанную по польским источникам украинскую «Кройнику» игумена Сифоновича, разукрашали ее баснями польских хронистов и только дополнили русской летописью (см. В. С. П л о н и н к о в «Опыт русской историографии», стр. 1545, 1556).

«Синодис» в течение без малого сотни лет, до появления «Краткого летописца» Ломоносова, оставался в России единственной учебной книгой по русской истории. Он начинается с большого этнографического введения, в котором нашли место все «родившиеся в одной голове вымыслы и пустые речи» польского хрониста Стрыйковского. Во введении рассказывается о потопах, разделе земель между сыновьями Ноя и о вавилонском столпотворении. Затем идут географические сведения о Европе, Азии, «части света большей и изящнейшей», Африке, «паче других обращенной к солнцу», и перечисление народов (действительно существовавших и вымышленных), эти части света населявших. Происхождению названий народов подвергается наивным толкованиям. Славяне, например, называются так от славы, которая всегда им сопутствовала. Их доблесть была даже засвидетельствована особым «привилеем» Александра Македонского, написанным золотом на пергаменте. Название «половцы» происходит от «лоба звериного», название «россияне» — от их большого распространения, рассеяния и т. п.

Упоминаемые греческими и латинскими авторами народы Причерноморья — сарматы, аланы и роксаланы — отождествляются в «Синодисе» со «славяно-руссами». Половину книги занимает история Киевской Руси, доведенная до XIV века. Варяги называются племенем «языка славянского», жившим у берегов Балтийского моря. Рассказ о разных князьях перемежается с

«баснословиям» (вроде истории о том, как Белгород был освобожден от осаждавших его печенегов при помощи киселя), со сведениями о постройке церквей и особенностях колокольного звона Киево-Печерской лавры и т. п. Центральное место занимает рассказ о введении христианства при Владимире, прошедшем от «корени кесаря Августа». В «Синописе» помещено сказание о Мамасе пришествии и о битве на Куликовом поле, написанное по русским источникам.

История России и присоединенной к ней Украины отводится последние 30 страниц. Присоединение Киева произошло 1 марта 1654 года — «бысть тогда литера азбуки пасхальные «д» (добро), аки некое доброе предзнаменование». Других подробностей об этом событии в «Синописе» нет; вместо них следуют славословие царя Алексея и сменившего его Федора и перечисление их титулов.

Бедны подробностями и заполнены общими местами церковного красноречия рассказы о чигиринских походах, современных составителю. Победы приписываются не столько подвигам русских и украинских войск, сколько «предстательству» богородицы и киево-печерских чудотворцев.

При Петре «Синописе» был дважды переиздан: в 1714 и 1718 годах. Это творение киевских схоластов не встречало одобрения Петра, и «Синописе» переиздавался только за неимением лучшего.

Царь поручил писать русскую историю директору Московской типографии Ф. Поликарпову. Передавая Поликарпову это поручение, сенатор И. А. Мусин-Пушкин писал: «Его царское величество желает ведать российской государственной историей и о сем первое трудиться паче, а не о начале света и других государствах, понеже о сем писано и того ради надобно тебе из русских летописцев выбирать и в согласие приводить прилежно» (И. Пекарский «Наука и литература при Петре I», стр. 317).

Петр принимал меры к сохранению древних актов и летописей. Он приказал пересмотреть и переписать старинные рукописи, хранящиеся в монастырях и церквях. Копии с рукописей он предполагал сосредоточить в Москве. В 1722 году он предписал «курьезные», т. е. древние, летописные книги, хронографы и «прочее тому подобное» доставить в Москву, сделать с них списки и хранить в Синодальной библиотеке. Поликарпов трудился над составлением русской истории восемь лет и в 1716 году представил рукопись царю, но Петр ее не одобрил.

В 1722 году Скорнякову-Писареву, ведавшему вновь учрежденными Петром шко-

лам, было поручено написать «Краткий летописец». Поручение писать русскую историю получил также иностранный писатель барон Гюйссен. Эти работы, по видимому, не были выконтены или не получили одобрения царя. Во всяком случае, они до нас не дошли.

У Петра был любимый историк. Среди многих иностранных исторических книг переводилось «по повелению великого государя» «Введение в историю европейскую через Самуила Пуффендорфия». Эта книга была издана в России два раза: в 1718 и 1724 годах. «Славный историк» и «мудрый законодатель», как называл Пуффендорфа Петр, был последователем Гуго Гроция и Гобса, теоретиков естественного права и последователей пророческого абсолютизма. Пуффендорф основывал на теории договора не только монархию, но и рабство. «Самое тело раба разумеется быть во всякой власти господина», — писал Пуффендорф. Для главы крепостнического государства, каким был Петр, историческое оправдание рабства имело немалое значение.

«Введение» Пуффендорфа включает в себя краткую историю важнейших европейских государств, написанную деловито, без всякой схоластической рутинности. История каждого государства заканчивается описанием его природных условий, характера жителей, политического устройства, торговли, промышленности и постановки военного дела.

Уважение Петра к Пуффендорфу было так велико, что он приказал без всяких сокращений или изменений печатать главу одиннадцатую — «О России или обще о Московии», — составленную на основании трудов Герберштейна, Петра и других посещавших Россию иностранных путешественников, хотя эта глава содержала явные ошибки. Революционера, монаха Гавриила Бужинского, выпустившего одно резкое место, Петр назвал глупцом (см. И. Пекарский «Наука и литература при Петре I», стр. 326).

Издание «Введения» Пуффендорфа «учинялся образец» для русских историков. Но среди русских людей того времени не нашлось последователей Пуффендорфа, способных написать в его манере историю России по русским источникам. Петр возложил надежды на иностранных ученых, которых намеревался пригласить во вновь учрежденную Академию наук.

Некоторые сподвижники Петра порицали его намерение обратиться для учреждения Академии наук к иностранным ученым. Сам Петр не имел особого пристрастия к иностранцам: он смотрел на ученых, ко-

тужих думал пригласить, только как на помощников в деле развития русской науки.

Эту мысль Петр выразил в «аналогие» о дворянине, который не имел на своей земле воды и задумал строить мельницу. Этот дворянин прорыл канал к соседям и провел воду из их многочисленных озер и болот. Петр жаждал русское золото, которым придется заплатить за «воду для мельницы», но считал, что «если не делать плохого начала, то и доброго конца нельзя дожидаться».

Академия наук с гимназией и университетом была открыта после смерти Петра, 27 декабря 1725 года. По регламенту, она разделялась на три отделения, или класса, как их тогда называли: первый класс — наук математических, второй — химических и третий — истории, языков и философии (см. «Летопись русской литературы и древностей», т. V, 1863 год).

Президент Академии, лейб-медик Петра Блюментрост усердно хлопотал о замещении исторических кафедр.

В 1726 году в Россию приехал историк Г. Байер. Его назначили профессором «антиквкетов» (древностей) и восточных языков. Кроме того ему было поручено написать историю царя Алексея Михайловича, что после «апробации» могло доставить ему место историографа. Но Байер предпочитал восточные языки и древности. Он не знал русского языка и не торопился изучить его. С помощью Тредьяковского Байер занялся все же древними летописями и написал «Северную географию» и «Исследование о варягах», где он доказывал скандинавское происхождение варягов. Труды Байера были напечатаны в академических «Бюллетенях», издававшихся по-латыни, и русским читателям остались неизвестны.

Ничего не сделал для русской истории знавший русский язык профессор Коль. Вскоре по приезде в Россию он «впал в задумчивость, напоминавшую сумасшествие», и был отправлен за границу.

Историк Г. Ф. Миллер приехал в Россию, спасаясь от вербовщиков Фридриха II, гонявшихся за здоровыми, высокого роста людьми. Вначале Миллер «более прилежал к сведениям библиотекаря», рассчитывая сделаться зятем академического библиотекаря Шумахера и унаследовать его должность. Разойдясь с Шумахером, он сблизился с Байером, который советовал ему изучить русский язык и заняться русской историей. Миллер начал издавать ежемесячник «Sammlung russischer Geschichte», где были помещены немецкие переводы из летописи Пестора, но затем с камчатской экспедицией уехал в Сибирь. В его отсутствие «Sammlung» продолжал издавать ад'юнкт Крамер, но со смертью Кра-

мера в 1734 году издание приостановилось.

Лекции по истории после отъезда Миллера поручили читать французу Ле-Руа, учителю сына всемогущего фаворита императрицы Анны Ивановны — Бирона. Благодаря такой высокой протекции Ле-Руа получил звание экстраординарного профессора, хотя его диссертация на тему «Невероятность предположения, что на острове Цейлоне находится эпитафия прадедному человеческого рода» не имела ничего общего с исторической наукой.

Академия в 1734 году решила (вероятно, по почину Байера) приступить к изданию летописей. Но синод — «факция темных людей» — наложил на это издание запрет. Летописи были признаны политически опасными. «В академии затевают истории печатать в чем бумагу и прочий конит терять будут напрасно, понеже в оных книгах писаны лжи явственные... отчего в народе может произойти не без соблазна», — писал синод (В. С. Иконников «Опыт русской историографии», стр. 1923).

Опасения синода были не напрасны. Многие из того, о чем рассказывалось в летописях, опровергало официальную трактовку событий русской истории. По летописям, Россия не всегда была централизованным государством, управляемым самодержцем — великим князем или царем.

Читатели могли узнать из летописей об истории новгородской вольницы и о многочисленных народных восстаниях против князей и бояр. Летописи выводили царский дом Романовых не от Рюрика, а от западного рода дворян Кобылинных. Как видим, «соблазнительного» материала в летописях было достаточно.

Политический гнет, припавший особенно свирепые формы в царствование императрицы Анны Ивановны, отнюдь не способствовал процветанию наук. Окружавшие императрицу Бирон и другие остзейцы и курляндцы пролавали интересы России Англии, которая пыталась превратить Россию в одну из своих колоний. Боязнь заговоров и возмущений привела к установлению режима, известного под названием «биронщины». Петровские издания, в том числе и «Введение в историю европейскую», были запрещены. Вместо летописей Академия наук переиздала в 1736 году «Киевский синодаль». «Мельница» Петра работала плохо и вследствие тяжелого положения, в которое попала Академия уже после смерти Екатерины I. Академия оказалась в полном пренебрежении у сменивших Екатерину правителей. Президенты Академии передали управление ею хранителю библиотеки и кунсткамеры Шумахеру. Угодная двору и президентам,

Шумахер разными способами упижал и ссорил между собой профессоров. Он создал свою «партию», при помощи которой стал в Академии полным хозяином.

«Добрый порядок» и процветание Академии Шумахеру были нужны. Своими преследованиями он заставил многих талантливых профессоров-иностранцев уехать за границу. Хотел покинуть Россию и Байер, но заболел и умер в 1738 году. Вызывая «строптивых» иностранцев, Шумахер не хотел замечать их талантливыми русскими учеными, от которых «уменьшения своей власти больше опасался». Он считал своей «великой ошибкой», что Ломоносову удалось получить ученую степень.

Дворцовый переворот 25 ноября 1741 года, доставивший трон Елизавете, чуть было не положил конец правлению Шумахера. На него были поданы «доношения» от академика Делиля, советника А. К. Нартова, замечательного механика-конструктора, бывшего токаря Петра I, от служащих канцелярии и нескольких студентов. Шумахера обвиняли в присвоении казенных денег, в незаконных распоряжениях и в извращении основ Академии, завещанных Петром.

Шумахер был арестован, а на его место назначен Нартов. К несчастью, Нартов был «в знании чужестранных языков необыкновенен» и даже русской грамотой владел плохо. Править самостоятельно Академией он не мог. Примкнувший к Нартову Ломоносов скоро стал его деятельным помощником.

Новое управление Академии настаивало перед Сенатом на переиздании многих петровских книг, в том числе и исторических, а также на том, чтобы латинские «Комментарии» Петербургской академии наук издавались «для пользы русского народа» на русском языке (П. Пекарский «История Академии наук». Т. II, стр. XIII). Возврат к традициям Петра, ярким поборником которых был Ломоносов, показался академикам-иностранцам «горше» Шумахера.

Иноземные ученые всячески старались скомпрометировать вожака русской «партии». Опротечившая запальчивость Ломоносова дала его врагам повод для изничтожения его из академических собраний. В комиссию по делу Шумахера, состоявшую из знатных вельмож: графа Головина, князя Юсупова и генерала Игнатьева, — посыпались доносы и жалобы на разные «шумства» и «продерзости» Ломоносова. Поход против Ломоносова возглавил вернувшийся из сибирской экспедиции историк Миллер. За беспорядки и беззакония вместе с Шумахером должны были отвечать и другие, в том числе и брат Миллера, учитель академической гимназии. Комиссия,

склонная видеть в деле Шумахера бунт «мелких людей» против начальства, отнеслась к жалобам профессоров сочувственно. Ломоносова несколько раз вызывали к допросу. Но злые гонимые были бессильны заставить молчаливого аристократа «юдлого» крестьянского происхождения давать показания. С «благородной упрямкой» и смелостью, присущей его характеру, Ломоносов защищал автономию, предоставляемую Академии Петром. «И то попустому отвечать не буду, — говорил Ломоносов, — это мной команду имеет Академия, а не комиссия». Раздраженные вельможи приказали взять Ломоносова «за караул». Все ходатайства Нартова об освобождении Ломоносова остались безрезультатными. Под арестом Ломоносов пробыл около 7 месяцев и был освобожден уже после того, как Нартов был снят с должности, а Шумахер восстановлен. Можно себе представить, какие чувства питал Ломоносов к Миллеру, роль которого во всей этой истории была ему хорошо известна. Но в научных вопросах для Ломоносова не могло быть личных врагов или друзей. Могли быть только враги или друзья русской науки. Поэтому, когда мракобесы обрушились на Миллера за его «крамольные» научные взгляды, Ломоносов встал на его защиту.

В 1746 году Петр Крекшин представил в Академию на отзыв «Родословие великих князей, царей и императоров Российских». Оно было передано на рассмотрение Миллеру, который нашел в нем не только произвольные выводы, но и явные вымыслы. Обозленный Крекшин подал донос на Миллера в Сенат.

Еще до ссоры Миллер дал Крекшину выписки из иностранных писателей, касавшиеся русской истории. Эти выписки Крекшин объявил теперь направленными к злостному унижению царского рода. Для нового рассмотрения «Родословия» в Академии была создана комиссия из Ломоносова, Тредьяковского и Штрубе де Ширмона, которая признала Миллера вполне правым (см. П. Пекарский «История Академии наук». Т. II, стр. 369). Ломоносова вызывали в Сенат для экспертизы «крамольных» выписок. Они оказались из хрониста Погана Длугона. В них речь шла о том, что московский князь Василий Иванович должен был при встрече с татарским послом стоя подавать ему стакан кобыльего молока... «Извест» Крекшина был оставлен без последствий, и Миллер благодаря Ломоносову избежал больших неприятностей.

С этого времени Ломоносов все чаще отрывался от лаборатории и других своих основных занятий: его привлекали к рассмотрению всяких дел исторического отделения. Это объяснялось тем, что Ломоносов

по праву мог считаться наиболее компетентным из всех академиков по вопросам русской истории. И это не потому, что в Славяно-греко-латинской академии, где он учился в юности, преподавалась история по «Синописису»: знания, которыми обладал Ломоносов, вовсе не ограничивались «Синописисом». Так как собственная библиотека «Спасских школ» во времена Ломоносова находилась «во всеконечной скудости», старшим ученикам было разрешено пользоваться синодальной и типографской библиотеками. Там среди «неудобнопереносимого» моря богословской схоластики Ломоносов размышлял старинные русские летописи. За летописями он сидел и в библиотеке Киевской академии, куда он ездил в 1735 году в тщетной надежде изучать точные науки.

В этих трех самых больших библиотеках России Ломоносов приобрел основательное знание русских летописей. Он хотел ознакомиться также с иностранными источниками. В 1741 году он просил своего товарища Виноградова прислать ему «Русскую историю» П. Петрея (см. соч. М. В. Ломоносова. Т. V, стр. 171. Примечание). Интерес Ломоносова к истории коренился в глубоком патриотизме великого ученого, в его вере в русский народ, который «по толь многим разделениям, утеснениям и нестроениям» не только «не расточился», но всегда шел вперед, к высшим ступеням «величества, могущества и славы».

Другого порядка были интересы к истории России у Миллера. Во время десятилетнего пребывания в Сибири он узнал русский язык, собрал громадный исторический материал. Он утвердился в том понимании истории, которое когда-то ему внушил Байер. К судьбам русского народа Миллер был совершенно равнодушен. Стараясь оправдать это равнодушие, Миллер утверждал, что историк «должен казаться без отечества, без веры, без государя».

Вскоре после своего приезда из Сибири Миллер подал проект об учреждении исторического департамента с небольшим штатом и особыми прерогативами. Задачей департамента было собирание источников (Миллер их делил обстоятельно на 10 категорий) и написание истории России. Проект его был отвергнут: Шумахер усмотрел в нем только желание Миллера уйти из-под его власти и тратить деньги зря.

В 1747 году при новом президенте, графе К. Разумовском, средства Академии были увеличены вдвое. Был введен новый регламент, отделявший научную работу от учебной, Академию от университета, академиков от профессоров. История, без всякой заботы о ее дальнейшей научной разработке, была отнесена к университету, который выполнял только учебные функции.

Миллеру, принявшему русское подданство, было дано звание историографа. Работу его контролировала Академия в лице Исторического собрания, в котором в числе других академиков должен был присутствовать и Ломоносов. Историческое собрание рассматривало исторические сочинения, подготовленные к печати. На его заседаниях проходили горячие споры между Ломоносовым и Миллером. В истории Сибири и других работах Миллера Ломоносов видел «много пустости, верько десятилетней и для России предельно бесполезной». Ему казалось, что Миллер больше всего «выематривает пятна на одежде русского тела, проходя многие нетленные ее украшения». Эти споры были только предлюдиной к бурному столкновению, произошедшему в 1749 году.

В день торжественной ассамблеи Академии наук, назначенной на 6 ноября (именины императрицы), было предложено выступить с речами двум лучшим ораторам Академии — Ломоносову и Миллеру. Ломоносов заготовил похвальное слово Елизавете, которое содержало лестные намеки на превосходство императрицы над ее предшественницей — императрицей Анной Ивановной. В похвальном слове Ломоносов призывал юношество работать на благо науки и родины и резко нападал на внешнеполитических недругов тогдашней России, особенно на Швецию. Ломоносов прямо напоминал Швецию о русских победах при Полтаве и Вильманстранде. Речь Ломоносова, представленная на «апробацию», была одобрена двором.

Миллер заготовил речь «о происхождении народа и имени Российского». Пользуясь аргументами Байера, он доказывал сравнительно недавнее расселение славян на северо-востоке, скандинавское происхождение варягов и финское происхождение слова «Русь» от «россалайше», (так финны называли шведов).

В настоящее время вопрос о происхождении варягов хотя и не считается решенным окончательно, но давно уже принадлежит к числу вопросов второстепенных. В науке твердо установлено, что пришельцы-варяги были не выше славян в культурном отношении, не оказали на них сколько-нибудь значительного влияния и сравнительно быстро ослабились сами.

Но так было во времена Ломоносова. Речь Миллера произвела большое волнение в академической среде и вызвала разные толки в обществе. Шведы, предкам которых — варягам — Миллер приписывал основание русского государства, были недавние враги. Еще была на памяти Великая северная война. Последняя война, под личастическим предлогом начатая шведами для захвата земель в Финляндии, закончи-

лась победой русских совсем недавно, в 1743 году. Казалось, что скандинавская теория Миллера может дать шведам основание для новых притязаний и, во всяком случае, будет использована в ряде стран во вред России.

Петр прорубил окно в Европу. В это окно смотрели не только русские. С большим вниманием рассматривали и европейцы эту почти неизвестную до Петра страну. Их внимание было отнюдь не сочувственным. Западные писатели чаще всего осмеивали желание русских «дикарей» добиться просвещения и пугали Европу «варварами», которые могут обрушиться на цивилизованный мир, как во времена Римской империи.

На торжественном акте речь Миллера была заменена другой. Ломоносов и другие профессора, которым речь была послана для рассмотрения, подметили в ней оттенки удовлетворения, с которым Миллер говорил о поражениях или других неудачах древних славян. Они находили в ней сочувствие варягам в такой, например, фразе: «Скандинавы победоносным оружием благополучно себе всю Россию покорили».

Речь Миллера долго рассматривалась на общих академических собраниях. Дело доходило не только до шума и крика, но почти до драки. Про Миллера и Ломоносова говорили, что нашла бося на камень. Такого ожесточения не было бы, если бы Миллер считал норманнскую теорию только вероятной, а не достоверной. Для Ломоносова, который доказывал славянское происхождение варягов, дело шло не только о самих варягах, которых он впоследствии называл морскими разбойниками Балтики, а о самостоятельности русской культуры. Миллер же апеллировал к «исторической истине», но его беспристрастие в этом вопросе было очень сомнительным. Точка зрения Миллера могла быть только приятной двору наследника престола Петра-Ульриха (будущего Петра III), который был потомком не только русских царей, но и шведского короля Карла XII.

К решению спора чаще всего привлекали данные языка. Самым серьезным доказательством скандинавского происхождения варягов у Миллера были их скандинавские имена. Самым серьезным опровержением точки зрения Миллера и доказательством того, что варяги говорили по-славянски, было полное отсутствие, по мнению Ломоносова, скандинавских слов в русском языке. Однако научное языковедение в те времена было только в зачатке, и сходство слов и названий часто обращалось в «металлы литерами, как зернью».

Критическая разработка древних текстов и научное изучение летописей еще не существовали. Таким образом, состояние

исторической науки не давало возможности разрешить спор между Миллером и Ломоносовым. Poleмика дала лишь один определенный результат: она пошатнула веру в «Синописе». Нужна была срочная его замена. Налицо была только сочиненная вне Академии «Российская история» Татищева. Но рукопись Татищева, написанная тяжелым и устаревшим уже языком, была лишь подробным сборником летописных данных с примечаниями автора.

После неудачи с торжественной речью Миллер впал в немилость. Писать русскую историю поручили Ломоносову. Сама Елизавета выразила желание «видеть русскую историю, его штилем написанную». Ломоносов принялся «со всякою ревностью» за собиране нужных известий. Работа двигалась медленно. Ломоносов был завален другими обязанностями. Для него служить в Академии значило неустанно работать для русской науки и для русского просвещения. По своей «профессии и должности» он читал лекции, ставил новые химические опыты, говорил речи и «диссертации» на разные темы, по требованию двора сочинял стихи к придворным торжествам, писал правила красноречия и грамматику. Ко всем этим занятиям прибавлялось составление выписей из исторических источников и примечаний к ним (в 1751 году — 635 выписей на 15 листах, в 1752 году — 161 на 3 листах и т. д.).

«Краткий летописец» Ломоносова, заменивший как учебное пособие «Синописе», вышел в 1760 году. Во вступлении излагается мнение Ломоносова о происхождении Руси, высказанное им при разборе речи Миллера. Затем следуют краткие жизнеописания русских великих князей и царей. Много места отводится «бодрому, остроумному и храброму» царю Ивану IV и Петру I. Отмечаются и те события царствования Ивана Грозного, которые впоследствии не попадали в учебники и редко упоминались в университетских курсах: например неудачное нападение шведов на Орешек и поход турок и крымцев под Астрахань, окончившийся их поражением.

Жизнеописание Петра содержат ряд подробностей о его детстве, записанных со слов современников, и прекрасную, хотя и очень краткую, характеристику его личности. «Летописец» выгодно отличается от «Синописеа» не только объемом сведений, но и отсутствием церковной тенденции. Владимиру «святому» отводится столько же места, сколько Святополку «окаянному». Современники — иностранцы Я. Штелин, Шлецер — приветствовали появление этого труда, с помощью которого можно было исправить многие ошибки, господствовавшие в европейских представлениях о русской истории. Однако

М. В. Ломоносов. Резьба по кости.

Государственный исторический музей.

у «Летописца» был и серьезный недостаток: Ломоносов выстроил князей и царей в один ряд непрерывно следовавших друг за другом правителей русского государства. Этим он давал ложное представление о России как о единой монархии на всем протяжении ее истории, тогда как она переживала периоды раздробленности, как и другие феодальные государства Европы.

Другой труд Ломоносова — «Древняя Российская история» — появился только в 1766 году, уже после смерти великого ученого, последовавшей 4 апреля 1765 года.

Во вступлении, написанном с присущей научной прозе Ломоносова силой и искренностью, он прежде всего останавливается на могучей стойкости «Российского народа». Нападения угров (венгров), печенегов, половцев, татар, поляков, шведов, турок, внутренние, «домашние» несогласия «никогда не могли так утомить Россию, чтобы она сил своих не восстановила...»

Историю русского народа Ломоносов сравнивает с течением великой реки, которая «от источников своих по широким полям распространяясь, иногда на малые потоки разделяется и между многими островами теряет глубину и стремление; но пакки соединяясь в один береги, вящую быстрину и великость приобретает; потом,

присовокупив в себя яные великие от сторон реки, чем далее протекает, тем обильнейшими водами разливается, и течением умножает свои силы» (Соч. М. В. Ломоносова. Т. V, стр. 245).

История такого великого народа полна, конечно, значительных событий, но многое «по общей судьбине во мраке забвения покрыто». Однако сведений о своей истории русский народ сохранил не меньше чем его западные соседи о своем собственном прошлом. «Великое дело» «дать бессмертие множеству народа», перенести «минувшие деяния в потомство, в глубокую вечность, соединить тех, которых натура долгою временем разделила», — так определяет Ломоносов задачу истории.

«Древняя Российская история» Ломоносова разделяется на две части: первую — «Россия прежде до Рурика» и вторую — «От начала княжения Рурика до кончины Ярослава Первого».

Обе части резко отличаются как по характеру и приемам изложения, так и по научным последствиям, которую они имели в русской историографии.

Ломоносов собрал громадный материал, на который опирается преимущественно первая часть его труда. Ему в подробностях знакомы писатели греческие: Геродот,

Птолемей, Страбон; византийские: Прокопий, Константин Багрянородный, Кедрич, Зенара; латинские: Курций, Непос, Ливий, Плиний, Тацит, а также немецкие и польские хроники.

Древнейшим населением России Ломоносов считает славян и финнов. По мнению Ломоносова, русский народ произошел от слияния славян и финнов при преобладании первых. О глубокой древности славян Ломоносов заключает по их многочисленности в его время. Он находит предков славян в первых веках нашей эры и отмечает славянские названия мест и городов за Дунаем у Плиния и Страбона. Основываясь на летописях и иностранных источниках, он дает картину расселения всех славянских племен — западных, восточных и прибалтийских — в эпоху создания Киевского государства. Для обширных торговых связей служили «процветавшие силой и купечеством» города Киев, Смоленск, Ладога, Новгород и «пребогатая Винета» на устье Одера, впоследствии разрушенная датчанами.

Слово «варяги» Ломоносов считает синонимом шведов, как думали Байер и Миллер, а названием морских пиратов, которые «из разных племен и языков состояли и только одним соединялись, обыкновенным тогда по морям разбоем».

Те варяги, которые назывались руссами, были преимущественно славянами прибалтийского побережья нынешней Пруссии. Они-то и были призваны новгородскими славянами. Потомков этих варягов можно было во времена Ломоносова найти, как он говорит, в глухих селах Пруссии, где они были перемешаны с литовцами и жмудью.

Историк Соловьев так говорит о первой части труда Ломоносова: «В ней иногда блещит во всей силе талант Ломоносова, и он выводит заключения, которые наука после долгих трудов повторяет почти слово в слово в наше время» (Соч. М. В. Ломоносова. Т. V, стр. 177. Примечание).

Нужно добавить, что Ломоносов был свободен и смел в своих суждениях, и «обстоятельства до отдельных людей принадлежащая» не имели для него значения, как высоко ни стояли бы эти люди. Царской фамилии и роду Рюриков он находит

весьма малочетных предков в лице морских разбойников и очень демократических родичей в лице крестьян из глухих деревень Восточной Пруссии.

Во второй части «Древней Российской истории» характер работы Ломоносова коренным образом меняется: простой и ясный стиль научного исследования сменяется безразлично-риторическими периодами.

Почти целиком второй части служат почти исключительно «Летописи», но пересказ их не удался Ломоносову. Ломоносовская карта мира, на которой Ломоносов волевал «Руррика самодержавца Российского» и других «любимых» государей, до была прилежно облена для передачи простого и мудрого языка Вестора.

Ломоносов, отдавший всю жизнь делу просвещения русского народа, считал, что в России его времени только правительству мог принадлежать почин прогрессивной деятельности. Этот взгляд его был типичен для всех «просветителей» XVIII века, даже для французских материалистов. Ломоносов считал обязанностью русского ученого описывать и воспевать дела предков Петра и Елизаветы. Научная ценность второй части много ниже первой. По в целом «Древняя Российская история» стояла не только на уровне европейской науки середины XVIII века, но и, как большинство трудов Ломоносова, далеко опережала свое время.

Соловьев поражался «блистательным по тогдашним средствам науки» решениям ряда вопросов Ломоносовым. Под влиянием Ломоносова Соловьев усвоил взгляд на разноплеменный характер варяжских дружин.

Ключевский развил идею Ломоносова об образовании великорусского племени из славян и финнов.

Ломоносов стал основателем целой «славянской» школы по вопросу о происхождении варягов (Венелин, Морозкин, Геденов), мнение которой не считается опровергнутым и теперь.

Замечания Ломоносова о «пребогатом» славянском городе Винете разрабатывались Шафариком, Грановским и немецкими учеными Вирховым и Фриделем.

Ломоносов по праву считается одним из основателей русской научной историографии. Он начал в России «великое дело дать бессмертию множеству народа».

Рабочие клубы во время Парижской коммуны 1871 года

1

В письме к Кугельману (12 апреля 1871 года) Маркс, восторгаясь революционной инициативой парижских пролетариев в период Коммуны, писал: «Какая гибкость, какая историческая инициатива, какая способность к самопожертвованию у этих парижан!» (Маркс и Энгельс. Т. XXVI, стр. 105).

Ленин также не раз отмечал исключительную революционную активность трудящихся масс во время Коммуны, их творческое политическое чутье, благодаря которому начал создаваться новый тип государства — пролетарское государство, — несмотря на отсутствие сознательного руководства со стороны социалистических фракций. На VII съезде РКП(б) Ленин говорил: «Коммуны не понимали те, кто ее творил, они творили чутьем гениально проснувшихся масс, и ни одна фракция французских социалистов не сознавала, что она делает» (Ленин. Т. XXII, стр. 352).

Девятимесячный период с момента крушения монархии (4 сентября 1870 года) до гибели Коммуны (28 мая 1871 года) был исключительно бурным и насыщенным. Пролетарские массы Парижа сделали попытку создания первой в истории пролетарской диктатуры. Свергнув монархию Наполеона III, парижские рабочие в несколько недель добились поголовного вооружения, создали массовую национальную гвардию и организовали свой революционный орган — «ЦК 20 округов». Этот орган опирался на местные «Комитеты бдительности», контролировавшие всю работу местной администрации и объединившие всю революционную работу в округах.

Среди многочисленных форм массовой организации в Париже особое место занимают рабочие клубы и народные (публичные) собрания, которые до 4 сентября 1870 года были фактически под полицейским запретом.

Современники обычно насчитывали 15—17 парижских клубов в период осады (Моллиари, Сарсе и др.). Изучение печати того времени показывает, что число клубов достигало 40. Конечно, не все они существовали весь период осады. Они возни-

кали, другие исчезали, но около половины действовало почти все время осады.

Наиболее влиятельными были клубы на рабочих окраинах. Единичные клубы в буржуазных кварталах быстро погибали.

Клубы помещались обычно в разных общественных помещениях — в кафе-концертах, в залах для танцев, театральных помещениях, школьных зданиях и т. п. Популярный клуб в зале «Марсельеза» (в Ла-Виллетт) представлял собой большой сарай с земляным полом. Скамьи были деревянные, из нестроганных досок. Помещение для танцев и кафе-концертов имели более благоустроенный вид. За вход в клуб брали обычно 10—15 сантимов (тогда как в буржуазных клубах брали 50 сантимов).

Уже в конце октября родилась мысль о создании «Лиги клубов», или «Центрального клуба». В газете «Combat» от 28 октября 1871 года республиканские социалистические клубы пригласились на собрание для организации этого объединения. Инициатива принадлежала «ЦК 20 округов».

В номере «Patrie en danger» от 28 ноября сообщалось об организации Центрального клуба.

Во главе Центрального клуба должен был стать комитет из 160 человек (по 8 делегатов от округа). Членами «Центрального клуба» могли быть члены республиканских социалистических комитетов 20 округов, делегаты республиканских социалистических клубов Парижа, делегаты рабочих обществ, делегаты французских и иностранных легионов добровольцев, делегаты разных социалистических и республиканских групп и т. п.

Паряду с клубами большую роль играли и многочисленные публичные собрания. Клубы имели регулярные выборные президиумы. Они заранее устанавливали порядок дня, список ораторов и иногда имели формулированную программу. Клубы иной раз собирали своих постоянных участников даже на закрытые заседания. Таким образом, клубы были довольно организованной формой массового движения. Публичные собрания имели характер обычных митингов, где президиум избирался каждый раз заново, выступления заранее не намеча-

лись, всякий мог проходить туда без всяких ограничений. Публичные собрания также решено было объединить, чтобы «связать их в один пучок» («roug faire un faisceau»). На заседании бланкистского клуба «Patrie en danger» 9 сентября была выделена специальная комиссия в составе видных бланкистов — Трифона (председатель), Эда, Гранже и др. — с целью посещения других народных собраний и их объединения.

На многолюдном собрании в Бельвилье 9 октября, где присутствовало до 2 тысяч человек, снова был поднят вопрос об объединении деятельности публичных собраний с тем, чтобы резолюции, принятые в одном собрании, обсуждались и голосовались и в других. Таким образом предполагалось достигнуть единства мнений и решений. Для этих целей собрание избрало комиссию из 7 человек (Ранье, Валлес, Удэ, Вайар, Везинье и др.) и предложило всем другим собраниям тоже выделить по 7 человек, а затем всем соединиться для создания «Центрального Совета» (см. «Patrie en danger» № 34 от 14 октября).

Клубы и паротные собрания приобрели крупнейшее значение в деле мобилизации пролетарских масс в период осады Парижа. Здесь обсуждались все важнейшие политические вопросы и требования к правительству, здесь шла подготовка масс к активным выступлениям. Восстание париж-

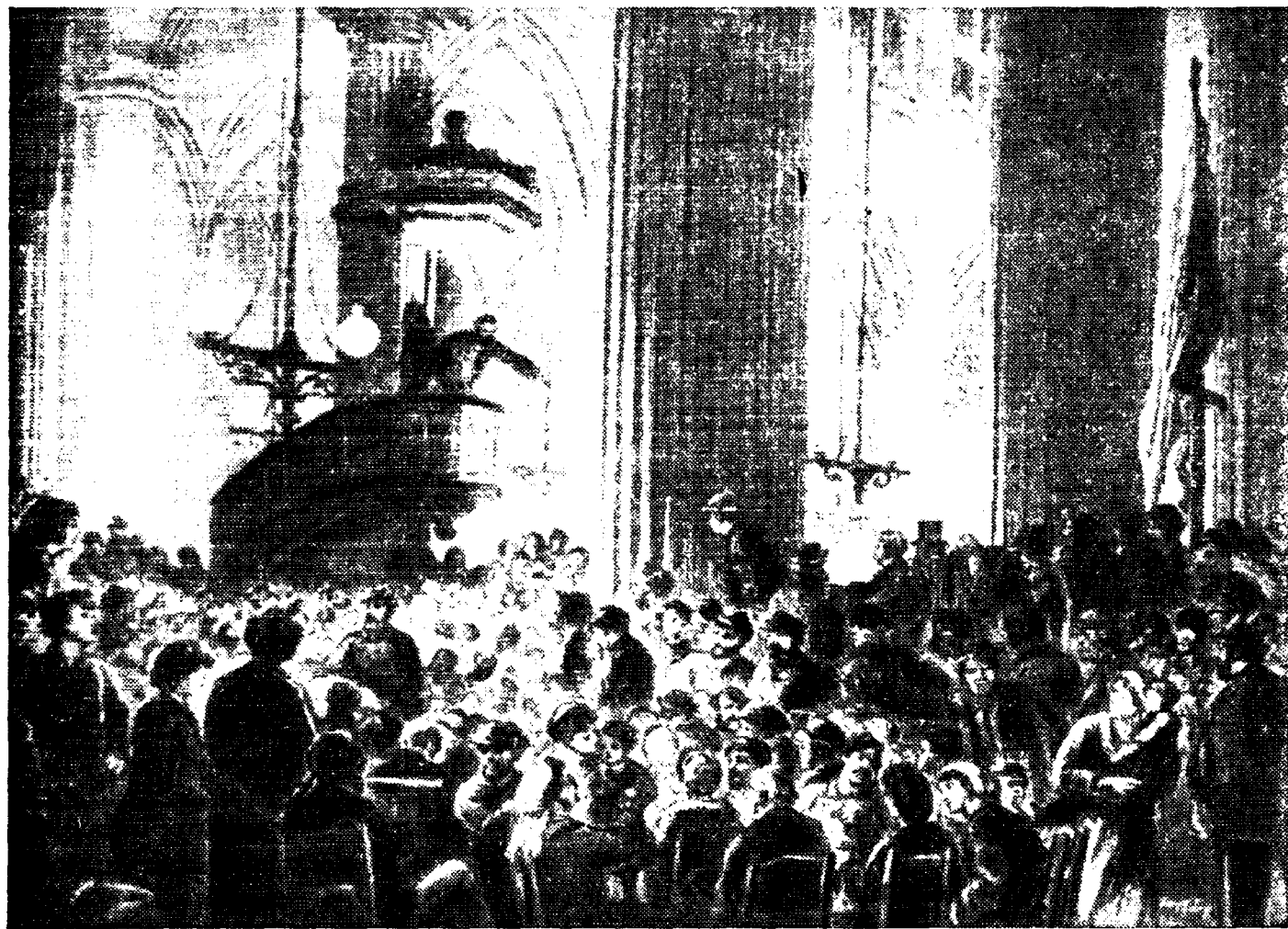
ских рабочих 31 октября 1870 года (когда была сделана первая попытка создать Коммуну) и восстание 22 января 1871 года были в значительной мере подготовлены широкой массовой агитацией клубов.

Именно клубы выставили ряд важнейших требований к правительству, которые смогла осуществить только Парижская коммуна. Так например требования о передаче мастерских рабочим кооперативам, об отсрочке квартирной платы, о реквизиции имущества буржуазии, покинувшей Париж, об умиротворении полицейской префектуры, об отмене бюджета церкви, о введении светского обучения и т. д. были вывешены рабочими клубами еще до Коммуны.

Правительство Национальной обороны после восстания 22 января прежде всего поспешило закрыть все парижские клубы. С этого времени вплоть до 18 марта (то есть до провозглашения Коммуны, которая отменила запрещение клубов) клубы были лишены возможности развернуть свою деятельность.

2

С первых дней существования Коммуны старые, излюбленные помещения клубов и собраний: Медлицинская школа, зал Мольера, театр «Серафен», «Казино» на улице

Парижская коммуна. Заседание граждан в церкви «св. Николая-на-полях».

Кафе и др.—снова были открыты для народа. С этого времени особенно широко использовались помещения церквей для заседаний клубов и собраний. Около 20 парижских церквей было в той или иной мере использовано для собраний, причем в 12—15 церквях заседания клубов и собраний происходили регулярно.

Ряд церквей был целиком использован под клубы, в других Коммуна разрешала богослужения в дневные часы с тем, чтобы по вечерам церковь использовалась под клуб или собрание. Обычно под клуб отводилось все помещение церкви, стол президента помещался перед алтарем, кафедра проповедника служила кафедрой для ораторов. Над алтарем на время заседания клуба вывешивалось красное знамя Коммуны. В церкви Сен-Пьер в Монруже были сделаны специальные перегородки, и церковь была разделена между членами клуба и верующими. Клубу было отведено центральное место, а пономари передали главный алтарь, часовни (приделы) и подземелье. Главным входом пользовались посетители клуба, боковыми дверями—верующие. Но скоро произошло столкновение членов клуба с верующими, церковные ключи были отобраны Коммуной, и церковь была целиком передана клубу. В тех церквях, где церковные службы были прекращены, красное знамя висело все время и церковное помещение специально приспособлялось для клубной работы.

Вход в клубы бывал чаще всего бесплатный, иногда при входе собирали на тарелку по 5—10 сантимов.

Из массы парижских клубов особенно выделялись: клуб в церкви «св. Николая-на-полях», «Клуб революции» (в церкви Сен-Бернар), клуб «Социальной революции» в Батиньоле (в церкви Сен-Мишель) и др.

Из клубов, размещенных в гражданских помещениях, наибольшей популярностью пользовались клубы в Мелиппинской школе, в зале Мольера, в зале «Марсельеза», во «Дворце чудес» и др.

Среди клубов был «Клуб женщин-патриоток», не имевший постоянного помещения и собиравший своих членов в разных местах.

В небольшой церкви «Потр Дам де Плезанс» (в 14-м округе) был организован клуб Национальной гвардии. Главной темой обсуждения в этом клубе был вопрос о мобилизации средств для обороны Парижа. Именно в этом клубе обсуждались мероприятия по изготовлению бомб Орении.

Одним из наиболее влиятельных был клуб, помещавшийся в церкви «св. Николая-на-полях» (на улице Сен-Мартен). Члены этого клуба сперва собирались в небольшом зале Мольера, а затем пе-

Парижская коммуна. Вселение бедняков в конфискованную у буржуазии квартиру.

Музей революции СССР.

ренесли свои заседания в эту очень обширную церковь. Первое заседание клуба в церкви состоялось 25 апреля, собралось до 5—6 тысяч человек. С 4 мая было разрешено присутствовать на заседаниях клуба женщинам.

Заседания начинались и кончались хоромым пением «Марсельезы». Этот клуб издавал свой бюллетень, в первом номере которого говорилось: «Народ управляет сам через свои публичные собрания, через свою печать; оказывая давление на своих представителей, они никогда сами не пойдут слишком далеко по революционному пути».

Задача клуба формулировалась так: «Коммунальный клуб имеет целью бороться с врагами наших коммунальных прав, наших свобод и республики; защищать права народа, давать ему политическое воспитание, дабы он мог управлять сам собою, напоминать нашим избранныкам о принципах, если они их забудут, и поддерживать их во всем, что они предпримут для спасения республики, в особенности же провозглашать суверенитет народа, который никогда не должен отказываться от своего права контроля над действиями своих уполномоченных» (А. Молок «Очерки быта и культуры Парижской коммуны», стр. 67).

О революционной решимости и бдительности массы членов этого клуба говорит резолюция от 30 апреля, которая требовала введения закона о подозрительных, уста-

поведения коммунальных заседаний, где избиратели могли бы требовать отчета у своих избранных, лишения гражданских прав торговцев, которые прекратили торговлю из-за недоверия к Коммуне, расстрела всех граждан, которые откажутся служить республике с оружием в руках.

Среди ораторов этого клуба были члены Коммуны: Жоанар, Амуру, Везинье.

Очень важными были также клуб в церкви Сен-Мишель в Батиньоле. Этот клуб всегда был переполнен; среди собравшихся в нем было много женщин. Здесь часто выступали видные члены Коммуны — Шален, Малон, — член Интернационала Комбо и др. Особенно часто выступал здесь председатель батиньольской секции Интернационала Легалите.

Буржуазные элементы подготовили взрыв этого клуба, но аббат этой церкви отговорил организаторов этого покушения, опасаясь разрушения здания.

В церкви «Сент-Амбруаз» (на площади Вольтера) был организован «Клуб пролетариев» («Club des prolétaires»). В нем перед началом каждой заседания на кафедре поднимали красный флаг, по окончании его снимали и уносили. Здесь продавалась газета «Пролетарий». Председателями и членами бюро клуба были Морель, Верье, Давид (он же редактор газеты «Пролетарий»), капрал Гетье и др. Секретарем бюро клуба была прачка Андро. Из ораторов, выступавших в клубе, выделялись члены ЦК Национальной гвардии Брюнель и Дюваль, директор тюрьмы Рокетт — Франсуа, — сапожник Диран. Последнее заседание клуба происходило 23 мая, уже во время «красавой недели». В дни боев клуб был использован как склад оружия, пороха, бомб и пр. Помещение клуба было занято версальцами только 28 мая.

Вот два свидетельства очевидцев, враждебных Коммуне, о характере выступлений в клубах.

Протестантский пастор Эмонд де Прессансе, описывая открытие клуба в церкви св. Николая-на-полях, пишет: «Церковь была освещена, как в дни больших праздников; громадная толпа заполняла центральный неф и боковые приделы, шумная и гогочущая толпа приветствовала неистовыми аплодисментами всякое резкое предложение. Присутствовало много женщин, многие с детьми на руках. Бюро заседало у алтаря, и председатель звонил в колокольчик, употребляемый при обедне. Ораторы входили на кафедру. Один из ораторов по повелю декрета о ломбардах требовал, чтобы заложенные вещи были целиком переданы бедным, а вещи богатых отобраны у них. Одна из гражданок воскликнула: «Вот это хорошо! За это-то я и люблю Коммуну!» Другая ораторша вы-

ступала против церкви, обвиняя ее в «тупости, лживости, в эксплуатации народа» (E. de Pressensé «Les leçons du 18 mars 1871», p. 65—66).

Другой очевидец — писатель Эмонд Гонкур, — описывая открытие клуба в церкви «Сент-Эташ» (7 мая), говорит, что присутствовавшие не проявляли никаких признаков святотатства. Один из ораторов говорил об «ответственности членов Национального собрания за войну и предлагал заставить их отвечать своим имуществом. Второй требовал применения террора к врагам Коммуны, третий — обысков у буржуазии. Член Коммуны Диран, разъясняя смысл декрета о выдаче заложенных в ломбард вещей, говорил, что коммунары — не «partageux», то есть не сторонники всеобщего дележа имущества, что самое главное — разрешить социальную проблему, изменить условия жизни рабочих» («Journal des Goncourt». Вторая серия. Т. I, стр. 293—294).

В конце заседания клуба все присутствовавшие пели хором «Марсельезу» и другие революционные песни, обычно под орган.

3

Особенно активную деятельность клубы развернули в конце апреля и в первой половине мая. В начале мая была создана «Федерация клубов»; во главе ее стоял комитет, в который вошло по 3 делегата от каждого клуба. В воззвании комитета Федерации клубов выставлялись такие задачи: «1) защищать республику и поддерживать принципы Коммуны; 2) обсуждать предложения и посылать Коммуне те решения, которые будут одобрены комитетом; 3) держать повсеместную связь с Коммуной, получать от нее все сведения о военных действиях и сообщать их по клубам». Ко времени опубликования воззвания 11 клубов уже присоединились к комитету Федерации («Vengeur» № 39 от 7 мая).

Социальная революция, создание нового общества, свержение буржуазии — вот та нейтральная тема, которая постоянно обсуждалась в клубах, на собраниях, в любом месте.

Известный комитетор Базо рассказывает, как два коммунара сказали ему на улице: «Прикончим реакцию, спасем социальную» (то есть социальную революцию).

В одной из самых аристократических церквей Парижа — «Сен-Рош» — однажды, во время воскресной службы, какой-то старик стал кричать: «Да здравствует Ком-

Парижская коммуна. Заседание женского клуба в церкви Сен-Жермен Локсеруа.
Рисунок Ликса

муна! Да здравствует социальная революция!» Верующие ринулись к выходу.

Лозунг социальной революции часто раздавался в клубах и в народных собраниях, но содержание, вкладываемое в этот лозунг, было еще очень неопределенным: обычно речь шла не о социалистическом строе, а о довольно туманной программе социальных и революционных мер, направленных на обуздание буржуазии, на расширение прав трудящихся.

Идеи научного социализма Маркса — Энгельса были в Париже в то время еще мало известны. Пролетарская масса знакомилась с социалистическими теориями через мелкобуржуазные учения социалистов-утопистов, бланкистов, прудонистов и т. п. В дни Коммуны, по словам Ленина, «социалистический пролетариат делился на многие секты» (Ленин. Т. XII, стр. 163).

Рабочему классу нелегко было преодолевать эти многочисленные ошибочные теории, мешавшие ему утвердиться на позициях научного социализма.

Однако в клубах и на собраниях очень часто ставился коренной вопрос о ликвидации эксплуатации человека человеком.

Вот как, например, характеризовал новое общество председатель клуба в церкви

«Сент-Элуа»: «Мы создадим новое общество, общество по-настоящему демократическое и социальное, где никогда не будет ни бедных, ни богатых, потому что богатые, если они останутся, будут обязаны отдавать все свое добро бедным (продолжительное «браво», неистовые аплодисменты и галло: «Надо начать с того, чтобы обуздать Ротшильда») (Fontouliéu «Les églises de Paris sous la Commune», стр. 62). Одна из ораторш в клубе в церкви «Трините» говорила: «По-нашему, в первую очередь надо покончить с социальным бездельем, с эксплуатацией рабочих хозяевами, которые богатеют рабочим потом. Делай хозяев, которые считают рабочих какой-то производственной машиной!

Пусть рабочие объединяются в ассоциации, соединяют свой труд, и они станут счастливыми. Другой язвой современного общества являются богачи, которые только пьют, забавляются и ничего не делают. Их надо выкорчевать с корнем так же, как попов и монахов. Мы не будем счастливы, пока не исчезнут хозяева, богачи и лены» (там же, стр. 272).

Луиза Мишель в клубе «Сен-Сюльпис» говорила: «Пришел великий день, решающий день для освобождения пролетариата либо для его порабощения. Больше смелости, граждане, больше энергии, граждан-

ки,—и Париж будет наш! Для народа это вопрос жизни или смерти».

Одна из парижских работниц выступила в клубе в районе Пасси со следующими смелыми словами: «Коммуну мы теперь имеем и никогда от нее не откажемся... Наш враг, буржуа, будет уничтожен. Не будет больше ни попов, ни буржуа. Кто жиреет от народного пота? Буржуа. Кто строит пышные хоромы в то время, как народ живет в жалких мансардах? Кто отказывается драться в то время, как Версаль избивает народ? Опять-таки буржуа. Нет, нет, нет, не нужно ни буржуа, ни попов. Пусть церкви превратятся в мастерские, а буржуа и попы пусть трудятся. Нет, не нужно ни монахинь, ни монахов: это бездельники. Они толкуют о боге, о небе, но разве они когда-нибудь его видели?» (Valatier «Paris insurgé», стр. 23).

Клубы выносили решения об обуздании буржуазии, о конфискации ее имущества. В клубе, помещавшемся в церкви «св. Николая-на-полях», было выдвинуто ставшее популярным в массах требование о том, чтобы контрибуция пруссакам была оплачена «имуществом и золотом тех, кто бежал от осады и не хотел драться за свободу». Тот же клуб требовал конфискации имущества всех, кто имеет ренту свыше 6 тысяч франков в год.

Троэль (председатель клуба в церкви «Сен-Северен») в письме к Риго (руководителю префектуры Коммуны, а затем прокурору Коммуны) сетовал на слабость Коммуны и заявлял, что будь он членом Коммуны, он добился бы того, чтобы «прикончить буржуазию одним ударом». Для достижения этой цели надо, по его мнению, овладеть Французским банком, расстрелять всех, кто не пойдет на фронт, передать 200 миллионов в кассу Интернационала, обеспечить семьи раненых и убитых, вернуть немедленно все заложённые в ломбарде вещи, дать по 5 тысяч франков волонтерам.

Неправильная политика Коммуны по отношению к банку, ее непоследовательность в деле экспроприации буржуазии, а также излишняя терпимость к ней вызывали недовольство народных масс, требовавших более решительных мер. Как и Маркс осуждая эту непоследовательность, Ленин писал: «Пролетариат остановился на полпути: вместо того, чтобы приступить к «экспроприации экспроприаторов», он увлекся мечтами о водворении высшей справедливости» (Ленин. Т. XII, стр. 163).

В клубах раздавались возгласы с требованиями применения террора по отношению к имущим классам.

В клубе при церкви «Сен-Кристоф» (или, как обычно говорили, в «Клубе Кристофа»)

сапожник Сильдман требовал ареста всех «реактов» (то есть реакционеров). Собрание поддержало это требование криками: «Долой богатей!»

В клубе «Сен-Северен» (5-й округ) Мартен, содержатель молочной, один из популярных, постоянно выступавших ораторов, требовал «конфискации всей собственности, разрушения всех дворцов и замков и казни буржуазии».

Клубы поддерживали решения и декреты Коммуны, а также не раз проявляли собственную инициативу, внося свои дополнения или изменения в постановления Коммуны. Так например клуб в церкви «Сен-Бернар» предложил упразднение магистратуры (то есть судебных чиновников) и аннулирование кодекса законов, передачу всех работ и подрядов Коммуны в руки различных рабочих организаций, закрытие публичных домов и т. д. Клуб требовал видоизменения декрета Коммуны о ломбардах, предложив новый текст, а именно: «Заложённые в ломбардах вещи возвращаются бесплатно, но только защитникам города и тем лицам, которые имеют на это право по своему положению» (газета «Paris libre» от 14 мая).

Клуб «Сен-Жермен Оксерруа» требовал введения удостоверений о гражданстве («Cartes de civisme»), как в 1793 году. Коммуна позднее ввела нечто вроде удостоверений личности.

Исключительно интересно выступление одной прачки, проработавшей 40 лет без отдыха и не имевшей возможности отдохнуть даже в новый год и на пасху. Она говорила: «Если бы я была правительством, я бы устроила таким манером, чтобы и рабочие могли в свою очередь отдохнуть. Я бы заставила построить дома за городом, где бы рабочие могли бы отдохнуть (конечно, не все сразу) и чуточку развлечься. Если бы народ имел каникулы, как и богачи, он бы так не жаловался. Вот что я вам хотела сказать, граждане» (L. Ваггон «Sous le drapeau rouge», стр. 81—82. P. 1889).

Эта мечта парижской прачки о праве трудящихся на отдых не могла быть осуществлена Парижской коммуной, являвшейся первой попыткой пролетариата установить свою рабочую власть. Право трудящихся на отдых смогла осуществить только победоносная пролетарская диктатура в СССР, закрепившая это право в Сталинской Конституции.

Еще накануне Коммуны парижские рабочие требовали ликвидации ряда учреждений буржуазного государства: полиции, постоянного войска, бесконтрольного чиновничества,—отделения церкви от государства и т. д. Ряд решений этого рода Коммуна провела, разрушая таким образом

старый аппарат буржуазного государства и создавая новый.

Интересно, что даже по проведении Коммуной декрета об отделении церкви от государства пролетарское население Парижа требовало более решительных мер борьбы против церкви. Ненависть трудящихся масс Парижа к церкви, к попам, к монахам была очень велика. Католическая церковь своей контрреволюционной ролью не меньше чем полиция и чиновничество заслужила эту ненависть народа. Католические попы, выступая в роли своеобразной тайной полиции государства, пытались держать в своих руках мысли и чувства народа; они действовали через проповеди и исповеди, через обучение в школе, через монахинь, засевавших в больницах, через благотворительные общества.

Когда в дни Коммуны первая церковь была отобрана у духовенства и посвящена Марату (в качестве усыпальницы великих людей Пантеона), весь Париж праздновал победу и радовался, что вместо креста на куполе и на фронтоне церкви развевается красное знамя.

Для характеристики отношения народных масс Парижа к религии и к попам интересны выступления ораторов клуба в церкви «Сен-Сюльпис». Один из ораторов говорил, поднимая лицо к куполу церкви: «Бог небесный, которого называют всемогущим, — ты только ложь, ты не существуешь. Если ты существуешь, я подстрекаю тебя и вызываю тебя. Если ты не простой трус, ты опустишься на этот алтарь, который мы оскорбили, и я вонжу кинжал в твоё сердце».

В ряде клубов принимались решения об арестах и даже об истреблении попов и монахов. Народ поддерживал требование казни архиепископа, арестованного Коммуной в качестве заложника.

Клуб в церкви «Сен-Бернар» требовал, чтобы монахини в лазаретах были всюду заменены светскими сестрами и нянями, так как монахини «оскорбляют защитников Коммуны своими словами и действиями».

Клубы предлагали ввести светское образование, свободу развода, гражданский брак и т. д. Гражданка Леблон (в клубе при церкви «Сент-Элизабет») внесла предложение установить пенсию для многолетних женщин, учитывая необходимость иметь для родины защитников.

Особенно большое внимание уделяли клубы вопросам обороны Парижа, обсуждая на своих заседаниях вопросы о методах борьбы, средствах вооружения, о борьбе с дезертирством и т. д.

Клубы были единодушны, требуя непримиримой, без компромиссов, борьбы против версальцев. Они яростно разоблачали

соглашателей, выступавших время от времени в парижской печати и в разных организациях Парижа с компромиссными предложениями. Так например 1 мая делегация клуба в церкви «св. Николая-на-полях» заявила Коммуне, что всякий, кто закнётся о перемирии с версальцами, — изменник.

Клубы решительно выступали против дезертиров. В клубе при церкви «Тринитэ» старуха, прозванная «матушка Дюшен», предлагала применять самую беспощадную меру против дезертиров. «Надо беспощадно карать всех, кто противится Коммуне, — говорила она, — надо заставить всех мужчин идти на фронт, а отказывающихся расстрелять. Если завтра расстреляют сотню дезертиров (а это немного)... вы увидите, что послезавтра массы людей пойдут служить Коммуне... Наше правительство хочет поджарить яичницу, но разбивая яич, — это невозможно. Напротив, надо разбить еще много яиц».

Женщины призывали своих мужей смело идти в бой за Коммуну, и сами вступали в ряды бойцов Коммуны. Натали Лемель, которая перед войной вместе с Варленом организовывала кооперативную столовую «Мармит», говорила в клубе при церкви «Тринитэ»: «Мы подошли к великому моменту, когда нужно уметь умереть за родину. Долой слабость и неуверенность! Все в бой! Все должны выполнить свой долг! Надо разлавить версальцев!» Она сама сражалась на баррикадах на площади Пигаль и затем была арестована и сослана.

Известная «Матрасница» из клуба при церкви «Тринитэ» предлагала производить реквизиции вещей в богатых кварталах, что совершенно не практиковалось во время Коммуны. «Матрасница» указывала на то, что «в наших лазаретах нет ни белья, ни матрацов, а это все имеется в домах богачей... Наши мужья и наши братья, защищая Париж, часто не имеют самого необходимого, в то время как другие имеют все в избытке. Надо всех уравнивать при помощи обысков и реквизиций».

В клубах обсуждали вопрос об изготовлении вооружения, бомб и т. д. В клубе при церкви «Сен-Мишель» была оглашена петиция 200 национальных гвардейцев, предлагавшая организовать выделку обрабатывающих снарядов в борьбе против версальцев.

Клубы занимали значительное место в системе организации Коммуны. Видные работники Коммуны и ее члены регулярно выступали на заседаниях клубов. В клубе при церкви «Сент-Эташ» выступали члены Коммуны: Шампи, Шардон, Бланше, Люран, Виар, Везинье, Вердюр. В клубе при церкви «Сен-Бернар» же раз вы-

ступал заместитель Риго — Ферре; в частности он говорил о необходимости казни заложников. В клубе при церкви «св. Николая-на-полях» выступали члены Коммуны Амуру, Жоаннар, Везинье. В клубе при церкви «Сен-Мишель» (Батиньоль) постоянными ораторами были члены Коммуны Комбо, Шалеп, Малон, член Интернационала Комбо и др. Про Комбо говорили, что «это был самый любимый оратор и его слушали с особенным вниманием. Он говорил неснеша, выбируя свои выражения и хорошо округляя свои периоды... Он не останавливался ни перед каким средством ради торжества восстания».

Шалеп был тоже очень хорошим оратором, и ему часто аплодировали. Он был не только членом Коммуны, но и делегатом в 17-м округе по организации труда, поэтому он пользовался особым влиянием.

В клубе при церкви «Сен-Поль-Сен-Луи» выступали: член Коммуны Арну, активные члены Интернационала Эжен Дюкар, Аме и др. В клубе при церкви «Сен-Пьер» выступали члены Коммуны Билльоре, Авуан-сын и др.

Сотни других ораторов выступали в клубах, борясь за дело Коммуны. Многие из них играли крупную роль в округах, являясь организаторами дела обороны Парижа, энергично борясь против врагов Коммуны. Здесь были и начальники и рядовые Национальной гвардии, рабочие и мелкие торговцы, интеллигенты, артисты. Среди ораторов и организаторов клубов было много женщин.

В клубе церкви «Сент-Эташ» выступал бланкист Троэль, участник революционных выступлений 4 сентября, 31 октября и 22 января. Троэль провел в революционном комитете 8-го округа резолюцию об образовании Комитета общественного спасения; это решение затем было принято и Коммуной. Когда 5 мая предатель и шпион Люлло (бывший несколько дней главным командующим Национальной гвардией и фактически помогавший Тьеру) выступал в клубе с нападками на Коммуну, Троэль схватил его за горло и отвел в префектуру. Троэль часто председательствовал и в клубе «Сен-Северен». Он ставил вопрос перед Коммуной о захвате Французского банка.

Одним из организаторов клубов был известный парижский доктор Тони Муален, человек радикальных взглядов, расстрелянный версальцами во время кровавой недели. Выдающимися организаторами клубов были хромой Руссо (погибший на баррикадах Коммуны) и таможенный служащий Диоран (получивший 5 лет тюрьмы). Эти два человека активно участвовали в организации ряда парижских клубов при

церквях. Руссо был первым председателем клуба при церкви «Сен-Сюльпис».

В этом же клубе выступал по экономическим и финансовым вопросам рабочий-переплетчик Люк; здесь же выступали два брата — сапожники Алеман.

В клубе при церкви «Сен-Северен» особенно выделялся вдохновенный и блестящий оратор Жансуле, организатор батальона волонтеров.

В клубе «Сен-Мишель» (Батиньоль) среди ораторов выделялись: старик, прозванный «папаша Дюшен», зарабатывавший себе на пропитание игрой на скрипке на балах, и сапожник Брекье, работавший в полицейской префектуре Коммуны. Они выступали очень резко и нередко критиковали действия Коммуны.

В клубе при церкви «Сен-Пьер» (Монруж) председателем был парикмахер Дарденн, преданный революционер. Во время кровавой недели он обстреливал версальцев с колокольни. Из других членов этого клуба широкой известностью пользовались Даморре, ломовой извозчик, назначенный начальником 15-го дельмона, Миар, секретарь-корреспондент секции Интернационала в Монруже, и итальянец Ринци, изобретший «трещеский огонь» для борьбы против версальцев.

В клубе при церкви «Сент-Элизабет» (Тампль) среди ораторов был ряд офицеров добровольческих отрядов (Лари, Де-Кервано из отряда «Мстителей Парижа» и др.), странствующий доктор Марио Спани, Жан Адриен, капельмейстер Коммуны, руководивший оркестром во время шествий маршевых рот к укреплениям, во время похорон, концертов в пользу раненых и т. д.

Во многих клубах выступали ветераны — участники июньского восстания 1848 года, например Дюбар (клуб Элуа), Берре (клуб Сен-Жан) и др.

Исклнчительную активность проявляли женщины: они не только усердно посещали клубы, но часто выступали. Во многих клубах признанными руководительницами были женщины.

В клубе при церкви «Сен-Мишель» «царицей трибуны» была прачка Лефевр с улицы Лесжантр. Это была высокая худая женщина, несколько смуглая, с горящими глазами. Ее муж был одним из комиссаров клуба. Она носила красный шарф и револьвер за поясом. Она выступала почти каждый день, говорила резко и предлагала самые крайние меры. Враги говорили о ней: «Эта прачка была ужасной женщиной; она была фанатически предана Коммуне, опьянена гражданской войной, любила восстание, как другие любят мужа, ради защиты красного знамени она была готова на всякое самопожертвование, но и на всякие эксцессы...

В другой обстановке и при других обстоятельствах она могла бы совершить героические подвиги» (Fontoulieu «Les églises de Paris sous la Commune», стр. 224—225).

Это действительно была одна из героинь Коммуны. Она погибла, сражаясь на баррикадах на улице «des Dames».

В «Клубе пролетариев» (в церкви «Сен-Амбруаз») выступала знаменитая «Матрасница» 40 лет, с мужественным голосом. Когда она появлялась на трибуне, наступала мертвая тишина. Особенно яростно она выступала против церкви и против пэнов.

В клубе при церкви «Сен-Элуа» выступали 58-летняя Тереза, одна из участниц восстания 1848 года, Катерина Рожиссар, участница женского батальона 12-го округа, гражданка Валантен, о которой говорили, что она 22 мая застрелила своего мужа за то, что он отказался идти на баррикады.

В клубе при церкви «Сен-Жан-дю-О-па» выделялась 23-летняя Мария Гюйар, работавшая в лазаретах Коммуны. 27 мая, при расстреле заложников, она шла со знаменем. Она была приговорена версальцами к смерти.

В клубе «Нотр-Дам-де-ла-Круа» (в Менильмонтане) было много женщин-ораторов: Поль Меньк (часто выступавшая и как председатель), Селестина Кларю (22 лет), приговоренная к смертной казни за участие в расстреле заложников тюрьмы, Робетт, Франсуаза Сильман, жена сапожника, Клемантина Сюже, разносчица хлеба (арестованная, без суда расстрелянная версальцами), и др.

Парижский народ выделил из своей среды десятки и сотни замечательных людей, которые повседневно пропагандировали в массах дело Коммуны и своей творческой революционной инициативой оказывали практическую помощь Коммуне в ее борьбе за пролетарскую диктатуру.

* * *

Регулярно действующие массовые организации парижского пролетариата в лице

клубов и народных собраний имели большое значение. Они сыграли огромную роль в деле объединения верных Коммуне элементов парижского населения. На клубные собрания являлось ежедневно 15—20 тысяч активных граждан столицы.

Клубы и народные собрания были теми пунктами, где пропагандировались декреты Коммуны и намечавшиеся ею мероприятия. Здесь сообщались все последние известия с фронта, из зала заседаний Коммуны и т. д. Это были те массовые организации, которые формировали общественное мнение вокруг Коммуны.

В клубах развертывались самекритика и общественный контроль над действиями Коммуны, над деятельностью ее руководителей. Клубы дружески, а иногда и очень сурово осуждали те или иные решения Коммуны; они поднимали перед Коммуной новые вопросы и предложения, выявляя настроения трудящихся масс Парижа.

Клубы обсуждали дела своего округа, контролировали деятельность членов муниципальных комиссий, работу местных батальонов Национальной гвардии. Во главе клубов стояли обычно хорошо известные в округе революционные деятели. Клубы были особенно нужны для укрепления местной работы в мэриях и округах Коммуны.

Таким образом, клубы в период Коммуны были одной из важнейших форм организации масс и выявления их нужд и требований.

Наряду с печатью клубы и народные собрания служили могучим средством активизации пролетарских масс, их приобщения к политической жизни. Осуществляя связь Коммуны с широкими народными массами, они цементировали пролетарскую диктатуру.

Замечательные ораторы и организаторы, выступавшие в клубах и народных собраниях, лучшие сыны и дочери парижского пролетариата стремились направить эти массовые организации на борьбу за разрушение буржуазного государства, за победу пролетариата.

Борьба шведских крестоносцев против Финляндии (XII—XIV века)

1

Древнейшие достоверные известия о Финляндии относятся к середине XI и началу XII века.

Что представляла собой Финляндия в XI—XIII веках? Об этом периоде мы знаем очень мало, особенно мало известно о внутренней жизни, о социальных отношениях финских племен.

На основании знаменитого эпоса «Калевала», русских летописей и скандинавских хроник можно сделать вывод, что в XI веке в Финляндии еще господствовал первобытно-общинный строй. Правда, первобытно-общинный строй переживал уже свою последнюю стадию. Ко времени шведского завоевания (XII—XIII века) в Финляндии уже существовало в качестве особого уклада патриархальное рабство.

До шведского завоевания в Финляндии классовое общество еще только начало складываться. К этому времени выделились лишь родовая знать, родовые и племенные вожди и старейшины, управлявшие отдельными финскими племенами.

Наиболее важные вопросы жизни рода и племени решались на народных собраниях. Эти собрания, носившие название «Käijät», выносили решения о походах и набегах на соседние области и племена, судили членов племени и рода за преступления.

Основным занятием населения Финляндии было подсечное земледелие (классическое описание подсечного земледелия сохранила нам «Калевала»). Но бесплодная, каменистая почва Финляндии при примитивных методах обработки земли не могла полностью прокормить земледельцев. Жители Финляндии прибегали к вспомогательным промыслам, из которых главным было рыболовство. (Еще в I-м тысячелетии до нашей эры рыболовство было важнейшим источником существования финнов). Значительную роль играла и охота в обширных финских лесах. Охота давала ценный товар— меха, на которые был большой спрос у чужеземных купцов.

Население Финляндии состояло из трех основных племен: суми, еми и карел

(такие названия племен дают русские летописи).

Племя карел и его территория нам хорошо известны. Это предки современных карел, занимавшие территорию нынешней Карелии, берега Ладожского озера, Карельский перешеек и юговосточную часть нынешней Финляндии до реки Кюммене.

Труднее определить территорию племен сумь и емь. Эти племена сейчас не существуют: они слились, и из них образовался финский народ. По данным одной лишь русской летописи, как это делали раньше, нельзя определить их территорию. В результате изучения всей совокупности источников историки Финляндии сумели более или менее точно определить характер расселения финских племен.

Племя сумь занимало югозападное побережье Финляндии, т. е. южную часть побережья Ботнического залива и западную часть берега Финского залива, у самого выхода в Балтийское море. Слово «сумь» — это приспособление к русскому произношению финское слово «суоми», собственное название племени сумь. При слиянии племен сумь и емь в один финский народ финны стали называть словом «суоми» свой народ и свою страну.

Племя емь занимало основную часть финской территории, побережье Финского залива, примерно от нынешнего города Хельсинки до реки Кюммене, и всю внутреннюю часть страны. Емь — это главное племя, то основное ядро, из которого и возник финский народ.

Соприкосновение русских с финскими племенами относится к глубокой древности. Уже в IX веке карелы южного Приладожья входили в состав Новгородской земли. Карельское Приладожье переживало в IX—XI веках тот же процесс разложения родового строя и создания классового (феодалного) общества, что и соседние русские земли. Процесс общественного развития в более северных районах Карелии, лежащих в стороне от основных торговых путей, протекал гораздо медленнее. Лишь в XIV веке, судя по археологическим данным (Равдоникас В. И. «Возникновение феодализма в Карелии». «Карело-Мурманский край» № 3 за 1931 год), в северном Приладожье мы

встречаем значительную имущественную дифференциацию, свидетельствующую об образовании классового общества. До XIV века основные районы Карелии (и Финляндии) переживали еще стадию разложения родового строя.

Присоединение к Новгороду районов Карелии к западу и северу от Ладожского озера начинается, вероятно, в X веке. К концу XI века эта часть Карелии уже полностью входила в состав новгородских владений, поскольку к этому времени Новгород облагал данью земли племени емь, в которые можно попасть из Новгорода только через западные районы Карелии. Включение Карелии в состав новгородских владений заканчивается к началу XIII века.

Проникновение новгородцев на территорию племени емь началось сразу же после обложения данью западных районов Карелии, в конце XI века. Когда и как это произошло, мы сказать точно не можем, как не можем ответить на этот вопрос и по отношению ко всем другим областям, платившим дань Новгороду. Причина этого кроется в особом, специфическом характере новгородской колониальной политики, коренным образом отличавшейся от шведской и немецкой колониальной политики в Прибалтике в XII—XIV веках и от колониальной политики большинства других феодальных государств. История сохранила мало сведений о походах новгородцев для покорения той или иной страны и племени. Видимо, включение соседних стран и племен в состав новгородской государственной системы происходило не в результате больших завоевательных походов, а иным путем, в результате малых походов или даже просто переговоров между вождями племен и представителями новгородской администрации. Родоплеменная знать северных и прибалтийских племен была заинтересована в установлении мирных взаимоотношений с Новгородом, ибо тем самым налаживалась регулярная торговля основными богатствами Севера — мехами; эта торговля служила для местной родоплеменной знати прекрасным средством обогащения. Наконец, для племен Финляндии и Прибалтики, для емь, карел, чудь-эстов, ливов, покровительство Новгорода означало защиту от захватнических стремлений шведских и немецких феодалов.

Новгородская колониальная политика в Прибалтике отличалась от колониальной политики других феодальных государств Европы не только методами присоединения, но и методами управления подчиненными племенами.

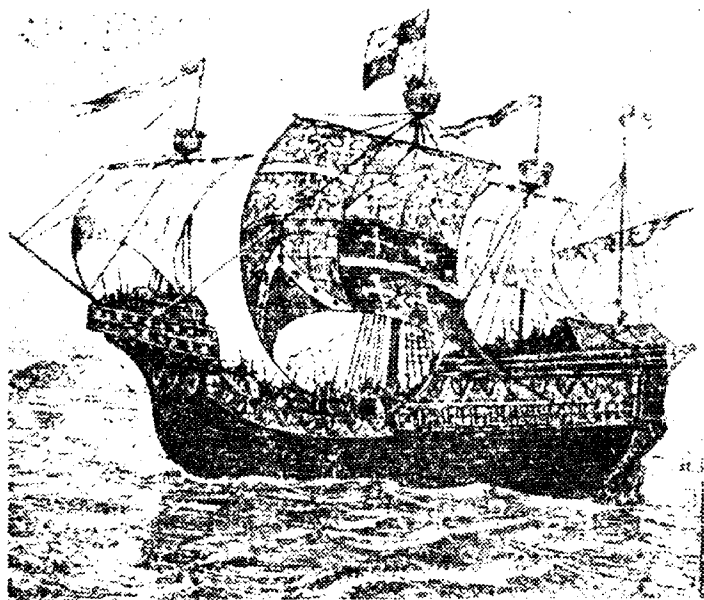
Шведы требовали от покоренных племен дани, поголовного крещения в католическую веру, особых податей для католической церкви, передачи церкви земель-

ных угодий, вводили по всей стране шведскую администрацию и стремились к превращению местного населения в феодально-зависимых крестьян; Новгород же в своих прибалтийских владениях ограничивался взиманием дани. Правда, летопись под 1227 годом сообщает о крещении карел князем Ярославом Всеволодовичем, однако насильственная христианизация местных племен, видимо, не занимала существенного места в колониальной политике Новгорода. Генрих Латвийский в своей «Хронике Ливонии» XIII века прямо указывает на эту отличительную черту новгородской колониальной политики: «Русские короли, покоряя оружием какой-либо народ, обыкновенно заботятся не об обращении его в христианскую веру, а о покорности в смысле уплаты податей и денег» (Генрих Латвийский «Хроника Ливонии», Л. 1938, стр. 140.) Новгородцы сохраняли в стране местный уклад жизни, местную, племенную администрацию; в новгородских прибалтийских колониях этого времени не было (или почти не было) русских правительственных чиновников, русских войск, русских поселков и крепостей. Сборщики дани были единственными представителями новгородского правительства в Финляндии.

В свете изложенных фактов становится совершенно очевидным, что новгородское владычество в этих странах было значительно более легким чем последующее владычество западноевропейских феодалов. Именно поэтому прибалтийские племена: ливы, эсты, карелы, емь — вместе с русскими вели борьбу против иноземных захватчиков.

Особый характер новгородской колониальной политики облегчал широкое распространение новгородского владычества по всему северу Восточной Европы. Благодаря тому что новгородцы ограничивались (во всяком случае, в первое время, XI—XIII веках) лишь сбором дани с подчиненных племен, они смогли захватить при весьма ограниченных людских ресурсах колоссальную территорию: от Финляндии до Уральских гор и от Волги до Ледовитого океана.

Но новгородская колониальная политика имела и другую сторону: в подчиненных странах не строились укрепленные пункты и крепости, в них не было постоянных новгородских гарнизонов. Это значительно облегчало завоевание этих стран войсками западноевропейских государств и рыцарских орденов, именно поэтому так легко и быстро были завоеваны ливы, чудь-эсты, емь, западные районы Карелии. Летописцы сохранили нам сведения о нескольких походах новгородцев на емь. Эти

Шведское военное судно XII века.

походы вызывались отпадением племени емь от Новгорода.

Самый факт отпадения финских племен от Новгорода заключается лишь в отказе племени платить в дальнейшем дань. Выход из-под власти Новгорода был выгоден на определенном этапе развития местной племенной знати, стремившейся удержать дань у себя, превратить ее в постоянный источник дохода, использовать для укрепления своей власти. Племенная знать в стране Чудь, в стране более высоко развитой, естественно, делала подобные попытки чаще, племенная знать более отсталой страны Еми — реже.

Новгородские бояре, понимая непрочность своих позиций в стране Еми, жестоко подавляли попытки отпадения, чтобы отбить у финской знати охоту делать подобные попытки в будущем. Карательные походы новгородских дружин, имевшие цель восстановить зависимость Еми от Новгорода, сопровождались обычно жестокими репрессиями. Так, в 1191 году «ходиша Новгородци с Карелою на Еми, и воеваша землю их, и пожгоша, и скот и зсекоша» (Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. III. Новгородская 1-я летопись, стр. 20); в 1227 году «иде князь Ярослав с Новгородци на Еми, и повоева всю землю, и полон приведе без чела...» (Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. III, стр. 41).

Однако выступления против власти Новгорода были сравнительно редкими. Характерны же для этого времени не эпизодические конфликты с Новгородом, зафиксированные в летописи, а долгие годы мирного совместного сожительства русских и еми в составе одного государственного объединения. В эти годы финская племенная знать, через посредство которой проходил, вероятно, сбор дани, пользовалась поддержкой новгородского

правительства. Отдельные представители финской племенной знати даже включались в состав новгородского правящего класса, так в 1219 году новгородским тысяцким был избран Семен Еми (см. ПСРЛ. Т. III, стр. 37), представитель родовой знати племени емь.

Подчинение племени емь было лишь одним из этапов продвижения новгородцев на север и северозапад.

Если проследить это продвижение шаг за шагом, то получается весьма показательная картина. Так, в X и в начале XI века подчиняются Новгороду карелы северного Прибалтия и Карельского перешейка. К концу XI века облагается данью племя емь. В течение XII века подчиняется вся северная Карелия. В конце XII и начале XIII века — Кольский полуостров. В середине XIII века новгородцы уже собирают дань с саамов Финмаркена (Johnsen «Finmarkens politiske historie», Kristianie, 1923). Совокупность перечисленных нами фактов говорит о том, что это были случайные территориальные приобретения. Это был непрерывный процесс, который вел к включению в состав Новгородского государства всех стран на север и северозапад от Новгорода.

Этот процесс был остановлен шведским завоеванием.

2

Завоевание шведами Финляндии не было единовременным актом. Это был длительный и сложный процесс, растянувшийся почти на полтора столетия.

Вопрос о внутренних причинах, о социальных корнях шведской экспансии на восток еще совершенно не разработан. Та мотивировка шведских завоеваний, которая существовала в буржуазной исторической науке, сейчас же выдерживает никакой критики.

Шведские завоевания на востоке носили форму крестовых походов и совершались под лозунгом крещения язычников в католическую веру. Именно так изображались эти походы в средневековых шведских хрониках. Дворянские и буржуазные историки Швеции и Финляндии в этом отношении недалеко ушли от средневековых хронистов. Крещение язычников в их трудах представлялось как главная цель завоевательных походов шведских феодалов. Самые завоевания выставлялись в этих трудах как явление глубоко прогрессивное, несущее свет «переловой», европейской культуры «диким» народам восточной Прибалтики.

Что крещение язычников было лишь удобной ширмой, прикрывавшей совершенно иные цели, явствует из следующих двух фактов.

Во-первых, сама Швеция к моменту первого «крестового похода» (1157 год) отнюдь не была еще вполне христианской страной. Христианизация Швеции началась около 1000 года и закончилась лишь в XIII веке. В XII веке значительная часть населения Швеции еще поклонялась языческим богам. Мало того, за 30 лет до первого шведского «крестового похода» успехи язычества в его борьбе против христианизации в Смоланде (область на юге Швеции) приняли настолько угрожающие размеры, что короли соседних государств — Дании и Норвегии — вынуждены были организовать «крестовый поход» против язычников в южную Швецию (Geueг «Histoire de Suède». I, p. 61. Paris. 1839). Король Эрик «святой» занялся внедрением христианства среди «диких» финских племен тогда, когда в его собственной стране значительная часть населения являла тайно еще поклонялась языческим богам.

Во-вторых, свои «крестовые походы» шведы предпринимали не только против язычников-финнов, но и против русских, хотя русские приняли христианство раньше чем шведы.

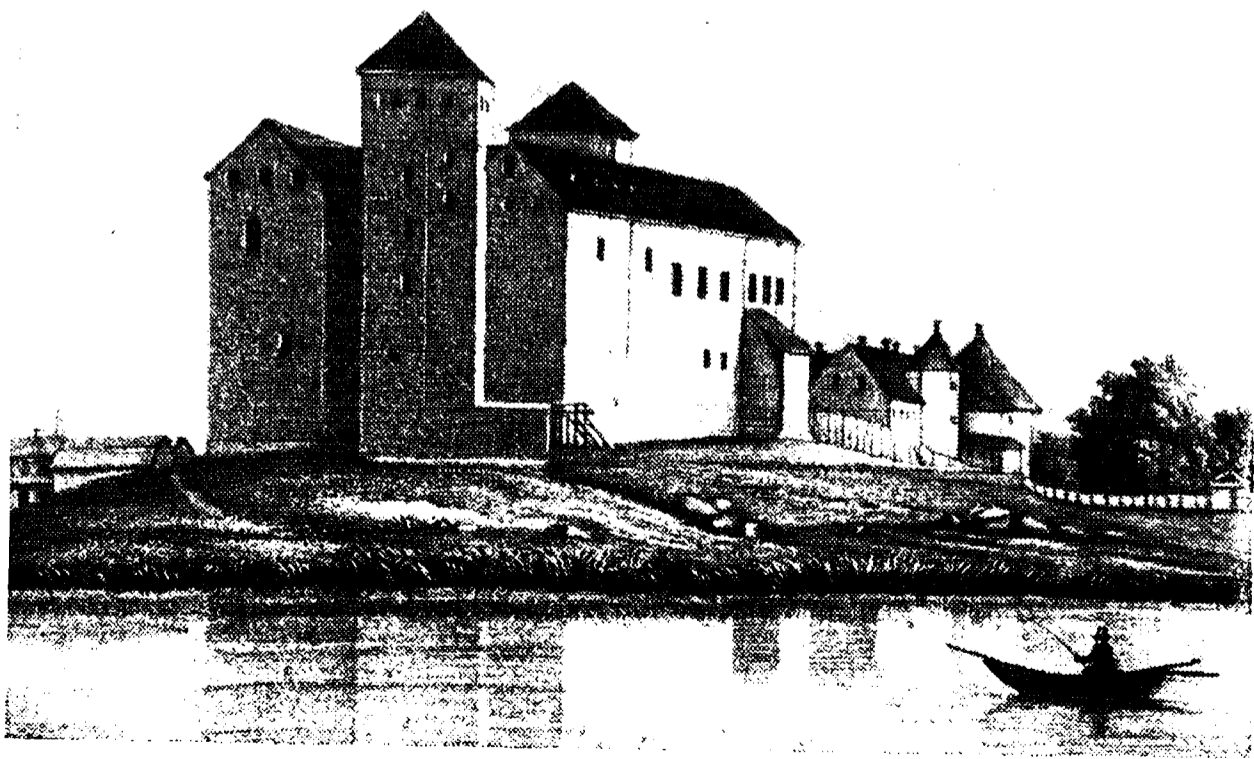
Эти факты ясно показывают, что шведские крестовые походы для обращения язычников в католическую веру были лишь удобной формой, скрывавшей какие-то иные, менее благочестивые цели. Истинные причины и цели шведской экспансии, видимо, надо искать не в богоугодных побуждениях отдельных государственных деятелей, а в социальных отношениях Швеции XII—XIII веков.

Особенностью социальных отношений средневековой Швеции была, как известно, большая сила шведского крестьянства. Сильное и многочисленное шведское крестьянство в жестокой борьбе с феодалами сумело отстаивать свои права. Швеция была одной из немногих стран феодальной Европы, в которой не было установлено крепостное право. Будучи ограничены в возможностях эксплуатации крестьянства в своей стране, шведские феодалы, священники и духовенство, начали захват чужих земель на восточном берегу Балтики. Там они рассчитывали найти для себя свободные земли и широкие возможности для закабаления и эксплуатации местных отсталых племен, которые не смогут сопротивляться закрепощению с такой силой и энергией, с какой сопротивлялись шведские крестьяне.

Таковы, видимо, истинные причины и цели шведских «крестовых походов». Жестокый кровавый характер шведских завоеваний лишь подтверждает высказанное нами мнение.

Завоевание Финляндии шведами началось в 1157 году. В этом году король Эрик «святой» с благословения папы совершил 1-й «крестовый поход» шведских рыцарей в Финляндию. Уже этот 1-й поход достаточно ясно показал, что несут шведские «крестоносцы» покоряемой стране.

Шведы высадились на берег в земле племени сумь, в районе нынешнего Або. Огромная толпа финнов молча и с недоверием наблюдала за высадкой непрошен-

Замок Або.

Гравюра с картины Рейнхольда. 1872 год.

ных пришельцев. Выйдя на берег, Эрик обратился к толпе финнов с предложением немедленно креститься, но получил отказ. Тогда началась резня. Плохо вооруженные финны не могли долго сопротивляться закованному в железо рыцарям. Большая часть «язычников» была перебита, остальным даровали жизнь ценой согласия на крещение. Таково было многообещающее начало шведского завоевания.

После того как в ряде битв племя сумь было покорено, Эрик отправился в обратный путь, оставив в Финляндии сильные гарнизоны.

Поход короля Эрика был первым этапом завоевания Финляндии. Только узкая полоса морского берега на югозападе Финляндии — земля племени сумь — была покорена шведами. В покоренной земле шведы построили замки и укрепления, в которых оставляли постоянные гарнизоны. На берегу Ботнического залива был построен мощный замок Або, центр шведского владычества в Финляндии. Таким путем закреплялась захваченная часть страны. Монахи, сопровождаемые отрядами рыцарей, раз'езжали по побережью и крестили финнов в католическую веру.

Характерный штрих из этой эпохи крещения Финляндии сохранили нам шведские источники. Епископ Генрих, глава шведской церкви, англичанин родом, руководивший крещением финнов и лично с особым усердием занимавшийся этим делом, был убит зимой 1158 года финном Лалли. Смерть епископа Генриха не была единичным случаем: следующих двух епископов постигла такая же участь. Спустя 50 лет папа Иннокентий III с горькой иронией отметил, что епископы в Финляндию посылаются «не столько для почетной кафедры, сколько для мученического венца». Эти факты ясно показывают, как относилось местное финское население к шведским захватчикам.

Шведские монахи не ограничивались крещением финнов: они захватывали лучшие земли, строили замки и церковные здания, облагали местное население специальными налогами в пользу церкви. Не отставали от них и светские феодалы. Правда, все это делалось в небольших масштабах, ибо захваченная территория была еще не велика. Но характер шведского завоевания, его отличие от подчинения финских племен новгородцам стал ясен уже после первого похода «крестоносцев». Шведские феодалы несли финнам крещение под угрозой смерти, захват лучших земель, установление феодального строя со всеми его «прелестями», жестокое угнетение широких масс финского населения, многочисленные налоги и поборы в пользу государства и церкви, установле-

ние новой, шведской администрации, которая заменила старых, племенных вождей и старейшин.

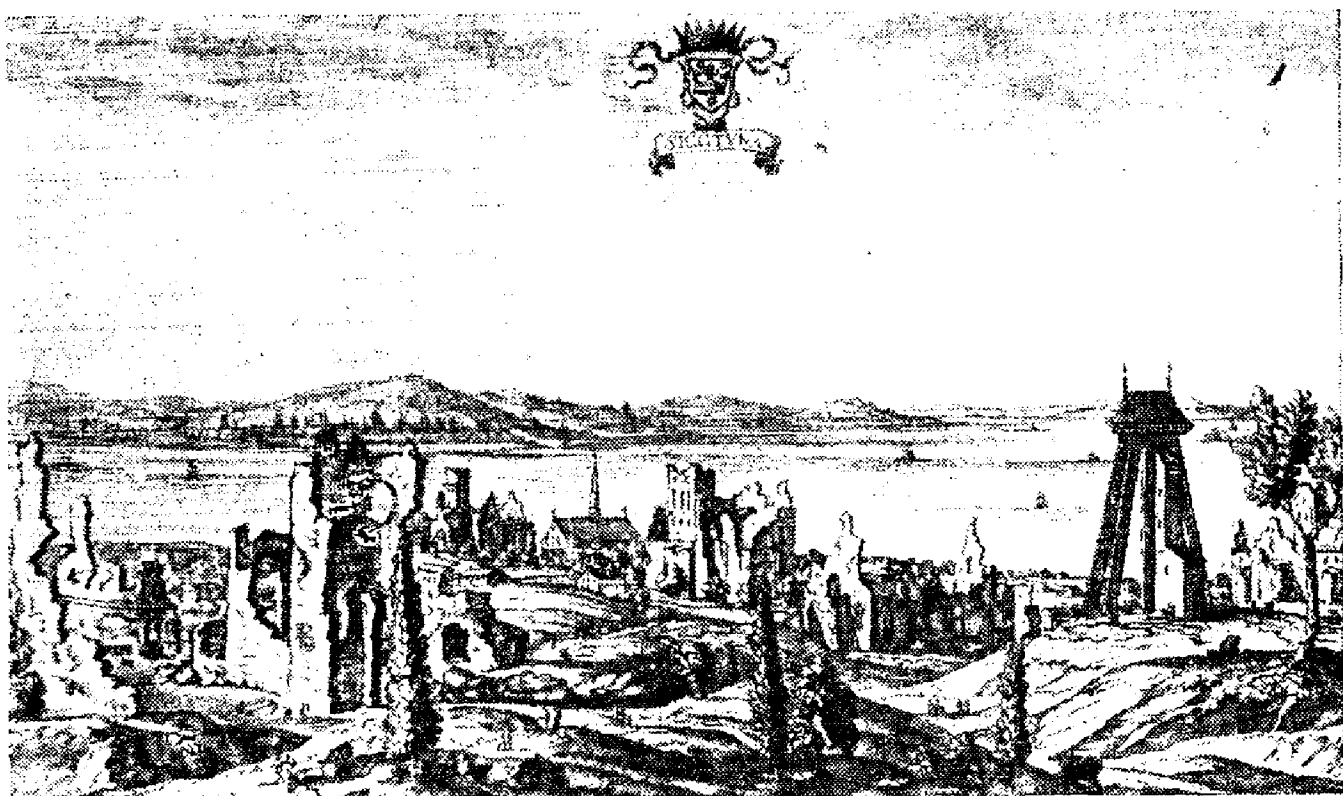
Финны очень скоро поняли это. Началась жестокая борьба финских племен против шведских захватчиков. В этой борьбе финны и карелы выступали совместно с русскими, которые с тревогой следили за укреплением шведов в стране, расположенной по соседству с Новгородом. Русские активно участвовали в этой борьбе, ибо шведская экспансия поставила под угрозу преобладающее влияние русских в Финляндии. Кроме того шведы, закрепившись на северном берегу Финского залива, стали угрожать безопасности основного торгового пути из Новгорода через Неву и Балтийское море во все страны Западной Европы.

Узкая полоса береговых шведских поселков все время трещала под пародом еми, карел и новгородцев. «Замкнутая» и покоренная сумь тоже все время волновалась и ждала только сигнала, чтобы восстать. Убийства епископов достаточно ясно свидетельствуют об этом. В такой обстановке, как правильно замечает Шюберсон (M. G. Schuybergson «Geschichte Finlands», S. 10. Gotha. 1896), шведы смогли удержать захваченную береговую полосу только при непрерывной помощи из Швеции.

Новгород снабжал оружием финские племена, борющиеся со шведами. В 1178 году новгородские власти подняли карел в поход против шведов. Большой отряд карел совершил набег на шведские колонии в земле Суми, взял в плен шведского епископа Рудольфа и увел его к себе в Карелию, где он был убит.

В 1187 году русско-карельский флот напал на хозяйственный и политический центр Швеции, город Сигтуну; большой, сильно укрепленный город был взят приступом и сожжен и с тех пор никогда уже не смог вернуть свое бывшее значение. Наконец, в 1198 году отряд новгородцев прошел огнем и мечом по шведским опорным пунктам в Финляндии и осадил замок Або, центр шведского владычества в этой стране. Замок Або был взят, захваченный в нем епископ Фольквинг убит, шведские гарнизоны крепостей и поселков югозападной Финляндии частью перебиты, частью разбежались и укрылись в лесах.

Но новгородский отряд был слишком незначителен, чтобы закрепить за собой завоевания в стране Суми. В своевременной присылке подкреплений русский отряд не был уверен потому, что Новгород был далеко, значительно дальше Швеции. Русский отряд ограничился разгромом шведских колоний и вернулся назад. Перед

Развалины Сигтуны.

Со шведской гравюры XVII века.

уходом новгородцы сожгли шведскую твердыню — замок Або.

После ухода новгородцев шведы слова заняли побережье. Но они долго не могли справиться от полученного удара. Больше 20 лет Финляндия оставалась без епископа (три первых епископа один за другим были убиты финнами, и после этого трудно было найти охотника занять столь опасный пост).

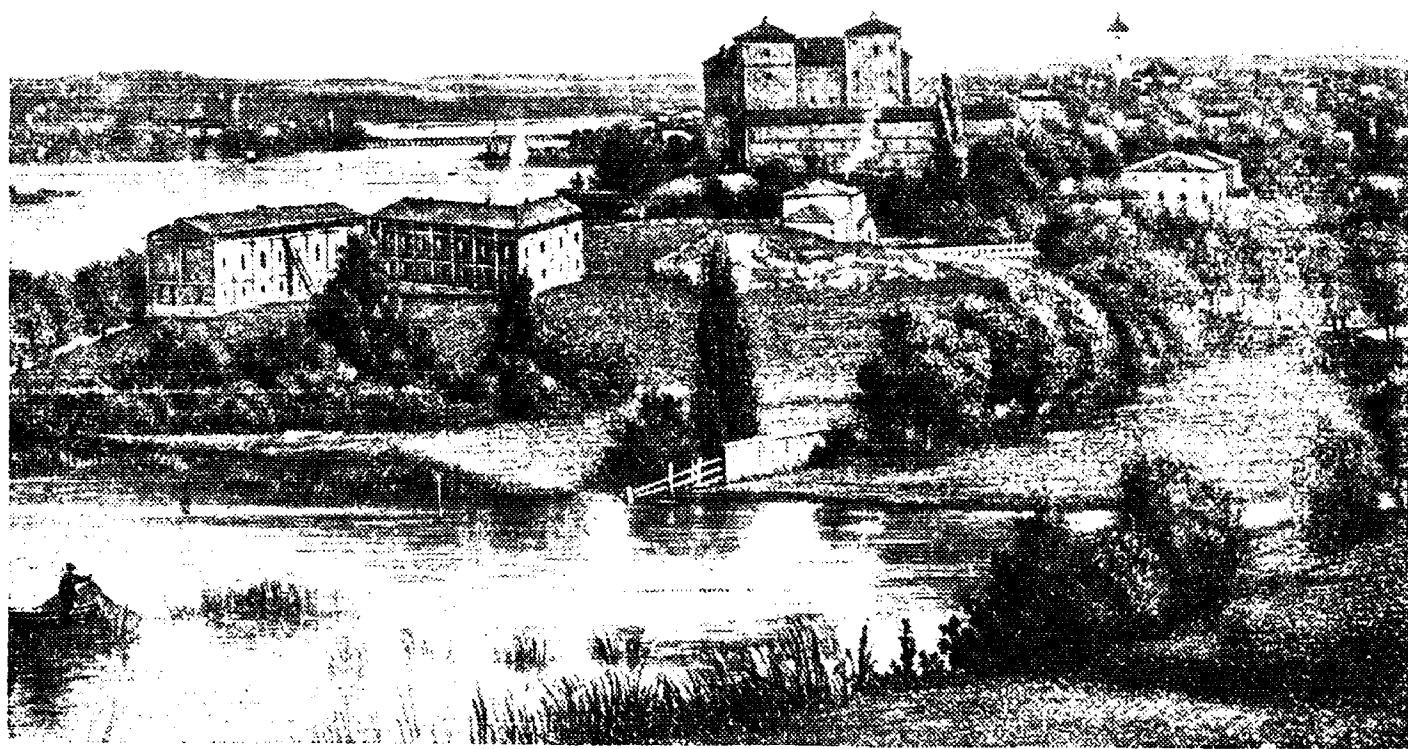
В 20—30-е годы XIII века наши источники отмечают значительное усиление Еми. Этот факт связан, повидимому, с ускорением процесса распада родовых отношений и с тем, что емь перенимала от соседей — русских и шведов — более совершенные вооружения и более совершенные методы ведения боя. В середине 20-х годов племенная верхушка еми вступила в конфликт с новгородскими властями. Поход новгородского князя Ярослава на емь в 1227 году не привел к возвращению этой страны под власть русских. А в следующем году емь напала на новгородские пределы.

Обострение отношений Новгорода с емью наряду с другими причинами объясняется успехами шведской католической пропаганды. В 20-е годы XIII века во главе завоеванной шведами части Финляндии встал крупный политический деятель, епископ Томас. Под его руководством шведские миссионеры сумели склонить значительную часть племени емь к принятию католической религии. Одновременно шведские миссионеры сумели настроить против русских правящую верхушку еми, в результате чего в середине 20-х годов XIII века

произошло временное отпадение страны Еми от Новгорода.

Дружественные отношения еми со шведами продолжались недолго. Еми очень скоро поняла, что несут с собой шведы, когда они от религиозной пропаганды переходят к установлению политического господства. Пример соседей и ближайших родичей еми, финнов из племени сумь, достаточно ясно показывал сущность шведского владычества. Уже в середине 30-х годов XIII века емь снова выступила на борьбу со шведами и совершенно изгнала католических миссионеров из своей страны.

События 30-х годов XIII века ярко описаны папой Григорием IX в его булле 1237 года. Там говорится: «Тавасты, которые долго-то с большим трудом и заботами Вашими (Папское послание (булла) обращено к главе шведской церкви) и Ваших предшественников были обращены в католическую веру, ныне усилиями врагов креста, своих близких, соседей, снова обращены к старому безверию и вместе с некоторыми варварами и с помощью дьявола дота уничтожают молодое насаждение церкви божией в Тавастии, малолетних, которым при крещении засиял свет Христа, они, насильно от этого света освобождая, уничтожают, некоторых заставляют до потери сознания кружиться вокруг деревьев (повидимому, это священные деревья, связанные с языческим культом тавастов), одних священников ослепляют, у других жестоким способом перебивают руки и прочие члены,

Замок Тавастус и часть города.

Гравюра с картины Мунстерхельма. 1872 год.

остальных, осыпав перлом, предают сожжению» («Finland Medeltidsurkundet». Т. 1, стр. 29. Helsingfors, 1910).

Булла 1237 года рисует картину упорной и беспощадной борьбы финнов из племени емь против наступления шведской церкви и «крестоносцев» на их страну.

Папа Григорий IX прямо указывает, что в своей борьбе емь пользуется помощью «врагов креста, своих близких соседей». Больше того, самое выступление еми на борьбу против шведов папа целиком объясняет влиянием этих «врагов креста». Кто скрывается под именем «врагов креста», догадаться нетрудно. В Прибалтике была в XIII веке только одна политическая сила, которая была способна поднять финнов против шведов и оказать финским племенам реальную помощь в их борьбе. Это был Новгород. В 30-е годы XIII века Новгороду удалось восстановить свое политическое влияние в стране Еми.

При поддержке Новгорода емь — тавасты — изгнала шведов из своей страны и настолько усилилась, что, судя по булле 1237 года, самое пребывание шведов в Финляндии оказалось под угрозой.

Булла 1237 года передает следующее, вероятно, при шведском дворе и дошедшее до самого Рима убеждение, что шведские владения в Финляндии не могут быть прочными, пока основное финское племя — емь — не покорено шведами. Более того, из буллы явствует, что если не будут приняты экстренные меры, то усиливающаяся емь скоро сможет вообще изгнать шведов

из Финляндии. И папа требует немедленного принятия этих экстренных мер: он обращается к шведам с призывом к новому «крестовому походу» для покорения племени емь.

Что посещение шведов к началу 2-го «крестового похода» было действительно крайне опасным и власть шведов в юго-западной Финляндии висела на волоске, свидетельствует указание финской хроник Юстена (Хроника Юстена, стр. 12).

Престарелый епископ Томаэ, о котором в источниках говорится как о человеке энергичном и мужественном, покинув в 1248 году свой пост, счел единственным спасением оставаться в Финляндии и отправился доживать свои дни на остров Готланд «из страха перед русскими и карелами».

Нашествие татар в 1237—1240 годах резко ослабило и обескровило Русь. Правитель шведов ярд Биргер попытался воспользоваться этим, чтобы захватить Новгород. Захват Новгорода был выгоден не только сам по себе, но и в плане борьбы за Финляндию. В случае захвата Новгорода шведами финские племена лишались могущественной русской поддержки в своей борьбе против завоевателей.

Поход ярда Биргера на Русь в 1240 году не имел успеха. Новгородский князь Александр Ярославич встретил шведов на Неве и разбил их наголову. Шведская экспансия на несколько лет была остановлена.

В 1248 году прибыл в Швецию на церковный собор в Селлинге папский легат кардинал Гильельмо из Сабинны. Гильельмо,

но всей вероятности, предложил Биргеру от имени папы потвориться с осуществлением «крестового похода» против тавастов (еми), обещая полную поддержку со стороны римской церкви (так, по крайней мере, предполагает Коскинен в своей «Finische Geschichte», стр. 37).

Шведы начали подготовку к новому «крестовому походу». В следующем, 1249 году наступил второй и основной этап завоевания шведами Финляндии и полного покорения северного финского племени емь.

Ярд Биргер собрал большое рыцарское войско и высадился на южном берегу Финляндии. Емь — тавасты — собрала все свои силы и в течение нескольких месяцев оказывала ожесточенное сопротивление завоевателям. Но закованые в железо рыцари, наступавшие большими массами, все время побеждали тавастов. Шведские завоеватели были беспощадны: они убивали всех, кто оказывался немедленно принять крещение.

К середине 1250 года страна Еми была покорена. Последние ее отряды вынуждены были сложить оружие.

Поражение еми в борьбе против шведов объясняется не только большой военной силой и лучшим вооружением «крестоносцев». Емь в этой борьбе была лишена могущественной поддержки из Новгорода, который после татарского нашествия, в связи с общим ослаблением Руси должен был на время отказаться от активной внешней политики на Западе.

Для закрепления завоеванной страны Биргер заложил в центре Финляндии, на берегу озера Ваная, мощную крепость Тавастгус; с той же целью Биргер заселил особенно стратегические пункты страны шведскими колонистами, которые должны были в случае восстания финнов немедленно выступить против них с оружием в руках. Колонистам и церкви отвели лучшие земли, отнятые у местного населения. Из шведских колонистов, из светских и духовных феодалов составилась господствующий класс покоренной страны. Население было обложено податьми в пользу государства и церкви.

Широкие массы финского населения в стране Еми сразу почувствовали разницу между новгородской и шведской властью. На чьей стороне были симпатии финнов, показывает с замечательной яркостью поход Александра Невского в страну Еми в 1256 году, через шесть лет после ее завоевания шведами. Поход 1256 года был ответом на попытку шведов и ливонских рыцарей закрепиться в устье реки Наровы, близости от Невы, основного пути новгородской внешней торговли. При одной вести о приближении Александра шведы и

датчане бежали. Не найдя врагов на Нарове, Александр перешел по льду Финский залив и пришел огнем и мечом по шведским владениям в стране Еми.

После кровавого шведского завоевания, когда большая часть финнов, способных носить оружие, была перебиты, Емь была совершенно обезкровлена. И тем не менее разрушение русской дружины в страну Еми послужило сигналом к восстаниям против шведского гнета. Восставшие финны помогали русским и содействовали успеху похода.

Папа Александр IV в булле 1256 года нарицает яркую каравану этого похода. Он рассказывает, что русские и каролы напали на шведское население в Финляндии в этом году, «бесчеловечно убили многих из верноподанных короля, много пролили крови, множество усадеб и земель перешли огню, подвергли поруганию святых и различные места, предназначенные для богослужения, многих, возмужавших благодатью священного патрисиала, привлекли, к несчастью, на свою сторону...»

В последующих словах речь идет о еми, только что крещенной насильственным образом шведами. При приближении Александра Невского финны-тавасты отказывались от католической религии и подымались на борьбу против шведского ига.

В короткие зимние дни, среди вьюг и метелей, небольшая русская дружина совершила поход по бездорожной стране с ее бесчисленными озерами и лесами, где за каждым деревом мог таиться враг. Финский народ, обезсиленный шведами, не мог оказать русским решающей помощи. В таких исключительно тяжелых условиях нельзя было думать об изгнании шведов из страны Еми. Александру пришлось ограничиться разгромом ряда шведских укреплений и поселков и повернуть назад.

3

В 90-х годах XIII века начался третий этап шведского завоевания Финляндии, затянувшийся на тридцать лет. Теперь объектом шведской экспансии были западные районы Карелии, издавна находившиеся под властью Новгорода. Эти районы имели большое стратегическое значение: западные районы Карелии и Карельский перешийек были ближайшими подступами к Неве, через которую проходила торговля Новгорода с Западной Европой. Обладание Невой было для Новгорода вопросом жизни и смерти: торговля с европейскими странами могла вести только тогда, когда Нева находилась в руках новгородцев. Поэтому борьба за западные районы Карелии носила особенно ожесточенный характер.

В 1293 году правитель Швеции Торкель Кнутсон отправился морем с большим войском в Карелию и высадился на берегу нынешнего Выборгского залива. Исходя из опыта предшествующих шведских походов, Торкель Кнутсон считал, что оптимальным пунктом при покорении какой-либо территории является постройка здесь укрепленных пунктов и крепостей, а также крещение местного населения в католическую веру. Именно так он и поступил в Карелии. Без труда подавив сопротивление со стороны прибрежных карелов, Торкель Кнутсон приступил к постройке мощной крепости, названной им Выборгом. Место для крепости было выбрано весьма удачно: небольшой островок в глубине Выборгского залива, в стратегическом центре западных районов Карелии. Когда строительные работы были закончены, Торкель Кнутсон отплыл с войском на родину, оставив в Выборге сильный гарнизон.

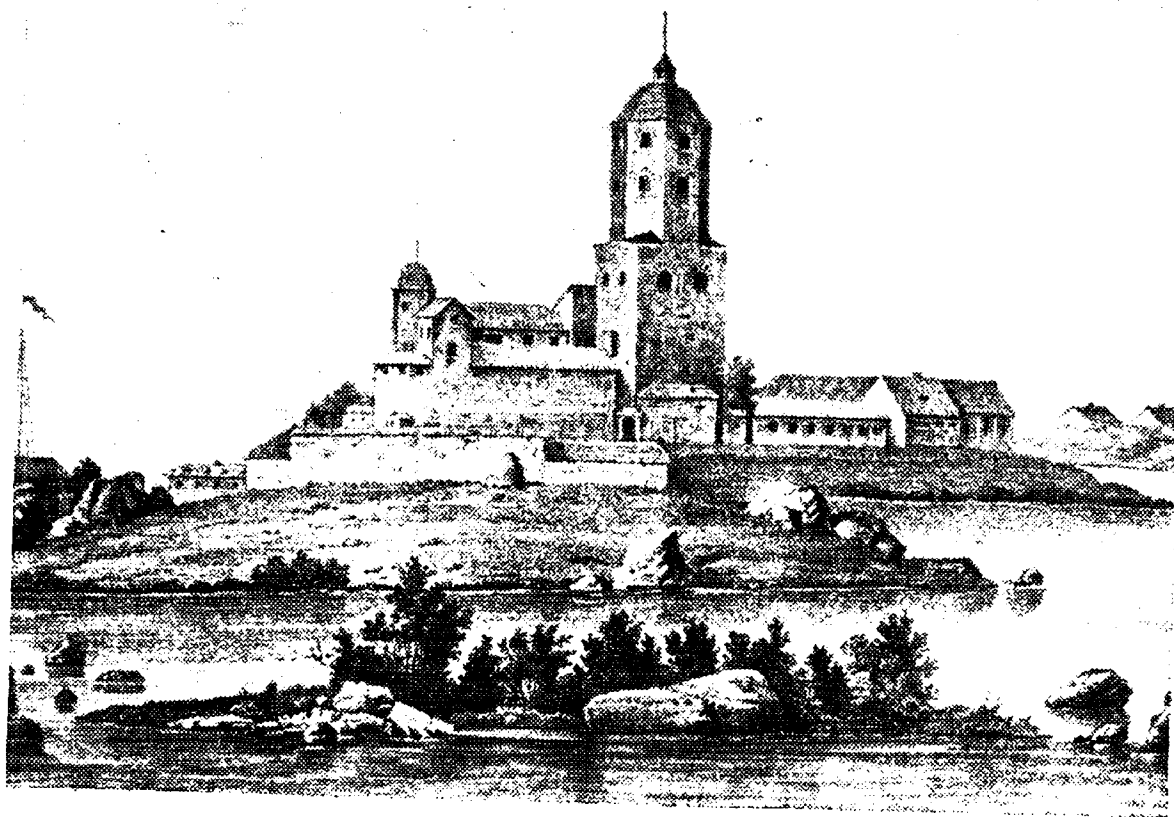
Захват шведами западных районов Карелии, появление вражеских войск на Карельском перешейке, на ближайших подступах к Неве, представляли серьезную угрозу для Новгорода. Нева, важнейшая торговая артерия древней Руси, в любой момент могла оказаться под ударом. Новгородцы не могли помешать постройке Выборгской крепости, ибо как раз в это время на территории Новгородской земли разгорялась междоусобная война между князьями Андреем Городецким и Дмитрием Череповецким за великое княжение. Но как только княжеская распря закончилась, новгородцы послали рать на Выборг. 10

марта 1294 года новгородцы пошли на приступ, но не имели успеха. А на следующую ночь началась весенняя оттепель — лед вокруг крепости растаял и между крепостью и берегом легла полоса воды. У осаждавших не было лодок — дальнейшая осада стала невозможной. Новгородцы отступили.

В последующие годы шведы расширили и закрепили свои владения в западных районах Карелии и на Карельском перешейке. В 1295 году они попытались закреститься в стратегическом центре восточной части Карельского перешейка, в устье реки Вуоксы (впадающей в Ладожское озеро). Здесь, на небольшом островке, шведы выстроили деревянную крепость Кекусольм. Но новгородцы, наученные горьким опытом, немедленно выслали рать, взяли и разорили шведскую крепость, перебив весь гарнизон. Восточная часть Карельского перешейка осталась в руках русских.

В 1300 году Торкель Кнутсон сделал попытку одним ударом закончить войну в пользу Швеции. С огромным войском он высадился на берегу Невы и в короткое время выстроил при впадении в Неву речки Охты мощную каменную крепость Лангскропа — Венец земли. Этим сразу достигались две цели: захват Невы закрыл русским доступ в Финляндию и западные районы Карелии, и обе страны закрепились за шведами, кроме того внешняя торговля Новгорода переходила под контроль шведов.

Сразу же в Новгороде была собрана тридцатитысячная рать, которая двинулась

Выборгская крепость.

С гравюры 1853 года.

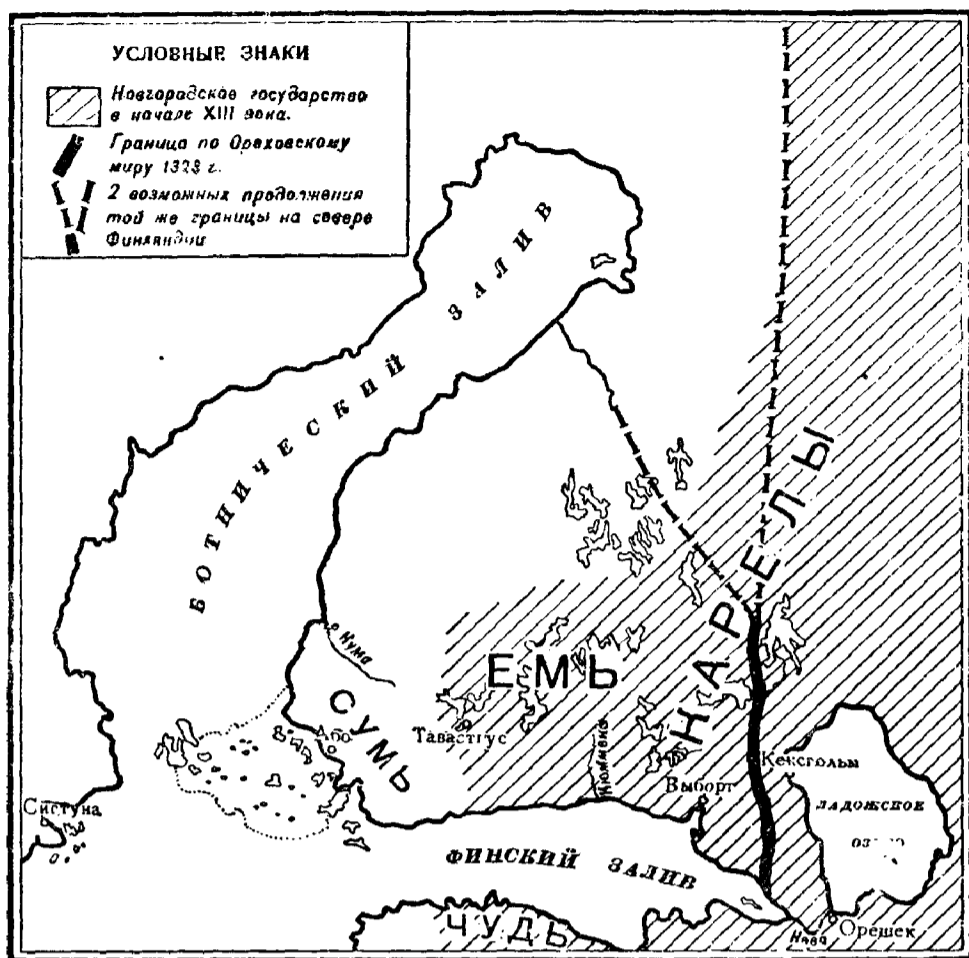

Схема расселения финских племен (начало XIII века).

в Неве. Но шведские рыцари, засевшие за крепостными валами, отбили нападение.

Осенью, по окончании постройки крепости, Торкель Кнутсон вернулся в Швецию. А весной снова пришли новгородцы, взяли неприступную Ландскрону и не оставили от нее камня на камне. Нева снова оказалась в руках русских.

Военные действия с обеих сторон продолжались. Русские не могли оставить врага на подступах к Неве; шведы, понимая это, хотели как можно прочнее закрепиться на Карельском перешейке. Военные действия в форме набегов с обеих сторон происходили в 1311, 1313, 1314, 1315, 1317 годах. В 1318 году новгородцы совершили сокрушительный набег на шведские поселения в югозападной Финляндии. Замок Або, оплот шведского владычества в Финляндии, был снова взят и сожжен; та же участь постигла Куусисто, замок шведского епископа (см. Хронику Юстена, стр. 15).

Набеги приносили огромный ущерб обеим сторонам, но не могли решить исхода войны в пользу того или иного противника, потому что они не меняли расстановку сил. Решить исход войны можно было только в результате большого, хорошо подготовленного похода.

Новгородским князем становится в эти годы Юрий Данилович, великий князь Московский, крупнейший политический деятель своего времени. Юрий Данилович

начал тогда великую историческую борьбу за объединение всех русских земель вокруг Москвы.

Он хорошо понимал, что, пока шведы будут находиться на Карельском перешейке, Нева, основной жизненный нерв новгородской торговли, останется беззащитной и открытой для вражеских нападений. Чтобы устранить угрозу, нужно было прогнать шведов с Карельского перешейка, отнять у них Выборг. И сразу же по приезде в Новгород, в 1322 году, князь Юрий начал готовить большой поход против шведов.

Поход был задуман как комбинированный удар на врага с юга и с севера. С юга, через Карельский перешеек, двинулась на Выборг новгородская рать с князем Юрием во главе. Одновременно была послана русская дружина на север для вспомогательного удара через Норвегию (тогда подвластную шведскому королю). Набег на северную Норвегию кончился полным успехом: русские прошли огнем и мечом провинцию Халогаланд, взяли и сожгли Бьерке, замок правителя Норвегии Эрлинга Видкунсона. Но на главном направлении военные действия шли менее успешно.

Русская рать в конце лета 1322 года подошла к Выборгу, заняла город и обложила крепость со всех сторон. Шесть стенобитных орудий в течение месяца бомбар-

дировали стены крепости. Но опромные каменные стены устояли: пробить брешь не удалось, поэтому приступ окончился неудачей. В это время прибыли тревожные вести из Руси: князь Дмитрий Михайлович Тверской добился в Орле ярлыка на великое княжение. Юрию пришлось отказаться от дальнейшей осады Выборга и спешно ехать на Русь, чтобы снова начать борьбу против Дмитрия Тверского за великокняжеский ярлык.

Дальнейшее продолжение войны стало бессмысленным, ибо ни шведы, ни Русь не имели в то время сил, чтобы предвзнуться вперед. Юрий Данилович вынужден был согласиться на мир, по которому каждая сторона оставляла за собой все, что находилось в ее руках к концу войны.

Мир был заключен 12 сентября 1323 года в только что построенной князем Юрием крепости Орешек (ныне Шлиссельбург) и получил название Ореховского. По мирному договору, в руках шведов остались захваченные ими три западных района Карелии: Ескис, Егреля и Саволак; русско-шведская граница устанавливалась на Карельском перешейке, по реке Сестре.

Таким образом, граница проходила в каких-нибудь 32 верстах от Невы, и основная русская торговая артерия на несколько столетий оказалась под постоянной угрозой врагов. Ореховский мир является одним из важнейших событий финской истории, так как он положил конец шведскому завоеванию.

На реке Сестре шведская агрессия была остановлена. Но вместе с тем Ореховский мир положил начало многовековому разделению Карельского перешейка на 2 части: финляндско-шведскую (западные районы Карелии) и русскую.

* * *

Граница Финляндии на Карельском перешейке оказалась в то же время все на той же реке Сестре, в каких-нибудь 32 километрах от Ленинграда, колыбели Октябрьской революции, крупнейшего после Москвы политического, хозяйственного и культурного центра нашей страны. Мирным договором между СССР и Финляндской республикой от 13 марта 1940 года эта граница отодвинута на достаточное расстояние к северу от Ленинграда.

Древнегреческая герма
(слева — Геродот, справа — Фукидид).

А. Бокщанин

ПЕРВЫЕ ШАГИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

(ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЕ ИСТОРИКИ V ВЕКА ДО НАШЕЙ ЭРЫ: ЛОГОГРАФЫ, ГЕРОДОТ И ФУКИДИД)

Энгельс, характеризуя значение культурного наследия древнегреческого общества для современной цивилизации, писал:

«...мы вынуждены будем в философии, как и во многих других областях, возвращаться постоянно к подвигам того маленького народа, универсальная одаренность и деятельность которого обеспечили ему такое место в истории развития человечества, на которое не может претендовать ни один другой народ» (Ф. Энгельс «Диалектика природы», стр. 72. 1932. 6-е изд.).

И действительно, какие бы отрасли современного знания мы ни взяли, мы почти всегда будем иметь дело с науками, основоположниками или, по меньшей мере, первыми систематизаторами которых были древние греки. В ряде других отраслей научных знаний, обязанных своим возникновением гению древнегреческого народа, одно из первых мест занимает историческая наука. Уже в самом своем названии *historia*, что есть «исследовавшие, разыска-

ние, расспрос», эта наука сохранила память о своем возникновении.

Стремление сохранить в памяти потомков важнейшие события прошлого возникло впервые на древнем Востоке. Многие из народов, обитавших в Передней Азии и в долине Нила, оставили надписи на стенах зданий и скалах, изображения военных походов, деяний царей и героев мифических рассказов. В Египте и в странах Передней Азии записывались не только сказания и легенды о деяниях богов и героев, но веленья и погодные записи выдающихся событий.

Однако древневосточные литературы не пошли в своем развитии далее легенд и зачатков летописей. Ученые писцы древневосточных стран оказались не в силах преодолеть архаические литературные формы. Честь создания исторической науки, в нашем понимании этого слова, принадлежит великим греческим историкам V века — Геродоту и Фукидиду. Краткому

описанию их жизни и творчества посвящен настоящий очерк.

1

Появление зачатков исторической науки было теснейшим образом связано с теми большими социальными изменениями, которые произошли в древнегреческом обществе около 550 года до нашей эры. В эту эпоху завершалась жесточайшая социальная борьба, кипевшая в большинстве греческих полисов (городов-государств) на протяжении второй половины VII и начала VI столетий. В результате этой борьбы в большинстве прибрежных и островных греческих общин, в первую очередь в полисах западного побережья Малой Азии — так называемой Ионии, — была сломлена власть древней родовой земельной аристократии. Политическое господство перешло к новым слоям рабовладельческого общества — торговцам и ремесленникам.

Массы земледельческого и городского населения (демос — простой народ) установили новый практический строй — демократию. В эту эпоху энергичные и предприимчивые мореходы и торговцы древней Греции завязали тесные связи со странами Востока. В отдаленных западных и северных землях возникли греческие колонии. Благодаря этому культурные слои населения стали интересоваться прошлым своей родной страны и окружающих ее стран.

Именно в это время греки начали противопоставлять себя соседним племенам и народам, которых они называли «варварами» (то есть иностранцами, не говорящими по-гречески).

В этот период в Ионии появились первые греческие писатели, занимавшиеся описанием прошлого. В истории они известны под именем логографов, то есть авторов прозаических рассказов. Эти писатели собирали и записывали существовавшие до них рассказы об основании греческих городов, о происхождении и судьбах отдельных родов и племен. Подражая, по словам географа Страбона, эпическим поэтам, логографы собирали сказания местных племен, частично передававшиеся изустно, частично же записанные жрецами храмов.

Логографы, повидимому, почти не занимались критическим разбором или обработкой материала, который они собирали. Они ставили своей целью точно передать своим современникам все известное им о древних временах. Зачастую они под влиянием жрецов вкрапывали в свои рассказы описания чудес и «божественных знамений».

Логографы интересовались событиями прошлого не только греческих, но и соседних племен. Некоторые из них совершали далекие путешествия, считая, что лучшим способом изучения чужеземных стран и народов является личное знакомство с ними. В сочинениях логографов география была неразрывно связана с историей. Некоторые из логографов могут быть названы в равной мере предшественниками и современных географов и современных историков.

До нас дошло около 30 имен логографов, но сочинения их почти не сохранились. До нашего времени дошли только обрывки из работ логографов в ссылках и цитатах других, более поздних греческих писателей. Позднейшие греческие историки не всегда точно передавали цитируемые ими тексты, а предпочитали пересказывать их содержание своими словами. Согласно античной традиции, старейшим из логографов, жившим около 540 года до нашей эры, был Кадм из ионийского города Милета, будто бы написавший книгу об основании своего родного полиса. О нем мы знаем очень мало. Сочинения его не сохранились, и уже в древности высказывались сомнения в реальности его существования.

Несколько позже, во второй половине VI века, Агузмай из маленького беотийского городка Аргоса собрал и записал ряд местных мифов. Он назвал свое произведение «Генеалогиями». Кроме того нам известно имя Скилака, который будто бы служил начальником флота у персидского царя Дария I Гистаспа и исследовал по его поручению побережье Индийского океана. Результаты своих путешествий Скилак изложил в сочинении «Перипл», то есть «объезд, плавание кругом».

Аристотель, читавший это произведение, сообщает, что рассказы автора содержали географические описания и сообщения о нравах населения тех областей, которые посетил древний мореплаватель.

Наиболее известными из логографов были Гекатей из Милета и Гелланик из Митилени. Первый из них, роившийся в середине VI века, значительную часть своей жизни провел в путешествиях по Европе, Азии и Ливии (так называли в то время греки северное побережье Африки). Гекатей был современником восстания ионийских греков против Персии. Он сыграл крупную политическую роль в событиях своего времени. Зная по своим путешествиям огромные силы персидского государства, Гекатей усиленно советовал своим землякам не начинать борьбу с персами. Когда же вопреки его советам восстание началось и после первых успе-

хов греки начали терпеть неудачи, Гекатей посоветовал оставить Понию и отступить на остров Лерос, который должен был, по его мысли, сделаться центром сопротивления. И на этот раз его советы были отвергнуты, но Гекатей после взятия Милета (494 год) и разгрома восставших не отвернулся от своих земляков. Он вел переговоры с персидскими сатрапами и добился у них смягчения участи побежденных. Свой богатый жизненный опыт Гекатей обобщил в двух больших произведениях: «Описание земли» и «Генеалогии».

«Описание земли» наряду с географическими данными содержало и большое количество исторических сведений. «Генеалогии» представляли собой изложение истории мифических родов, с которыми греки связывали свое происхождение, начиная с первого человека—Девкалиона.

Гекатей в основном следовал традиции, но в то же время он первый попытался отнестись критически к описываемым им событиям. Это ясно видно из сохранившихся начальных слов его произведений: «Гекатей из Милета говорит так: я пишу про эти события так, как это мне кажется верным, потому что рассказов у эллинов много, но они мне кажутся смешными». Однако критическое отношение Гекатея к историческому материалу было еще крайне робким, оно выразилось лишь в стремлении писателя устранить из мифов сверхъестественный элемент и сделать их более или менее правдоподобными.

Второй из наиболее известных логографов—Гелланк из Митилеи, живший в V столетии до нашей эры,—написал ряд работ. Наиболее известная из них—история Аттики с древнейших времен до эпохи, в которую жил сам автор. Кроме того он написал обзоры истории Беотии, Аргоса, Фессалии и жизнеописания отдельных мифических героев, как например Девкалиона.

Но все же не логографы положили начало исторической науке, в нашем понимании этого термина. Их произведениям не хватало широких философских обобщений, единого, строго продуманного плана. Именно эти качества отличают от их творений труд их младшего современника—Геродота из Галикарнаса.

* * *

Сочинения Геродота были огромным шагом вперед по сравнению с работами логографов. Их появление не было случайностью. Начало V столетия ознаменовалось героической борьбой греков за независимость родины, против персидского нашествия.

Победоносное окончание войны с персами и изгнание вражеской армии не только с территории европейской части Эллады, но и из прибрежных местностей Малой Азии имели большие и плодотворные последствия для развития греческого общества. В течение пятидесятилетия, последовавшего за греко-персидскими войнами, Афины подчинили себе большинство островных и прибрежных греческих полисов, в том числе и понийские города Малой Азии, и стали наиболее мощным из греческих городов-государств.

Вождь афинской демократии Перикл способствовал не только развитию экономического и политического могущества Афин, но и стремился превратить свой родной город в культурный центр Эллады. Он покровительствовал художникам, архитекторам, философам и привлекал в Афины наиболее одаренных из своих современников. Недаром Маркс указывал, что «Высочайший внутренний расцвет Греции совпадает с эпохой Перикла...» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. I, стр. 180).

Блестящее экономическое, политическое и культурное развитие Афин пробудило у населения Аттики и других греческих государств интерес к недавнему прошлому—к эпохе победоносной освободительной борьбы с персами. Появилась потребность в литературном труде, который описывал бы эти события. Таким трудом и была «История» Геродота, написанная в совершенно отличной от логографов манере.

Родина Геродота, дорийская колония Галикарнас, расположенная на южном берегу Малой Азии, очень рано сблизилась с соседней Понией. Судя по надписям, сохранившимся от V столетия до нашей эры, население Галикарнаса говорило и писало не по-дорийски, а на понийском диалекте греческого языка. На этом же наречии написан труд великого греческого историка.

Родился Геродот около 484 года до нашей эры. Его детские годы совпали с героической эпохой греко-персидских войн, а в зрелом возрасте он был современником блестящей эпохи Перикла, эпохи расцвета умственной и художественной жизни Эллады. Происходил Геродот из знатного рода, некоторые из членов которого подвизались на литературном поприще. Одним из этих литераторов был дядя историка, эпический поэт Паниасис, излагавший в стихах жизнь Геракла и историю греческой колонизации Понийского побережья Малой Азии.

Паниасис оказал большое влияние на формирование мировоззрения будущего

историка. Он же вовлек Геродота и в политическую жизнь их родного города.

С начала V столетия до нашей эры властью в Галикарнасе овладела семья малоазиатских выходцев, одна из представителей которой, царица Артемизия, участвовала в походе Ксеркса на Грецию и сражалась с греками в боях при мысе Артемизии и у острова Саламина. Внук Артемизии Ликдам подверг семейство Геродота жестокому преследованию. Геродот вынужден был бежать на остров Самос (около 454 года до нашей эры). Переселение на Самос, который был в то время одним из культурных центров Ионии, много способствовало уметственному развитию Геродота. Некоторое время спустя он вернулся на родину и принял участие в низвержении власти Ликдама. Вспыхнувшая вслед за падением Ликдама борьба между аристократической и демократической партиями снова, на этот раз навсегда, вынудила историка покинуть родной город.

После отъезда из Галикарнаса Геродот совершил ряд далеких путешествий. Он посетил Египет, проехал по Ливии до Кирены, изъездил центральные части Малой Азии, побывал в Сирии, Двуречье, добрался даже до Ирана, побывал в окрестностях Суз и, может быть, Экбатаны. По любознательного грека интересовали не только страны Востока: он объехал северные берега Эгейского моря, Македонию и Фракию, посетил берега Понта Эвксинского (Черного моря), побывал в греческих колониях в устье Дуная и добрался до Ольвии и Пантикапеи. Обратный путь он совершил вдоль берегов Кавказа, посетил Колхиду и ряд греческих городов на северном побережье Малой Азии. Вернувшись из своих странствий, Геродот некоторое время проживал в Афинах, где, повидимому, и начал рабству над своим произведением. Известно, что именно здесь в 446 году он публично читал свою «Историю». Она была встречена восторженно. По сообщению одного более позднего автора, Геродоту даже вымали денежную награду из афинского государственного казначейства. В 444 году, когда афиняне основали в Южной Италии колонию Фурии близ развалин древнего Сибариса, историк вступил в число колонистов и сделался фурийским гражданином. С этого времени Геродот проживал главным образом в Фуриях и лишь изредка наезжал в Афины. Известно, что он был еще раз в Афинах около 431 года, так как он сообщает в своем сочинении, что видел Пропилеи афинского Акрополя уже законченными. Умер он около 426—425 годов до нашей эры.

Труд Геродота называется обыкновенно «Историей». Тема его — борьба эллинов с варварскими восточными народами и героическая эпоха греко-персидских войн. На это указывает во вводной главе сам автор: «Нижеследующие разыскания Геродот галикарнасец представляет для того, чтобы от времени не сгладились в памяти людей и не были преданы забвению великие и достойные удивления подвиги, совершенные как эллинами, так и варварами, в особенности же причина, по какой они вступили в войну между собою» (кн. I, гл. 1).

Произведение Геродота состоит из девяти книг. Каждую из них александрийские историки называли именем одной из девяти муз — богинь, покровительствовавших наукам и искусствам¹.

Содержание труда Геродота гораздо шире, чем можно предполагать по заявлению автора. Стремясь обосновать распространенную в его эпоху мысль, что борьба между греками и персами велась извечно, Геродот в начале своего рассказа вспоминает мифы о похищениях Ио, Медеи и Елены, вызвавших, по преданию, первые военные столкновения между эллинскими племенами и азиатскими народностями. Затем он переходит к рассказу о лидийском царе Крезе, который, как уже достоверно известно историку, угнетал малоазиатских греков. Подробный рассказ о Крезе дополнен эпизодическими сведениями об отдельных событиях более ранней истории Лидии, о деятельности царей Гигеса и Аллиата — предшественников Креза. Сюда же вpletены эпизоды из раннегреческой, главным образом афинской и спартанской истории. Рассказ о покорении Лидии персидским царем Киром заставляет Геродота обратиться к основанию Персидского государства, а изложение истории персидских завоеваний влечет за собою повествование о Вавилонии, Ассирии, Мидии, о среднеазиатских племенах, об их нравах, обычаях, социальном строе. Из этих материалов наибольший интерес для советских читателей представляют заключительные главы первой книги, содержащие описание войны Кира с кочевым среднеазиатским народом массагетами, жившим еще в условиях родового строя, с явными следами матриархата. По утверждению Геродота, в борьбе с массагетами Кир потерпел полное поражение и погиб.

Обстоятельства завоевания Египта сыном и преемником Кира — Камбизом — заставляют Геродота обратиться к изложению

¹ Музы: Клио, Эвтерпа, Талия, Мельпомена, Терпсихора, Эрато, Полинья, Урания, Каллиопа.

предшествующей истории Египта. Природе и истории Египта посвящена вся вторая книга его труда.

Геродот описал египетские памятники, обычаи и нравы населения страны по личным наблюдениям, так как он объехал весь Египет от Дельты до Элефантины. В течение многих столетий рассказ Геродота об Египте был основным источником сведений об этой древней стране. Даже теперь, когда открытие и расшифровка египетской письменности учеными-египтологами позволили прочесть множество египетских надписей и литературных произведений, эта часть труда Геродота сохранила свое научное значение и продолжает оставаться одним из важных источников наших сведений об Египте VII—VI столетий до нашей эры.

Третья книга «Истории» Геродота содержит подробное описание египетского похода Камбиза и историю Персии конца VI столетия до нашей эры. В ней рассказано о социальной борьбе в Иране, последовавшей вслед за смертью Камбиза, и об обстоятельствах вступления на престол царя Дария I.

Конец книги посвящен обзору истории ионийских греческих городов, причем наибольшее внимание историка привлекает жизнь и деятельность Поликрата, тирала острова Самоса. Особый интерес для советского читателя представляет четвертая книга. В ней Геродот повествует о походе персидского царя Дария I на скифов и подробно описывает природу, быт и социальный строй скифских племен, заселявших в ту эпоху степные пространства к северу от Черного моря. Основные сведения о скифах историк почерпнул из своих личных наблюдений на северном побережье Черного моря. Сообщения Геродота о быте и нравах скифов чрезвычайно точны. В настоящее время подавляющее большинство из них подтверждено данными археологии. Конец четвертой книги занимает описание похода персидской армии в Киренайку.

Лишь начиная с пятой книги Геродот обращается, накопец, к выполнению своей основной задачи — изложению истории греко-персидских войн первой половины V века до нашей эры. Сообщив о покорении персидскими войсками Фракии и Македонии, Геродот повествует о начале восстания ионийских городов против Персии, приведшего к войне между Персидским царством и Грецией. Поездка Аристокора, одного из вождей восстания, в Спарту и Афины служит автору поводом для рассказа об этих городах начиная с того времени, на котором он остановился в первой книге своей работы. Особое внимание историк

уделяет развитию афинской демократии и росту политического могущества Афин.

Шестая книга труда Геродота содержит описание неудачного для греков ионийского восстания, первых экспедиций персидских войск против европейских греков и разгрома персов в сражении при Маратоне.

Последние — седьмая, восьмая и девятая — книги посвящены описанию последующего хода военных действий. Изложено в этих книгах доведено до событий 479 года до нашей эры (битвы при Платеях, у мыса Микалэ и экспедиция греческого флота против Сеста). Последняя, девятая книга заканчивается несколько неожиданно. Автор вложил в уста персидского царя Кира замечание, что древние персы «предпочли владеть землей и занимать тощую землю, нежели обрабатывать почву удобную и быть в подчинении у других» (кн. IX, гл. 122), и на этом изложение обрывается. Среди историков возникли разногласия: вполне ли закончил Геродот свое произведение или нет? По мнению большинства современных исследователей, ряд замечаний о Пелопоннесской войне, разбросанных Геродотом по разным частям его «Истории», заставляет предположить, что смерть помешала автору завершить свой труд. Повидимому, заключительная его часть осталась ненаписанной.

Таково в общих чертах содержание этого замечательного произведения. Следует отметить, что Геродот допускает многочисленные отступления от основной нити изложения, он вставляет ряд экскурсов и эпизодов самого разнообразного содержания. Геродота интересовало все «достопримечательное»: физическая география описываемых им стран, памятники старины, предания, чудеса и примечания, жители, их обычаи и образ жизни, нравы и верования, слова и действия выдающихся лиц, подробности военных походов — все это он добросовестно передавал для сведения потомства.

Однако Геродот далеко не всегда был в состоянии вполне разобраться в описываемых им фактах. Историк зачастую передает совершенно баснословные сказания, которые он записал без сколько-нибудь серьезного критического разбора. В некоторых случаях он откровенно сознается, что зачастую сам не верил тому, что писал: «Я сообщаю только то, что рассказывают сами аргивяне», «Я обязан передавать то, что говорят, но верить всему не обязан» (кн. VII, гл. 152).

Наиболее часто непроверенные, фантастические сведения встречаются в географических описаниях местностей, о которых Геродот говорил с чужих слов. Ярким примером подобных баснословных повествова-

ний является рассказ о добыче золота в Индии: «В стране этой есть песчаная пустыня, а в песках ее водятся муравьи величиной поменьше собаки, но больше лягушки... Муравьи эти роют себе жилище под землей и оттуда выносят песок на поверхность так точно, как муравьи у эллинов... Выносимый ими на поверхность песок золотой. За ним-то и ходят индийцы в пустыню, причем каждый из них выезжает на тройке верблюдов, причем с выездом за золотом они устраиваются так, чтобы похищение производить в пору сильнейшей жары, когда муравьи прячутся под землю...» (кн. III, гл. 102, 104).

Будучи человеком своего времени, Геродот считает, что все события в человеческом обществе происходят по велению богов, которые направляют судьбу людей, целых народов и государств. Он допускает непосредственное вмешательство богов в людские отношения. Так например, рассказывая о вторжении персов в Грецию, Геродот безусловно верит, что боги лично защищали Дельфийский храм от врага. «Когда варвары подошли к святилищу Афины — Пронак, — с неба упала на них молния, а от Парнаса оторвались две скалы, с сильным шумом устремившиеся на них и задавившие многих. А из храма Пронак послышался громкий голос и жалобные восклицания... Я слышал, что спасшиеся бегством варвары рассказывали, что, кроме этих чудес, они видели и другое, именно: два тяжелооруженных воина сверхчеловеческого роста неотступно следовали за ними, гнали и убивали их. По словам дельфийцев, эти два воина — местные герои Филак и Автоной, святилища которых находятся вблизи храма» (кн. III, гл. 37, 38, 39).

Само собой разумеется, что Геродот вполне верит в вещие сны и предсказания оракулов. Он подробно останавливается на результатах гаданий, совершавшихся перед битвами.

Но если боги руководят делами людей, то что же в конечном счете, по мнению Геродота, направляет их собственные действия? Историк находит ответ и на этот вопрос. Он считает, что божество завистливо (кн. I, гл. 32. Кн. III, гл. 40) — «людские несчастия доставляют наслаждение богам». «Полноты благополучия никому не существует для людей», — говорит Геродот устами одного из своих героев (кн. VII, гл. 49). Особенно же наказывают боги гордость. Они наказывают за нее наиболее жестоко. Персидский царь Ксеркс возгордился своим могуществом и был наказан за это поражением в войне с греками.

Мировоззрение Геродота не отличается, однако, цельностью. Стоя на рубеже двух эпох культурного развития Греции, Геродот

оказался мечужным и новым веяниям, ставшим под вопрос многие из старых верований. Веря в богов и чудеса, Геродот проявляет и некоторый критический рационализм. Это — черта, характерная уже для персидских представителей культурного греческого общества V столетия по нашей эре. Так например, описывая психическое заболевание персидского царя Камбиза, историк остается в сомнении — была ли болезнь наказанием за убийство священно-египетского быка Аписса или произошла по какой-либо другой причине, тем более что Камбиз еще с детства болел эпилепсией (кн. III, гл. 33).

Примером подобного наивного рационализма у Геродота является его рассказ о жрицах дельфического оракула. Пересказав легенду о том, что оракул был основан прилетевшей в Дельфу черной голубкой, Геродот объясняет, что голубка, заговорившая человеческим голосом, была рабыней-иноземкой, научившейся говорить по-гречески лишь спустя некоторое время после своего поселения в Дельфе (кн. II, гл. 57).

Чрезвычайно характерная черта произведений Геродота, резко отличающая его работу даже от трудов последующих греческих историков, это — исключительно объективное отношение к врагам греков — персам — и к другим варварским народностям. С точки зрения последующих греческих писателей, презрительно относившихся ко всем негреческим народностям, это было серьезным недостатком, и Плутарх насмешливо называл Геродота «другом варваров».

Геродот не скрывал своих политических симпатий, которые целиком находились на стороне афинской демократии. К политическим противникам Афин: Спарте, Фивам, Коринфу — он относился с почти нескрываемой враждой. Особенно порицал он фивалцев за их капитуляцию перед персами в момент нашествия Ксеркса.

Характерной особенностью труда Геродота является блестящая литературная форма изложения. Простой, ясный язык первого историка богат красочными образами и выражениями. Примером такого исключительно удачного изложения является характеристика Египта, который, по мнению Геродота, является «даром реки Нила» (кн. II, гл. 5).

Завершая обзор произведения первого историка древности, нельзя не согласиться с замечательной характеристикой, данной ему Цицероном. Знаменитый римский писатель и политический деятель назвал Геродота «отцом истории». Это исключительно меткая оценка значения труда Геродота для мировой культуры.

Геродот сохранил для современного исследователя ценнейший исторический материал во всей его неприкосновенности. Мно-

где из его сообщений отвергнуты современными учеными, но еще большее количество фактов, ранее казавшихся невероятными, подтвердилось в результате археологических открытий. Можно смело сказать, что чем дальше идет изучение истории древнего Востока и Греции, тем больше выясняется исключительная осведомленность «отца истории».

Мировая историческая литература обладает большим количеством исследований о жизни и творчестве Геродота. Его труд переведен на большинство современных европейских языков. Русский перевод творений Геродота был выполнен в конце XIX столетия профессором Казанского университета Ф. Г. Мищенко («Геродот. История в девяти книгах». Москва, 1888). Переводчик написал о Геродоте большие вступительные статьи и снабдил текст интересными комментариями.

3

Вторым великим древнегреческим историком, продолжившим дело Геродота, был его младший современник афинянин Фукидид, автор истории Пелопоннесской войны.

Год рождения Фукидида точно неизвестен, но по отдельным намекам, разбросанным в его собственной работе, и по указаниям биографов можно предположить, что он родился около 460 года до нашей эры.

Подобно другим знатым афинянам Фукидид получил хорошее философское и литературное образование. Согласно преданию, его учителем был софист Антифон. Фукидид был богатым человеком и с молодых лет занимал видное положение. Он был близок с самыми выдающимися и влиятельными лицами Афинской республики, в том числе и с Периклом. По своим политическим убеждениям Фукидид был сторонником «умеренной» демократии Перикла. При Перikle политическое господство было в руках богатых землевладельцев, руководивших массой народа. «Перикл, опираясь на свой престиж и ум, будучи, очевидно, непопулярнейшим из граждан, свободно держал в народной массе», — пишет Фукидид (кн. II, гл. 65). Фукидид относился враждебно к радикальной демократической группировке, возглавлявшейся крупными торговцами и владельцами эргастерий (рабских мастерских). Он считал их виновниками военных и политических неудач своего родного города. В политической жизни родного города Фукидид принимал активное участие. Он хорошо изучил военное дело и был опытным воином, что видно из его описаний военных действий. Как человек, близко стоявший к Периклу и

другим политическим руководителям Афинского государства, Фукидид прекрасно разбирался в политических отношениях и имел большие связи даже за пределами Атики. С начала Пелопоннесской войны он принимал участие в военных операциях. Подобно многим из своих сограждан он стал жертвой чумной эпидемии, но оказался одним из немногих счастливых, благополучно перенесших эту болезнь. В 424 году Фукидид был избран стратегом и назначен командиром эскадры, охранявшей фракийское побережье. Обстоятельства задержали его на острове Фасосе как раз в то время, когда спартанский военачальник Брасид захватил важнейший экономический и политический центр Фракии — город Амфиполь. Фукидид жестоко пострадал за свою неудачу: он был смещен с поста стратега и приговорен к изгнанию по предложению вождя крайней демократической группировки — Клеона. Фукидид поселился в своем фракийском поместье в Сканте-Гиле и приступил к работе над историей той войны, свидетелем и участником которой был он сам. Своё решение он мотивирует в первой же главе своего труда: «Фукидид афинянин написал историю войны между пелопоннессцами и афинянами, как они вели ее друг против друга. Приступил он к своему труду тотчас же с момента возникновения войны в той уверенности, что война эта будет войною важною и самую достопримечательною из всех предшествовавших» (кн. I, гл. 1).

Работая над своей «Историей» Фукидид совершил ряд путешествий и посетил места важнейших боевых столкновений. Так например из детального описания историком местности в окрестностях сицилийского города Сиракуз несомненно, что он посетил остров Сицилию.

Фукидид прожил в изгнании двадцать лет и, повидному, возвратился на родину лишь в 404 году, когда после заключения мира была дарована амнистия всем политическим осужденным. В Афинах он продолжал свою работу. Однако долго жить ему уже не пришлось. В начале IV века, повидному, в 399 году, Фукидид погиб насильственной смертью. Его труд был доведен лишь до событий 411 года до нашей эры и остался неоконченным. Могила историка, находившаяся за Мелитскими Воротами, сохранилась еще во времена Римской империи и считалась одной из достопримечательностей города Афин. На памятнике, как сообщает Плутарх, была вырезана надпись «Фукидид сын Олора Галимунтец».

* * *

Тема работы Фукидида была значительно более ограниченной чем у Геродота. Решив описать историю Пелопоннесской войны, происшедшей между Спартой и Афинами

в 431—404 годах до нашей эры. Фукидид строго придерживался намеченного плана. В основном он изложил историю Афин и Спарты V столетия до нашей эры. Историю остальных греческих городов-государств он лишь отчасти затрагивал и делал это только в тех случаях, когда это было ему необходимо для ясного понимания основных событий. Остаточности в работе Фукидида встречаются очень редко. По композиции труд Фукидида исключительно строг и строен.

Начав изложение с краткого, мастерски написанного обзора истории Аттики, Фукидид обращается затем к объяснению причин Пелопоннесской войны. Первоначально он дает сжатый, но достаточно ясный обзор истории Афин с эпохи греко-персидских войн. Он рассказывает о том, как возник афинский морской союз, превратившийся впоследствии в афинскую державу, затем дает описание первых столкновений Афин со Спартой в 459—446 годах до нашей эры и, наконец, историю конфликта и последних переговоров между афинянами и городами Пелопоннесского союза, предшествовавших открытию военных действий в 431 году.

Во второй книге «Истории» Фукидид повествует о начале военных действий в первые годы войны. В эту книгу входит исключительное по силе и драматизму описание чумной эпидемии в Афинах. Наиболее интересный раздел третьей книги — история восстания жителей союзного с афинянами города Митилены на острове Лесбосе, против Афин. Историк передает драматические подробности об усмирении восстания и о расправе с митиленцами. В этой же книге находится рассказ об ожесточенной гражданской войне, происходившей на острове Керкире между аристократическими и демократическими группами населения.

В четвертой книге описываются военные действия вокруг мессенского порта Пилоса, окончившиеся блестящей победой афинского стратега Клеона (425 год), война во Фракии, захват Брасидом Амфиполя и неудачные действия самого историка в качестве стратега.

Последующее развитие военных событий: гибель в бою под Амфиполем вождей военных партий Афин и Спарты — Клеона и Брасида, укрепление мирной партии в Афинах и заключение Пикнева мира — передано в пятой книге труда Фукидида.

В шестой и седьмой книгах историк излагает подготовку, ход и несчастный для афинян результат сицилийской экспедиции, задуманной Алкивиадом и столь неудачно продолженной Пинием. В этой же книге излагается ход военных действий в собственно-Гречии (начало так называемой Декелейской войны).

В заключительной, восьмой книге Фукидид описывает морскую войну в Геллеспонте и у берегов Малой Азии, начавшуюся благодаря вмешательству Персии в борьбу между афинянами и спартапцами. Наибольший интерес в этой книге представляет описание олигархического переворота в Афинах в 411 году и рассказ о контрперевороте, восстановившем демократические порядки. Изложение дальнейшего хода событий обрывается на рассказе об операциях афинского флота в Геллеспонте и Мраморном море.

* * *

Произведение Фукидида значительно отличается от работы Геродота не только строгостью и стройностью общего плана, но и всем характером изложения. Воспитанный в духе рационализма софистов, Фукидид чрезвычайно далек от пафвной веры Геродота. Он совершенно не верит во вмешательство богов в людские отношения и скептически относится ко всяким проявлениям суеверия: будь то знаменья, оракулы или разговоры о каких-либо чудесах. Если он и рассказывает о них, то исключительно для того, чтобы показать читателю мысли и настроения народных масс или политических деятелей враждующих сторон.

Так, рассказывая о действиях афинского стратега Пикья под Спракузами, Фукидид пишет: «Когда все было готово к отплытию и афиняне собрались отплыть, наступило лунное затмение: тогда было полнолуние. Большинство афинян, смущенное этим, требовало от стратега пожелать с отплытием, а Пикий, прилавивший слишком большое значение предзнаменованиям и всему тому подобному, говорил, что и рассуждать нечего о том, чтобы двинуться с места раньше, как по предсказанию двенадцати семи дней: такое толкование знаменью давали предсказатели» (кн. VII, гл. 50).

Излагая исторические события, Фукидид стремится избегать какого бы то ни было анекдотического и легендарного материала. Он всячески пытается отыскать причины событий и обращает при этом внимание на материальное, экономическое состояние общества. Он прямо заявляет, что отсутствие в его труде баснословного элемента делает его для читателей менее приятным и занимательным, однако историк считает вполне достаточным, если его работу найдут полезной те, кто пожелает иметь ясное и верное представление о прошлом.

Фукидид писал не для праздного развлечения читателей, но для того, чтобы представление о прошлом сохранилось «навсегда» (кн. I, гл. 22).

Материалы для своей работы Фукидид собирал исключительно внимательно и кропотливо. Он использовал в полной мере до-

ступные ему письменные памятники. Ни одной цифры, ни одного факта он не привел без достаточной проверки. Теперь, когда археологи нашли некоторые из подлинников греческих надписей, упоминаемых Фукидидом, мы можем судить о добросовестности его работы. Так например указанное им число погибших за первый год войны афинских воинов точно подтверждается надписью на надгробном памятнике, а текст договора Афин с Аргосом, Мантиней и Элидой почти полностью совпадает с тем, что привел Фукидид. Пеключительно точного описания географических условий Фукидид достигал благодаря личному изучению полей важнейших сражений. Новый и чрезвычайно интересный прием в труде Фукидида — метод обратного заключения от настоящего к прошлому. Этот метод в исторической науке первый применил Фукидид. Так например, отметив, что у некоторых греческих племен: этолян, абариганцев, дофров — сохранился обычай носить оружие, Фукидид говорит, что, по-видимому, в древности обычай ношения оружия существовал у всех греков (кн. I, гл. 5).

Давая очерк древней истории Атики или изучая прошлое других частей Греции, историк использовал памятники эпоса и отдельные надписи, принял во внимание результаты раскопок старых могильников и произвел наблюдения над остатками греческими племенами. Греческую старину Фукидид изобразил в более прозаическом виде, чем она описана у Гомера, он считал, что Гомер «как поэт, разумеется, преувеличил и похвастал...» (кн. I, гл. 10).

В поисках причинной связи событий Фукидид хорошо различает основную причину и повод: «Начали войну афиняне и пелопоннессцы нарушением тринадцатилетнего мира, который был заключен между ними после покорения Евбеи. Чтобы в будущем кто-нибудь не стал доискиваться, откуда возникла у афинов такая война, я претворительно изложу распри и причины, вследствие которых мир был нарушен. Истиннейший повод, хотя на словах и наиболее скрытый, состоит, по моему мнению, в том, что афиняне своим усилением стали внушать опасение лакедемонянам и тем вынуждены их начать войну» (кн. I, гл. 23).

Однако было бы неправильно считать Фукидида, как делали это некоторые историки, стоящим чуть ли не на уровне исторической науки XIX столетия.

И философское осмысление событий и отдельные приемы творчества Фукидида характерны только для исторической науки античного общества. Например у Фукидида, как и у других историков древности, чита-

тель встречает огромные речи, о которых сам историк откровенно говорит, что они составлены им самим. «Речи составлены у меня так, как, по моему мнению, каждый оратор, сообразуясь всегда с обстоятельствами данного момента, скорее всего мог говорить о настоящем положении дел, причем я держался возможно ближе общего смысла действительно сказанного» (кн. I, гл. 22).

Очень важным для понимания работы Фукидида является вопрос о его отношении к событиям, о которых он рассказывает. Вся работа Фукидида производит впечатление исключительной беспристрастности. Только упоминая о деятельности Клеона, Фукидид не смог скрыть свѣта вражды к вождю крайней демократической группировки. Он назвал Клеона «пагубнейшим из людей». Недостатки труда Фукидида не могут в какой-либо степени повлиять на оценку произведения великого греческого историка. Труд Фукидида дает нам замечательно яркую, точную и образную картину исторического развития древнегреческого рабовладельческого общества во второй половине V века до нашей эры. По своим методам, критическому подходу и подбору материала Фукидид стоит неизмеримо выше Геродота и является основоположником исторической научной критики. Он впервые применил прием исторической критики и тем самым направил историю на путь научного исследования. Подавляющее большинство современных историков признает мировое значение произведений Фукидида и видит в нем одного из лучших представителей древнегреческой культуры. Фукидид оказывал сильнейшее влияние на последующих античных историков, пытавшихся подражать ему в своих работах. Подобно труду Геродота произведение Фукидида также переведено на большинство европейских языков. Русский перевод Фукидида, впервые сделанный Мищенко в 1887—1888 годах, пересмотрен и исправлен академиком С. А. Жебелевым в 1915 году. В настоящее время переводы Фукидида существуют в двух изданиях: 1) Фукидид «История». Перевод с греческого Ф. Г. Мищенко. Москва. 2) Фукидид «История». Перевод Ф. Мищенко в переработке, с примечаниями и вступительным очерком С. Жебелева. Томы I и II. Москва. Изд. Сабашниковых. 1915.

Труды Геродота и Фукидида — основоположников исторической науки — пользуются большим вниманием у советских историков и читателей. Однако достать «Историю» Геродота и «Историю» Фукидида сейчас нелегко. Давно уже назрела необходимость в переиздании произведений этих генеральных историков древности.

Школьная экскурсия по материалам вводного отдела Музея революции в Ленинграде

В этой статье мы расскажем об опыте проведения экскурсий с учащимися 9-х классов по курсу «История СССР». Тема описываемой экскурсии — «Революционное движение в первой четверти XIX века».

Во вступительной беседе экскурсовод ознакомил учащихся с темой, напомнил им то, что они прошли по этой теме в классе, и выделил те вопросы, на которые экскурсанты должны обратить особое внимание. В начале экскурсии учащиеся были показаны материалы Музея, иллюстрирующие тему «Буржуазная революция 1789 года и царизм в конце XVIII века». При этом экскурсовод предложил учащимся вспомнить, что им рассказывал преподаватель в 8-м классе о французской революции. О начале революции — 14 июля 1789 года — экскурсовод рассказывал по гравюру «Штурм Бастилии». Попутно он говорил о прокатившихся по всей Франции революционных восстаниях крестьян и городских ремесленников против господства дворян, против феодального строя.

Гравюра «Казнь Людовика XVI» и портреты Марата и Робеспьера помогли учащимся возобновить в памяти переход власти к Конвенту, установление диктатуры якобинцев.

Экскурсовод показал ученикам карикатуру того времени, изображающую коалицию королей Европы против революционной Франции. На этой карикатуре изображены австрийский император, король прусский и английский и Екатерина II.

Объясняя экскурсантам содержание этой карикатуры, руководитель привел слова В. И. Ленина: «...политика революционного класса не могла не потрясти до основания всей остальной самодержавной, парской, королевской, полуфеодальной Европы» (т. XXX, стр. 334).

Далее экскурсовод рассказал об активном участии Екатерины II в коалициях против республиканской Франции. Царское правительство оказывало помощь дворянам-

эмигрантам, бежавшим из Франции. Живущих в России французов заставляли давать присягу об их непричастности к революции. Ученикам были показаны карикатура на Екатерину II, подлинное свидетельство об «отречении» от революции, подписанное одной французской женщиной в 1793 году.

Затем экскурсовод рассказал о расправе Екатерины II над А. Н. Радищевым за его знаменитую книгу «Путешествие из Петербурга в Москву» и показал хранящийся в особой витрине рукописный экземпляр книги А. Н. Радищева.

Экскурсовод прочитал одно место из замечаний Екатерины II на книгу Радищева. Екатерина обвиняла Радищева в том, что он написал свою книгу под влиянием идей французских революционеров: «Намерение сей книги на каждом листе видно. Сочинитель той наполнен и заражен французским заблуждением, ищет всячески и зашикает все возможное к умалению почтения к власти и властям, к приведению народа в негодование противу начальников и начальства».

Вот почему Екатерина II так жестоко расправилась с Радищевым.

После смерти Екатерины II борьбу против республиканской Франции продолжал Павел I. Об этом свидетельствует экспонат Музея: английская карикатура того времени на Павла I, негодующего по поводу революционных событий во Франции, указ о запрещении ввоза из-за границы книг и др. Руководитель, показывая эти материалы, привел ряд интересных фактов, характеризующих контрреволюционную политику Павла I: введение цензуры и помощь русского правительства эмигрантам.

Далее группа ознакомилась с материалами Музея о крепостничестве в России. При этом экскурсовод указал на экономическую отсталость России того времени по сравнению с передовыми странами Западной Европы (Англией и Францией). Уче-

ипки осмотрели подлинный царский трон, экономическую карту России, диаграммы, характеризующие русскую экономику на рубеже XIX в. Задача экскурсовода состояла в том, чтобы дать учащимся представление о крепостном праве и о начале его разложения. Учащиеся, уже знавшие о крепостном праве из школьных уроков, с интересом рассматривали копии с картин «Барщина», «Продажа с аукциона», «Вид помещичьей усадьбы», «Гонят рабочих на Урал». Они охотно отвечали на задаваемые экскурсоводом вопросы о положении крестьян и помещичьих рабочих.

Сильное впечатление произвели на группу подлинные орудия для истязаний крепостных, расположенные в специальной витрине (деревянная колодка на шею, цепи, кнуты, плети), и богатая одежда помещика, выставленная рядом с рубищем крепостного крестьянина. Экскурсовод привел слова Ленина о том, что крепостное право в России «наиболее долго держалось и приняло наиболее грубые формы, оно ничем не отличалось от рабства» (т. XXIV, стр. 367). Подневольное положение крепостных руководитель характеризовал следующими словами Ленина:

«При крепостном праве крестьянин не смел жениться без разрешения помещика... крестьянин должен был работать непременно на своего барина в такие дни, когда бурмистр укажет... крестьянин не смел выкута отлучиться из деревни без разрешения барина... не смел приобретать имущества без разрешения барина, не смел покупать земли... При крепостном праве крестьянин мог быть телесно наказан помещиком» (т. V, стр. 266, 267).

Начало разложения крепостничества, связанное с ростом промышленности и торговли в России в начале XIX века, иллюстрируют виды главных портов России, диаграммы роста числа наемных рабочих и роста фабрик с применением наемного труда. Показывая учащимся эти материалы, экскурсовод отметил, что крепостное право было главным тормозом развития капитализма.

Далее экскурсия остановилась у экспозиции, характеризующей первые годы царствования Александра I. Здесь размещены портреты членов негласного комитета, текст указа о вольных хлебопашцах, материалы о войне с Наполеоном (1805—1807 годы) и Тильзитском мире. Представление об участии России в континентальной блокаде даст картина на Александра I и диаграмма состояния финансов накануне войны 1812 года. Весь просмотренный материал подготовил учащихся к изучению интереснейшей страницы русской истории — отечественной войны

1812 года. На электрифицированной карте «Война 1812 года» учащиеся увидели передвижение армий, отдельные сражения, весь ход войны России против вторгшихся на ее территорию завоевателей. С захватывающим интересом следил учащийся за движением светящейся линии на карте: вот наполеоновская армия переходит границу России, переправляется через Неман (24 июня); линия движется дальше, к Вильно. Русские армии, будучи гораздо малочисленнее наполеоновских войск, отступают в глубь России. Вот 1-я русская армия под командованием Барклая-де-Толли (экскурсовод показал портрет полководца) стягивается к Дрисскому лагерю. Но, чтобы не быть отрезанной французами, она вынуждена отступить еще дальше, к Витебску. Светящиеся зеленые линии показывают передвижение отдельных частей армии Наполеона (корпуса Мюрата, Даву, Жерма). 2-я русская армия под командованием Баграмяна (показывается его портрет) вытаскивается еще под Могилевом соединиться с 1-й русской армией. Но Могилев уже занят войсками маршала Даву, и соединение русских армий происходит только в Смоленске в начале августа. Экскурсовод рассказал о бое под Смоленском, об уходе русских войск из объятого пламенем города, о начале партизанской, народной войны с иноземными захватчиками. Затем экскурсовод дал характеристику вновь назначенного главнокомандующего Кутузова, показал его большой портрет и напомнил учащимся биографию полководца — любимого ученика Суворова. Рассказ о знаменитом Бородинском бое 26 августа (7 сентября) иллюстрировался репродукцией с картины Гесса «Бородинский бой». Учащиеся отвечали на вопросы о расположении армий, о количестве войск, принимавших участие в бою, о роли отдельных полководцев во время боя.

Затем экскурсовод рассказал об отступлении русской армии после Бородинского боя и показал пути дальнейшего передвижения русских войск.

По литографии с картины Кившенко руководитель рассказал о военном совете в деревне Фили, на котором Кутузов принял решение оставить Москву и сохранить армию для дальнейших, решающих сражений с неприятелем. Ученики проследили по карте за отступлением русской армии через Москву и за гениальным маневром Кутузова — поворотом с Рязанской дороги к Боровскому Перевозу, на Калужскую дорогу. Красными языками пламени на электрифицированной карте отмечен пожар Москвы 14, 15 и 16 сентября. Экскурсовод, демонстрируя литографии с картин Верещагина, рассказал о вступле-

«Союз трех императоров». Карикатура.

Музей революции в Ленинграде.

нии французов в Москву, оставленную населением, о пожаре Москвы, о действиях партизанских отрядов, о разложении наполеоновской армии. Светящаяся линия отступления французов на карте круто поворачивается от Малоярославца к северозападу, на Можайск, — это русская армия и партизаны заставили наполеоновскую армию отступать из России по голодной, имя же разграбленной местности. Русская армия и партизанские отряды преследовали поспешно отступающие, все время уменьшавшиеся части наполеоновской армии. Экскурсовод привел интересные факты о сражениях под Красным и при переправе через Березину. В Музее выставлены русские полковые знамена с вышитыми на них надписями: «За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России».

Экскурсовод привел в заключение выдержку из показаний декабристов о влиянии войны 1812 года на русское общество: «Наполеон вторгся в Россию, и тогда народ русский ощутил свою силу, тогда пробудилось во всех сердцах чувство независимости, сперва политической, а впоследствии народной. Вот начало свободымыслия в России. Правительство само произносило слова: свобода! освобождение! Само рассуждало сочинения о злоупотреблении неограниченной власти Наполеона. Еще война длилась, когда ратники, возвратясь в дома, первые разнесли ропот в народе: «Мы проливали кровь, — говорили они, — а нас опять заставляют потеть на барщине; мы избавили родину от

тирапа, а нас вновь тиранят господа» («Декабристы», стр. 2. Центрархив. Сборник отрывков из источников. 1926).

Учащимся были показаны материалы, иллюстрирующие войну Александра I против Франции в 1813—1814 годах («Битва при Лейпциге», «Вступление русских войск в Париж», реставрация Бурбонов); карикатуры на Александра I, австрийского императора Франца и прусского короля Фридриха-Вильгельма, на Венский конгресс и «Священный союз».

Экскурсовод рассказал учащимся, как возвратившиеся из Западной Европы на родину солдаты и офицеры остро чувствовали отличие русской жизни от европейской. В витрине выставлены подлинные рукописи декабристов Н. И. Тургенева и В. П. Штейнгеля, относящиеся к началу 20-х годов XIX века. Тургенев и Штейнгель резко критиковали тогдашний экономический строй и предлагали различные реформы. Экскурсовод прочитал отрывок из письма А. А. Бестужева, написанного из Петропавловской крепости Николаю I. Бестужев писал о том угнетающем впечатлении, какое производила русская жизнь на вернувшихся из заграничного похода офицеров.

Передовые люди из дворян начали сознавать, что крепостное право является тормозом дальнейшего экономического развития России, что необходимы преобразования в стране. Усилившаяся политическая реакция, связанная с деятельностью царского временщика Аракчеева, насаждение военных поселений, произвол, поли-

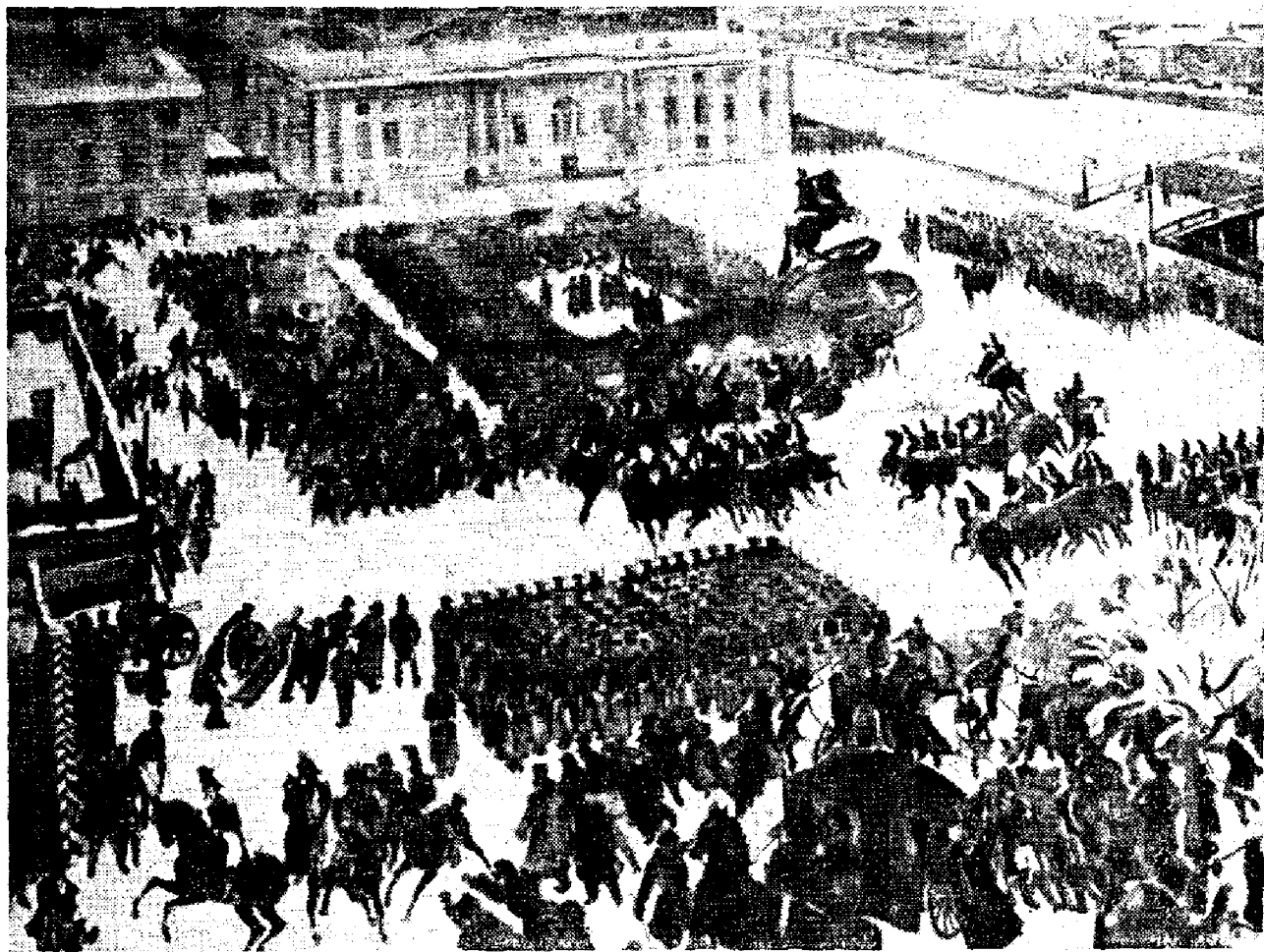
пейский сыск, цензура, гонения на просвещение — все это еще больше возбудило недовольство во всех слоях русского общества. Экскурсовод показал портрет Аракчеева, картины «Вид военных поселений», «Муштра в военных поселениях», карикатуры, изображающие наказания в царской армии, вид Чугуевских военных поселений, в которых произошло восстание в 1819 году.

Экскурсовод привел знакомые учащимся эпиграммы А. С. Пушкина на Аракчеева и на Александра I. О борьбе крестьян против крепостного гнета и борьбе крепостных рабочих против безудержной эксплуатации на мануфактурах в начале XIX века учащиеся получили представление по диаграмме, фотоматериалам о восстании Семеновского полка, о наказаниях на заводах и по рисунку художника Кочергина, изображающему восстание крестьян на Дону в 1820 году.

Показав схему организации первых тайных обществ и портреты декабристов, экскурсовод дал историческую характеристику деятельности этих обществ («Союз спасения» и «Союз благоденствия») и их участников (портреты Пестеля, Никиты Муравьева, Якушкина, С. П. Муравьева-Апостола и др.). Затем группа перешла к

материалам о «Южном обществе» (картина «Собрание в Камышке», портреты), «Северном обществе» и «Обществе соединенных славян». В специальной витрине выставлены издания «Русской Правды» Пестеля и фото с рукописи «Конституции» Н. Муравьева. Экскурсанты рассматривали портреты участников тайных обществ, диаграмму социального состава обществ, подлинные издания 20-х годов XIX века под редакцией будущих декабристов («Мнемозина» изд. В. Одоевского и В. Кюхельбекера, «Полярная Звезда» Рыльева и А. Бестужева).

Движение декабристов было направлено против крепостничества и самодержавного строя. Одни декабристы требовали замены самодержавной власти республикой (Пестель), другие были сторонниками конституционной монархии (Н. Муравьев). Экскурсовод прочел ленинскую характеристику декабристов (Ленин. Т. XIX, стр. 351), выставленную на плакате, и подчеркнул оторванность тайных организаций дворянских революционеров от стихийной борьбы широких народных масс. Затем он привел выдержки из показаний декабристов, свидетельствующие о том, что декабристы боялись революционной борьбы масс, стремились предотвратить «излишнее кровопролитие» крестьянских восста-

«Выступление «Северного общества» декабристов 14 декабря 1825 года на Сенатской площади в Петербурге».
С картины Р. Р. Френца. Музей революции в Ленинграде.

«Встреча Пушкина с Ключельбекером».

С картины Федорова: Музей революции в Ленинграде.

ний» (выдержки из показаний Пестеля на суде и из записок Штейнгеля).

В этой оторванности декабристов от масс и состояла главная причина поражения первого открытого революционного выступления с оружием в руках против самодержавия и крепостничества — восстания 14 декабря 1825 года в Петербурге.

Затем экскурсантам были показаны материалы о междоусобице (документы «Сообщение о смерти Александра I», «Текст приятия Сената Константину», «Карикатура на междоусобице») и материалы о подготовке выступления (собрание «Северного общества» 13 декабря на квартире у Рыльева). С большим интересом учащиеся рассматривали полотно художника Френца, изображающее восстание 14 декабря 1825 года на Сенатской площади в Петербурге. Экскурсовод спрашивал участников экскурсии, какие полки пришли на площадь под руководством офицеров-декабристов (на картине видно расположение восставших Московского и Гренадерского полков и Гвардейского экипажа), где стояли правительственные части, как разворачивались события этого дня, каково было соотношение сил восставших (около 3 тысяч) и правительственных войск (свыше 9 тысяч).

На картине видно, что площадь окружили собравшиеся толпы народа, особенно рабочие, занятые на постройке Исааки-

евского собора. Митрополит Серафим, пытавшийся уговорить солдат разойтись, уезжает ни с чем; здесь же показано, как декабрист Каховский ранил генерал-губернатора Милорадовича и как атакует правительственная конница карре восставших.

С особым интересом учащиеся осмотрели подлинные орудия царской артиллерии, из которых были расстреляны на площади восставшие войска.

Рисунок художника Френца изображает столкновение Черниговского полка под руководством С. И. Муравьева-Апостола с правительственной кавалерией и артиллерией. Кровавая расправа Николая I с дворянскими революционерами была иллюстрирована следующими материалами: «Допрос участников восстания Николаем I в Зимнем дворце», «Заседание следственной комиссии», «Казнь пяти декабристов», «Декабристы на каторжных работах», (художник Моравов).

Рядом с материалами о расправе с декабристами в Музее выставлена картина художника Федорова «Встреча А. С. Пушкина с В. К. Ключельбекером осенью 1827 года». На ней изображена встреча двух старых друзей, товарищей по Лицею, на захолустной почтовой станции Залазы в момент, когда одетого в арестантскую одежду, закованного в кандалы декабриста В. Ключельбекера отправляют из Шлиссельбург-

ской в Динабургскую крепость. А. С. Пушкин в это время возвращался из ссылки в Петербург. Друзья бросаются в объятия друг другу, но жандармы с яростью оттащивают Кюхельбекера. Экскурсовод рассказал учащимся о близости к декабристам величайшего русского поэта Пушкина. Ученики, отвечая на вопросы руководителя, называли политические стихотворения Пушкина («Деревня», «Вольность», «Княжал»), рассказывали о встречах поэта с отдельными декабристами (Шестелем, Рылевым), о его дружбе с Пушкиным.

В заключительном уроке ученик прочитал знаменитое пушкинское «Послание в Сибирь» и ответ Олсуфьевского, знакомые учащиеся по курсу русской литературы.

В заключительной беседе экскурсовод рассказал об историческом значении движения декабристов. Он показал учащимся плакаты со словами В. И. Ленина: «В

1825 году Россия впервые видела революционное движение против царизма, и это движение было представлено почти исключительно дворянами» (т. XIX, стр. 348). «Узак круг этих революционеров. Странно далеки они от народа. По их делу не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию» (т. XV, стр. 468).

Учебные экскурсии помогают школьникам закрепить в памяти пройденный в школе материал. На экскурсии учащиеся получают наглядное представление об изучаемой эпохе, об исторических событиях и деятелях.

К сожалению, многие преподаватели ленинградских школ пренебрегают учебными экскурсиями. Связь работников школы с работниками музеев совсем не достаточна. Школьная экскурсия должна стать необходимым элементом учебной работы преподавателей истории.

А. Большухин

Записи учащихся на уроках истории

(СОСТАВЛЕНО НА ОСНОВЕ ОПЫТА ШКОЛ ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Прочное и длительное закрепление исторических знаний не может быть достигнуто одним слушанием в классе рассказа учителя: оно требует работы учащихся над записанным материалом.

Основные вопросы, связанные с записями учащихся на уроках истории, сводятся к следующим:

Содержание записей, объем их и форма.

Премы проведения записей по отдельным классам неполной средней школы (НСШ) и средней школы (СШ).

Проверка записей учащихся преподавателем.

Использование записей учащихся в дальнейшей классной и домашней работе.

В неполной средней школе большая часть урока обычно отводится рассказу нового материала и проверке знаний учащихся по пройденному материалу. Запись же часто не укладывается в 45 минут и переносится на следующий урок. Это нарушает цельность урока и ведет обычно к отставанию по программе.

В средней школе, в 9-м и 10-м классах, а часто и в 8-м классе, учащиеся ведут сплошную запись во время рассказа преподавателя. У некоторых же учителей получается даже не рассказ, а своеобразный диктант по истории.

Приведем пример записей на уроках истории.

В 5-м классе балахнинской средней школы № 6 при изучении материала по теме «Конец самостоятельности Египта» (см. «Программный материал по истории древнего мира и средних веков» для 6—7-х классов НСШ и СШ, стр. 5) преподаватель после рассказа записал на доске, а учащиеся списали в свои тетради следующую запись, которая приводится буквально:

«Урок № 9.

К о н е ц с а м о с т о я т е л ь н о с т и
Е г и п т а

Непрерывные войны истощили Египет и привели к обнищанию трудовой массы и к усилению ненависти к угнетателям.

Египет был не в состоянии отбивать нападения внешних врагов и пачинал терять свои внешние владения: Сирию, Палестину и Нубию.

Потеря азиатских владений приводит к еще большей эксплуатации рабов и бедноты. Около 1210 года до н. э. начинается гражданская война. Бедняки и рабы восстали против вельмож и военной знати.

Восстание охватило большую часть долины Нила и грозило гибелью рабовладельческой знати. С большим трудом в 1200 году до н. э. удалось знати подавить восстание.

Египет, ослабленный внутренней борьбой, распадается на северный и южный и теряет свое могущество.

В X веке до н. э. Египет захватывают ливийцы, затем нубийцы, а в VII веке — ассирийцы.

С 654 до 610 года до н. э. Египтом правит Псаметих — царь Саиса (одной из областей Египта).

Псаметих при помощи наемных войск из греков изгнал ассирийцев и сделал город Саис столицей Египта. В период царствования Псаметиха и его преемника Нехо оживляется торговля с Финикией, Грецией и Малой Азией, организуется прорытие канала между Красным и Средиземным морями.

В 524 году до н. э. Египет был завоеван персами и окончательно потерял свою самостоятельность.

Причины падения самостоятельности Египта:

1. Ухудшение положения трудовых масс и в связи с этим обострение классовой борьбы.

2. Внутреннее ослабление Египта, усиленное потерей внешних владений».

В записи дано 6 дат. Напомним, что в тексте «Программного материала» для урока приводятся 2 даты, те же 2 даты приводятся и в «Хронологической таблице».

В 6-й балахнинской школе каждый преподаватель составляет запись для урока. Затем на заседании школьной предметной исторической комиссии учителя совместно обсуждают запись, составленную каждым из них, вносят необходимые поправки и дополнения и составляют на основе сделанных замечаний новую, окончательную запись. Этой предварительной коллективной работой учителя добиваются, во-первых, того, что учащиеся получают доброкачественный учебный материал; во-вторых, достигается однородность знаний всех пятых классов одной школы, что позволяет давать правильную однотипную оценку знаний учащихся; и, в-третьих, это заставляет всех учителей серьезно работать самостоятельно над научным усвоением исто-

рического материала, прежде чем давать его ученикам.

Метод работы учителей 6-й балахнинской школы позволяет избежать перегруженности хронологическими датами, не-правильности в транскрипции собственных имен, названий и др.

Поэтому описанный выше метод работы учителей балахнинской школы можно рекомендовать и другим школам.

В 5-м классе муромской средней школы № 16 на уроке по теме «Финикия» (18-й урок) преподаватель после довольно подробного и яркого рассказа диктует учащимся следующую запись:

«Ф и н и к и я

Финикия — страна гористая. Горами она была как бы прижата к морю. Главное занятие населения в древности — рыбная ловля, разведение масличного дерева и винограда. Главными городами были Сидон и Тир. Каждый был самостоятельным государством. В них были цари и советы купцов. Жили в них рабовладельцы, рабы и свободное население. Рабам жилось тяжело, особенно гребцам. В Финикии была сильно развита торговля. Финикийцы вели торговлю с Месопотамией, Вавилоном, Египтом и Британией. Ввозили хлеб, металлы, вывозили ремесленные изделия, пурпуровую краску, рабов, кедровый лес. В VIII веке до н. э. в Тире восстали рабы. Религия состояла в поклонении небесным светилам (Молах)».

Запись не была приготовлена преподавателем заранее, она создавалась в процессе диктовки и на доске не записывалась. Отсюда ряд недостатков в ее содержании. Просмотр тетрадей учащихся обнаружил наличие ошибок (главным образом орфографических). В записи приведена одна дата из двух, указанных в программном материале. Ничего почти не сказано в записи о культуре финикийцев, об изобретении ими алфавита. Это является, несомненно, упущением.

Тов. Пиполитова (горьковская НСШ № 12) и тов. Вагина (горьковская СШ № 1) ведут рабочие записи, в основу которых кладется развернутый план урока.

Вот пример таких записей на уроках тов. Пиполитовой:

«О б р а з о в а н и е р и м с к о г о г о с у д а р с т в а

1-й урок.

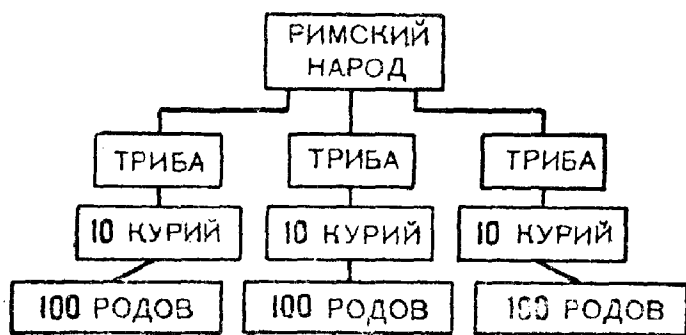
Возникновение Рима в период царей (753 — 510 годы до н. э.)

П л а н

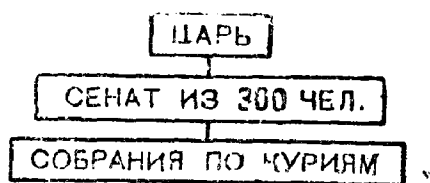
1. Природа и население древней Италии. Галлы, этруски, италийцы (умбры, самниты), латины и греки.

2. Возникновение Рима (753 год до н. э.). Легенда. Действительные причины возникновения Рима.

3. Родовой строй в Риме.

Управление римской общиной

4. Реформы царя Сервия Туллия (578 год до н. э.).

I разряд	80	центурий
II	»	20
III	»	20
IV	»	20
V	»	30

Ремесленники и бедняки.

Таким образом, в римской общине управление принадлежало патрициям и богатым плебеям».

Вот аналогичного характера, но более подробно запись учащихся 7-го класса горьковской средней школы № 1 у тов. Вагиной:

«Римская культура»

I. Архитектура. Арки, своды, водопроводы, дороги и мосты. Термы (бани).

II. Скульптура: статуи императоров и других деятелей, барельефы.

III. Философия. Стоики (долг и воля) и эпикурейцы (наслаждение).

IV. Историка.

1) Юлий Цезарь «Записки о Галльской войне».

2) Иосиф Флавий.

3) Тит Ливий (при Августе). I в. до н. э.

4) Тацит (при Траяне).

V. Литература. «Золотой век».

Меценат — богатый, покровитель художников и поэтов.

1. Поэт Вергилий. Сын крестьянина, получил прекрасное образование. Он идеализирует деревенскую жизнь. «Буколики», «Энеида», Подражание «Илиаде» и «Одиссее» Гомера. Влияние Греции. Описываются приключения Энея по пути из Трои в Италию.

2. Поэт Гораций. Писал оды, хвалебные гимны в честь Августа.

3. Овидий. Писал рассказы в стихах о богах и героях под названием «Метаморфозы». Август сослал его на берег Черного моря. Он жил среди варваров и очень страдал.

4. Комедия. Плавт и Теренций. Римляне любили больше цирк, чем театр, и больше комедии, чем драмы.

VI. Римское законодательство. Римское право стояло очень высоко.

VII. Классовый характер римской культуры — культуры на службе рабовладельческого общества».

В одной из горьковских средних школ преподавательница 7-го класса в начале года провела краткую запись содержания нового материала (учащиеся списывали его с доски), а затем перешла к диктовке сжатой записи; во 2-м полугодии учащиеся уже стали сами кратко записывать ее рассказ. Преподавательница считает, что запись большинством учащихся ведется неплохо (лишь 3—5 человек до конца года не научились записывать, для них она сама составляет сжатую запись, и ребята списывают ее во внеурочное время).

Однако ведение самостоятельных записей учащимися 7-го класса надо признать неправильным. Выигрыш во времени, несомненно, идет за счет качества исторических восприятий и их полноты. Просмотр тетрадей даже лучших учащихся 7-го класса с несомненностью убеждает в том, что они крайне плохо записывают рассказ учителя и ведение самостоятельной записи для них еще преждевременно.

Иначе обстоит дело в 9-м и 10-м классах средней школы. Здесь ученики уже подготавливаются к будущим занятиям в вузах, где от них потребуются записи лекций, умение быстро схватывать мысль, четко ее формулировать и фиксировать. Учащиеся, вынужденные средней школой в вузы, до сих пор жаловались на то, что средняя школа не дала им умения работать с книгой и записывать лекции.

Таким образом, перед преподавателями 10-х классов, отчасти и 9-х, стоит серьезная задача — научить учащихся записывать в классе со слов преподавателя. Отсюда требование введения в практику работы самостоятельной записи учащихся.

Каковы педагогические и методические требования к такого рода работе с учащимися? Разработанной методики по этому вопросу мы не имеем, потому надо обобщить практику лучших преподавателей.

Практика показывает, что учащиеся стремятся записать рассказ учителя возможно более подробно. Таким образом, они обычно не конспектируют, а записывают

весь рассказ. Трудность правильного ведения записи состоит в том, что часто и опытный слушатель не знает, что записывать, так как не знает, что в рассказе является главным и что второстепенным. Поэтому учителя при рассказе должны соблюдать следующие условия, которые облегчат запись учащихся.

В рассказе должен быть четкий план с видимым разграничением частей. План надо сообщить учащимся перед рассказом. Это займет 3—5 минут, но даст большие преимущества при записи. Строго по этому плану и должен вестись рассказ, при этом в процессе рассказа надо отделять одну его часть от другой, чтобы учащиеся видели, что выполнена какая-то часть плана и что преподаватель переходит к следующему разделу. Делению рассказа по плану поможет правильному его восприятию и облегчит его записывание.

Рассказ должен вестись медленно, причем учитель наблюдает за тем, как учащиеся записывают, поспевают ли они. Все трудные слова, названия, даты объясняются и записываются на доске.

По объему запись обычно занимает страницу или полторы ученической тетради. Такой объем в основном приемлем, однако почти во всех записях встречаются те или иные недочеты.

Наиболее крупными, типичными дефектами записей являются те, которые вытекают из несоблюдения учителем программных требований. Это прежде всего перегрузка записей материалом сверх программы, перегрузка хронологическими датами.

Недостатком записей является также то, что в них обычно нет обобщений. Часто встречаются неверные объяснения исторических событий, а иногда и прямая историческая безграмотность.

По своей форме записи довольно разнообразны. Основные виды:

Запись в форме простого (краткого) плана.

Запись в форме сжатого связного рассказа.

Запись, состоящая из краткого плана со сжатым связным рассказом по этому плану как ответ на вопросы плана.

Запись с разделением на части, каждая из которых имеет заголовок (органическое соединение плана и рассказа).

Запись в виде развернутого плана.

Запись, в которой комбинируется развернутый план с элементами связного рассказа (иногда с введенным схем, диаграмм, рисунков, цитат).

Какой из этих форм следует отдать, с точки зрения методики, предпочтение?

Педагогически и методически соображения говорят, по нашему мнению, о пре-

имуществом записей двух последних типов, в особенности самого последнего (по этому образцу ведется запись преподавательницей истории в горьковской средней школе № 1 тов. Вашиной).

Основные преимущества такой формы записи состоят в ее максимальной сжатости и гибкости (имеется возможность дать точные формулы, определения, связные описания, характеристики, выводы) и в том, что она требует большей активности учащихся.

Различные приемы проведения записей в основном сводятся к следующим:

Запись учителем на доске и списывание учащимися текста с доски.

Диктовка записи учителем.

Сплошная самостоятельная запись учащимися рассказа учителя.

Главные методические требования к первой форме записи (списывания с доски) можно свести к следующим правилам:

Запись готовится преподавателем дома; на доску он переписывает уже заранее подготовленный текст.

Запись пишется четко.

Запись обязательно прочитывается или в процессе написания или после (лучше и то и другое). Это очень важно, так как приучает учащихся к правильному произношению исторических названий, имен, терминов.

Важнейшие места, требующие внимания (например даты), подчеркиваются.

Из возможных вариаций применения указанных выше примеров наиболее правильным является следующее распределение этих приемов в их применении по классам:

а) в 5—6-х классах — списывание с доски;

б) в 7—8-х классах — диктовка записи, составленной учителем;

в) в 9—10-х классах — запись конспекта рассказа учителя.

Переход от одного приема к другому должен быть постепенным: например в 7-м классе возможно чередование записей с доски наиболее трудных уроков и записей под диктовку с постепенным преобладанием последних.

В 9-х классах можно применять запись под диктовку трудных уроков с переходом к записям сплошным, сначала коротким, затем более длинным.

Во всех случаях обязательно применение ряда мер, помогающих учащимся избежать ошибок в записях, обязательна запись на доске новых имен и названий, трудных и новых слов, хронологических дат.

Постепенность перехода от более простого приема к более сложному может заключаться и в том, что для одних учащихся

проводится самостоятельная запись, а другими временно практикуется списывание с текста, данного преподавателем, как это делается в 7-м классе горьковской средней школы № 8.

* * *

Вопрос об использовании записей учащихся в домашней и классной работе, к сожалению, мало изучается. В тех случаях, когда запись проводилась в виде сжатого связного рассказа, учащиеся сравнительно легко запоминают ее и передают в ответе слово в слово. Но если задать вопрос по материалу, находящемуся в середине записи или в ее конце, учащиеся теряются и затрудняются ответить.

Поэтому целесообразнее давать запись, расчлененную по определенному плану.

Вот пример правильного использования записей.

В муромской средней школе преподаватель истории тов. Рассадкин в рассказе о Финикии дает красочное описание далеких путешествий финикийских мореплавателей, рассказывает легенду о том, как финикийцы научились добывать пурпуровую краску, о человеческих жертвоприношениях Молоху и т. д. Ученики внимательно слушают рассказ. В последующей записи тов. Рассадкин дает очень сжато материал, примерно в том виде, как приведен у нас в записи о Финикии. На следующем уроке он требует, чтобы учащиеся в своих ответах не ограничивались только записью, но передавали бы и рассказ учителя.

Встречаются в практике и случаи, когда учащимся дается дополнительная работа надом. Например переписать дома запись в чистую тетрадь и красиво ее оформить, составить план рассказа. Если записи невелики по объему и если они потом проверяются преподавателем, такое задание вполне допустимо.

Такая работа носит в известной мере творческий характер, и ее следует рекомендовать.

Полезно также рекомендовать дополнительные работы такого рода (по Финикии например): наметить на контурной карте линии морских путешествий финикийцев, перерисовать финикийский корабль, написать

дома по памяти рассказ о путешествиях финикийцев (дополнительно к классной записи), об их культуре, выписать в хронологическую табличку даты возвышения городов Финикии, даты восстаний рабов.

* * *

Очень существенным является вопрос о проверке учителем записей в тетрадях учащихся.

Обычно преподаватели истории тетрадями не проверяют, ссылаясь на отсутствие времени. Однако необходимо, и это вполне возможно без особого напряжения, вести систематически выборочную проверку. Если преподаватель будет ежедневно тратить 1 час на проверку записей, то за день он проверит примерно тетради 4 учеников. В год, при таком расчете, преподаватель проверит и исправит у каждого ученика 7—8 записей. Такая проверка уже даст результаты: преподаватель будет в курсе владения записями учениками, будет видеть типичные ошибки учащихся и сможет обращать на них внимание всего класса. Такая проверка подтянет учеников и заставит их внимательнее относиться к записям.

Сложнее вопрос с проверкой записей в тех случаях, когда учащиеся ведут сплошную запись рассказа учителя. Записи тогда слишком обширны, и учитель не может в 1 час проверить 4 тетради. В таком случае возможны 2 выхода: 1) брать из класса не 4 тетради, а 2, наконец, даже одну и проверить последнюю запись полностью; 2) брать из класса 3—4 тетради, проверяя лишь часть записей. Итоги получаются в общем такие же, так как в 8—10-х классах в шестидневку не 2 урока, а 4.

Большинство учителей заглядывает в тетради учащихся только тогда, когда ученики отвечают урок. Такой просмотр носит поверхностный характер и совершенно недостаточен.

Правильное ведение записей на уроках истории — совершенно необходимое условие, особенно при отсутствии учебника, для того, чтобы качество уроков истории было удовлетворительным.

БИБЛИОГРАФИЯ

И. Смирнов

«ИСТОРИЯ СССР». Том I. С древнейших времен до конца XVIII в. Под ред. проф. В. И. Лебедева, акад. Б. Д. Грекова, чл.-корр. Академии наук С. В. Бахрушина. Гос. соц.-эконом. изд-во. Москва. 1939.

Выход в свет I тома учебника истории СССР для вузов — крупное событие на фронте советской исторической науки и высшей школы.

В своей речи на совещании работников высшей школы тов. Молотов поставил перед советской наукой как центральную задачу — задачу создания полноценных марксистских учебников для высшей школы (см. В. М. Молотов «О высшей школе», стр. 10. Госполитиздат. 1938). Эта директива партии и правительства, можно сказать, вдвойне относилась к советским историкам, ибо вопрос об исторических учебниках стоял особенно остро. В то время как в науках естественных или технических отсутствие советских учебников могло быть в той или иной мере компенсировано использованием старой учебной литературы или переводных пособий, совершенно очевидно, что изучение истории невозможно строить на основе буржуазных или антимарксистских учебников.

Всего неудовлетворительнее обстояло дело с учебниками как раз по тому разделу истории, который, бесспорно, стоит на первом месте по важности и значению, — по истории СССР. Чем располагала до последнего времени высшая школа по части учебников для изучения истории СССР? Надо сказать прямо: по сути дела, ничем или почти ничем. Учебников по истории СССР не было вообще. От старой, буржуазной науки остались учебники русской истории (пример такого учебника — «Лекции» Платонова). Но нет необходимости говорить о том, насколько мало могли удовлетворять они запросам советского исторического образования. К этому надо еще добавить, что на роль «марксистского» учебника русской истории претендовали в течение длительного исторического срока учебники М. Н. Покровского и

его «школы», в которых вместо подлинной марксистской науки пропагандировались «антимарксистские, антиленинские, по сути дела ликвидаторские, антинаучные взгляды на историческую науку» (сборник «К изучению истории», стр. 21. Партиздат. 1937).

Огромное значение, придаваемое партией и правительством делу развития советской исторической науки, непосредственное руководство исторической наукой со стороны Центрального Комитета партии и лично товарища Сталина создали все необходимые предпосылки для ее расцвета.

За последние годы советская историческая наука добилась ряда серьезных достижений, хотя и не преодолела еще своего отставания от стоящих перед ней задач. К числу этих достижений относится выход в свет учебника истории СССР для 3 и 4-го классов под редакцией проф. Шестакова и ряда исторических учебников для вузов. К числу серьезных достижений советской исторической науки надо отнести и создание первого вузовского учебника по истории СССР.

Перед нами действительно учебник истории СССР, а не русской истории. История народов, которые вошли в состав СССР, занимает видное место в книге. История Украины и Белоруссии, северокавказских и закавказских народов, народов Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока, народов Поволжья дана в учебнике начиная с древнейших времен и до конца периода, охватываемого I томом. Можно признать, что авторам в известной мере удалось, помимо великорусского народа, «вести в качестве субъектов истории также и другие народы, поработанные царской монархией и освобожденные от национального гнета Великой Социалистической революцией», — задача, не решенная, как это отметило Жюри Правительственной комиссии, авторами, участвовавшими в конкурсе на учебник истории СССР в 1936—1937 годах (сборник «К изучению истории», стр. 37). Однако и в рецензируемой книге изложение истории отдельных народов далеко не всегда удовлетворяет требованиям, предъявляемым к исторической науке марксистской теорией. Особенно это следует сказать о разделах, посвященных древнейшей истории народов Закавказья и Средней Азии, где вопросы династической и военной истории отнесли на задний план историю гражданскую. Между тем «...историческая наука, если она хочет

быть действительной наукой, по может больше сводить историю общественного развития к действиям королей и полководцев, к действиям «завоевателей» и «покорителей» государств, а должна, прежде всего, заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов» (Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 552. 11-е изд.). К недостаткам изложения вопросов истории народов СССР относится также то, что древнейшая история народов дана гораздо полнее и подробнее чем более поздняя. Наиболее ярко это заметно на истории Закавказья и Средней Азии. Так, история Закавказья до монгольского завоевания занимает в учебнике около 28 страниц, история Закавказья в период монгольского завоевания — 3 страницы, затем Закавказье вообще исчезает из учебника вплоть до XVII века, где на весь параграф «Кавказ в XVII веке» (включающий в себя, помимо истории Закавказья, и историю Северного Кавказа) отведено 3 страницы. Наконец, в XVIII веке история народов СССР (за исключением Украины) вообще сведена к одному параграфу «Народы Российской империи и колониальная политика» размером в 6 страниц. Такая своеобразная «затухающая кривая» в изложении истории народов СССР никак не может быть одобрена, ибо она приводит к неправильному представлению о действительной истории отдельных народов. Отмечая эти недостатки учебника, связанные с вопросами изложения истории народов СССР, надю, однако, подчеркнуть, что они в значительной степени объясняются как неразработанностью истории ряда народов СССР, так и новой задачей создания единой истории СССР.

Первый том учебника охватывает историю СССР с древнейших времен до конца XVIII века. Это, следовательно, период древнейшей истории народов СССР, в основном не выходящий за рамки феодально-крепостнического строя. В основу периодизации истории СССР авторы положили сталинскую характеристику основных этапов истории человечества, данную в работе товарища Сталина «О диалектическом и историческом материализме», и «Замечания» товарищей Сталина, Кирова и Жданова на конспекты учебников истории СССР и новой истории. Это позволило авторам установить три больших раздела, на которые делится I том «Истории СССР»: 1) «Древнейшая история народов, обитавших на территории СССР», 2) «Период феодальной раздробленности» и 3) «Феодальное абсолютистское государство». Такую периодизацию можно принять и признать правильной. Она нуждается, быть

может, только в редакционном уточнении. Так, первый раздел правильнее было бы назвать просто «Древнейшая история народов СССР», ибо речь в нем идет не только о народах, когда-то «обитавших» в СССР, но прежде всего о народах, являющихся предками современных народов, населяющих СССР. Точно так же третий раздел лучше озаглавить «Абсолютистско-феодальное государство». Именно эту формулу предлагают товарищи Сталин, Киров и Жданов в своих «Замечаниях» («Абсолютистско-феодальный порядок»), и она имеет то преимущество перед формулой «Феодальное абсолютистское государство», что на первое место выдвигает то новое, что отличает этот период от периода феодальной раздробленности (подчеркивая вместе с тем феодальную основу абсолютистского государства).

Кардинальное значение для древнейшей истории народов СССР имеет вопрос о рабовладельческом строе у народов СССР. В общей форме ответ на этот вопрос дан в работе товарища Сталина «О диалектическом и историческом материализме», где прямо говорится, что «На протяжении трех тысяч лет в Европе успели смениться три разных общественных строя: первобытно-общинный строй, рабовладельческий строй, феодальный строй, а в восточной части Европы, в СССР сменились даже четыре общественных строя» (И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 548. 11-е изд.). Но в плане конкретно-историческом вопрос о рабовладельческом строе у народов оставался спорным и дискуссионным. Достижением учебника является то, что вопрос о рабовладельческом строе в истории нашей родины дан в правильном освещении. В учебнике прямо говорится о существовании на территории нашей страны рабовладельческой формации «в Закавказье, Средней Азии, в древнегреческих колониях на побережье Черного моря» (стр. 8). К сожалению, правильной формуле по вопросу о рабовладельческом строе, данной во «Введении», не во всех частях учебника соответствует изложение конкретной истории. Так, если для древнего Закавказья дается четкая характеристика и общественного строя государства Урарту (стр. 24) и древней Армении (стр. 32) как строя рабовладельческого, то при изложении древней истории Средней Азии характеристика общественного строя отсутствует вовсе.

Правильно решен в учебнике вопрос о рабовладельческом строе в применении к Киевскому государству. Признавая наличие рабства как уклада у восточных славян, учебник отвечает отрицательно на вопрос, была ли Киевская Русь рабства-

дельческим обществом. Следовало бы, однако, несколько более подробно остановиться на этом вопросе, в частности полнее осветить роль славян в разрушении античной рабовладельческой цивилизации (славяне и Византия) (см. Б. Д. Греков «Была ли Киевская Русь обществом рабовладельческим?» в дискуссию по докладу Б. Д. Грекова — «Историк-марксист» № 4 за 1939 год).

Период древнейшей истории народов СССР — это вместе с тем и период образования классового общества на территории СССР, время возникновения первых государств. Среди этих первых государств важнейшее место (в смысле его исторической роли) занимает Киевское государство. Поэтому истории Киевского государства в учебнике отведено, вполне правильно, значительное место. Разработка вопросов истории Киевского государства принадлежит к числу несомненных достижений советской исторической науки. Положив в основу своих исследований принципиальные высказывания о Киевской Руси классиков марксизма, советские историки получили возможность правильно определить природу Киевского государства и его место в истории СССР, доказав равную несостоятельность и великодержавных теорий русских дворянско-буржуазных историков, и националистических концепций украинских буржуазно-националистических историков, и антимарксистской попытки «ликвидировать» Киевскую Русь в работах М. Н. Покровского и его «школы».

В учебнике история Киевского государства трактуется как один из важнейших периодов в истории Восточной Европы, причем историческое значение киевского периода определяется следующей формулой: «Киевский период — не начальный период нашей истории: ему предшествует несколько столетий уже пройденного пути, но он — один из важнейших моментов нашей истории, определивший наше место в истории европейских государств» (стр. 106).

Начало периода феодальной раздробленности в учебнике датируется серединой XI века. Это вполне правильная датировка, находящаяся в соответствии с марксовой периодизацией истории «империи Рюриковичей» и целиком подтверждаемая объективными данными. Крупнейшим событием в истории СССР этого периода является монгольское завоевание. И общая характеристика завоевания и оценка реакционной роли монгольского ига в истории народов СССР даны в учебнике верно, на основе характернейших монголо-татарского ига в работах Маркса и Сталина. То же следует сказать и о разделе, посвященном

истории борьбы против немецко-шведской феодальной агрессии XII—XIII веков.

К сожалению, эту положительную оценку нельзя распространить на весь раздел о периоде феодальной раздробленности, ибо как раз в этом разделе авторы учебника допустили крупную принципиальную ошибку и оказались на неверных позициях. Мы имеем в виду трактовку в учебнике процесса ликвидации феодальной раздробленности и создания на основе определения феодальной раздробленности нового, абсолютистско-феодального централизованного государства.

Это результат неправильного понимания сталинского учения о многонациональных государствах Восточной Европы.

Учение товарища Сталина о многонациональных государствах Восточной Европы и, в частности, о России как многонациональном государстве авторы учебника как будто восприняли в плане неприменимости к странам Восточной Европы понятия национального государства и, в частности, русского национального государства.

В действительности же учение товарища Сталина о России как многонациональном государстве вовсе не исключает понятия русского национального государства. Па-протии, сам товарищ Сталин прямо называет Россию национальным государством. Так, в беседе с Эмилем Людвигом товарищ Сталин дважды называет Россию времени Петра I национальным государством помещиков и торговцев. Следовательно, товарищ Сталин считал применимым к России понятие национального государства и сам применял это понятие.

Так же отчетлива в данном вопросе позиция Ленина. В своих замечательных тезисах по национальному вопросу Ленин дает следующую формулу по вопросу о России как национальном государстве: «Россия — национальное государство в основе, базе, центр (Псков—Ростов на Дону). Окраины—национальности. Крайний гнет» (Ленинский сборник XXX, стр. 65). И в другом месте тезисов: «Национальный гнет в России при национальном государстве в базе и национальном угнетении на окраинах» (там же, стр. 66). Ленинская формула, определяя Россию как «национальное государство в основе, базе», дает вместе с тем ключ и к правильному пониманию соотношения между понятиями национального и многонационального государства. Ибо, если царская Россия в основе, в базе была государством национальным, то, взятая в целом, вместе с «окраинами», представляла собой многонациональное государство, была «тюрьмой народов».

Сталинское учение о многонациональных государствах Восточной Европы вскрывает особенности национального развития народов Восточной Европы, вызванные особенностями исторической обстановки этой части Европы. Основная особенность национального развития народов Восточной Европы заключалась в том, что «на востоке Европы процесс появления централизованных государств шел быстрее процесса складывания людей в нации» (И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 97 — 98). Это совпадение во времени «процесса образования национальностей и ликвидации феодальной раздробленности» объясняется характером исторического развития восточноевропейских стран: Венгрии, Австрии, России: «В этих странах капиталистического развития еще не было, оно, может быть, только зарождалось, между тем как интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия» (там же, стр. 97).

Итак, политическая централизация в странах Восточной Европы произошла раньше, чем завершился процесс национальной консолидации у восточноевропейских народов. Значит ли это, однако, что процесс национальной консолидации у народов Восточной Европы к моменту образования централизованных государств вообще отсутствовал? Конечно, нет. Процесс национальной консолидации шел и у народов Восточной Европы, но он шел, во-первых, медленнее процесса политической централизации и, во-вторых, неравномерно, особенно отставая у слабых политически и неразвитых экономически национальностей. Наличие таких слабых, неразвитых политически, не консолидировавшихся экономически национальностей являлось одним из условий возможности образования многонациональных государств: «Этот своеобразный способ образования государств мог иметь место лишь в условиях неликвидированного еще феодализма, в условиях слабо развитого капитализма, когда оттертые на задний план национальностей не успели еще консолидироваться экономически в целостные нации» (И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 17). Однако наряду с наличием таких национальностей, оттертых на задний план и не успевших еще консолидироваться экономически в целостные нации, товарищ Сталин в качестве другого условия образования многонациональных государств указывает обязательное наличие одной более развитой нации, которая и возглавляет процесс образо-

вания таких государств. Товарищ Сталин специально подчеркивает эту сторону проблемы образования многонациональных государств, говоря, что «...на западе Европы зарождаются чисто национальные государства без национального гнета, а на Востоке зарождаются многонациональные государства с одной, более развитой, нацией во главе и с остальными, менее развитыми, нациями, находящимися в политическом, а потом и в экономическом подчинении нации господствующей» (там же, стр. 98).

Таких, более развитых наций для Восточной Европы, возглавивших процесс образования многонациональных государств, товарищ Сталин насчитывает три: это немцы в Австрии, мадьяры в Венгрии и великороссы в России. В чем заключался более высокий уровень национального развития великороссов, позволивший им взять на себя роль объединителя национальностей, роль создателя многонационального государства? Товарищ Сталин дает на этот вопрос исчерпывающий ответ: «В России роль объединителя национальностей взял на себя великороссы, помещенные во главе исторически сложившуюся сильную и организованную дворянскую военную бюрократию» (там же, стр. 17). Итак, товарищ Сталин считает выражением более высокого уровня национального развития великороссов то, что у великороссов исторически сложилась сильная и организованная политическая власть в лице дворянской военной бюрократии. Что подразумевает товарищ Сталин под этой исторически сложившейся, сильной и организованной дворянской военной бюрократией? Ответ может быть только один: несомненно, русское дворянско-помещичье централизованное государство. В создании этого государства товарищ Сталин и видит выражение национальной консолидации великороссов, сделавшей их более развитой нацией по сравнению с другими национальностями России.

Но если в образовании русского дворянско-помещичьего бюрократического государства нашел свое выражение процесс национальной консолидации великороссов, то это и значит, что русское дворянско-бюрократическое государство являлось национальным государством великороссов, русским национальным государством (следует отметить, что процесс экономической консолидации не был завершён к моменту образования русского национального государства и у великороссов. Ленин указывает, что процесс экономической консолидации великороссов в нацию завершается лишь с образованием «всероссийского рынка», что открывает, по Ленину, «новый период русской истории», датируемый им временем «(примерно с 17

века)» (Ленин. Сочинения. Т. I, стр. 73). Таким образом, одной из особенностей процесса образования великорусской нации является то, что политическое национальное единство у великороссов было осуществлено еще до завершения процесса экономической консолидации этой нации).

Разрешало ли, однако, сознание русско-го национального государства стоявшую перед странами Восточной Европы задачу удержания напора нашествия турок, монголов и других народов Востока? Нет, ибо разрешение этой задачи требовало политической централизации всей России, которая была, однако, невозможна на путях создания ряда национальных государств на территории России, так как остальные национальности не успели еще к этому времени экономически и политически консолидироваться. Поэтому процесс политической централизации не мог закончиться созданием централизованного национально-го государства великороссов, а должен был охватить всю национальность России. Но это было возможно лишь в форме многонационального государства во главе с более сильной нацией великороссов, господствующий класс которой — дворяне-помещики — насильственно объединил в единое, централизованное государство другие народности России. Это означало превращение России в многонациональное государство, хотя в основе, в базе России продолжала сохранять свой характер национально-го государства великороссов, русско-го национального государства.

Несмотря на столь определенные высказывания классиков марксизма мы, однако, вовсе не найдем в рецензируемой книге категории «русского национального государства». Лишь в одном месте, в главе о русских княжествах под властью монгольских завоевателей, говорится (в противоречии с остальным текстом книги) о процессе образования национального государства (стр. 177). Вместо нее авторы вводят понятия «объединенного русского государства» (стр. 299), «единого русского государства» (стр. 307), «централизованного феодального русского государства» (стр. 346), наконец, просто «русского государства», общим признаком которых является то, что во всех этих терминах отсутствует момент национальный. В соответствии с этим авторы вместо процесса образования русского национального государства вводят понятие «процесса феодальной концентрации». Существо «процесса феодальной концентрации» авторы определяют как «концентрацию феодальных сил» (стр. 212, 244) «вокруг усиливавшейся великокняжеской власти» (стр. 221) или как «процесс политической концентрации феодальных владений» (стр. 289). Таким обра-

зом, смысл введенного понятия «феодальной концентрации» заключается в том, что оно противопоставляется понятию «национального единства» подчеркиванием, что речь идет не о процессе установления политического национального единства, а о концентрации феодальных сил вокруг феодального же центра. Но при таком взгляде на процесс образования централизованного русского государства выпадает основание для признания прогрессивности этого процесса. Ибо прогрессивность централизованных абсолютистско-феодальных государств, приходящих на смену феодальной раздробленности, классики марксизма усматривали прежде всего в том, что в создании этих государств находит свое выражение процесс образования нации путем установления национального единства. С точки же зрения авторов учебника, русское централизованное государство являлось лишь простой концентрацией феодальных сил.

Методологические корни допущенной авторами учебника ошибки по вопросу о русском национальном государстве заключаются в том, что они механически противопоставили друг другу понятия «национального» и «многонационального государства», в действительности вовсе не исключających (а при определенных условиях и предполагающих) возможность их единства. Это помешало авторам учебника правильно понять сталинское учение о многонациональном государстве и привело их на неверные позиции.

Из круга вопросов, относящихся к эпохе образования абсолютистско-феодального государства в России, следует остановиться на вопросах датировки отдельных этапов, связанных с образованием этого государства. Каким временем датировать решающий момент в процессе образования централизованного государства в России? Учебник датирует этот момент временем царствования Ивана IV: «Середина и вторая половина XVI в. — время царствования Ивана Грозного, является решающим моментом в истории оформления централизованного феодального государства и постепенного превращения его в многонациональное» (стр. 349). Такая характеристика времени Ивана Грозного является едва ли верной. При всем огромном значении царствования Ивана IV для укрепления и развития централизованного государства (реформы 50-х годов, опричнина) нельзя считать середину и вторую половину XVI века решающим моментом в образовании (или «оформлении») централизованного государства. Этот решающий момент надо отодвинуть на столетие назад — на вторую половину XV века, на время Ивана III. Историческое значение времени Ивана III в том и заключается, что это было

время решающей победы государства нового типа, государства централизованного, над государством старого типа, феодально-раздробленным. Правильное соотношение между эпохой Ивана III и эпохой Ивана IV, между второй половиной XV века и второй половиной XVI века заключается в том, что при Иване IV завершается процесс образования централизованного государства, создавшегося во второй половине XV века. О решающем же значении времени Ивана IV можно говорить лишь по отношению к процессу создания многонационального государства. Здесь действительно завоевание Поволжья и дальнейшее продвижение на Восток превращают русское государство второй половины XVI века в государство многонациональное.

Чтобы закончить разбор разделов учебника, посвященных периоду феодальной раздробленности и образованию централизованного государства, следует кратко остановиться на вопросах социально-экономической истории этого периода. В этой части учебник заслуживает, несомненно, положительной оценки. Вопросы социально-экономической истории изложены в учебнике достаточно подробно и относительно полно. Организация феодального хозяйства, землевладение и его виды, классовая структура феодального общества, специфические формы феодальной собственности и феодального права (феодальная иерархия, междукняжеские отношения, вассалитет, поместье и вотчина и т. д.) — все эти вопросы освещены в большей или меньшей степени на страницах учебника. В качестве недостатков здесь можно указать на то, что из характеристики социально-экономического строя феодальной Руси почему-то совершенно выпал вопрос о сельской общине, о «волостях», в связи с чем характеристика «черных земель» и «черных людей» получилась чисто юридическая, формальная: как тяглых земель и тяглого населения (стр. 203). Другим недостатком в разделе социально-экономической истории является совершенно недостаточное место, уделенное в нем истории крестьян. Надо сказать, что истории крестьян в учебнике вообще не повезло и она не заняла того места, которого она заслуживала как одна из важнейших вопросов социальной истории периода феодализма.

Содержательна и интересна глава учебника, посвященная времени царствования Ивана IV. Но изложение истории одного из самых спорных периодов в истории феодальной Руси в учебнике во многом сохраняет дискуссионный характер. Так например анализ политической истории 50-х годов XVI века не дает, как нам кажется, оснований для характеристики политики

этого времени как политики компромисса между боярством и дворянством (стр. 337). Трудно разобраться и в формуле учебника, определяющей отношение «избранной рады» к царской власти: «Проводя, с одной стороны, политику укрепления царской власти, бояре, примыкавшие к Аташаеву, хотели поставить ей известные пределы» (стр. 377). Эклектический характер этой формулы, пытающейся объединить в одно целое противоположные точки зрения на «избранную раду», бросается в глаза. Нельзя согласиться и с трактовкой причин падения «избранной рады»: «Избранная рада» пошатнулась, когда дворянство отшло от нее, неудовлетворенное результатами ее компромиссной политики» (там же). Правильнее перевернуть эту формулу: падение «избранной рады» объясняется ее отходом от дворянской линии политики правительства Ивана IV и эволюционированием «рады» в сторону блока с боярством.

Глава «Крестьянская война начала XVII в. и польско-шведская интервенция» по своему содержанию не вызывает принципиальных возражений. И польско-шведская интервенция и народная борьба против нее даны в правильном освещении. То же следует сказать и о восстании Болотникова. На примере этой главы отчетливо видна большая работа, проделанная советской исторической наукой по разоблачению антимарксистских взглядов Покровского и его «школы». Но в то же время глава не лишена и недостатков. К числу их надо прежде всего отнести некоторую элементарность изложения. Рассказ о событиях преобладает над историческим анализом. Поэтому, например, отсутствует периодизация эпохи. Между тем признание несостоятельности периодизации «Смуты» Ключевского и Платонова вовсе не снимает вопроса о периодизации событий этой эпохи вообще. Та же черта сказывается и в том, что при характеристике взглядов классиков марксизма дело сводится главным образом к приведению ряда цитат почти без комментария. Имеются и отдельные неточности и ошибки конкретного порядка. Так, восстание Хлопка ошибочно датировано 1603 годом (стр. 415). Правильная дата — 1602 год. Ошибкой является и несомненная переоценка роли церкви в организации народного движения против интервентов. Это заметно и в характеристике Гермогена и особенно в изображении роли Троицкого монастыря и Авраамия Палицына в движении Минина и Пожарского. Троицкий монастырь (совсем по Авраамию Палицыну!) выступает в роли какого-то надклассового арбитра, стремящегося примирить между собой дворянство и казачество и организовать общий фронт

борьбы против интервентов (стр. 446). Следовало бы гораздо более критически отнестись к апологетике «Сказания» Авраамия Палицына и вместе с тем показать и то, что значительная часть церковников выступала в роли прямых и косвенных пособников интервентов (в том числе и сам А. Палицын).

XVII век в истории СССР — классический век массовых социальных движений, и поэтому они, естественно, выступают на первый план в разделе учебника, посвященном истории XVII века. Городские восстания 40, 50 и 60-х годов, восстание Степана Разина, восстания народов Поволжья и Приуралья (балтикры), восстания в Сибири — такова линия развития классово-борьбы в XVII веке. Народная война против панской Польши на Украине и в Белоруссии 1648 — 1654 годов и предистория этой войны в виде казацко-крестьянских восстаний начинаются с конца XVI века — такова другая важнейшая группа социальных движений в истории СССР XVII века. Наконец, крупным социальным движением (в религиозной оболочке) является раскол и связанные с ним явления. Все эти вопросы, занимавшие чрезвычайно незначительное место в «историях России» XVII века буржуазных историков, в учебнике истории СССР — и в этом находят свое выражение принципиальное различие между марксистским и буржуазным учебником — занимают виднейшее место.

Вопросы экономической истории XVII века излагаются в учебнике, исходя из замечательной ленинской характеристики экономического развития России, данной в «Что такое «друзья народа», и из ленинской характеристики крепостного хозяйства. Наконец, руководящее значение для вопросов политической истории XVII века имеет ленинская характеристика самодержавия. Но, кладя в основу построения экономической истории XVII века эти ленинские высказывания, учебник не всегда с достаточной ответственностью относится к ленинским текстам, допуская неточную передачу ленинских мыслей. Ленинская характеристика крепостного хозяйства передается в учебнике так: «1) господство натурального хозяйства; 2) наделение земель как «привязание работника к земле», как «орудие эксплуатации» крестьянина; 3) личная зависимость от помещика, система «внеэкономического принуждения». В «Развитии капитализма в России» добавляется еще четвертый признак: технико-экономическая отсталость хозяйства как прямой результат крепостной системы (стр. 473). В приведенном тексте допущены, по меньшей мере, две неверных формулировки ленинских мыслей. Вторым условием преобладания барщинного хозяй-

ства Ленин считает наделение непосредственного производителя «средствами производства вообще и землей в частности» (В. И. Ленин. Соч. Т. III, стр. 140). Учебник же свел его только к одному наделению землей. Четвертым признаком барщинного хозяйства Ленин считает не «технико-экономическую отсталость хозяйства», а «крайне низкое и рутинное состояние техники» (там же, стр. 141), что совсем не одно и то же, и считает отсталость техники не «результатом крепостной системы», а «условием и следствием отсталой системы хозяйства» (там же, стр. 140). Наконец, сама редакция второго пункта характеристики крепостного хозяйства в учебнике крайне неудачна (конструкция фразы допускает возможность понимания «работника» и «крестьянина» как две самостоятельные социальные категории). Нет необходимости подчеркивать неточность такого «вольного» обращения с ленинскими текстами, да к тому же еще в учебнике, «где должно быть взвешено каждое слово и каждое определение» (сборник «К научению истории», стр. 24). Здесь вообще уместно сказать, что несмотря на двойную редакцию, академическую и издательскую, все же редакция текста проведена недостаточно тщательно. Поэтому в учебнике имеются иногда расхождения по одному и тому же вопросу (в разных разделах), неточности и даже фактически ошибки. Так например в разделе XVI века по вопросу о происхождении чехов принята гипотеза П. А. Сапжкова (стр. 363), а в разделе XVII века вновь излагается гипотеза о возникновении чехов, но уже с другой гипотезы Градовского (стр. 491). Выше было отмечено расхождение по вопросу о русском национальном государстве. По воле унифицировано название имен: Пассевино (стр. 374) и Пассевин (стр. 551), Пбак (стр. 297) и Прак (стр. 311). Есть неточности в хронологии. Так, в тексте (стр. 295) разгром Киева Менши-Гиреем датирован 1483 годом, а в хронологическом указателе — 1482 годом. Челобитная московских купцов об отмене привилегий посторонним купцам датирована то 1648 годом (стр. 483), то 1649 годом (стр. 469). В главе о немецко-шведской феодальной агрессии «захват северо-восточной Руси татарами» ошибочно датирован 1237 годом (стр. 191). Неадекватны переводы латинских текстов. Так, повеление крестьян XIV века «руды прудить» переводится словами «копать пруды» (стр. 200), тогда как она означала как раз обратное: делать заруды (вероятно, весной, после половодья); в народном языке до сих пор сохранилось выражение «хоть пруд пруди» для обозначения чрезмерного изобилия какого-нибудь продукта, когда

его некуда девать. Не всегда уместна терминология. Так, «старейшина в земле Пижорской» Пелгусий назван «начальником пограничного отряда» (стр. 191). Про Минина сообщается, что он заведывал хозяйственной частью в ополчении (стр. 445), и т. д.

Раздел учебника, посвященный XVIII веку, естественно, делится на две части: история петровской эпохи и история остальной части XVIII века. Глава о Петре I написана содержательно и исходит в характеристике петровской эпохи из высказываний о Петре Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Поэтому мы ограничимся только двумя замечаниями: одно из них — порядка терминологического, другое — по существу. Нам кажется неудачным самое название главы — «Военно-бюрократическая империя Петра I». Гораздо точнее и правильнее распространить на государство времени Петра I название «Дворянская империя», как названа в учебнике Россия послепетровского периода. Ибо время возникновения дворянской империи — как раз царствование Петра I.

Второе замечание относится к определению исторического значения петровской эпохи (стр. 645). Правильно подчеркивая прогрессивность деятельности Петра I, учебник, однако, не показывает того, что Петру I все же не удалось преодолеть вековой отсталости России. Между тем мы имеем печернывающие указания товарища Сталина по этому вопросу. Охарактеризовав деятельность Петра I как «своеобразную попытку выскочить из рамок отсталости», товарищ Сталин продолжает: «Вполне понятно, однако, что ни один из старых классов, ни феодальная аристократия, ни буржуазия, не мог разрешить задачу ликвидации отсталости нашей страны. Более того, эти классы не только не могли разрешить эту задачу, но они были неспособны даже поставить ее, эту задачу, в сколько-нибудь удовлетворительной форме. Вековую отсталость нашей страны можно ликвидировать лишь на базе успешного социалистического строительства. А ликвидировать ее может только пролетариат, построивший свою диктатуру и держащий в своих руках руководство страной» (Н. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 359. 9-е изд.).

Ясно, что характеристика исторического значения петровской эпохи должна была включить в себя указание на то, что Петру I не удалось ликвидировать вековой отсталости России.

Последние главы учебника («Дворянская империя 1725—1726 годов», «Дворянская империя при Екатерине II») принадлежат к числу наименее удачных. Если

параграфы о хозяйстве XVIII века и развитии крепостного права дают в общем верное освещение социально-экономической истории России XVIII века, то в части, касающейся политической истории середины и второй половины XVIII века, названные главы подлежат существенной переработке. Главным недостатком изложения политической истории XVIII века является то, что центр тяжести оказался перенесенным с характеристики эпохи на характеристики лиц, при этом преобладающе характер скорее психологический чем политический. Этот психологизм сказывается и на объяснении политики самодержавия XVIII века. В результате мы не находим в учебнике четкой характеристики самодержавия как диктатуры крепостников-помещиков, не находим отчетливой картины взаимоотношений между самодержавной властью и классом дворянства. Так, дворянское законодательство Анны объясняется не классовой природой самодержавия, а тем, что «Анна Ивановна чувствовала себя в некотором долгу перед дворянством, сознавала рост его политического влияния и, давая новых политических прав, готова была удовлетворить дворянские желания вне чисто политической области» (стр. 664). По такой же схеме объясняется и крепостническая политика Екатерины II по крестьянскому вопросу: «Екатерина была всецело обязана престолом дворянству. Этим отчасти надо объяснять и ее отношение к крестьянству...» (стр. 683). Общая же характеристика движущих мотивов политики Екатерины II приобретает следующий вид: «Реальные политические условия, исключительное властолюбие и желание насладиться приобретенной властью были непосредственной пружиной деятельности Екатерины» (стр. 681). Недостаток классового анализа политической истории XVIII века не компенсируется обилием деталей из жизни и быта царей и царей XVIII века, деталей, порой несущих анекдотический характер, которыми перегружены эти главы учебника.

В заключение следует отметить как положительную черту учебника то, что в изложении введены элементы историографии и историоисследования (правда, не всегда стоящие на достаточно высоком качественном уровне); приложены библиография и хронологический указатель. Технически учебник оформлен и издан вполне удовлетворительно.

Подведем итоги. Рецензируемая книга представляет собой марксистский учебник истории СССР. Созданию марксистского учебника для вузов и притом учебника по истории России, а истории СССР представляет собой несомненное достижение советской исторической науки. Написанный

коллективом, насчитывающим в своем составе виднейших историков, учебник не пользовался результатами работы советской исторической науки за последние годы. В своих основных частях учебник дает правильное, марксистское освещение вопросов истории СССР. Вместе с тем, однако, он имеет и ряд недостатков и ошибок и притом не только конкретно исторического, но и принципиального порядка.

Л. Якобсон

А. Николаева

«НОВАЯ ИСТОРИЯ». Ч. 1-я. Академия наук СССР. Институт истории. Под редакцией академика Е. В. Тарле, члена-корреспондента АН СССР А. В. Ефимова и Ф. А. Хейфец. М. Совгиз. 1939. 571 стр. 75 000 экз. 8 руб. 15 коп.

Выступая на первом всесоюзном совещании работников высшей школы 15 мая 1939 года, товарищ В. М. Молотов указывал:

«Нам нужен учебник, отвечающий современным требованиям. Он должен быть на уровне современной науки и вполне доступен учащимся по своему языку. Он должен дать необходимый объем знаний и вместе с тем готовить учащегося к его будущей практической деятельности» (В. М. Молотов «О высшей школе», стр. 12. Госполитиздат. 1938).

Создание новых советских учебников по истории, отвечающих тем высоким требованиям, которые были определены в выступлении главы советского правительства, особенно важно теперь, «когда ренатающее значение приобретает дело коммунистического воспитания трудящихся» (XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет, стр. 650. Госполитиздат. 1939).

«Краткий курс истории ВКП(б)» явился блестящим образцом марксистского исторического учебника, в котором сочетается глубокий, марксистско-ленинский анализ исторических событий с популярной, яркой формой изложения. К этому замечательному образцу должны всемерно стремиться авторы исторических учебников.

* * *

Вышедшая в свет первая часть «Новой истории» является первой книгой трехтомного учебного пособия для исторических факультетов государственных университетов и педагогических институтов.

Авторы этого учебника — коллектив научных работников Института истории Академии наук СССР: член-корреспондент АН

СССР А. В. Ефимов, проф. Р. А. Авербух, проф. А. Н. Мелок и Ф. А. Хейфец.

Учебник охватывает первый период новой истории, от французской буржуазной революции XVIII века до франко-прусской войны и Парижской коммуны, то есть «период победы и утверждения капитализма в передовых странах» (И. Сталин, С. Кривов, А. Жданов «Замечания о конспекте учебника новой истории», Сборник «К изучению истории», стр. 26. 1937).

Эту эпоху Ленин в своей замечательной статье «Под чужим флагом» (1915 год) охарактеризовал как эпоху «потема буржуазии, ее полной победы. Это — восходящая линия буржуазии, эпоха буржуазно-демократических движений вообще, буржуазно-национальных в частности, эпоха быстрой ломки переживших себя феодально-абсолютистских учреждений» (Ленин. Т. XVIII, стр. 108).

Это был период, когда буржуазии пришлось вести ожесточенную борьбу за укрепление своего классового господства. На пути победного развития буржуазии в подавляющем большинстве стран стоял помещичье-дворянский класс, связанный с отживавшим свой век феодальным землевладением. И в результате упорной борьбы между феодалами, землевладельцами и буржуазией победителем оказалась буржуазия.

В некоторых странах, в Германии и Италии, например, в течение первого периода новой истории буржуазия вела борьбу за национальное воссоединение. Классики марксизма подчеркивали, что крупные национальные государства являются единственным типом государственного устройства, соответствующим интересам правящей буржуазии. Как подчеркивает Энгельс, «...стремление к единому «отечеству» имело весьма матерьяльную почву» (Энгельс «Роль нации в истории», стр. 7. Партиздат. 1937). Эта борьба за единое «отечество» была продиктована практическими интересами буржуа, требующего устранения разнообразного местного законодательства, различных денежных систем и вексельного права, многообразных систем мер и весов и пр. и пр. Все это в огромной степени ограничивало, сужало рост экономического развития политически раздробленных стран.

Результатом этого стремления к объединению буржуазии в Германии и в Италии были многочисленные войны 50—60-х годов XIX века, закончившиеся образованием единого Итальянского королевства и Германской империи.

В течение всего первого периода новой истории шла все обостряющаяся с каждым годом жестокая борьба буржуазии за свое классовое господство, борьба, направленная против эксплуатируемого и угнетенного че-

ловечества и прежде всего против рабочего класса.

В первый период новой истории происходил процесс формирования рабочего класса — этого могильщика буржуазии, класса, на долю которого выпала великая, историческая миссия — стать освободителем человечества от оков капитализма.

Героическая борьба пролетариата против своего классового угнетателя — буржуазии — наполняет собой содержание первого периода новой истории; знаменитые жерминальские и прерильские восстания 1795 года, рабочее восстание в Анжоне 1831 и 1834 годов, чартистское движение 30—40-х годов в Англии, «Союз коммунистов», июньское восстание 1848 года в Париже, октябрьское восстание 1848 года в Вене и, наконец, I Интернационал как венец рабочего движения этого периода новой истории — вот наиболее величайшие вехи революционной борьбы рабочего класса за свое социальное освобождение.

Последние два с половиной десятилетия первого периода новой истории были ознаменованы возникновением и развитием великого учения Маркса и Энгельса, этого «научного выражения борющихся интересов рабочего класса» (Сталин).

Весь рецензируемый учебник состоит из шести больших разделов. Открывается он разделом, посвященным истории Европы и Северной Америки накануне французской буржуазной революции. Второй раздел описывает французскую буржуазную революцию, уничтожившую феодально-абсолютистский строй во Франции и положившую начало современному буржуазному обществу. В третьем разделе дана история Европы в период военно-буржуазной диктатуры Наполеона. Раздел четвертый охватывает период европейской реакции 1815—1830 годов и предреволюционный период (1830—1848 годы); в этот же раздел включена глава о первых годах деятельности Маркса и Энгельса. Весь пятый раздел посвящен революциям 1848 года во Франции, Германии и Италии. Заключительный, шестой раздел — «Европейская реакция и национально-объединительное движение 1850—1860 годов XIX века» — содержит главы, излагающие историю Англии, Италии, Германии, Франции и скандинавских стран в 50—60-е годы XIX века, а также историю Соединенных штатов Америки с 1789 по 1870 год и Испании с 30-х по 70-е годы XIX века. В этот же раздел включена история I Интернационала.

В основу учебника авторы положили ленинско-сталинскую периодизацию новой истории.

Учебник свободен от схематизма, «голо го социологизма» и вульгаризаторства, свойственных «исторической школе» По-

кровского. Авторы сумели избежать в своем изложении ошибок, присущих этой печально-знаменитой школе. Учебник в основном отвечает требованию — дать учащимся изложению «важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности, с характеристикой исторических деятелей...» (сборник «К изучению истории», стр. 18). Большой скато изложенный фактический материал, привлеченный авторами, освещен с позиций марксизма-ленинизма; во многих случаях авторы для характеристики излагаемых ими фактов, а также для подкрепления своих выводов приводят соответствующее высказывание классиков марксизма. Авторы стремятся выполнить указание товарища Сталина о марксистском объяснении исторических событий и фактов. Правда, нужно оговориться, что не всегда это им удается осуществить в полной мере.

В учебнике дана история не только главнейших стран, но и так называемых «малых стран»: Испании, Швеции, Норвегии, Дании, Швейцарии, Турции, Румынии, Греции, Сербии. Впервые в учебный курс новой истории включена история Японии. В учебнике содержится значительный материал по истории войн справедливых и несправедливых. Некоторые авторы внесли в свое изложение новый, свежий материал, почти совсем не применявшийся в учебном обиходе наших исторических факультетов. Стоит назвать хотя бы раздел «Гражданская война в Северной Америке» (стр. 424—441), написанный проф. А. В. Ефимовым.

Являясь крупным знатоком истории Соединенных штатов Америки, проф. А. В. Ефимов дал в указанном разделе богатый фактический материал из экономической и политической истории гражданской войны 1861—1865 годов в США. Автор дал глубокий, марксистский анализ причин войны и ее социальных последствий.

Проф. А. В. Ефимов хорошо осветил вопрос о стратегических планах гражданской войны в 1861—1865 годах в США, умело используя высказывания Маркса и Энгельса о гражданской войне, в частности их критику предложенного северянами плана кольцевого окружения территории южан (так называемого «анаконда¹-плана»):

«Маркс и Энгельс в статьях того времени писали, что этот план является порочным, так как противник может, скопив силы в какой-нибудь точке, перерезать «тело удава». Маркс и Энгельс считали, что для победы нужно вторгнуться в глубины тыла противника конфедератов, разрезать его территорию на две части и перерезать железнодорожные магистрали в

¹ Анаконда — змея, удав. — Р е д.

литате Георгия, соотвлявшие районы старого Юго-востока и бассейна реки Миссиссиппи» (стр. 427).

В конце войны северные победы легко осуществили план, который совпадал с планом, выдвинутым на страницах печати Марксом и Энгельсом еще в начале войны.

Самое описание хода военных действий, впервые так полно изложенное в советской исторической литературе, принадлежит, пожалуй, к лучшим страницам учебника.

Живым, хорошим языком написаны главы, автором которых является проф. А. П. Молок: «Консульство и империя во Франции», «Европа во время французской буржуазной революции и империи Наполеона», «Революция 1848 года и Вторая республика во Франции».

Особенно удачной следует признать главу «Консульство и империя во Франции». В основу социальной характеристики режима, установившегося во Франции при Наполеоне, автор главы, проф. А. П. Молок, положил известное высказывание товарища Сталина о правительстве Наполеона, представляющего собой «Буржуазное правительство, которое задумало французскую революцию и сохранило только те результаты революции, которые были выгодны крупной буржуазии» (С т а л и н. Доклад на Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г., стр. 10. Партиздат. 1937).

Автор отчетливо изложил внешнюю политику Наполеона I и, опираясь на известные ленинские указания, показал социальный смысл наполеоновских войн, их захватнический, завоевательный характер, коренным образом отличающийся от характера войн французской буржуазной революции — войн освободительных, справедливых, направленных прежде всего на защиту страны от интервентов, от феодально-монархической Европы, стремившейся восстановить во Франции феодально-абсолютистский режим.

«Контр-революционная диктатура Наполеона, — пишет проф. А. П. Молок, — резко изменила характер войн, которые вела Франция, превратив их из освободительных в завоевательные (характер их начал меняться уже в 1794 году, после 9 термидора)» (стр. 179).

Проф. А. П. Молок совершенно правильно указывает, что главная цель наполеоновских войн — это «борьба за новые рынки, за торгово-промышленную и военно-политическую гегемонию Франции в Европе» (стр. 180).

Подчеркнув грабительский характер войн Наполеона, автор при этом обращает внимание читателя также на то, что «победы

Наполеона в Италии, в Германии и в некоторых других странах Западной Европы расшатывали господствовавший здесь феодальный строй и имели своим результатом либеральные реформы, расчленившие путь развитию капиталистических отношений» (стр. 181).

Вместе с тем автор предостерегает против переоценки этой прогрессивности наполеоновских войн, указывая, что она отступала перед захватническими, грабительскими целями этих войн на захватный план, а в последние годы империи и вовсе исчезла.

Несомненную помощь студентству окажут выполненные А. Л. Нарочницким 27 исторических карт, составленная С. П. Павловой «Хронологическая таблица» и сделанный студенткой истфака МГУ Е. П. Якубовской «Указатель имен».

Мы перечислили целый ряд несомненных положительных сторон учебника. Но следует отметить также и существенные его недочеты, которые могут быть устранены во втором издании.

* * *

Общезвестно огромное значение переломных эпох в общественном развитии. Но некоторые авторы учебника, вместо того чтобы на конкретных, исторических примерах показать их прогрессивное значение, ограничиваются лишь общими фразами о роли тех или иных общественно-политических идей в описываемый период. В ряде случаев авторы неполно, неточно, а иногда и просто неправильно разъясняют сущность излагаемых ими общественно-политических идей. Этот упрек мы вправе отнести прежде всего к Ф. А. Хейфец. Вся глава «Развитие буржуазной идеологии в XVIII веке», которая должна дать читателю представление об идеологической подготовке французской революции, далеко не в полной мере отвечает своей задаче.

Большое недоумение вызывает то, что автор этой главы не нашел нужным уделить внимание такому представителю идеологии плебейских масс, как раннему коммунисту Жану Мелье. Автор даже не упомянул о выдающихся представителях утопического социализма XVIII века Морелли и Мабли (кетати сказать, в программу по новой истории для исторических факультетов включены имена и Мелье, и Морелли, и Мабли). Таким образом, вопрос идеологической подготовки французской революции поставлен в учебнике несколько однобоко. Плебейское течение осталось освещенным недостаточно полно.

Не повезло в учебнике и Вольтеру. Ф. А. Хейфец, обнаруживая желание писать живо и занимательно, привела разно-

образные факты из жизни великого философа, но не нашла нужным вместе с тем назвать хотя бы одно произведение Вольтера. Не совсем четко изложены его политические взгляды.

Правильный «эпиконизм» автора в вопросе об отрицательном отношении Руссо к наукам и искусству (в связи с его знаменитой работой «Размышление о том, способствовало ли развитие наук и искусств очищению нравов?») может навести учащихся на ложную мысль, будто Руссо был вообще против развития науки и искусства (см. стр. 54). На самом же деле Руссо никогда не призывал к полному уничтожению науки и цивилизации. Напротив, он хотел лишь реорганизовать науку.

Автору, несомненно, следовало во всей этой главе провести мысль, что интересы лучшей к власти буржуазии вылаются ею за интересы всего человечества; надо было подвергнуть марксистской критике эту тенденцию буржуазии, автор же ограничился лишь малозначительным упоминанием о теории «естественного права».

Крайне недостаточно, всего лишь на двух страничках (!), освещен проф. А. П. Молоком утопический социализм. Конечно, читателю трудно будет разобраться в самой сущности учения великих утопистов на основании такого скудного материала. Между тем огромное прогрессивное значение идей утопического социализма автором не раскрыто. А. П. Молок не упомянул о таких замечательных передовых идеях великого утописта Шарля Фурье, как идея трудового соревнования, идея привлекательности труда, которым классики марксизма придавали большое значение (см. «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса). А ведь эти гениальные идеи, воплощенные только в наши дни — в социалистическом государстве рабочих и крестьян, — исключительно актуальны!

Читателю рецензируемого учебника трудно будет разобраться в сущности идей классика английской буржуазной политической экономии Рикардо (стр. 270): из крайне скатого материала книги никак нельзя понять, почему учение трудовой стоимости Рикардо так ценилось Марксом. А между тем английская политическая экономия — это один из трех источников марксизма.

Неправильно объяснена в учебнике социалистическая теория трудовых базаров. Автор в данном случае перенял взгляды Оуэна с идеями Прудона, которому, кстати сказать, совсем не посвящено место в учебнике! Не вопросу о взглядах Прудона на производительные товарищества мы встречаем противоречивые, взаимно исключающие друг друга формулировки. Проф. А. П. Молок правильно пишет, что Прудон —

«решительный противник всякого вмешательства государства в отношения между капиталом и трудом, противник и самых рабочих ассоциаций» (стр. 251). А у Ф. А. Хейфеца своя, совершенно противоположная точка зрения по данному вопросу: она указывает, что Прудон в «Философии нищеты» выдвигал «реакционный утопический план «мирного» преобразования капиталистического общества в социалистическое путем организации производительных товариществ...» (стр. 295).

Такая «несогласованность» по вопросу о взглядах Прудона у авторов учебника способна только породить путаницу у учащихся.

Общезвестно, что учение о гегемонии рабочего класса в буржуазно-демократической революции было создано Лениным, что Маркс и Энгельс лишь «дали основные наброски идеи гегемонии пролетариата» (Н. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 171. 10-е изд.). Основное тактическое положение о пролетариате как вожде буржуазной революции было развито Лениным в его гениальной книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции»: «Это была новая установка марксистской партии по вопросам тактики в буржуазно-демократической революции, глубоко отличавшаяся от тактических установок, существовавших дотоле в марксистском арсенале. До сих пор дело сводилось к тому, что в буржуазных революциях, например, на Западе, руководящая роль оставалась за буржуазией, пролетариат волей-неволей играл роль ее пособника, а крестьянство составляло резерв буржуазии. Марксисты считали такую комбинацию более или менее неизбежной, отвешиваясь тут же, что пролетариат должен при этом отстаивать по возможности свои ближайшие классовые требования и иметь свою собственную политическую партию» («Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 66—67).

Но проф. Р. А. Авербух, автор главы «Революция 1848 г. в Германии», все же считает своим долгом «упрекнуть» левака доктора Готшалка, председателя Кельнского рабочего союза в 1848 году, в том, что он «не учитывал важности завоевания пролетариатом гегемонии».

Крайне досадно, что автор, который в целом правильно изложил тактику Маркса и Энгельса в период германской революции 1848—1849 годов, говоря об ошибках доктора Готшалка, напрасно пошел дальше той критики, которой подвергли Готшалка Маркс и Энгельс.

Важнейшая по своей теме глава «Маркс и Энгельс» (стр. 288—299), к сожалению, содержит отдельные шероховатости.

Такой крупный вопрос, например, как переход Маркса с позиций революционного демократизма к коммунистическому мировоззрению, остался нераскрытым. И хотя автор восклицает: «В мировоззрении Маркса произошел переворот» (стр. 291), учащийся останется неудовлетворенным таким восклицанием, причины этого «переворота» для него так и останутся невыясненными. Вряд ли удачен в данном случае и самый термин «переворот».

Безусловным недостатком учебника мы считаем полное игнорирование авторами и редакторами вопросов истории культуры, литературы, искусства. В учебнике отсутствуют даже имена таких корифеев мировой культуры, как Шиллер, Гете, Бетховен, Бальзак, Диккенс, Лайбль, Дарвин¹.

Меньше всего мы рекомендуем в данном случае давать специальные главы по истории культуры, литературы, искусства данной страны, данного периода и пр. Это явилось бы дублированием (в сжатом виде) специальных курсов истории культуры, литературы и т. д. Нам представляется более целесообразным сосредоточить внимание читателя, изучающего новую историю, лишь на тех деятелях мировой культуры, которые в своих произведениях дали наиболее яркое отображение соответствующей эпохи, причем речь идет не столько о систематическом изложении деятельности и жизни этих корифеев мировой культуры, сколько об их характеристике, органически влетающей в текст изложения новой истории.

Недостатком учебника является также слабая разработка вопросов истории материальной культуры, истории техники. Гражданская история излагается в учебнике как бы в отрыве от технико-экономического развития. Вообще учебник не дает ясного представления о том, что собой представляет технико-экономический комплекс «периода победы и утверждения капитализма в передовых странах». Учебник не показывает даже, что XIX век был веком паровой техники.

Значительным пробелом учебника мы считаем отсутствие в нем вопросов историографии. Если не считать попытки дать

¹ Любопытно отметить, что в проекте (макете) учебника «Новой истории» для 8-го класса средней школы, написанном проф. А. В. Ефимовым, сделана удачная попытка дать учащимся элементарное представление о главнейших деятелях мировой культуры. Но почему-то в учебнике для высшей школы этот важный раздел выпал из поля зрения редакторов и авторов, несмотря на то, что программа по новой истории Комитета по делам высшей школы требует освещения вопросов истории культуры.

обзор литературы по I Интернационалу, авторы не сочли нужным дать учащимся хотя бы самые элементарные сведения по историографии. А без усвоения по крайней мере элементов историографии невозможно серьезно изучать историю.

Крайне досадно, что авторы учебника не приложили к нему библиографический указатель: нет нужды доказывать, какую огромную помощь могла бы оказать студентам толково составленная библиография.

* * *

В учебнике можно встретить иногда нечеткие, неясные, неяркие формулировки, могущие привести учащихся подчас к неправильным выводам. Все это особенно недопустимо в учебнике, «где должно быть взвешено каждое слово и каждое определение».

Неправильным является утверждение Ф. А. Хейфец, будто «во Франции имелись все условия для того, чтобы ее промышленность и сельское хозяйство развивались так же, как в Англии, и от нее не отставали» (стр. 40).

Прежде всего неправильно это утверждение в отношении промышленности. Франция беднее Англии каменным углем. Затем необходимо принять во внимание гораздо более удобное расположение в Англии угольных и железорудных бассейнов. Эти обстоятельства наряду с другими обусловили отставание французской промышленности от английской на протяжении всего XIX века.

Ф. А. Хейфец утверждает, что «гибель Марата дала новый толчок к социальному движению, вдохновителями которого были «бешеные». В июле 1793 года «бешеные» напали на Комитет общественного спасения и на его главного руководителя — Дантона» (стр. 117). Но ведь Марат был убит 13 июля 1793 года, а Дантон ушел из Комитета общественного спасения 10 июля 1793 года!

Конец деятельности вождя «бешеных» Жака Ру изложен так сбивчиво, что у читателя не может не создаться неправильное впечатление, будто Жак Ру был арестован после введения Конвентом всеобщего максимума. Между тем арест Жака Ру последовал 5 сентября 1793 года, а всеобщий максимум был введен 29 сентября 1793 года.

Говоря о Комитете общественного спасения (1793—1794 годы), автор утверждает, что «в июле (1793 г. — Я. и П.) во главе Комитета стали Робеспьер и Сен-Жюст, а после сентябрьских событий — Бильо-Варени и Колло д'Эрбуа» (стр. 119). Из данной фразы вытекает, что с июля по сентябрь 1793 года руководителями Комитета были Робеспьер и Сен-Жюст, а с сен-

тября Комитетом руководили уже Вильо-Варенн и Колло д'Эрбуа. На самом же деле Робеспьер со дня своего вступления в Комитет общественного спасения, то есть с 26 июля 1793 года, до контрреволюционного переворота 9 термидора (27 июля 1794 года) стоял во главе Комитета; что касается вступивших в Комитет в сентябре 1793 года Вильо-Варенна и Колло д'Эрбуа, близких к эбертистам, то они, являясь членами Комитета и играя в нем значительную роль, все же никогда не стояли во главе его.

Автор главы не объяснил, что представляла собой «новая и старая буржуазия», выразителями интересов которой стали, как пишет автор, дантонисты к концу 1793 года (стр. 134).

Проф. А. И. Молок, рассказывая о развитии социального законодательства в Англии, указывает, что «закон 1819 г. (подчеркнуто нами. — Я. и Н.) установил для подростков 12-часовой рабочий день» (стр. 270). Но в той же главе автор утверждает, что «в 1833 г. было положено начало» законодательству об ограничении рабочего дня для детей и подростков? (подчеркнуто нами. — Я. и Н.) фабричному законодательству изданием закона, ограничившего эксплуатацию детского труда» (стр. 274). Так когда же, в 1819 году или в 1833 году, было «положено начало» законодательству об ограничении рабочего дня для детей и подростков?

Логически несуразным является утверждение, что «заработная плата... всегда была ниже цен на продукты» (стр. 116); вообще заработная плата и цены на продукты — понятия несоизмеримые, и эту несуразницу автор вкладывает в уста знаменитого вождя «бешеных» — Жака Ру.

Неправильной является также и следующая формулировка: «при разрешении вопроса о прогрессивности присоединения территории, населенной каким-либо народом, к тому или другому государству необходимо брать вопрос в его классовом значении, в исторической перспективе. Так, при насильственном расчленении Польши в XVIII в. белорусский народ соединился с русским народом. Это обстоятельство привело к тому, что теперь Белоруссия — свободная, счастливая советская федеративная (?) республика...» (стр. 540).

Но диалектический метод требует от нас, чтобы мы рассматривали вопрос о прогрессивности тех или иных явлений не с точки зрения сегодняшнего дня, а в зависимости от совокупности тогдашних исторических условий.

В учебнике можно встретить отдельные фактические ошибки в изложении исторических событий. Приведем несколько примеров.

Крайне неточно передано содержание первой французской конституции 1791 года (стр. 72—73). Излагая суть известных декретов Учредительного собрания 4—11 августа 1789 года об «отмене феодального строя», автор смешал их с декретами 15—18 марта 1790 года «о феодальных правах» и с декретами 8—9 мая 1790 года «об основаниях, способах и размерах выкупа сеньориальных прав».

Жирондист-философ Кондорсе был избран в Законодательное собрание не от Жиронды (стр. 87), а от Парижа.

На банкете в королевском дворце в Версале 1 октября 1789 года контрреволюционные офицеры «топтали» ногами не зеленую, а трехцветную кокарду (стр. 71).

Прусский король Фридрих-Вильгельм IV адресовал свое известное письмо о причинах своего отказа принять императорскую корону из рук франкфуртского парламента не историку Ранке, как утверждает профессор Р. А. Авербух (стр. 343), а реакционному деятелю Карлу Бунзену. Что же касается Ранке, то он лишь собрал переписку Фридриха-Вильгельма IV с Бунзеном.

Есть в учебнике ошибки и в области хронологии. Монтезье умер не в 1775 году (стр. 52), а в 1755 году. Знаменитая битва при Вальми датируется в одном случае 21 сентября 1792 года (стр. 98), а в другом случае, на той же странице, — 20 сентября 1792 года; известный финансовый отчет Неккера был опубликован не в 1787 году, а в 1781 году; рейхенбахское соглашение состоялось не в октябре, а 27 июля 1790 года; неудачная попытка флотских офицеров-матросов — братьев Баньера — поднять восстание в Калабрии произошла не в 1841 году (стр. 360), а в 1844 году; восстание сплезских ткачей произошло не после 30 июня 1844 года (стр. 266), а 4—5 июня. Маркс переселился в Париж не в 1844 (стр. 291), а в 1843 году; провозглашенный папой Пием IX знаменитый догмат непогрешимости был принят Ватиканским собором не в 1869 году (стр. 460), а 18 июля 1870 года.

Ошибки есть и в хронологической таблице: Маркс родился не 18 мая, а 5 мая 1818 года; битва при Саловой произошла не 27 июля, а 3 июля 1866 года и пр.

Иногда авторы забывают указать важные исторические даты и наряду с этим перегружают память учащихся датами, имеющими второстепенное значение. Не сообщив читателю дату Базельского конгресса I Интернационала (1869 год), авторы отмечают годы рождения и смерти целого ряда пензенских генералов: генерала

Эспартеро, генерала Парваэ, генерала Прима, генерала Серрако (стр. 524—525).

Имеются отдельные недостатки и в расположении учебного материала. Архитектоника учебника в основном не вызывает возражений: историко-хронологический принцип построения учебника выдержан авторами, за исключением главы XXVI — «Соединенные штаты Америки с 1789 по 1870 г.». В данном случае учащиеся, не только уже ознакомившиеся с новой историей европейских стран до 1848 года включительно, но и приступившим к изучению истории Англии 50-х и 60-х годов XIX века, приходится сделать большое «отступление» во времени и возвратиться к периоду конца XVIII и начала XIX века. Нам кажется, что никакими методическими соображениями (если таковые и имели место) нельзя оправдать это нарушение принципа строгой историко-хронологической последовательности. †

В некоторых случаях наименования отдельных параграфов уже их содержания. Возьмем, например, параграф «Взятие цейхгауза в Берлине» (стр. 336—338) из главы «Революция 1848 г. в Германии». Ведь, кроме сжато изложенных событий 14 июня 1848 года в Берлине — взятия цейхгауза, — читатель найдет здесь и изложение событий в Праге, съезд австрийских славян, баррикадные бои в Праге, начало реакции в Пруссии и пр. Этим недостатком грешит и параграф «Английские рабочие против поддержки Англией рабовладельческих штатов» (стр. 428).

Совершенно недопустимыми являются отдельные случаи такого цитирования классиков марксизма, при котором искажается их мысль. Вправе ли, например, автор приводить высказывания Маркса о Дантоне в урезанном виде? Маркс, говоря о Дантоне, солидаризируется с мнением Левассера, что «несмотря на то, что он (Дантон. — Я. и П.) находился на вершине Горы, он до известной степени был вождем Болота» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. III, стр. 609). В интерпретации автора эта глубокая мысль Маркса принимает следующую форму: «Дантон до известной степени был вождем Болота» (стр. 140). Таким образом, автор по своему усмотрению берет лишь вторую половину высказанной Марксом мысли, которая, будучи выхваченной из контекста, несомненно, извращает мысль Маркса.

Некоторые возражения вызывает известное несоблюдение пропорции между отдельными разделами всего материала учебника. Споры нет, значение французской буржуазной революции 1789—1794 годов огромно и требует более подробного освещения. Но нам кажется неправильным то, что авторы посвятили истории Франции конца XVIII

века 134 страницы, а если включать сюда и период Наполеона I, — около 180 страниц, а всем остальным европейским странам за весь этот период уделены всего 28 страниц (см. главу XI).

Встречаются в книге стилистические лягушья, например: «В двух в один день происшедших решающих битвах» (стр. 184); «и а строение по всей Германии было очень напряжено» (стр. 326); очевидно, не настроено, а положение было напряженным, и т. д., и т. п.

Можно привести пример полной бессвязности нескольких рядом стоящих — в одном абзаце — предложений:

«20 июня министерство Ганземана и Кампгаузена было смещено более реакционным министерством Ауэрвальда — Ганземана, которое подготовило роспуск Национального собрания. Маркс и Энгельс неоднократно подчеркивали, что славянское движение сделалось в 1848—1849 гг. орудием контрреволюции» (стр. 337). Какая связь между прусским реакционным министерством и взглядом основоположников научного социализма на роль славянского движения в 1848—1849 годы?!

* * *

Несомненно, выход в свет марксистского учебного пособия по новой истории является крупным событием на нашем историческом фронте. Наконец-то, студенты-историки и огромная армия учителей средней школы получили давно ожидаемый учебник!

Но книга, как это мы указали, несвободна от целого ряда промахов. Значительная их часть является результатом той спешки, которая, очевидно, сопровождала работу авторов и редакторов учебника. Перед авторским коллективом, сделавшим первую попытку создания марксистского учебника новой истории, стоит большая задача — исправить его и улучшить, с тем чтобы второе издание учебника было свободно от недостатков первого. Мы не сомневаемся в том, что авторы справятся с этой задачей.

А. К.

«КРАСНЫЙ АРХИВ». Исторический журнал. Том VI (девяносто седьмой). 1939. Москва. Соцэкгиз.

Повседневная забота партии и правительства об историческом фронте, выход в свет «Краткого курса истории ВКП(б)» способствовали углублению работы историков, приобщению к исторической науке новых талантливых кадров. Все большее количество людей, не удовлетворяясь ми-

инимумом политических и исторических знаний, стремится расширить свой теоретический кругозор и проникнуть в неисчерпаемую сокровищницу фактов, всесторонне освещающих и иллюстрирующих крупнейшие исторические сдвиги в жизни общества. В свете этих стремлений особенно важной является работа наших исторических журналов. Своеобразная и весьма благодарная задача стоит перед «Красным архивом», который публикует архивные материалы, до сего времени не опубликованные, неизвестные исследователям и крайне необходимые для изучения и разработки конкретных вопросов исторической науки. Номер 6(97) «Красного архива», о котором идет речь в этой рецензии, содержит ряд материалов, которые, несомненно, привлекут внимание читателей. Помимо статьи Ем. Ярославского о великом вожде народов товарище Сталине в номере помещены следующие материалы, сопровождаемые вводными статьями: «Борьба за хлеб в 1918—1919 гг.», «Материалы к биографии С. М. Кирова», «К истории Пражской конференции», «Деятельность тов. Кирова в Томской с.-д. организации», «Боевой путь В. И. Чапаева», «А. П. Чехов. Рукописи. Письма. Материалы».

В подборке «Борьба за хлеб в 1918—1919 гг.» даются замечательные документы, рисующие самоотверженную героическую борьбу партии, правительства, лично Ленина и Сталина за хлеб, за социализм, против всех врагов рабочего класса. В эти тяжелые для Советской республики дни, когда голод и разруха душили страну, когда международная контрреволюция пыталась разгромить советскую власть, требовались поистине титанические усилия, чтобы сломить сопротивление врага, преодолеть все трудности и победить.

Партия мобилизовала лучшие свои силы на борьбу за хлеб. 29 мая 1918 года Совнарком назначил товарища Сталина общим руководителем всем продовольственным делом юга России.

Мудрая, непоколебимая политика советской власти встретила ожесточенное сопротивление классового врага. Озверевшие кулаки расправлялись с рабочими продотрядами, захватывали и физически уничтожали агентов ссыльных пунктов.

«В феврале с/г. (1919 г.),—сообщал в своем докладе М. П. Калинин председателю Варнавинского исполкома,—в одном селении Починки Ларноновском ночью подвергся нападению только что прибывший и расквартированный продотряд, в количестве 15 человек; несчастных частью замучили и убили на месте, допуская приемы сжигания на костре, обливали водой, заживо замораживали на 30-градусном морозе».

В подписанном В. И. Лениным воззвании от Совета народных комиссаров от 31(18) мая 1918 года говорилось:

«...Рабочие и крестьяне! Настали дни и недели величайших трудностей, тяжелейших испытаний. Если мы сокрушим сейчас сопротивление сельской буржуазии и с оружием в руках обеспечим себя хлебом до нового урожая, мы будем непобедимы. Социалистическая республика утвердится навсегда. Необходимо последнее героическое усилие. Слишком рано враги народа подняли свою голову,—мы отесчем эту преступную голову бесноватым мечом революции».

Под оружие! В поход за хлебом — для голодающих детей, отцов и матерей!

В поход против контр-революционных мятежников и заговорщиков. Смерть врагам народа. Рабочие и крестьяне не сдадут власти и земли изменникам, предателям и насильникам.

Вперед к последнему бою и к окончательной победе.

Да здравствует рабочая и крестьянская Советская Республика!»

В то время как партия, правительство, народ напрягали все силы в борьбе за хлеб, подлые двурушники Каменев, Рыков и другие выступали против продовольственной политики советской власти. Среди многих интересных документов, приведенных в журнале, обращает на себя внимание выписка из протокола Совета народных комиссаров от 3 июня 1918 года, показывающая, какой уничтожающий отпор получил от Ленина подлый капитулянт Рыков:

«...Слушали: 13. — Об изменении продовольственной политики (Рыков, Ларин).

Постановили: 13. — Совет Народных Комиссаров утверждает политику Комиссарната продовольствия, как политику Совета Народных Комиссаров, и подчеркивает, что всякие требования самостоятельных закупок и изменения твердых цен являются подрывом единственно правильной революционной политики».

Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин).»

Так же упорно и непоколебимо проводил ленинскую линию в продовольственном деле товарищ Сталин. Вот один из документов, иллюстрирующих сталинскую работу: «Телеграмма т. Цорупы товарищу Сталину, 22 июня 1918 г.

В дополнение нашей № 478 сообщаем, послана следующая телеграмма: «Камышинскому председателю совдепа. Нарком Сталин сообщает, что Камышинский Совет тормозит деятельность кордона, установленного в Камышине для борьбы со спекулянтами и

мешечниками. Настоящим сообщаю, что Кортон и его задачи официально утверждены мною. В интересе осуществления продовольственной системы, намеченной декретами Совнаркома, требую под Вашей личной ответственностью всяческого содействия Кортону и другим органам, уполномоченным наркомом Сталиным в исполнении их задач. Всякое противодействие нарушает интересы защиты революции и будет решительно преследоваться.

Наркомпрод Ц ю р у п а».

Ленин и Сталин спасли Советскую республику от голодной смерти. Решительно проводимая продовольственная диктатура, чрезвычайные меры, принятые партией и правительством в борьбе за хлеб и за оборону страны, привели к тому, что рабоче и Красная Армия были обеспечены продовольствием, а белогвардейские банды и притаившиеся внутренние враги разгромлены. Документы, приводимые в рецензируемом номере-журнала, дают интереснейший фактический материал для изучения этого периода борьбы за социализм.

В «Материалах к биографии С. М. Кирова» приведены ценные данные о деятельности Сергея Мироновича с 1917 по 1934 год. По архивным материалам, а также по газетным и другим печатным источникам, хранящимся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции НКВД СССР, день за днем освещается гигантская работа верного друга и соратника товарища Сталина, Сергея Мироновича Кирова, самоотверженная его деятельность на фронте и в тылу вплоть до того дня, когда полные троцкистско-зиновьевско-бухаринские наёмники иностранных разведок прервали злодейским выстрелом прекрасную жизнь большевистского трибуна и руководителя. Точно указанные в «Материалах» источники помогут изучающим жизнь и деятельность Сергея Мироновича найти его статьи, речи, описания событий, связанных с его многогранной работой и борьбой.

Этот материал дополняется интереснейшей публикацией — «Деятельность тов. Кирова в Томской с.-д. организации». Сергей Миронович — организатор вооружённого выступления томских рабочих в 1905 году. Жандармы и казаки жестоко расправились с рабочей демонстрацией, организованной Кировым. Физической расправе подвергся и сам Киров (у него было разрублено пальто), но никакие преследования не могли сломить волю бесстрашного революционера, подавить его стремление к борьбе за дело рабочего класса.

Немедленно после разгрома демонстрации тов. Киров опубликовал прокламацию, посвящённую убитому царскими жандармами знаменосцу демонстрации Иосифу Егорови-

чу Кононову. Безграничная скорбь об умершем товарище по борьбе не внесла упадка в среду революционеров, а, наоборот, подняла в них ненависть к угнетателям и стремление не жалеть жизни в классовых битвах. Сергей Миронович писал в прокламации Томского комитета Российской социал-демократической рабочей партии:

«...Да здравствует жизнь!— вот для чего он умирал. Кровавые руки самодержавия рано уложили его в могилу. Но не плакать пришли мы сюда.

Пусть же скажет эта могила, за что каждый обязан умирать. Пусть же не зарастет дорога к дорогой могиле первой жертвы открытой борьбы за рабочее дело... Пусть же могила эта каждый год собирает вокруг себя сотни народа... Пусть же с этой могилы каждый уходит с новой жаждой борьбы за великое дело.

— Запомните же это!— то были великие январские дни».

Вскоре после этого, 2 февраля 1905 года, девятнадцатилетний Киров (Костриков) был арестован на нелегальном партийном собрании. Жандармский документ, составленный после ареста, указывает на активную революционную деятельность Кирова, свидетельствует против воли жандармов о мужественном, бесстрашном его поведении после ареста:

«...К о с т р и к о в Сергей Миронов. Мещанин.

Участвовал в сходке 2 февраля сего года. От показаний по настоящему делу отказался. При обыске в квартире найдено много нелегальной литературы, принадлежащей Кострикову, и его писем, в которых весьма резко очеркиваются события 12 и 18 января с. г. в г. Томске, а также имеются указания на то, что Костриков занимается распространением нелегальной литературы. Во время содержания под стражей вел себя весьма дурно, не подчиняясь требованиям тюремного начальства.

Начальник Томского губернского жандармского управления полковник Романов».

После освобождения из тюрьмы Киров бесстрашно продолжал свою деятельность пролетарского революционера и 30 января 1906 года был снова арестован. «Опись вещественных доказательств, найденных у С. М. Кострикова при обыске и аресте, 30 января 1906 года» даёт несколько штрихов, характеризующих Сергея Мироновича как верного ученика Ленина:

«Записная книжка-портфель в сером парусиновом переплете, с отметками: «Бюро съезда делегатов служащих в рабочих Сиб. ж. д.»... паспорт за № 582 на имя Кострикова... Брошюра изд. «Центр. Комит.

РСДРП соч. П. Ленина». Письмо к товарищу о наших организационных задачах».

Выйдя из тюрьмы, Киров с еще большей энергией взялся за дело, организовал нелегальную типографию; он в третий раз был арестован полицией и приговорен к заключению в крепости, из которой вышел только в июле 1908 года. Публикуемые документы дают яркое представление о плодотворной деятельности бесстрашного молодого революционера в Томской организации РСДРП.

Представляют также большой интерес опубликованные в журнале документы, относящиеся к истории VI Всероссийской партийной конференции, состоявшейся в Праге в январе 1912 года.

Пражская конференция подвела итог борьбы большевиков против оппортунистов всех мастей и изгнала меньшевиков из партии. «Очищение пролетарской партии от оппортунистов, от меньшевиков, осуществленное Пражской конференцией, имело важное, решающее значение для дальнейшего развития партии и революции. Если бы большевики не изгнали из партии изменников рабочего дела, соглашателей-меньшевиков, пролетарская партия не могла бы в 1917 году поднять массы на завоевание диктатуры пролетариата» («История ВКП(б)», стр. 139).

Пражской конференции предшествовала огромная подготовительная работа, проводившаяся в труднейших условиях, в ожесточенной борьбе против Иуды-Троцкого и других открытых и тайных врагов ленинско-сталинской партии. В приводимых документах дан интереснейший фактический материал об этом периоде. Наряду с документами большевистских партийных организаций дан циркуляры и дописания полиции, жандармских управлений, охранок, свидетельствующие о провокациях и репрессиях, направленных против большевиков.

Многие из публикуемых документов посвящены деятельности славного большевика Серго Орджоникидзе, выполнявшего по заданию Ленина и Сталина важнейшую работу по созыву конференции.

Охранка, чувствуя в Орджоникидзе серьезного противника, всячески преследовала его, но опытный революционер-конспиратор не давался в руки царских палачей.

В «Выписке из агентурных сведений Кавказского районного охранного отделения по партии РСДРП, г. Баку за октябрь 1911 г. № 13848» говорится:

«12 октября... В Баку должно было состояться в конце сентября совещание по поводу конференции. На этом совещании должны были присутствовать приезжие делегаты из Петербурга. Один из них при-

ехал 25 сентября, «Серго» (Орджоникидзе Г. К.) — 26 сентября и третий арестован на дороге. Этот последний имел бакинские адреса, данные ему «Серго» при первом его выезде. В день обыска в клубе «Наука» «Серго» находился на этом собрании, но перед самым обыском вышел купить папирос, а когда вернулся и увидел полицейский наряд, то, конечно, уже не вошел и поспешил в ту же ночь скрыться из Баку вместе с другим петербургским приезжим, оставшимся неизвестным. От Бакинской организации избран на конференцию Калинин, и он еще не уехал. То, что его не удастся найти, происходит, вероятно, от того, что он проживает не по своему документу. Он служит слесарем в Каспийском товариществе в Балаханах...

23 октября. Приехавшие сюда из Петербурга члены партии вместе с «Серго» для совещания по поводу конференции должны были вследствие начавшихся арестов немедленно выехать...

Начальник Кавказского районного охранного отделения полковник Пастрюшин».

В письме Н. К. Крупской от 3 ноября (21 октября) 1911 года к Семену Шварцу чувствуется большая тревога о Серго: «С-о все еще нет, и вестей от него никаких. Думаем, провалился».

Однако 11 ноября Орджоникидзе полагает о себе восточку. Письмо его пронизано непоколебимой верой в победу:

«Как-как добрался. Примирены устроили склоку, но хотели подчиниться, но с моим приездом дают отбой. Как бы тут ни было, а дело пойдет, деньги будут — и все сделаем. Меньшевиков по возможности проежбывать. С Плехановым пока еще не снесся, приехал только вчера. У дательшей дело пойдет, только направо Тило в Ригу.

Твой Серго».

Большевики одерживают все новые победы, и Серго радостно отмечает их в своих письмах. Так, 23(10) ноября 1911 года он пишет:

«...От дательшей получали очень хорошие известия, полная победа большевиков у них. Это известие и сегодняшняя «Звезда» от 20 ноября настолько меня обрадовали, что прямо-таки не знаю, что писать».

Читая письма Серго, переносясь в накаленную атмосферу революционной борьбы того времени, получаешь живое представление о деятельности большевиков, их непреклонной воле, доверии и любви партийных масс к проводникам ленинско-сталинской линии в партии.

«Лопотте лухзья!» — пишет Серго в заграничный центр 10 февраля 1912 года. — Дела идут хорошо, надеюсь пойдут совсем хорошо... Настроение среди публики отличное. О ликвидаторах слышать не хотят.

Все, без различия, приветствуют наши начинания. В успехе не сомневаюсь. Почти на каждом заводе имеется сплоченная группа. Было одно собрание; представителей ячейки Васильевского острова представляло человек 50. Выслушав доклад, приняли следующую резолюцию: «Выслушав доклад об общепартийной конференции, собрание представителей ячеек Васильевского района выражает полную солидарность с решением конференции и приветствует избранный Ц. К. и будет всячески поддерживать его в его трудной работе по объединению и сплочению всех партийных элементов, ведя бескомпромиссную борьбу против разрушителей партии, гг. ликвидаторов». Резолюция эта была принята единогласно...»

Очень интересны приводимые в журнале документы о герое пролетарской революции талантливом полковнике Красной Армии Василии Ивановиче Чапаеве. Нет возможности переложить в краткой рецензии их содержание. В номере привезены первая часть архивных материалов о подвигах Чапаева; публикация этих материалов будет продолжена.

Мы читаем телеграмму Чапаева, и народный герой, дорогой нашему сердцу, возникает перед нами, как живой.

«Во время боя,—пишет Чапаев,—мне приходится от фланга на фланг, для лучшего управления боем, ездить в тарантасе на лошадах, потому противник бьет беспощадно артиллерийским огнем. Верхом мне ездить нельзя ввиду вышиба моей правой руки, которую нешу на повязке; я просил у командарма IV отни мотоцикл с коляской, но тоже не получил, в чем и прошу вашего содействия для всеобщего успеха на фронте.

П а ч а е в.

Троцкий и его ставленники всячески мешали Чапаеву полностью развернуть силы его дивизии, но обеспечивали ее даже самым необходимым; тщетно он обращался за помощью, писал о том, что «выбился из сил», что ему «не дают развития на фронте», — все его пламенные послания встречались трюккетами холодно и отчужденно.

«Кю мне со всех сторон идут добровольцы, — сообщал Чапаев 8 октября 1918 года, — которые хотят умереть со мной вместе за советскую власть или очистить страну от бандитов. Но винтовок мне не дают, пистолетов нет, люди разбиты. В ряды много вступило башкир и татар, которые с песнями уходят из своих деревень, аулов и хотят уларять на казачьи и кулацкие банды, под моим руководством, чтобы больше нога бандитов не вступила не только в Николаевский уезд, но и в Сибирь».

Чапаев резко критиковал руководство IV армии. Он писал о том, что «обманут мерзавцем командармом IV армии», который сообщил, что идет полкреннение, и не дал ни одного человека. Подобные резкие выступления Чапаева привели к тому, что троцкистские ставленники решили расправиться с ним под видом отправки Чапаева на учебу. Среди опубликованных документов имеется следующий протокол заседания Реввоенсовета IV армии от 2 ноября 1918 года:

«Слушали: дело Чапаева.

Постановили: 1) Дисциплинарным порядком отстранить тов. Чапаева от должности и по имеющимся документам передать суду. 2) Отстранение поручить командарму IV Хвостину.

Примечание. При обсуждении вопроса о Чапаеве, принимая во внимание разложение Николаевской дивизии и IV армии вообще, Хвостин внес следующее предложение: ввиду возможного эксцесса при отстранении тов. Чапаева от должности обратиться за содействием к Троцкому, предложив ему временно вызвать тов. Чапаева к себе для доклада...»

Отдать Чапаева под суд трюккетам не удалось, но он был отстранен от должности и отправлен «на учебу».

Об отношении бойцов и командиров к Чапаеву свидетельствует постановление представителей 2-го кавалерийского имени Гарибальди полка от 12 ноября 1918 года:

«Мы, представители эскадронов, рот и команд 2-го кавалерийского имени Гарибальди полка, собравшись сего числа, обсуждали вопрос об отъезде от нас начальника дивизии тов. Чапаева.

Постановили: приветствовать его как одного из передовых борцов Рабоче-Крестьянской Красной Армии, как успешного организатора деревенской бедноты; не считаясь с тем, что в нашем забытом степном уголке царил полуликая темнота, он успешно сумел создать боееспособные полки, которые держали патиск чехословаков с одной стороны и казаков-белогвардейцев — с другой. Геройски третий раз подошел к Уральску, выгонял из Николаевска и из всего Николаевского уезда несколько раз контрреволюционные банды, что послужило великой поддержкой всей рабоче-крестьянской революции.

А почему и приветствуем дорогого тов. Чапаева за его храбрость, доблесть и отвагу, выражаем доверие и поддержку, вместе с тем просим рабоче-крестьянскую власть в дальнейшем тов. Чапаева помнить в виду как одного из передовых бойцов Красной Армии.

Да здравствует рабоче-крестьянская революция всего мира! Да здравствует социализм! Да здравствует Красная Армия!

Подписи».

В феврале 1919 года Чапаев возвратился на восточный фронт. IV армией командовал в это время подлинный большевистский руководитель М. В. Фрунзе, который поручил Чапаеву важнейший участок уральского фронта. Чапаев под руководством тов. Фрунзе героически боролся против белогвардейцев до 5 сентября 1919 года, когда был убит во время ночного нападения на штаб 25-й дивизии в Абшпенске...

В заключение следует еще раз сказать о большой ценности работы, проводимой журналом «Красный архив».

Я. Черняк

Книга о полковнике Лоуренсе*

Известный английский военный писатель Лиддель Гарт дает полковнику Лоуренсу такую характеристику: «...Молодые люди рассказывают, а молодые поэты пишут о нем, как о каком-то «мессии», который вывел бы спотыкающееся человечество из его затруднений... Поскольку я знаю... он, мне кажется, подошел ближе чем кто бы то ни было другой к обладанию подобной силой».

Кто же этот повоявленный «мессия», спаситель «спотыкающегося человечества», «властитель дум» молодежи?

Как это ни покажется невероятным советскому человеку, полковник Томас Лоуренс — не более как испытаннейший пилот и диверсант, усердный провокатор войны, изобретательный слуга знаменитой «Интеллигентной службы», выполнявший самые рискованные задания британского империализма.

Сейчас, когда мы являемся свидетелями необычайного прилива взаимной нежности у империалистов Англии и Франции, кланущихся друг другу в неизбывной дружбе, сейчас, когда турецкое правительство

заключило договор о взаимопомощи с Англией и Францией, — весьма полезно освежить в памяти жизненный путь и подвиги «самого замечательного британца».

О Лоуренсе уместно вспомнить потому, что он являлся исполнителем такого плутих английских планов расчленения и порабощения Турции немалой долей предательства, любых грязных средств и кровавых интриг, связанных с делом захваченных арабских стран на Ближнем Востоке.

Знакомясь с Лоуренсом по книге Лидделя Гарта, мы ни на минуту не должны забывать, что автор благоговест перед Лоуренсом и готов, ссылаясь на благородные побуждения, оправдать любую совершенную им подлость.

* * *

Еще будучи школьником, Лоуренс возпылал интересом к истории крестовых походов. Официальная идея крестовых походов будто бы произвела на юншину глубокое впечатление, причем его симпатии склонялись в сторону противников крестовых походов, т. е. арабов. Он возмечтал о новом своеобразном крестовом походе, направленном на освобождение арабов от рабства. Эти грезы дают Лиддель Гарту основание с полной серьезностью отметить: «Таким образом уже очень рано у Лоуренса появилось претчувствие своей миссии, хотя и в смутной форме» (стр. 16).

Интерес к крестовым походам у Лоуренса оказался достаточно стойким, и темой для своей студенческой диссертации он избрал «Влияние крестовых походов на средневековую военную архитектуру Европы». Эта как будто бы академически невинная и отвлеченная тема была связана со всей дальнейшей карьерой Лоуренса как агента наиболее агрессивных кругов британского империализма. Собирая материал для своей диссертации, Лоуренс решил на месте осмотреть замки крестоносцев в Сирии, причем чрезвычайно показательным является тот факт, что лорд Керзон лично хлопотал у турецкого правительства рекомендательное письмо для Лоуренса, адресованное ко всем сирийским губернаторам.

Лоуренс походил вольно и невольно пустыни, которые спустя 10 лет послужили театром военных действий для британской армии в ее борьбе против турок. Вряд ли приходится сомневаться в том, что научные запросы молодого ученого ничуть не помешали приять его путешествием характер углубленной разведки турецкого военного плана.

Диссертация Лоуренса получила блестящую оценку. Ему была предоставлена стипендия, его включили в экспедицию (ра-

* Лиддель Гарт «Полковник Лоуренс». Перевод с английского. Воениздат. 1939.

зумеется, строго «научную») Британского музея в долину Верхнего Евфрата. Достаточно взглянуть на географическую карту, чтобы понять истинные цели этой командировки в самую глубь Месопотамии.

За 5 лет Лоуренс досконально изучил Сирию, Северную Месопотамию, страны Малой Азии, Египет и Грецию. Он овладел местными диалектами, глубоко проник в самый дух и природу туземных арабских нравов, привык к ношению необычной для европейца арабской одежды. По его собственному замечанию, он «окупулся в самую гущу масс». Нужно помнить об остром исконном недоверии арабского населения к европейским пришельцам, символизирующим в их глазах политику наглых, кровопролитных захватов, чтобы понять, насколько необходима была Лоуренсу подобная «натурализация» для всей его дальнейшей деятельности.

О том, что «научная» работа Лоуренса была не столь невинной, как это кажется представить Лиддель Гарт, свидетельствует хотя бы следующая история.

Однажды Лоуренс получил в Сирии телеграмму из Лондона, приглашавшую его принять участие в научной экспедиции в Синай. Выехав к назначенному месту, он, к своему «изумлению», узнал, что его участие в экспедиции должно послужить маскировкой для производства британскими офицерами военной разведки в Синае, на границе Египта, под видом археологических раскопок. Лоуренс ни на минуту не колебался принять активнейшее участие в этом научно-шпионском предприятии. «Таким образом, — пишет Лиддель Гарт, — сам того не подозревая, Лоуренс произвел предварительную разведку района своих будущих операций во второй половине 1917 года» (стр. 25). Лоуренс, «сам того не подозревая», изучил путь к Геджасской железной дороге, соединяющей Медину с Дамаском и имеющей громадное стратегическое значение. И даже Лиддель Гарт проговаривается, что во время этой же синайской съемки «Лоуренс исследовал местность для своей первой крупной военной разведки в Акаба».

Война 1914 года застает Лоуренса в Оксфорде, где он обрабатывал материалы синайской экспедиции, вернее, разведывательной операции. Еще не ввязавшаяся в европейскую войну Турция очень болезненно реагировала на это, справедливо подозревая истинные цели экспедиции. Стремясь обелить Англию, лорд Китченер потребовал, чтобы данные археологических исследований были опубликованы «белыми как снег», и эта явно мошенническая задача была возложена на Лоуренса.

Отлично справившись с ней, Лоуренс поступил добровольцем на военную службу. В армию его не приняли из-за малого роста. Но Лоуренс был своим человеком в кругах британской разведки. Его пригласили сотрудничать в географический отдел генерального штаба.

Как только Турция в октябре 1914 года вступила в войну на стороне Германии и Англия решила усилить разведывательную службу в Египте, Лоуренс был назначен в Капр. «В Египте разносторонность Лоуренса делала его человеком на все руки», — восторженно замечает Лиддель Гарт (стр. 31). О характере этой разносторонней деятельности лучше всего свидетельствует хотя бы то обстоятельство, что посланный в Грецию для установления контакта с английскими секретными агентами Лоуренс, «успокоив свой взор очертаниями и красками Греции», расценил даже эту свою шпионскую прогулку как «очистительныйливень между одной помойной ямой и другой».

Мы не станем останавливаться на усердной возне Лоуренса в помойных ямах британской разведки (любопытно, что Лиддель Гарт не жалеет красок для описания взаимных подсыживания и склок, царивших в этом заповеднике «великих британских идей») и перейдем непосредственно к восстанию арабов в июне 1916 года, участие в котором и принесло Лоуренсу мировую славу.

Организация восстания в Аравии и обусловленной им партизанской войны на важнейших турецких коммуникациях была жизненной проблемой для британского командования. В 1916 году положение на европейских фронтах сложилось далеко не благоприятно для Антанты. Ничуть не лучшим было положение на Ближнем Востоке. Многократный штурм Дардавелл закончился провалом. Англия трепетала за безопасность Суэцкого канала — решающей артерии на пути из Англии в Индию. Как ни слаба и уязвима была Турция, формальное мышление британских военных начальников на Ближнем Востоке, приведшее к пассивной политике «оберегания самих себя», способствовало «проявлению активности со стороны турок как на восточном, так и на западном фронтах встревоженного Египта» (стр. 39). Английские политики решили использовать в своих целях благородные национально-освободительные устремления подвластных Турции арабских племен, давно мечтавших о независимости. Верховный комиссар Египта Мак-Магон после длительных переговоров столкнулся с преданным правителем Мекки Гуссейном об организации восстания арабов в Геджассе. В качестве платы Англия посулила Гуссейну создание

«самостоятельного» арабского государства во главе с ним самим.

Это соглашению несколько не помешало Англии в эти же дни заключить секретное соглашение с Францией (так называемое соглашение Сайкс — Пико), по которому оба партнера наметили раздел арабских областей между собой, причем в этом документе о независимости арабов, конечно, даже не было упомянуто.

Чрезвычайно любопытны страницы книги Лидель Гарта, подробно рпеующие грызнию и раздоры, которыми сопровождалась организация англо-французской помощи восставшим арабам (стр. 48—63). И Англия и Франция в равной степени жаждали урвать в свою пользу львиную долю будущей добычи. Поэтому каждая из них страшилась усиления влияния другой. В то же время и Англия и Франция уклонялись от того, чтобы взять на себя порознь все тяготы сложного и сомнительного предприятия, каким являлась помощь арабскому восстанию, и старались возложить их друг на друга.

В итоге предоставленное самому себе, спровоцированное «восстание в пустыне» начинало хиреть и грозило закончиться блефом. И лишь осенью 1916 года англичане спохватились и Лоуренс был направлен в Джижду для новых переговоров с Гуссейном о придании движению арабов планомерного характера. Встреча Лоуренса с сыновьями Гуссейна — Абдулой и Али — убедила его в непригодности этих заурядных арабских шейхов к решительным действиям во главе восстания, и лишь в лице третьего сына Гуссейна — Фейсала — Лоуренс нашел приемлемую фигуру. Надо признать, что выбор оказался безошибочным. Фейсал стал подобоострастным слугой британского империализма и с готовностью выполнял роль ширмы, за которой ловко орудовал сам Лоуренс.

Свыше 2 лет продолжалась руководимая Лоуренсом борьба арабов против Турции. Он не брезговал никакими средствами для достижения своей цели: полкуны, интриги, лесть, угрозы, лживые обещания — все эти испытанные методы «Интеллиженс-сервис» мастерски и в широком объеме применялись Лоуренсом.

Книга Лидель Гарта на протяжении почти 200 страниц живописует упорную борьбу арабов, сражавшихся во имя своей независимости и обманываемых на каждом шагу английскими хищниками. Подробный разбор Лидель Гарт операцией английской экспедиционной армии и регулярных арабских войск, несомненно, представляет большой интерес.

Знаменитая британская операция в Палестине, которую автор в другой своей работе характеризует как «наиболее совер-

шенное репашущее сражение во всей истории мировой войны», была проведена английским командующим генералом Алленби по принципу, сформулированному еще Наполеоном: «Весь секрет военного искусства заключается в том, чтобы выиграть господство над коммуникациями врага». Целью оперативного плана английского командования и являлось перерезать как армейские, так и внутренние коммуникации противника и преградить ему пути к отступлению.

Весьма поучительны подготовка англичан к основному удару и самое его нанесение (июль—сентябрь 1917 года). «Оставалось лишь несколько часов до того момента, когда скрытая масса британской армии должна была двинуться вперед, как гигантский, все разрушающий таран. Она была идеально замаскирована. Столбы пыли, созданные санями, которые тянули мулы, днем отнеслись на восток, в то время как колонны войск ночью шли на запад. Батальоны днем шли к долине Йордана, а ночью возвращались, чтобы повторить свой маневр «театральной армии». Кавалерия, перподически сменявшаяся во время летней жары, стояла в тени, в то время как Лоуренс приобретал громадное количество фуража для предстоящего ей перехода через Йордан. Под прикрытием многократных и разнообразных маскировок Алленби достиг в прибрежном секторе ошеломляющего превосходства» (стр. 226—227).

Взятие Дамаска в начале октября явилось победоносным завершением пзурительной и сложной 2-летней кампании.

Это была уже военная агония Турции. 11 ноября капитулировала Германия. Началось торжество победителей, едва не превратившееся в драку. Особые непонимания между участниками «сердечной Антанты» вызвал именно дележ арабских областей, отвоєванных у Турции. Менее всего думали триумфаторы о выполненных ядерных обещаниях, которые Англия давала арабам. После длинной вереницы дипломатических перелряг, в которых арабская «независимость» и арабские земли служили мелкой разменной монетой, Фейсал с его эфемерным «правительством» был изгнан из Дамаска. Англия и Франция поделили между собой добычу: Франция получила мандат на Сирию, Англия — на Палестину и Месопотамию. Впрочем, Англия вознаградила своего верного Фейсала, усадив его на королевский трон Ирака. Лидель Гарт лицемерно утверждает, что тем самым чаяния арабов были удовлетворены, а обещания Англии выполнены.

«Покоронованный король Аравии» Лоуренс, безудержно расточавший арабам самые фантастические посулы, оказался

скомарометрированным и опозоренным в глазах обманутых им арабов и всего мусульманского мира. Разумеется, Лиддель Гарт менее всего склонен об этом писать. Напротив, он уверяет читателя, что после создания «независимого» Ирака, «связанного симпатией с Англией», «честь Лоуренса также была восстановлена, и его чувство неудачи сменилось чувством удовлетворения. Для арабов он приобрел больше того, на что первоначально рассчитывал...» (стр. 272).

После этого полковник Лоуренс, скрывая свое опозоренное имя, отправляется в Индию для выполнения новых заданий английской разведки как «рыцарской авиационной части» Шоу. Лиддель Гарт изображает все это как романтическую Одиссею мятушегося гения и с благодушной прощай выемывает «русских газет» о том, что полковник Лоуренс «ведет тайную работу в Афганистане как агент британского империализма в осуществлении большого заговора против Советского Союза» (стр. 281). Однако советскому читателю, помнящему реакционное восстание в Афганистане в 1928 году и свержение Аманулы Хана, сторонника обложения своей «остальной» страны с могучей социалистической державой, все это вовсе не кажется ни смешным, ни невероятным. Можно было бы еще напомнить Лидделю Гарту, что имя Лоуренса не раз упоминалось и раньше, во время реакционного восстания в турецком Курдистане, также в непосредственной близости от советской границы.

Вынужденное возвращение разоблаченного английского диверсанта в Англию и дальнейшие перипетии его жизненного пути Лиддель Гарт опять-таки изображает в лирических тонах. Он заверяет читателя, что Лоуренс будто бы решил целиком отдаться литературной деятельности. Это заверение Лиддель Гарт обосновывает тем, что свои необычайные приключения Лоуренс описал еще в 1919 году в увлекательной книге о восстании арабов — «Семь столбов мудрости». Как и вся его биография, история этого, бесспорно, незаурядного произведения изобилует загадочными «белыми пятнами». Уже написанная объемистая рукопись едва не погибает в Риме при аварии самолета, затем окончательно исчезает в Риминге при передаче автора с поезда на поезд. Лиддель Гарт утверждает, что здесь имела место простая забывчивость Лоуренса по молва в свое время не без оснований приписывала исчезновение рукописей пропекам английской разведки, опасавшейся, что в книге Лоуренса могут оказаться сенсационные откровения, излагающие закулисные махинации британских мастеров международного шпи-

тажа и плутовой. Так или иначе, неутраченный Лоуренс вновь едет за извлеченный стол и восстанавливает утраченную рукопись. Эта книга (названная в сокращенном издании «Восстание в пустыне») принесла ему мировую известность.

Но утверждению Лидделя Гарта, молтой Лоуренса было «обосноваться в своем коттедже в Мессекее — жилище отшельника... Что касается работы, то он склонен был заняться переводами и ничем больше» (стр. 286). Этой наговоральной фразой, собственно, и заканчивается книга Лиддель Гарта, ибо следующие за ней 5 страниц эпилога являются лишь словесловом в честь Лоуренса.

В изложении Лиддель Гарта Лоуренс выглядит бескорыстным и неустрашимым рыцарем XX века. Там, где факты говорят против Лоуренса, Лиддель Гарт становится к ним нем и глух. Недоброжелательно и обильно цитируя лоуренсовский труд «Семь столбов мудрости», там, где это нужно и не нужно, Лиддель Гарт, например, умиленно доказывает, что Лоуренс был непримиримым и верным другом несчастных арабов. Но сам Лоуренс был откровеннее своего застенчивого биографа: в своей книге он plainly признает, что отлично понимал вздорность и лживость своих обязательств и обещаний в те самые минуты, когда их давал. Эти признания Лоуренса Лиддель Гарт не приводит, хотя они и заслуживают того. «Я эксплуатировал их самое возвышенное чувство, — пишет Лоуренс об арабах, — и превратил их любовь к свободе в личный инструмент, способствующий победе англичан» («Восстание в пустыне»).

Лоуренс презирал арабов, отворачивая к ним с отвращением. Он писал об арабах: «Что-то оскорбительное, неприятное для моей гордости постиглось во мне при виде этих низших форм жизни. Их существованию набрасывало тень рабства на человеческий род, даже на отношении бога к нам, и пользоваться этим, быть вынужденным лгать им, казалось мне позорным... Их лица, сильно отличаясь от наших, были еще терпимы, но невыносимо было полное сходство их телосложения с нашим».

Лиддель Гарт при всей своей словоохотливости предпочитает ни одним словом не коснуться этой черты Лоуренса.

Долгом Воениздата было дать к книге Лиддель Гарта отчетливое предисловие и исчерпывающие, толковые комментарии. Этого Воениздат, к сожалению, полностью не сделал. Предислованная книга статья хотя и дает в общем правильную оценку Лоуренса, обходит молчанием немало существенных моментов запутанной и ревенной биографии Лоуренса. В книге упоминаются десятки собственных псевдонимов и наименований, которые, безусловно, останутся неоп-

нятыми нашему читателю. Мы, например, привыкли понимать под «шерифом» административное или судебное лицо в английском графстве, а у арабов этим словом обозначается почетный титул, присвоенный «потомкам Магомета» и дающий ряд административно-религиозных прав. Подобные слова и понятия нельзя было, конечно, оставить без разъяснения.

Вызывает крайнее удивление, что автор предисловия ни словом не обмолвился о загадочной смерти Лоуренса в мае 1935 года. Лидель Гарт в своей книге, второе издание которой, если не ошибаемся, вышло еще в 1934 году, доводит повествование примерно до 1932 года. Гибель Лоуренса при мотоциклетной катастрофе вызвала в свое время немало недоуменных толков: слишком уж невероятной казалась такая смерть для человека, невредимо прошедшего через сотни опаснейших испытаний арабской войны.

Русский перевод книги Лидель Гарта читается с трудом, язык перевода грузен и неуклюж. Что стоят такие, например, чугунные фразы: «С наружно хладнокровным видом, который таил в себе глубину, Лоуренс ответил...» (стр. 220); «Лоуренс держался в тени как на происходивших в палате совещаниях, так и вообще» (стр. 78); «Дамаск оставался для него как память» (стр. 251).

Приходится пожалеть, что Военгиздат не проявил в полезной книге Лидель Гарта должного внимания.

Георгий Шторм

Книга о Чингис-хане*

У арабского космографа XIII века ал-Казвини есть притча. Подлинная в фантастической манере, как эпизод из его личной жизни, она повествует о том, насколько человеческая память коротка.

Случилось ему побывать, рассказывает он, в одном цветущем многолюдном городе. Город был очень древний, и времени основания его никто из жителей не знал... Спустя пятьсот лет ал-Казвини посетил те же края и не нашел там ни малейших следов прежней жизни. Крестьянин косил на месте древней столицы траву. «Давно ли разрушен город?» — спросил араб и

улыбнулся: «Дивный вопрос предлагаешь ты мне, старик. Эта земля никогда ничем не отличалась от той, какую ты теперь ее видишь. Иногда викарих городов здесь не бывало, и нам ничего не говорили о том ни деды наши, ни отцы...» Прошло еще пятьсот лет, и араб увидел на этом же месте море. «Давно ли земля ваша покрылась водой?» — спросил он у рыбаков и получил ответ, что место это никогда не было иным... Потом вышло море: вышла его пустыня, и в центре ее заняла небольшая оазис. А когда в последний раз наведается туда араб, он снова увидел там громадный цветущий город. Жители его с гордостью и самозвольтством говорили: «Начало нашего города теряется в глубокой древности, и не только мы сами не знаем, давно ли он существует, но и предки наши равно ничего не знали о том...»

Притча эта звучит предостережением для исторических романистов. Трудно воссоздать историю, как бы хочет сказать этот автор XIII века; трудно убедить читателя в реальности изображаемых событий. И надо добавить: трудность не исчезает даже в том случае, если безусловно знаем материал.

Автор книги о Чингис-хане, В. Ян, знает материал хорошо. Он разработал его с тщательностью, пожалуй, редкой для историко-художественного романа. Это позволило ему с безусловным знанием дела говорить о событиях начала XIII века, происходивших на громадном пространстве — от Великой китайской стены до Азовского и Черного морей. Однако весь кропотливый труд В. Яна по изучению эпохи монгольских завоеваний не дал должного эффекта: в результате получился «завлекательный» роман.

Перед читателем проходят традиционные-экзотические Восток с дарами, свихами и гаремами, где среднеазиатские владыки травят своих рабов барсами в комнатах, сплошь загроможденных коврами, а благородные метители-джигиты «прылком тигра» подоспевают как раз в нужный момент.

Писатель, организующий исторический материал, чаще всего имеет дело с элементами уже готовой литературной формы. Иногда эта форма качественно очень высока. Художественные средства писателя должны соответствовать литературному достоинству материала. Чтобы история не вышла в романе мимомой, надо рассчитывать свои силы, рубить дрова по плечу.

Основные источники повести о Чингис-хане: монгольское «Сокровенное сказание», персидский «Сборник летописей» Рашид-ад-Дина, отрывки из переводов китайских хроник и арабская летопись (Пбн-ал-

* В. Ян «Чингис-хан». Повесть из жизни старой Азии. Гослитгиздат. М. 1939.

Аспр) — все это блестящие литературные образы. Блеск их померк под пером В. Яна. Названные источники таили в себе огромные возможности для превращения их в конкретные художественные образы. Но автор пошел путем внешней, поверхностной историографии. Он не убрал в тайну своих материалов, ибо как художник почти не заметил их.

Отсюда и стремление к внешней значительности и называть триумфом исторических фигур. Особенно наивно подал в повести хорезмшах Мухаммед — правитель, действительно не из сильных, но вовсе не такой уже престарелый, каким изобразил его Ян. Если поверить автору, то вряд ли можно будет понять, каким образом Мухаммеду удалось создать государство, ушарившееся южным краем в кочевые туркестанские степи, а другим — соединившее арабские Басру и Багдад.

Автор снижает качество своего материала, то есть попросту его портит. Яркий пример такой порчи на стр. 321, где изуродована замечательная беседа Чингиса с монахом Чан-Чунем, взятая из китайского «Путешествия на Запад» («Си-ю-цзи»).

Этот эпизод, описанный в китайском источнике с изумительным художественным тактом и прекрасно переведенный Кафаровым в «Трудах Пекинской миссии» (том IV, стр. 320), представляет разительный контраст с соответствующим местом у Яна, где Чингис произносит предельную тираду и, «дрожа от ярости», «пишит».

Наявность описаний и характеристик усугубляется исторически несообразным языком книги. Так, на стр. 299 парламентар Плескмя, посланный татарами к русским, осажденным в лагере на Калке, говорит: «Мне приказал хан татарский, Субудай-богатырь, сказать вам, чтобы вы больше зря не бились. Если вы ихней милости покоритесь, то они вас на все четыре стороны отпустят... Только побросайте все ваше добро — тулупы, новозки и топоры. Все это татарам нужно за их хлопоты, потому что в походах они очень поиздержались...»

Здесь примечательны не только «ихняя милость» и «поиздержались»: весьма сомнительны и «тулупы» (в конце мая!) у русских дружин.

Как художественное произведение, повесть Яна не удовлетворит читателя. Но он будет благодарен автору за сводку разнобразных сведений, знакомящих с данной эпохой. В этом своем качестве книга, безусловно, полезна, тем более что фактических ошибок и недочетов в ней немного. О некоторых же из них необходимо сказать.

Автор вовсе не уделит внимания стратегии монгольского вторжения в Среднюю Азию. Поэтому направление ударов завоевателей на те или иные центры кажется случайным. На деле же в основе этого похода лежал необычайно смелый и остроумный план. Часть войск была отправлена в Фергану и отвлекла внимание хорезмшаха. Главные же силы, обогнув озеро Балхаш и преодолев неслабые Кзыл-Кумов, внезапно появились у Бухары, обходя ее с запада. Это заставило Мухаммеда идти на север, растянув и ослабив свой фронт.

Описывая взятие Чингис-ханом Бухары, Ян утверждает, что город этот сдается без боя (стр. 169). Он вскользь упоминает об обороне бухарской цитадели, но никакого значения этому не придает. Однако один из достовернейших современников, Ибн-ал-Асир, говорит совершенно иное. По его словам, горожане бились до тех пор, «пока не подошли к стене крепостной саперы и не подкопали ее». Завитники города метали в осаждавших стрелы и камни. Они героически защищались, несмотря на то что Бухару покинул ее гарнизон.

По русской летописи, преследуемый монголо-татарами половечский хан Котян бежал не в Киев (стр. 271), а в Галицкое княжество.

«Шаньюй» — вовсе не «хуншу», т. е. гунны (стр. 312), а название (по-видимому, китайское) гуннских племенных вождей.

На стр. 324 упоминается брат Чингис-хана — Утчинг. По Утчинг (точнее, Отчинг) — не собственное имя, а родовый термин, применявшийся у монголов к младшему сыну и дословно означавший «князь огня», т. е. хранитель очага...

Повесть Яна преподана везунительная статья С. В. Киселева. Статья эта содержит два ошибочных положения. Первое из них заключается в неправильном толковании монгольского социального термина «унатаг богод».

В советской исторической науке принято излагать основы общественного строя древних монголов по работе покойного академика Б. Я. Владимирова. Следуя ему во всем, С. В. Киселев в данном пункте совершенно напрасно упрощает его.

Унатаг богодами назывались в Монголии роды, в результате покорения подавшие в особую наследственную заветность от владельческих родов. На стр. 5 и 6 Киселев говорит об унатаг богодах как об однородной в социальном отношении массе. Между тем Владимирова дает им более правдоподобное определение: он считает, что они состояли, как и роды-

покорители, из хараху (белнейшего трудового народа) и хойонов (гоенед) ¹.

Ошибочны и следующие утверждения Киселева: «В войне участвует весь «Монгол», все слои населения получают возможность обогащения» (стр. 7). И далее: «каждый монгол был участником удачной политики военного захвата» (стр. 12). Нет никаких оснований распространять «возможность обогащения» на весь народ.

Даже в отношении войны эта мысль требует больших оговорок. Распределение добычи всегда и всюду носило классовый характер. В армянском судебнике Мхитара Гюша (XIII век) прямо говорится: «Серебро и жемчуг из добычи князьям пусть будут, медь, железо и тм подобное — войскам». То же самое было и у монголов. Рядовым монгольским воинам доставались из захваченных богатств жалкие остатки. Народные же массы не получали ничего из военной добычи.

Эти ошибки автора вступительной статьи перекликаются с основным недостатком рецензируемой новости. В. Ян совершенно не отразил в своей книге классовой борьбы внутри монгольского общества; монгольский народ им не показан и подменен войском; тем самым отождествлены понятия «народ» и «войско», что исторической действительности не соответствует никак, ибо речь идет о несправедливой, завоевательной войне.

¹ См. В. Я. Владимирцов «Общественный строй монголов», стр. 70. Л. 1934.

Монгольские завоевания не были связаны с переселением сколько-нибудь значительных масс кочевников. В походах Чингиса и Батыея принимали участие всего 110—120 тысяч монголов, а остальное — приблизительно четыре с половиной миллиона — оставались на своих местах и пасли коней и овец.

Ужасы монголо-татарского паншества, разрушение культурных государств и установление в покоренных странах тягчайшего режима общеизвестны. Но все это было делом кочевой монгольской знати, предводительствуемой Чингисом и его потомством. Народ в целом тут не при чем.

Почти современник событий, анонимный грузинский историк XIV века, говоря о разорении Грузии монголами, в то же время нашел для них следующие беспристрастные слова: они, говорит он, «были удивительными людьми... среди них обретались всяческая мудрость и всякий разум. Малоречивость была ими усвоена (как похвальное качество), а лживого слова вовсе уже не было среди них» ².

Грузия жестоко пострадала от монгольского завоевания. И тем ценнее для нас этот благородный объективизм грузинского летописца. Замечательно, что и русская летопись наказывает Илье Муромцу: «Не помысли злом на татарина». Это, разумеется, не мешало русскому народу героически бороться против завоевателей — монголо-татар.

² Известия Академии наук № 17, стр. 1184. П. 1917.

Редакция просит читателей присылать в отдел хроники письма о том, как изучается на местах прошлое нашей родины, какие сделаны в этой области интересные открытия, какие научно-исторические работы выпускаются местными издательствами и т. п. Наиболее ценные из сообщений наших читателей будут печататься в журнале.

Подлинное письмо Карла Маркса Аврааму Линкольну, написанное в 1864 году, обнаружено в Американском государственном архиве. Письмо воспроизведено в новом издании книги «Маркс и Энгельс о гражданской войне в Соединенных Штатах», вышедшем в издательстве «Интернешнл пাবলিশерс».

Государственный исторический музей (Москва) приобрел «Большой атлас мира», изданный в Нюрнберге (Германия) в 1731 году. Атлас содержит подробные карты стран всего мира и планы крупных городов, в том числе — Москвы, Тбилиси, Баку и Еревана.

Музей организовал несколько новых экспозиций; выставку, посвященную 700-летию со дня победы Александра Невского над шведами 15 июля 1240 года; археологические памятники Боспорского царства (греческая колония на берегах Черного моря в III—IV веках нашей эры); отдел Владимиро-Суздальской Руси (XI—XIII века); передвижную выставку по истории денег.

Краеведческий музей Ханларского района, Азербайджанской ССР, существует двенадцатый год. В нем собрана богатая коллекция материалов по истории восточного Закавказья. Музей организовал раскопки в Гандже, на родине великого азербайджанского поэта Низамы. Ленинградский артиллерийский музей РККА передал Ханларскому музею ценные экспонаты, отражающие колониальную политику царизма в Закавказье.

В Тульском музее русского оружия хранятся уникальные произведения русских мастеров-оружейников. В одной из витрин выставлен пистолет системы «Лефаше» величинной с мизинцем. Этот пистолет был изготовлен учениками реме-

сленной школы 45 лет тому назад. Он заряжается пулей, имеющей размеры булавочной головки. Пуля пробивает картонный лист толщиной в два миллиметра.

Выставка «Запорожская Сечь» открылась в Музее истории Днепровского строительства (Запорожье, УССР). На выставке представлены интересные материалы о вождях крестьянско-казацких восстаний: Тарасе Трясыло, Наливайко, Павлюке — и о борьбе казачества против польской шляхты.

В 1940 году в издательстве Академии наук СССР выйдет работа академика Н. А. Джавахишвили по истории Грузии с древнейших времен до начала XIX века.

Планируется издание многотомной истории культуры народов СССР отделением истории и философии Академии наук СССР. История культуры русского народа займет в этом труде 10 томов. Готовятся к печати первый том — о культуре русского народа с VI по XII век, второй — от татарского нашествия до XV века, и третий — с конца XV по XVII век. Начата работа над историей культуры народов Грузии, Армении, Казахстана, Башкирии и Мордовии.

Институт истории Академии наук СССР приступил к составлению многотомной истории Москвы. Работу предполагается закончить в 1947 году — в восьмисотую годовщину столицы.

«История войн и военного искусства» в трех томах подготовлена к печати Военно-историческим отделом Генерального штаба РККА. Первый том охватывает историю во-

енного искусства с древнейших времен до Франко-прусской войны 1870—1871 годов. Во втором томе дана характеристика военного искусства эпохи империализма и рассказывается о первой мировой империалистической войне. В первой части третьего тома излагается история гражданской войны в СССР, вторая часть посвящена началу второй империалистической войны. Общий объем трех томов — 180 печатных листов.

Интересные материалы о русском революционере лейтенанте Шмидте выставлены в Ленинградском Эрмитаже и в Севастопольском городском музее. В Эрмитаже показывают посетителям красный флаг, поднятый лейтенантом Шмидтом на мачте миноносца «Свириный», тужурку, фуражку и скринку мужественного борца за свободу. В Севастопольском музее выставлен текст телеграммы Шмидта Николаю II, в которой говорится, что Черноморский флот, свято храня верность народу, перестает повиноваться царским министрам.

Институт истории Академии наук СССР закончил работу над пятым томом «Материалов по истории Казахстана». В томе освещен период с 20-х по 60-е годы XIX века. Одно из наиболее крупных событий этого периода в истории казахского народа — национально-освободительное движение, во главе которого стоял Кенесары Касимов.

В подготовленном к печати очередном выпуске «Записок» отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина помещены неопубликованные письма Некрасова, Чернышевского, Салтыкова-Щедрина и их корреспондентов. В «Записки» вошли также неопубликованные отрывки из прозаических произведений Некрасова: «Жизнь и похождения Тихона Тростяникова», «Тонкий человек», «Каменное сердце». Впервые публикуется в сборнике повесть Некрасова «Сургучов».

В одном из зданий Сокольнического парка культуры и отдыха в Москве от-

крывается филиал Ленинградского центрального военно-морского музея. В филиале будут выставлены модели кораблей, картины, редкие гравюры и некоторые документы о флоте.

Филиалы Центрального военно-морского музея открываются также в Петергофе, Владивостоке и Севастополе. В петергофском филиале будут впервые показаны документы Петра I, связанные с созданием русского флота, среди них копия аттестата, выданного Петру голландским корабельным мастером в Амстердаме.

Центральный архив Красной Армии собирает материалы для сборника документов о М. В. Фрунзе. Подготовлен к печати сборник «Разгром Деникина в 1919 году» объемом в 30 печатных листов под редакцией профессора Комдива Меликова.

В мае текущего года в крепостных башнях бывшего Новодевичьего монастыря в Москве открывается выставка, посвященная военному прошлому русского народа. На выставке будут показаны образцы древнерусского вооружения: пицали, пушки, бердыши, сабли, копыя, ядра, модель метательной машины. Для осмотра будет открыт старинный подземный ход, обнаруженный в прошлом году под западной стеной монастыря. Такие подземные ходы в старину служили для внезапных вылазок осажденного гарнизона. Раскопки подземного хода под Новодевичьим монастырем предполагается закончить в этом году.

В Академии наук СССР состоялся доклад директора Института истории материальной культуры имени Н. Я. Марра профессора М. И. Артамонова о происхождении славян. По мнению докладчика, термин «Русь» — не скандинавского, а славянского происхождения. Русь нельзя отождествлять с норманнами-варягами. Поднепровские племена называли «Русью» область с центром в Киеве. «Русью» называли также киевского князя, его дружину и население Киева.

СОДЕРЖАНИЕ

ШЕСТАЯ СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР 1-ГО СЪЕЗДА

Доклад о внешней политике Правительства Председателя Совета Народных Комиссаров и Народного Комиссара Иностранных Дел тов. В. М. МОЛОТОВА на заседании Верховного Совета Союза ССР 29 марта 1940 года	1
О преобразовании Карельской Автономной Советской Социалистической Республики в Союзную Карело-Финскую Советскую Социалистическую Республику. Доклад депутата ЖДАНОВА А.	12
К 70-летию со дня рождения В. И. Ленина	
Б. ВОЛИН — В. И. Ленин в революционном движении студентов в Казани (1837 год)	16
Проф. И. ДВОРКИН — О работе В. И. Ленина „Империализм, как высшая стадия капитализма“	32
Ц. ЗЕЛИКСОН-БОБРОВСКАЯ — Встречи с Ильичем	45
Р. ОБОЛЕНСКАЯ — Бюро комитетов большинства (Борьба за третий съезд РСДРП)	49

В. ШУЛЬГИН — Когда в России стали известны Маркс и Энгельс и идеи марксизма	61
Л. БЫЧКОВ — Гениальный сын великого русского народа М. В. Ломоносов	70
К. ПОНОМАРЕВА — У истоков русской исторической науки	85
П. КЕРЖЕНЦЕВ — Рабочие клубы во время Парижской коммуны 1871 года	93
И. ШАСКОЛЬСКИЙ — Борьба шведских крестоносцев против Финляндии (XII — XIV века)	102
А. БОКЩАНИН — Первые шаги исторической науки	113

ИСТОРИЯ В ШКОЛЕ

Т. АЛЕКСАНДРОВА — Школьная экскурсия по материалам вводного отдела Музея революции в Ленинграде	122
А. БОЛЬШУХИН — Записи учащихся на уроках истории	127

БИБЛИОГРАФИЯ

И. СМИРНОВ — „История СССР“, т. I	132
Л. ЯКОБСОН и А. НИКОЛАЕВА — „Новая история“, ч. 1-я	140
А. К. — „Красный архив“ („Исторический журнал“), т. VI (97) за 1939 год	146
Я. ЧЕРНЯК — Книга о полковнике Лоуренсе	151
ГЕОРГИЙ ШТОРМ — Книга о Чингис-хане	155

ХРОНИКА

Адрес редакции: ул. „Правды“, 24, комната 809, тел. Д 3-30-48, Д 3-36-50

Ответственный редактор — **Б. М. Волин**
Зам. редактора — **С. И. Гопнер**
Отв. секр. — **О. С. Вейланд**

Уполномоченный Главлита № А — 27641 Изд. № 418 Зак. № 800 Тираж 50 000 экз.
Материал сдан в набор 7 III 1940 г. Подписан к печ. 26 IV 1940 г. 10 печатн. л. 70 000 печ. зн. в печ. л.

Типография газеты „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24.